

Ежемесячный
литературно-художественный журнал

ПОДЪЁМ

Издается
с января 1931 года

Главный редактор
Иван ЩЁЛОКОВ

Редколлегия:

АВРУТИН А.Ю. (Минск, Беларусь)
АГЕЕВ Б.П. (Курск)
АКАТКИН В.М.
АРШАНСКИЙ В.С. (Мичуринск)
БОНДАРЕВ Ю.В. (Москва)
ЖИХАРЕВ В.И.
ИВАНОВ Г.В. (Москва)
КАН Д.Е. (Новокуйбышевск)
КОНДРАТЕНКО А.И. (Орел)
ЛАПИН А.А.
ЛЮТЫЙ В.Д. — заместитель главного редактора
МЕЩЕРЯКОВ Ю.А. (Тамбов)
МИЗГУЛИН Д.А. (Ханты-Мансийск)
МОЛЧАНОВ В.Е. (Белгород)
НЕСТРУГИН А.Г.
НИКИТИН В.Н.
НОВИЧИХИН Е.Г.
НОВОХАТСКИЙ В.Е. — ответственный секретарь
ПАВЛОВ Ю.М. (Армавир)
ПЕРМИНОВ Ю.П. (Омск)
ПОНОМАРЁВ А.А. (Липецк)
СКИФ В.П. (Иркутск)
СУХАЧЕВА Э.А.
СЫРНЕВА С.А. (Киров)
СЫЧЁВА Л.А. (Москва)
ШАЦКОВ А.В. (Москва)
ШЕМШУЧЕНКО В.И. (Санкт-Петербург)
ЯКУНИНА Г.П. (Владивосток)

Воронеж

9 ■ 2018

В НОМЕРЕ:

Специальный выпуск

**ПРЯМАЯ
РЕЧЬ**

Виктор ШЕВЦОВ, глава администрации Лискинского
муниципального района. **«Без любви к людям
ничего хорошего не бывает»** 5

ПРОЗА

Иван СИДЕЛЬНИКОВ. **Под чужим именем.**
Документальная повесть. (Предисловие
А. Беззубцева, Н. Кардашова) 11
Валерий ТИХОНОВ. **Жить хочется.** Рассказы 71
Николай АЛЕХИН. **Сельские жители.** Рассказы.
(Предисловие В. Тихонова) 90
Ирина БЕЛЯКОВА. **Родные мои...** Рассказы 106
Светлана ВЕЧОРКО. **Без вариантов.** Рассказ 125

ПОЭЗИЯ

Александр РОМАХОВ. **Атлантида.** Стихи 66
Наталья БЛОХИНА. **Ласточки.** Стихи 88
Иван САФОНОВ. **Сближая судьбы и века.** Стихи ... 103
Наталья ХАРИТОНОВА. **Птица печали.** Стихи 120
Михаил ПРОСЯННИКОВ. **Хворостань.** Стихи 131
Александр ПЕТРОВ. **Люблю февраль.** Стихи 194
Светлые дожди. Стихи лискинских поэтов 208

ИСТОКИ

Александр АНИКЕЕВ. **«Моя память плывет
по холмам».** Путешествие по родному городу.
(Предисловие Н. Кардашова).
Душа, где крылья!.. Стихи 134

**ДУХОВНОЕ
ПОЛЕ**

Виктор ПЕРЕГУДОВ. **Воздух мне был опорой...**
Размышления и стихи 166

**МЕЖДУ
ПРОШЛЫМ
И БУДУЩИМ**

Ирина БЕЛЯКОВА. **С заповедных летописных
времен.** (К 90-летию Лискинского района) 175
Николай АЛЕКСЕЕВ. **Право на доблесть.**
(Отмечен ратный подвиг Лисок) 180
День за днем, за вехой веха.
(Из хроникальных событий края) 182

ИМЕНА

Валерий ТИХОНОВ. **«Вечные ценности рождаются прежде всего в нас...»** Интервью с академиком РАЕН, доктором экономических наук, Почетным гражданином Лискинского района и г. Лиски Б.Г. Преображенским 196
Николай КРАЕВ. **Капитан Икорецкой верфи.** (Энтузиаст истории флота и местного краеведения Юрий Лисовский) 205

СТРАНИЦЫ ВЕЛИКОЙ ПОБЕДЫ

Николай КАРДАШОВ. **Словно эхо лихолетья.** (75 лет назад фашистские захватчики были изгнаны с Лискинской земли) 216

ПРИМЕТЫ ВРЕМЕНИ

Алексей НИКОЛАЕВ. **Земля — и на ней человек.** (Чем живет современное село) 227

*На 1-й стр. обложки: Е.Я. Пошивалов. Храм.
(Из фондов Лискинской картинной галереи)*

*В номере использованы фотографии
В. Бубельника и Н. Кардашова*

Подписные индексы: агентство «Роспечать» 73312; МАП 51228
Сайт и мобильная версия журнала: <http://www.podiemvrn.ru>

***«Без таких городов
не представить Россию» —
специальный проект
журнала «Подъём»:
г. Лиски Воронежской области***

Выпуск подготовлен
при содействии администрации
Лискинского
муниципального района
с целью поддержки творчества
местных авторов.

Виктор Шевцов,
глава администрации
Лискинского муниципального района

«БЕЗ ЛЮБВИ К ЛЮДЯМ НИЧЕГО ХОРОШЕГО НЕ БЫВАЕТ»

С главой Лискинского района Виктором Владимировичем Шевцовым мы встретились накануне его семидесятилетия. Юбилей, да еще столь значительный, предполагает раздумья о пережитом, о сделанном, о поводах для честной гордости, а возможно, и сожаления о каких-то упущениях и ошибках. Пять раз избирался Шевцов главой района — каждый раз с огромным преимуществом перед соперниками. Тридцать два года руководства городом и районом при десятке сменявших друг друга секретарей и губернаторов. Да что там говорить, политическая эпоха и социально-экономический строй в стране поменялся! Так можно ли представить путь руководителя ровным и гладким, без острых ситуаций, непредвиденных обстоятельств и неординарных, не предусмотренных никакими инструкциями хозяйственных и административных решений. Виктору Владимировичу, многоопытному управленцу, к слову которого привыкли прислушиваться не только в районе, но и в области, и в Москве, интересному, много видевшему и передумавшему человеку, материала для раздумий и воспоминаний хватит не на одну книгу. Кто его знает, может, наш разговор и подведет его к необходимости взяться за мемуары: ведь он вот-вот, как сам объявил, уйдет на «заслуженный». Но пока мысли нашего собеседника не об отдыхе...

— Виктор Владимирович, при том, что Лискинский район по всем показателям, экономическим и социальным, привычно считают в нашей области образцовым, а за хозяйственным и административным опытом к вам приезжают из многих других регионов страны, сами-то вы что бы назвали главными достижениями района за последние годы?

— Знаете, есть такой интегральный показатель экономического благополучия территории — уровень бюджетной обеспеченности населения. Так вот, у нас он за последние десять лет повысился с 11,2 тысячи рублей до 23,1 тысячи рублей на одного жителя. За этим стоит расширение налогооблагаемой базы, соответствующий рост промышленного и сельскохозяйственного производства, транспортных перевозок, торгового оборота. Мы называем свой город, как и весь район, рабо-

чим, трудовым, гордимся тем, что у нас каждый трудоспособный житель имеет возможность найти и выбрать работу дома, а не ехать за ней куда-то «на севера». Служба занятости на днях мне докладывала: в районе зарегистрировано 160 безработных, при этом имеется 1300 свободных вакансий. Средняя заработная плата в районе к концу первого полугодия достигла 31,5 тыс. рублей (по сравнению с тем же периодом прошлого года выросла на 11 процентов). Что примечательно — средняя зарплата в сельском хозяйстве у нас почти не отстает от зарплаты в промышленности.

Увеличением налогооблагаемой базы приходится заниматься системно и постоянно. Мне поначалу представлялось, что в условиях рыночных отношений глава района станет заниматься исключительно вопросами социальной сферы — народным образованием, здравоохранением, культурой, спортом, коммунальным хозяйством, то есть всем тем, чем и должна заниматься власть при наличии частной собственности. А на практике оказалось по-другому. Сегодня вопросами производства я занимаюсь даже больше, чем при советской плановой экономике. Все объясняется просто. Производственная сфера — это рабочие места, налоги, те самые первичные основы, на которых строится эффективная социальная политика территории. Образно говоря, если вдруг случится что-то тревожное, требующее моего вмешательства, на предприятии и в то же время, например, в школе — я побегу первым делом на предприятие. С точки зрения перспективы там дела поважнее. Производственные проблемы без участия главы района не всегда решишь. Своевременно не вмешаешься — потеряешь выгоду на годы. Потому что нельзя потерять рабочие места, налоги, ведь тогда и школе мы не сумеем помочь.

Когда-то мы были моногородом, монорайоном — более 70 процентов единого тогда районного бюджета наполняла железная дорога. На ее предприятиях был занят каждый четвертый работник. Железнодорожники содержали сады, больницы, клубы, шефствовали над школами и оплачивали городские праздники. И трудно было представить, что когда-нибудь этот «железнодорожный коммунизм» кончится, на дороге пройдут серьезные сокращения, а ЮВЖД откажется от социалки. Сегодня муниципалитет взял на свой баланс даже стадион «Локомотив». Но железная дорога для Лисок и сегодня очень важна. Здесь работает семь тысяч человек, причем с более высокой зарплатой, чем на других предприятиях. Однако доля железнодорожников в бюджетах всех уровней — только 17 процентов. И не потому, что они снизили отчисления — нет, просто появились другие крупные налогоплательщики, экономика района стала диверсифицированной.

Шаг за шагом восстановили все предприятия, рухнувшие в 90-е годы. Непросто было добиться этого. Тем, у кого дела были совсем плохи, помогали муниципальными заказами, временными льготами и т.д. Настоящим локомотивом стал сельскохозяйственный сектор. В городе и поселениях возникли новые предприятия. Например, «ЛИСКо Бройлер», в котором 2300 работающих, «ЭкоНива», созданная на базе развалившихся хозяйств. Многие другие сельхозпредприятия оживились, оздоровились, пройдя процедуру банкротств. Она была неизбежна из-за того, что в сельском хозяйстве в 90-е годы существовал дичайший диспаритет цен: на единицу промышленной продукции (электроэнергии, минеральных удобрений, техники, горючего) сельхозпроизводители должны были отдавать 4,7. При банкротстве некоторые хозяева остались прежние, другие поменялись. Но процессы шли не стихийно, а под контролем администрации, следившей, чтобы внешние управляющие не могли раздербанить хозяйства, как это, к сожалению, случалось во многих других районах. И что еще важно — мы не дали растащить землю. Ездили на сходы, колхозные собрания и просили людей не отдавать свои земельные пай на сторону, только своему хозяйству, иначе оно распадется, вы останетесь без работы. Люди такие доводы понимали, прислушивались. Благода-

ря этому земельные участки остались в пределах бывших колхозов и совхозов, и именно такие масштабные хозяйства стали привлекательными для серьезных инвесторов, так как на их наделах стало возможным использование современных технологий растениеводства и животноводства. По надоям молока и производству мяса район не только на первом месте в области, но и превосходит целые регионы России. Скажем, 37 субъектов Федерации уступают Лискам по молоку, 57 — по мясу. К примеру, мы производим сегодня более 300 тонн молока в сутки, а целая Волгоградская область менее 100 тонн. Для меня важнее тот результат, что все 76 сел района живы, везде есть работа, газ, вода и нигде не увидишь домов с заколоченными окнами.

— Да, Лискинский район, можно сказать, «оседлал волну» происходивших в стране структурных реформ, научившись эффективно использовать механизмы рыночной экономики. И в этом, несомненно, сказалась организаторская работа районной администрации, ее тактика «гибкого реагирования» на все происходящее в экономике и социальной сфере. Но ведь местному начальству, каким бы хитроумным оно не было, далеко не все под силу, ресурсы-то ограничены. Проехав и еще раз основательно осмотрев Лиски, можем назвать, по меньшей мере, три инфраструктурных проекта, реализация которых выходит далеко за пределы обычных муниципальных возможностей. Это мост через Дон, надежно соединивший с райцентром пятнадцать сел донского правобережья. Это сплошная газификация — она в районе прошла задолго до старта газпромовской программы и практически бесплатно для населения. И, наконец, строительство такой районной больницы, равной которой в малых городах страны трудно найти. За счет чего удалось это осуществить?

— Да, финансирование этих проектов далось нелегко, потребовались изобретательность и упорство. В общий инвестиционный котел шли отчисления по федеральным и региональным программам, в которых мы участвовали, из бюджетов всех уровней, взносы предприятий, даже льготы за нахождение в 30-километровой зоне Нововоронежской АЭС. И потом, важно ведь не только собрать средства, но и толково, можно даже сказать, прижимисто их использовать. Надо уметь иногда твердо заявить подрядчикам: «Извините, ребята, но у нас таких денег нет, давайте реально считать и договариваться». И, знаете, помогает. Главное для заказчика — не допускать никаких злоупотреблений. Помню, приехал в район тогдашний руководитель Счетной палаты России Сергей Степашин, интересовался нашими новостройками. Больница, конечно, впечатлила его. 430 коек, во всех отделениях одно- и двухместные палаты, каждая со своим душем, туалетом. Во сколько же обошлась такая красота? Показываю ему выкладки: себестоимость одного квадратного метра новой больницы составила 22, а с мебелью и оборудованием — 29 тысяч рублей. Степашин говорит: «Я такой низкой себестоимости нигде в России не видел. Эдак вы всю страну задемпингуете!» Примерно такие же цены выдерживаются у нас и при строительстве других социальных объектов.

— Экономика — это базис, как говорили классики. А как с «надстройкой», с тем, что определяет духовное самочувствие жителей, радует их, помогает жить и работать, повышает тонус, придает силы?

— Тут еще можно спорить, что считать первичным, а что вторичным.

Во всяком случае, я в своей работе не отделял одно от другого. Мне важно знать, что нужно жителям города, каждого конкретного села для полноценной жизни. Хорошие экономические показатели не для того ведь достигаются, чтобы рапортовать о них наверх и получить медаль. Они обеспечивают нам возможность содержать на достойном уровне учреждения культуры, спорта, да хотя бы те же муниципальные бани и другие неприбыльные объекты, без которых человек не может ощущать себя полноценным и здоровым. Вообще, без любви к людям, без

понимания их насущных нужд ничего хорошего не выходит. Ведь когда кто-то присматривается к району ли, к селу ли конкретному на предмет переезда на постоянное место жительства, он интересуется не только наличием рабочих мест, но и тем, есть ли в селе школа, клуб, спортивные площадки и прочее. Он понимает, что без этого его дети не вырастут здоровыми и развитыми, да и самому вскоре станет тошно.

Местная власть учитывает это в своей работе. Мы не закрыли в районе ни одной средней школы. Полностью обеспечили малышей местами в детских садах. Обеспечили доставку сельских жителей в райцентр на медицинское обслуживание. С этой целью создали муниципальную автоколонну. В ней 50 автобусов. В день совершается до 20–25 рейсов. Среднее время доставки жителей — не более часа. Частный извозчик будет везти вас до райцентра 2–2,5 часа через все села, собирая пассажиров. Это и понятно: у него на первом плане прибыль, а у муниципальной автоколонны — социальный заказ. В этом и разница. Наша задача — следить за четким выполнением этой задачи.

Вспоминаются 90-е годы. Заводы остановились, сельхозпредприятия банкротились, людям денег на еду не хватало. Труднейшее время, полная неясность, в каком направлении будет развиваться общество. До культуры ли тут! А мы у себя в районе постарались сохранить все культурные и спортивные объекты. Сберегли не только крупные, как правило, двухэтажные Дома культуры, но и небольшие сельские клубы. И не просто сберегли, но и обновили, отремонтировали, оснастили новой мебелью и техникой. Села Нижний Икорец, Высокое, Троицкое, Залужное, Переезжее, оба Селявных, Аношкино, хутор Никольский... Поезжайте по любому адресу — в местные клубы не стыдно зайти. Одни работают лучше, другие похуже. Но они есть. И кадры сохранены. Как наполнить работу клубов интересным, общественно полезным содержанием — это уже их задача.

В городе Лиски построен современный Дворец культуры, куда по вечерам приходят заниматься искусством до полутора тысяч самодеятельных артистов. Открыт и расширяется краеведческий музей. Введены в строй два футбольных поля с искусственным покрытием, несколько спортзалов, три бассейна. То есть каждый горожанин может найти себе досуг по интересам. Во главе этих учреждений стоят талантливые люди, хорошие организаторы. Александр Владимирович Аникеев, художник, известный далеко за пределами области, руководит музеем, эстафету от талантливого артиста, директора городского Дворца культуры Юрия Сергеевича Капустина приняла Татьяна Панкова, на которую возлагаем большую надежду. В авангарде сельской культуры Андрей Васильевич Попов, директор Давыдовского культурно-досугового центра, Виктор Иванович Костыркин, директор Колыбельского СДК, Виктор Иванович Савостьянов, директор Высокинского СДК. Хорошие традиции по обучению основам искусств создал директор Давыдовской детской школы искусств Сергей Николаевич Боков. Прекрасную базу для создания профессиональной основы в сфере культуры готовит Наталья Анатольевна Германенко — директор Лискинской детской школы искусств. Стабильный контингент — более 600 учащихся, обеспечивает приток кадров в учреждения культуры района и заметно влияет на общий культурный уровень жителей города.

Во всех микрорайонах города — спортплощадки для игры в волейбол, баскетбол, футбол, ручной мяч. Детский парк культуры, ледовый дворец... Полноценный, здоровый отдых от самого человека зависит.

— И при этом люди могут жаловаться на скуку, не умея разнообразить свой досуг, преодолевать собственную инерцию и лень. Не у всякого есть привычка проводить свободное время с пользой, увлеченность, стремление к самореализации. А без этого и клубы, и стадионы могут стоять полупустыми.

— Тут главное внимание подрастающему поколению. К чему приучишь с мо-

лодости, то и останется в характере на всю жизнь. А самих форм вовлечения школьников в содержательный досуг, развития творческого потенциала, активной жизненной позиции, раскрытия природных наклонностей достаточно. Районные конкурсы, смотры, фестивали — их десятки для детей и для взрослых. Задача местной власти — инициировать процесс, вовремя поддержать и, разумеется, создать необходимые условия.

Лискинцы — постоянные участники областных и российских конкурсов художественной самодеятельности и спортивных соревнований. Без наград почти никогда не возвращаются. Когда проходят крупные областные мероприятия, например, День работника сельского хозяйства или еще какой большой праздник, сам звоню режиссерам в Воронеж и прошу включить в культурную программу наши коллективы. Футбол стал у нас любимым и считается самым массовым видом спорта. На матчах собираются на трибунах три тысячи мужиков. У нас болельщики серьезные: смотрят, получают удовольствие от игры. Район представлен «Локомотивом», а на первенстве района у нас играют 23 команды. Пять — в турнире на приз Просяного. На первенстве области — две.

Духовность, культура не живут сами по себе. Они формируются традициями, окружающей средой, условиями жизни, бытовой культурой. И тут многое зависит от власти, от активной позиции руководителей, от губернатора до главы сельского поселения. Вот я не раз замечал: два соседних региона, примерно одинаковый уровень социального и экономического развития. Но едешь по одному — дороги приличные, в деревнях бурьян выкошен, заборчики покрашены, все домики аккуратные, вокруг — никаких дров и старых покрышек. Заезжаешь в другую область — ветхие заборы, завалившиеся дома, выбитые окна, помойки. Расстояние порой тридцать-сорок километров. Почему такая разница? Потому что в одном месте власти учат, а порой и заставляют людей жить правильно, а в другом — ни на что не обращают внимания, жизнь пускают на самотек. В Европе, на которую у нас привыкли ссылаться, правила общежития сложились естественным образом, потому что там тесно: не хочешь, чтобы тебя затоптали, — живи так, чтобы не мешать другим. А Россия слишком просторна — и образ жизни приходится насаждать сверху. Сначала от людей требуешь жить пристойно, а потом они и сами привыкают, да еще и от тебя требуют наводить порядок. Помните, как когда-то принуждали пристегиваться ремнем в машине? Кое-кто кричал: это мое право на жизнь, как власть смеет мне что-то навязывать! А сейчас все пристегиваются, и даже странно, что раньше было иначе. Или с курением — я еще помню, как курили в вагонах, прямо в купе, к столикам пепельницы были прикручены. Сейчас это просто кажется какой-то невозможной дикостью, и никакой разгильдяй не посмеет закурить при людях. Все привыкли. В Лисках вот уже 25 лет вы не найдете ни одного контейнера с мусором — в каждый двор дважды в день четко по графику приезжают машины и все забирают. Чистота и порядок. Не всем это нравилось поначалу, теперь же другого жители не представляют. Села мусорщики объезжают еженедельно, там ведь у каждого свой двор. Или вот водоснабжение, уличное освещение, тротуары — сколько пришлось убеждать сельские администрации уделять этому внимание, работать с коммунальщиками, энергетиками, дорожниками. Газ, водопровод, свет, тротуары решительно меняют образ села: жители обустроивают в домах душевые и ванны, из сапог переобуваются в туфли и сандалии, сами начинают подновлять ограждения, скашивать траву у домов.

Работать с пользой сегодня можно. И секретов тут нет никаких. Деньги есть. Нужно желание постоянно участвовать в федеральных и региональных программах. Что мы и делаем.

Моим предшественникам — руководителям Лискинского района прошлых десятилетий, считаю, было труднее себя реализовывать. Но я благодарен всем им за

то, что они заложили хорошую хозяйственно-экономическую и социальную основу в районе для дальнейшего роста. Наша задача была и остается — в новых политических и экономических условиях удерживать, не развалить и переориентировать промышленность, сельское хозяйство, сферу услуг под новые обстоятельства.

— **Виктор Владимирович, ваше имя, конечно, накрепко связано с Лисками. Но ведь делались вам, как известно, предложения занять пост «повыше» в Воронеже. Думаем, область от этого только выиграла бы. Не жалеете, что не согласились в свое время?**

— Нет, не жалею. Хорошо, что хватило ума отказаться. Возможно, там я потерял бы себя. Мы только что говорили о самореализации... Так вот, Лиски, считаю, наилучшая площадка для реализации любых дарований — административных, рабочих, художественных, спортивных. Только не ленись и больше думай не о себе, а о своей земле, о радости потрудиться на благо родного города или села. Для себя я главным результатом работы на посту главы считаю то, что мне не стыдно будет ходить в Лисках по улицам, разговаривать с земляками, глядеть им в глаза. Это ли не счастье!

Беседовал Геннадий ЛИТВИНЦЕВ

Иван Сидельников

ПОД ЧУЖИМ ИМЕНЕМ

Документальная повесть

СЛОВО О ПОЧЕТНОМ ЗЕМЛЯКЕ

Лискинская земля дала нашей стране много талантливых людей в разных областях человеческой деятельности. Это — видные политики, государственные и военные деятели, поэты и писатели, ученые. Среди них — уроженец села Средний Икорец Иван Васильевич Сидельников, которому скоро исполнится 100 лет со дня рождения.

Родился он 14 ноября 1918 года в селе Средний Икорец в большой крестьянской семье Василия Тихоновича и Авдотьи Ивановны, растивших пятерых детей, среди которых Иван — самый младший. Семья была бедная, жили впроголодь. Но, несмотря на трудности, Ваня рос любознательным, веселым и никогда не унывающим мальчиком. Пришло время, с огромным желанием пошел учиться. Он очень полюбил школу, книги. В 1923 году их семья вступила в товарищество по обработке земли. Это были предвестники колхозов. Тогда никто не мог предположить, что в будущем мальчишка станет известным литератором, членом Союза советских писателей.

Он все время тянулся к чему-то новому. Когда ему минуло 16 лет, себе на радость он впервые приобрел простенький детекторный радиоприемник и ве-

Иван Васильевич Сидельников

чером, включив его, надел наушники: музыка, треск, шум... А затем диктор с нескрываемым горем в голосе сообщил об убийстве Сергея Мироновича Кирова, приводил полные возмущения отклики людей. Передача потрясла Ваню, и он решил откликнуться на это событие стихами. Всю ночь напролет сочинял их, а утром отправил в редакцию лискинской районной газеты «Путь Ленина». Вскоре пришел ответ, что стихи

признали неудачными, но при этом попросили написать о жизни и работе в их колхозе. Ваня оперативно откликнулся и написал о вывозе удобрений на поля. Та заметка за подписью селькора И. Сидельникова была опубликована в январе 1935 года.

С этих незамысловатых строчек, пожалуй, и начался его творческий путь, который впоследствии привел И.В. Сидельникова в писательскую семью. Но путь этот был непростым. Окончив семь классов, Иван пошел работать в колхоз. Все лето он трудился в поле, а осенью уехал в Бутурлиновку, где окончил девятый класс. Но нечего было есть, и он хотел было вернуться домой. Однако мать на это не согласилась. Собрав последние сухари и муку, поехала к сыну: встретила его на станции, отдала продукты ему и велела учиться дальше.

После окончания школы Иван обучился в техникуме и уехал на Дальний Восток. Однако работа там не задалась: по состоянию здоровья он вынужден был вернуться на родину. Вскоре его призвали на действительную воинскую службу. Еще в техникуме он начал вести дневниковые записи, продолжил их и в армии. Только вернулся с действительной, как грянула Великая Отечественная война.

Война не только украсила его грудь заслуженными боевыми наградами, но и оставила на всю жизнь неизгладимые впечатления, которые во многом и послужили материалом для его творчества. Дополнили эти впечатления дневниковые записи. После войны почти два года И.В. Сидельников служил в Бресте.

Демобилизовавшись, вернулся домой, в Воронежскую область, где сначала работал в районных газетах, потом в областной газете «Коммуна». А позже — редактором «Молодого коммунара». В этот же период Иван Васильевич Сидельников начал писать книги. Он писал о мужественных людях своего поколения — поколения фронтовиков. Повесть-быль «Неутраченное счастье» впервые вышла из печати в 1957 году. Потом несколько раз переиздавалась. Читателей до сих пор

глубоко волнует судьба невымышленного героя — Степана Батраченко, который в одном из боев за Родину получил тяжелое ранение и лишился зрения. Дальнейшая жизнь казалась ему бессмысленной, он даже хотел покончить с собой. Но с помощью друзей и любимой девушки Лиды нашел в себе силы вернуться в строй, стать полезным людям.

Иван Васильевич познакомился со Степаном Иосифовичем в Воронеже после войны, когда тот, будучи молодым преподавателем, стал работать в Воронежском педагогическом институте. Знакомство переросло в дружбу. Пораженный мужеством Степана, Иван Васильевич решил написать о нем книгу. Долго уговаривал Батраченко. Еще дольше пришлось собирать материал. За это время Степан Иосифович стал кандидатом наук, завоевал любовь и уважение коллег и студентов. А книга получилась замечательная: простыми, волнующими душу словами рассказывает автор о грозных днях Великой Отечественной войны, о счастье, подлости, человеческой любви, о служении Родине...

В 1967 году Иван Васильевич Сидельников был принят в члены Союза писателей СССР. В течение многих лет он руководил межобластным бюро пропаганды художественной литературы при Воронежской писательской организации. Автор книг «Защитники Воронежа», «Неутраченное счастье», «Пока сердце бьется», «Сердца согревает любовь», «Комиссары» и других.

В 1986 году ему было присвоено звание «Почетный житель села Средний Икорец».

Мне посчастливилось знать не только Ивана Васильевича, но и Степана Иосифовича и Лидию Федоровну Батраченко. Я бывал у них дома, так как учился вместе с внучкой. А понять величие жизни таких незаурядных людей помогают книги Ивана Васильевича Сидельникова.

Его не стало в 2000 году.

Александр БЕЗЗУБЦЕВ,
учитель, с. Средний Икорец

ДВА ИМЕНИ — СУДЬБА ОДНА

Репьевского учителя Николая Миرونвича Кравцова знали в райцентре и стар и мал. Многим вложил он знания крепкие и дух справедливости, доброты, неприятия зла. В 60-е годы прошлого века, в свою бытность школяром, знал его и я. Черные, с паутиной седины, аккуратно зачесанные волосы. Несвойственная учителю начальных классов явно военная выправка. И неизменный, тщательно отутюженный полувоенный френч — белый летом, защитного цвета по осени.

И никто в ту пору не знал, что такой же отчаянно контрастной была и фронтовая судьба Миронвича, о которой он ни с кем предпочитал не говорить. Поведал о ней в документальной повести воронежский писатель с лискинскими корнями Иван Сидельников. Называлась та повесть «С повинной» (в другом варианте — «Под чужим именем»). Коря себя за несвоевременные знания, с трудом отыскал ее в лискинской библиотеке и я. И болью жестокого времени пахло с прочитанных страниц. И горькая досада повинно нагнула голову: знай мы, тогдашние ученики Николая Миро-

новича, его отчаянно-рисканную судьбу-дорогу к истине, может, и судьбы многих из нас стали бы менее податливы к ударам жизни. Было на примере учителя чему поучиться, но получилось, что главный свой урок у него мы невольно прогуляли.

...Май 1942-го. Окончивший с отличием Рязанское пехотное училище старший лейтенант Кравцов в должности начальника учебной части батальона преподает суворовскую науку побеждать курсантам Лепельского военного училища, эвакуированного в Череповец. Вместе с другими офицерами рвется на фронт. Но... «нам и думать о нем запретили, поставив задачу готовить командирские кадры. Но были среди нас и такие людишки, которые собственную утробу ценили выше чести, совести и долга...» Среди таких «людишек» оказался Глов, непосредственный начальник Кравцова, и офицер особого отдела Стряпухин — подгрызали они курсантский паек, воруя продукты из солдатской столовой. На предупреждение Кравцова мародеры пригрозили: «Запомни: кто станет на нашем пути,

Н.М. Кравцов (в центре) с учениками Репьевской средней школы

рога обломаем». И обломали. Через две недели предъявили обвинение: статья 58, пункт десять, часть вторая. А потом и приговор военного трибунала: 10 лет лишения свободы и 5 лет поражения в правах.

Сюжет документальной повести «Под чужим именем» необычайно динамичен. Череда событий порой кажется немного нереальной. Но это было! 25 ноября 1942 года «враг народа» Николай Кравцов совершает побег из лагеря на Урале, чтобы на фронте сражаться против фашистов. Через неделю скитаний по заснеженной тайге сдается милиционеру, выдав себя за дезертира Ивана Дмитриевича Косаренко — своего репьевского соседа, пропавшего без вести. И вновь был трибунал, приговоривший «дезертира Косаренко» к 10 годам лишения свободы с отсрочкой приговора и направлением в штрафной батальон на Карельский фронт. В сентябре 43-го отважного пулеметчика Косаренко как искинувшего вину перед Родиной переводят из штрафной роты в обычную стрелковую. О его подвигах рассказывает дивизионная газета «За разгром врага», а командование представляет к боевому ордену.

«Нет, — рассказывает горькую повесть Кравцова-Косаренко писатель

Иван Сидельников, — он нисколько не жалел о том, что бежал из Приуралья, где над головой ни пуль, ни снарядов — мучительной для него была лишь мысль о том, что, воюя под чужим именем, будто крадет... свой гражданский долг защищать Отечество. Не хотелось мириться со смертью под чужим именем». Так родилось письмо в Москву, Кремль, товарищу Сталину...

Не буду перечислять другие захватывающие подробности из жизни Кравцова — читатели ознакомятся с ними в повести Ивана Сидельникова. Лишь скажу, что мой учитель сохранил драгоценный для него документ: «Учитывая патриотическое поведение Кравцова на фронте... на основании ст. 8 УК РСФСР... от отбытия дальнейшего наказания освободить и восстановить в воинском звании...»

А мы... Прими, учитель, запоздалую повинную твоих учеников и земляков за поздно услышанный урок твоего отчаянного мужества. Но, может, и читателям нынешнего поколения тоже не поздно и полезно прочитать о нем, чтобы в тяжкое время находить мужество оставаться самими собою?

Николай КАРДАШОВ

Фото из домашнего архива автора

1

Человек бежал напрямик по глубокому, рыхлому снегу, бежал на пределе сил. В метельной темноте он часто спотыкался и падал, но сейчас же вскакивал, подгоняемый страхом и надеждой. Сердце, казалось, билось уже не в груди, а в пересохшем горле. Когда пересекал шоссе, соединяющую лагерь с городом, на ледке, присыпанном снегом, поскользнулся и упал. Сгоряча попытался сразу же вскочить, но лишь застонал от резкой боли в щиколотке. Тихо, с отчаянной злостью, выругался: только этого ему сейчас и не доставало!.. Все же он заставил себя подняться и вприпрыжку заковылял к одинокой кряжистой сосне. Под сосной, прислонясь к толстому стволу, пахнущему смолой, он стал терпеливо ждать, когда боль приутихнет. меховой варежкой человек поддел снег и поднес его к обветренным губам. Потом еще и еще. Утолив жажду, осторожно стянул с больной ноги подшитый валенок казенного изготовления, размотал байковую портянку и ощупал щиколотку. Перелома вроде бы не было, и человек приободрился.

Вдруг там, откуда он несколько минут назад незаметно улизнул, раздался еле различимый в шуме ветра хлопок одиночного выстрела, и мгlistое небо прочертила осветительная ракета... Это означало: побег обнаружен...

Человек обернул портянкой ногу и натянул на нее валенок. Потом сломал сук и, опираясь на него, опять заковылял, теперь уже значительно быстрее и тверже. Время от времени он ненадолго останавливался, всматриваясь в снежную пелену — погони и вообще никакой видимой опасности пока не было...

Человек держал путь к городу, полагая, что там, пожалуй, легче будет затерять свой след.

Силуэты окраинных строений Губахи обозначились значительно раньше, чем беглец ожидал. Вскоре он прихромал к дощатому сараю, за стеной которого фыркала лошадь, возле его подветренной стороны немного передохнул, собрался с мыслями. Первоначальное свое намерение он вдруг изменил: в город ему заходить не следует. Ясно, что по многим адресам, и в первую очередь в милицию Губахи, полетят набатные телеграммы: «Из мест заключения бежал Кравцов Николай Миронович, двадцати шести лет, русский, роста среднего, худощавый, смуглолицый, черные волосы коротко подстрижены, зубы белые, ровные, особых примет не имеет. Одет в поношенный бушлат военного образца, в стеганые ватные брюки, на ногах серые подшитые валенки, на голове красноармейский шлем...»

С тоскливым завыванием свистел встречный ветер, ныла нога. Николай упрямо ковылял по снежному бездорожью. Сердце его было полно недобрых предчувствий, но он знал одно: поступил правильно, когда, воспользовавшись благоприятным моментом, уже с охраняемой строительной площадки шагнул в темноту вьюжного вечера...

В полночь подошел к незнакомому поселку, примыкавшему к тайге. Возле бревенчатой изгороди у крайнего подворья долго стоял, вглядываясь и прислушиваясь. Поселок спал — ни живой души на улицах, ни одного огонька в окнах, ни одного человеческого звука. Только где-то лениво и беззаботно тявкала собака.

Заходить в поселок или, как и Губаху, обойти его стороной?

Нет, Николай не рассчитывал на чье-либо гостеприимство — у него было куда более скромное желание: тайком проникнуть на какой-нибудь чердак, прижаться к теплему борову дымохода и вздремнуть хотя бы часок.

Тепло и запахи человеческого жилья настойчиво влекли к себе беглеца. И он не устоял.

По улице, засыпанной снегом, Николай ковылял чутко, настороженно, с опаской разглядывая дома и добротные надворные постройки, крытые дранью. «Просторно люди живут, — подумал он хозяйски-расчетливо. — Не то, что у нас, под Воронежем...»

Возле одного из домов, украшенного фигурной резьбой и с наглухо закрытыми ставнями, ненадолго остановился. После минутного колебания подошел к воротам с дощатым навесом, бесшумно повернул рукоять щеколды и плечом осторожно нажал на ворота. Петли скрипнули, и во дворе, гремя цепью, зарычал пес. Николай отпрянул, с горечью подумав о том, что придется выбросить из головы мысль об отдыхе в тепле и о сухаре...

Он уже был на выходе из поселка, когда из калитки вышла женщина в мужском полушубке, закутанная в толстый шерстяной платок и с узелком в руке.

— Ты что ль, Василь Степаныч? — спросила женщина приятным, доверчивым голосом.

Молча приблизившись к ней, Николай протянул руку к узелку. Женщина тихо вскрикнула:

— Ой!.. Чего ты?

— Не бойся, тетка, не трону, — хрипло сказал он, досадуя на самого себя, и вновь заковылял по ухабистой дороге.

Сразу же за околицей начиналась угрюмо-таинственная заснеженная тайга, простирающаяся на сотни километров. Взмокший от пота, Николай с облегчением растегнул отвороты шлема и верхние крючки бушлата. Медленно, с краткими остановками, шел он почти всю долгую декабрьскую ночь, выбился из сил, и порой ему казалось, что вот-вот в изнеможении упадет и больше уже не встанет, но страх подхлестывал, страх гнал его вперед...

На рассвете глухая таежная дорога привела Николая на маленькую железнодорожную станцию. Пристанционный поселок просыпался: то там, то здесь вспыхивал свет, скупо пробивающийся через метель.

И на этот раз благоразумие не удержало его: слишком устал он и слишком проголодался, чтобы без отдыха в тепле продолжить свой путь.

Прихрамывая, теперь уже без палки, Николай, чтобы не вызвать подозрений, старался идти так, как обычно ходит на работу трудящийся люд: не слишком быстро и суетливо, но и не очень медленно. Но то, что он не местный житель, выдавали его шлем и бушлат, обсыпанные подтаявшим снегом: даже круглый дурак поймет, что ранний пешеход провел ночь отнюдь не в теплой постели. И даже не под холодной кровлей. А кто теперь, в условиях военного времени, когда действует строгий комендантский час, шастает по ночным дорогам. Ясное дело, либо, как говаривали в старину, тать, либо фашистский диверсант, не иначе.

Поняв, что совершил непростительную и непоправимую оплошность, Николай принял себя за безрассудство, но отступать было поздно, да, пожалуй, и не нужно: в панике за одним неверным шагом могут последовать и другие...

Так он и шел вдоль поселка по-волчьи настороженно, готовя себя к любой неожиданности.

На перекрестке двух улиц остро вдруг пахло свежее испеченным хлебом. Судорожно глотая слюну, Николай увидел фургон, возле которого хлопотали двое: бородатый мужчина и женщина. Выждав, когда они с носилками скроются за дверью, он без раздумий подошел к фургону, схватил буханку и поспешил за угол пекарни...

2

Четверть часа спустя Николай вышел к станционным путям и, осмотревшись, забрался в открытый четырехугольный полувагон с углем, присыпанным снегом. Радуюсь второй удаче, он присел на корточки, прислонясь к стене вагона, и стал ждать отправления. Лязгнув буферами, поезд тронулся и набрал скорость: загромыхали колеса на стыках рельсов, застучали от пронизывающего ветра и зубы Николая.

Хорошо, если поезд остановится на первой же станции, а если будет громыхать часа два подряд?..

«Разве что прыгнуть», — подумал Николай и распрямился, чтобы перевалиться через борт. Увидев, однако, как на обочине мелькали деревья, отбросил мысль о прыжке — поздно.

И опять свернулся калачиком, прислушиваясь к злорадному перестуку колес и разбойному свисту ветра. В душе его шевельнулся страх: «Неужели все этим и кончится?..»

Николай протестующе распрямился и принялся энергично обхлопывать себя. Но сил у него было уже мало, и он быстро выдохся.

А поезд продолжал мчаться, а свирепый ледяной ветер безжалостно выдувал

из-под бушлата скудные остатки тепла, а вместе с ними и всякую надежду на жизнь.

Николая уже начало клонить в обманчиво-сладкий сон замерзающего, когда паровоз вдруг ободряюще загудел и начал сбавлять скорость. Николай хотел вскочить, но не смог — руки и ноги одеревенели. Наконец, с трудом распрямился и потихоньку выглянул из-за борта. Сердце его так и опустилось: на станционном здании прочитал: «Губаха»...

Это значило, что ночью он потерял ориентировку, сел не в тот поезд и возвратился чуть ли не на исходные позиции побега. Более несуразный поступок трудно и придумать!..

Как же теперь быть?

Остаться в поезде — значит, наверняка замерзнуть, сойти с него — все равно что на людной улице во всеуслышание крикнуть: «Люди добрые, хватайте меня, я — беглец!..»

Что делать?

Николай не заметил, когда поезд снова тронулся, а заметив, уже более не терзался сомнениями: перевалился через борт и, щадя больную ногу, начал опускаться по металлической лесенке. С нижней скобы прыгнул не совсем удачно: упал, ткнулся лицом в снег, тотчас же вскочил и, прихрамывая, пошел на пристанционную улицу с аккуратными деревянными домами и свернул в первый же переулочек. Перешел в другой, стремясь как можно скорей и незаметней выбраться из города. Наконец позади остались окраинные домики, и он, все еще находясь под впечатлением только что пережитого, облегченно вздохнул: «Кажется, пронесло...»

Невдалеке темнела припорошенная снегом тайга. «Заберусь в ее глубину, разведу костер и возле него отдохну», — решил Николай.

Но что это там, почти перед самым лесом, протянулось неширокой серой полосой, над которой висел густой туман? Догадка его не обрадовала: это же Косьва!..

Вскоре Николай стоял на берегу быстрой горной реки, по которой чуть ли не сплошной массой плыла шуга вперемешку со снегом, и чувствовал себя так, будто уперся в высокую крепостную стену...

Позади что-то зашуршало — это паренек лет десяти съехал на лыжах с пригорка. Николай поманил его к себе и спросил, далеко ли до моста.

— А вон аж за теми домами, — ответил паренек, шмыгая носом.

— К нему дорога только по городу?

— Можно и напрямик, но снег-то, ишь какой!

— Да, да, конечно, — поспешил согласиться Николай. — На лыжах ты бегаешь ловко, а вот плавать еще небось не научился.

— Эт почему ж? — обиделся паренек, задетый за живое.

— А где плавать-то? Река-то неглубокая...

— Ну да — неглубокая, — возразил паренек. — Да в ней есть такие омуты...

— Что, и перекатов нет?

— Эт почему ж? Видите сухое дерево? Как раз против него перекат. Мне всего вот так, — паренек приложил ребро ладони к горлу. — А другой вон аж за тем поворотом, но тот поглыбже...

Паренек уехал, а Николай прошелся вдоль берега и остановился возле сухого дерева. Вода тут бурлила, перемешивая шугу, и, будто чем-то недовольная, сердито шипела. «Придется переходить вброд. Но днем нельзя, люди сразу заподозрят неладное... Но где пробыть до темноты? Где?..»

Ничего не придумав, Николай вздохнул и нехотя побрел назад к крайним домикам — не оставаться же на берегу до вечера.

На отшибе, под тремя старыми кривыми березами, одиноко стоял ветхий, покосившийся домишко в три окна и под тесовой крышей, потемневшей от времени. Над его трубой, пригибаемый утихомирившимся ветром, приветливо вился кудлатый дымок, напоминая беглецу о домашнем тепле и уюте. «Будь что будет!» — с отчаянной решимостью подумал Николай и направился к неказистому домику.

На стук вышел старик с окладистой седой бородой в лоснившейся телогрейке и в валенках с самодельными калошами из автомобильных камер. Он вопрошающе оглядел подозрительного путника скорбными глазами, но на его: «Здравствуйте!» почему-то не ответил.

— Мне бы, папаша, обогреться, — громко, считая, что старик глухой, запоздало раскаиваясь в новом неосмотрительном поступке, сказал Николай. Можно?

— Отчего же нельзя? Тепла не жалко. Заходи! — пригласил старик, пропуская его в сени.

В домике было жарко и раздражающе пахло чем-то необыкновенно вкусным, отчего у Николая закружилась голова. При всем том успел он заметить на простенке фотографию военного моряка, похожего на хозяина. Простенковая рамка его была обвита черной ленточкой.

Старик придвинул табурет к плите, в которой весело потрескивали березовые дрова, и молчаливо пригласил его сесть. Ощупываяще оглядывая незваного гостя, неспешно свернул сигарку и протянул кисет Николаю:

— Закуривай.

От долгого пребывания на холоде пальцы Николая распухли, и ему пришлось приложить немало усилий, чтоб свернуть папиросу. Зато с каким наслаждением втягивал потом он дым крепчайшего самосада!

— У тебя, папаша, не табак — горлодер!

Старик вроде бы и не слышал похвалы, беспричинно покашлял в ладонь и, как бы между прочим, поделился новостью:

— А у нас тут, паря, вся милиция на ногах — из лагеря бежал заключенный.

На мгновение Николай так и обмер, но, спохватившись, нашел в себе силы, чтобы заметить спокойно-рассудительно:

— Поймают, куда он денется?..

И, дважды кряду затаившись, отрекомендовался:

— Я, папаша, завербованный на лесозаготовки, да вот беда — здоровьишко у меня хилое, прямо сказать, никудышное... Обидно: ни воевать не годен, ни трудиться как следует... И климат тут больно суровый. Решил вот назад, в родные края податься... Так что из-за меня, пожалуйста, не беспокойся...

— А чего ради мне беспокоиться-то? — возразил старик, подкладывая поленья в плитку. — Я просто так, на всякий случай предупредил, чтоб в курсе дела был...

«Поверил или не поверил старик?» — взбудораженно гадал Николай, безо всякого интереса наблюдая за тем, как с веселым треском горят поленья.

Его уже не радовал ни отдых в тепле, ни самокрутка. Надо уходить, надо немедленно уходить...

Но куда? Да и какой смысл? В любом случае он в руках молчаливого старика...

А может, все-таки поверил? В конце концов, какие у него основания для недоверия?

Старик между тем налил в алюминиевую миску пахучего грибного супа и пригласил Николая к столу, накрытому потертой на углах клеенкой:

— Иди, паря, нутро погрей.

— Спасибо, отец, я не голоден, — дипломатично отказался Николай, сглатывая клейкую слону.

— Чего артачишься-то? Садись! Только вот насчет хлеба не обессудь, — старик виновато развел большие, узловатые руки.

— Хлеб, папаша, у меня есть. — Николай поспешно достал из-за пазухи наполовину обломанную и обкусанную буханку. — Вот, могу даже поделиться...

— Да уж какой там, прости господи, дележ!

Во всю свою жизнь Николай не едал ничего более вкусного, чем этот аппетитно пахнущий грибной суп. Он хлебал его со вкусом, ненасытно жадно и был по-детски несказанно рад, когда старик подлил ему еще целых два половника!

Разморенный теплом и пищей, Николай вдруг понял, что засыпает. Он резко встряхнулся, помотал головой, но это не помогло: веки отяжелели и закрывались сами собой.

— Ты, паря, может, поспишь? — будто откуда-то издалека дошел до его тускнеющего сознания голос старика. — Приляг вот тут, на диване.

— Нет, нет! — испуганно запротестовал Николай. — Мне надо идти...

Но, сломленный смертельной усталостью, он грудью навалился на стол и, подложив под левую щеку скрещенные ладони, тотчас же забылся. Спал, однако, недолго и некрепко: как у зайца на дневке, подсознательное чувство опасности заставило его и во сне быть начеку. Открыв глаза, огляделся.

Старик сидел против окна на низеньком стульчике и, приладив на переносье старенькие очки, подшивал валенки.

— Чего изводишь-то себя? Раздевайся да поспи, — посоветовал он и, по-видимому, догадываясь, кто перед ним, прозрачно намекнул: — До вечера-то ого-го как далеко!

Полностью вверяя себя старику, Николай послушно и быстро разделся, снял валенки, пристроил их возле духовки и, подложив под голову бушлат, лег на деревянный диван. Блаженно потягиваясь, успокоенно подумал: «Он ведь уже мог выдать меня, но не выдал. А еще одну ночь без сна мне все равно не выдержать...»

Пришла ему и другая мысль, не лишенная логики: «А может, старик давно уже дал знать милиции и теперь ждет ее появления?» Но мысль эта пришла, когда Николай стал вновь засыпать и не в силах был разомкнуть слипшихся век даже в том до невыносимости нежелательном случае, если бы милиция действительно появилась и приказала бы ему встать...

4

Гостеприимный окраинный домик под тремя березами Николай покинул, когда короткий зимний день полностью погас. Прощаясь с хозяином, он поблагодарил его:

— Душевное спасибо тебе, папаша! Будь я верующим, вымолил бы для тебя крепкого здоровья, счастья и долгих лет жизни!

— В том-то и беда, что вы, молодые, не верите, — горестно вздохнул старик. — Века люди верили, а для вас Всевышний ни на вот столечко не нужен. Вы и без него надеетесь прожить. А того вам, неразумным, невдомек: без Бога — ни до порога...

— Так вот оно, папаша, видишь, как несуразно получается, — мягко возразил Николай, боясь ненароком оскорбить религиозные чувства своего доброго собеседника. — Гитлер тоже, говорят, в Христа верил, у солдат его даже на пряжках выдвинуто: «Гот мит унс» — «С нами Бог». Так что, нам с Богом-то, выходит, не по пути...

— Мой Андрюша, — старик кивнул на портрет, — он примерно вот так же, бывало, рассуждал. А Господь что ж, Господь взял да и наказал его. — Губы старика мелко задрожали. — В позапрошлую пятницу похоронка пришла. И старуху мою свалила. Боюсь, что насовсем...

Желая хоть как-то утешить убитого горем отца, Николай сказал, что у него тоже трое братьев на войне и он с прошлой весны о них ничего не знает.

— Дай-то Бог, чтоб вернулись они невредимыми... Да и тебе... Ежели твои, паря, намерения светлые, людям не во вред, пускай он и тебе поможет.

Метель давно стихла, небо вызвездило. На берегу, возле сухого дерева, Николай огляделся, разделся догола, аккуратно завернул белье и валенки в бушлат и, поеживаясь, перетянул узел брючным ремнем. Продавив босой ногой прибрежный ледок, с содроганием вошел в бурлящую реку. К немалому удивлению его и радости, вода показалась ему чуть ли не горячеей...

Дно было неровное, каменистое, Николай ступал по нему осторожно, чтобы случайно не споткнуться и не намочить одежды. Все тело его цепенело, а сердце, которое Николай, как всякий здоровый человек, никогда не чувствовал, сейчас будто сдавило железным обручем...

По реке плыла густая шуга, тонкие льдинки с шуршанием наплзали друг на друга и больно царапали бедра. Клонясь боком к течению, Николай упрямо шел вперед, держа над головой связанную одежду. Он еще не добрался и до середины реки, а вода уже была по грудь и шуга царапала теперь плечи и шею. Он, ступая еще более осторожно, мысленно приговаривал: «Только бы не споткнуться, только бы судорога не свела...»

Шаг, еще шаг...

О том, что дно может пойти на понижение или что в неровном каменистом ложе реки может оказаться ямка, Николай не думал. А между тем именно такая опасность его как раз и подстерегала: в каких-нибудь десяти шагах от берега он ощутил ногой опору лишь после того, как окунулся с головой...

По после этого глубина стала уменьшаться. Обрадованный, Николай заспешил и, наткнувшись на большой отшлифованный камень, с трудом удержался на ногах.

На снег выбрался окостеневшим. Стуча зубами, долго развязывал несгибающимися пальцами узел, с еще большими трудностями натягивал на себя белье и одежду, не сумев застегнуть и половины пуговиц. Несколько минут, разгоняя кровь, энергично взмахивал руками и осторожно — правая нога еще побаливала — приплясывал. Потом, не оглядываясь, заторопился к спасительному, как ему казалось, лесу...

В тайге действительно было на удивление тихо и даже безмятежно: ни тебе крика птичьего, ни рыка звериного. Лишь время от времени где-то вдальеке с дробным перестуком проходили поезда. Протяжные гудки их постепенно сходили на нет, теряясь в таежном безбрежье.

По глубокому рыхлому снегу Николай пробирался медленно, с частыми передышками, но с каждой минутой все дальше и дальше уходил он в тайгу, навстречу неизвестному...

В полночь, выбившись из сил, Николай надумал сделать большой привал. Под старыми елями, низко опустившими лапчатые ветви, разгреб снег, натаскал сушняка и в предвкушении отдыха у костра полез в карман ватных брюк за спичками. Коробочка, хотя и была располовиненной, досталась ему дорого: отдал за нее дневную пайку хлеба. Готовясь к побегу, он целый месяц берег ее, как драгоценность, и теперь вот настал для нее час сослужить ему неоценимую службу.

Неладное Николай почувствовал сразу же, как только рука его оказалась в кармане: там было подозрительно влажно от пота...

Нет, невозможно передать того, что ощутил он, когда, дважды чиркнув спичкой, убедился, что отсыревшая сера осыпалась, а бумажная терочка коробки провалилась! В сердцах Николай смял злосчастный коробок и сгоряча выбросил его в снег...

Ориентируясь по гроыхающим поездам и по звездам, Николай держал направление на юг. Сделает две-три сотни шагов — минуту-другую отдыхает.

Местность была гористой: то медленный подъем, то крутой спуск. Это изматывало.

Пересекая крутосклонную глубокую расщелину, Николай обо что-то споткнулся и скатился с невысокого обрыва. Потирая ушибленный локоть, он громко чертыхнулся и почуял запах дыма. Недоуменно огляделся. За спиной в обрыве — дверь, от нее — расчищенная тропка к штабелю дров. «Охотничья землянка», — догадался Николай и хотел было уйти, но передумал и плечом нажал на дверь. Она легонько скрипнула, но не подалась.

— Кто там? — послышался встревоженный мужской голос.

— Человек.

— Знамо дело — не медведь... А по какой примерно нужде в этой глухомани? Да ишшо в такой час?

— Нужда простая — заблудился... Всю ночь вот плутаю, из сил выбился.

После минуты тишины загремел деревянный засов, и дверь со скрипом распахнулась:

— Заходи!

Освещенная мерцающей коптилкой, землянка выглядела довольно просторно: шагов пять в длину и шага четыре в ширину. Стены и потолок рубленые, черные от копоти. Чугунная печка с дотлевающими головешками, столик с ножками крест-накрест, чурбак вместо табурета да примост у задней стены, на котором валялись какие-то лохмотья, — вот и вся обстановка. Хозяин землянки — давно не бритый и не стриженный мужик — стоит в углу и наизготовку держит винтовку. В облике его было что-то от зверя. И не только потому, что к его волосистой растительности давным-давно не прикасались ни бритва, ни ножницы, ни даже расческа, — в маленьких, глубоко сидящих глазах таилось что-то дикое, свирепое...

— Здорово, хозяин! — приветствовал его Николай.

— Бывай нехворым и ты, — угрюмо отозвался мужик и ногой, обутой в кирзовый солдатский сапог, придвинул чурбачок поближе к печке и скорее приказал, чем пригласил: — Садись!

Николай снял шлем, расстегнул пуговицы бушлата и, устало опускаясь на чурбак, с удовольствием протянул руки к огню.

— А теперь докладывай: кто ты? — потребовал бородач.

— Это что же, допрос?

— Считаю как хочешь, но отвечай начистоту — из лагеря бежал?

Николай лишь недобро взглянул на новоявленного «следователя».

— Да ты не скрытничай — сову видать по полету...

— К чему ж тогда неумные вопросы? Лучше бы ужином угостил.

— И угощу! Отчего же бы и нет? — охотно согласился бородач, вешая на стену винтовку. — Как говорится, бог велит — пополам делить. Харч у меня, правда, простой, но да ведь и то сказать — чем сам питаюсь, тем и доброго человека потчую...

На столике появилась вареная медвежатина, россыпь кедровых орехов и глиняная кружка брусничного отвара.

— Ешь на здоровье, а заодно и поведывай, что в мире-то деется?

— Известно что — война.

— Это само собой, а вот на чьей стороне нынче-то перевес?

«Долго же ты в медвежьем углу живешь, если о таком не знаешь!» — подумал Николай и сказал, что наконец-то и нашим улыбнулось счастье: под Сталингра-

дом недавно окружена целая армия Гитлера. В огненный котел попало больше трехсот тысяч солдат и офицеров.

— Гос-споди ты боже мой! — удивился бородач. — Этакую-то махину легко ли удержать? Я так думаю — прорвутся...

— Вряд ли... Теперь ведь все по-иному, теперь и наш боец стал куда опытней, и немецкий солдат уже далеко не тот, каким был в начале войны. Сбили с фрица наглухо спесь!

— Эхе-хе-хе, — протянул бородач, и не понять было, то ли он обрадовался тому, что услышал, то ли, наоборот, огорчился. — Выходит, что ж выходит — войне конец?

— До конца еще далеко, но, судя по всему, перелом произошел. И бесповоротный!

Подперев ладонями налитые жиром щеки, бородач молча и, как показалось Николаю, тоскливо уставился на огонек коптилки.

— Хлобыстнуть бы теперь стакашка по два водки! — мечтательно вздохнул он и потряс кудлатой головой, как бы отгоняя бесполезные мысли.

— Не мешало бы, — согласился Николай, запивая медвежатину терпковато-кислым отваром.

После обильной еды с ним произошла та же история, что и в домике под тремя березами: заснул прямо за столом. Он даже не слышал, как бородач заботливо уложил его на примост и прикрыл своей потрепанной солдатской шинелью. Спал Николай беспробудно остаток ночи и большую часть следующего дня. Проснулся освеженным, пободревшим, хотя во всем теле была ломота. Открыв глаза, он не сразу вспомнил, где находится и как сюда попал.

— Ну и спал же ты, мил-человек! — сказал бородач, хлопотавший у печки. — Как святой праведник спал — даже с боку на бок не перевернулся. А я в твою честь подстрелил матерого глухаря. Умывайся да к столу — свеженькой дичатинкой попотчую...

— Богато живешь, — заметил Николай, разглядывая увесистые куски жареного мяса.

Бородач горделиво приосанился:

— Да пока, слава Богу, на пустоту в желудке не жалуясь. Только вот хлеба черт-ма и опять же соли. Но я привык... В тайге, паря, не пропадешь, она, родная, и еду-пищу дает, и от злого глаза укрывает.

— Ты что же — дезертир? — в упор спросил Николай, еще ночью догадавшийся, с кем имеет дело.

— Он самый.

— И давно в бегах?

— Да на второй уж год, считай, перевалило.

— Не одичал без людей-то?

— А я об них, об людях-то, не очень тужу. Что мне в них по теперешним временам? Вот только по бабе скучаю, иной раз, признаться, невольно бывает... Опять же и по ребятишкам тоскую. Четверо их у меня. Три пацана и одна девчушка. Чуть не каждую ночь снятся... Ты-то женатый?

— Женатый... Тоже сынишку имею и дочурку.

— Дети всему делу голова... Ради детишек, паря, все стерпишь...

— А поймут ли они тебя, когда вырастут? Вернее, захотят ли понять?

— Отчего ж бы и нет?

— Ладно, допустим, дети поймут... А как перед законом-то оправдываться будешь?

— Это смотря перед чьим... Ежели, примерно, верх окажется за немцами...

— Можешь не сомневаться — победят наши! — с горячностью заверил Николай.

— Как-нибудь выкручусь и тогда... Советская-то власть, она хоть и строгая, но навроде матери родной — отходчивая и незлопамятная... Опосля победы таким, как я, глядишь, и амнистию объявят...

— А если поймают до победы? — не щадя самолюбия собеседника, допытывался Николай. — За дезертирство ведь полагается шлепка!

— Это если на фронте... Там под горячую руку и на страх другим расстреливают... А в тылу какой смысл? Государству выгодней осужденных на передовую отправить... Самое же главное, вряд ли им удастся меня поймать. Места тут глухие — легче с ведьмедем-шатуном столкнуться, чем с кем-нибудь из людей. За тринадцать месяцев ты вот, считай, первый... Но тебя ко мне, видать, сам бог послал... Ты ведь, надеюсь, составишь мне компанию?

— У меня другие планы.

— Да какие у тебя могут быть планы? На люди тебе показываться нельзя, а самостоятельно скрываться... У тебя ведь ни оружия, ни даже топора... Без всего этого, милый мой, в тайге сгинешь, как дождевка в море. Так что для тебя наивыгоднейший резон — ко мне в компаньоны. Со мной, брат ты мой, заживешь как у Христа за пазухой. Оставайся!

— Спасибо, но не могу.

Бородач потускнел, нахмурился.

— Зря! Попомни мое слово: опосля спохватишься, да поздно будет. Локоть-то — он вот, да попробуй его укуси... Или, может, обзавелся надежными документами?

— У меня вообще никаких документов.

— Ну и ну, — бородач укоризненно покачал кудлатой головой. — Никак не пойму я тебя: или ты скрытный, или попросту беспшашный... Поживи недельку-другую, силенок наберешься, успокоишься. Да и власти тогда, надо полагать, махнут на тебя рукой. Решат, сам себя-то наказал беглец, в тайге загинул... А по горячим-то следам они тебя в два счета сграбастают. Так что не отнекивайся. Куда тебе торопиться? Кто и где тебя ждет?.. Значит, отказываешься категорично? Эх, неразумная голова!.. Я думал-мечтал с тобой по-братски пережить лихолетье, но раз такое дело... Что ж, иди, достигай своего... Я тебя самолично выпровожу.

Через пять минут они уже были в пути. Впереди, тяжело дыша, грузно шагал расстроенный дезертир, за ним — Николай. Пологий спуск и крутой подъем, снова спуск и снова подъем. Когда его перевалили, бородач, снимая повязку с глаз Николая, сказал с грустью:

— Теперь можно и распрощаться... Иль, может, передумал, а?.. Эх, паря, отказываешься ты от своего счастья, — сожалеючи вздохнул бородач. — Ну, да Бог тебе судия!

Пожав руку Николаю, бородач увалистой походкой зашагал назад, вызывая в душе Николая разноречивые чувства.

6

В полночь Николай выбрался к железной дороге и побрел по шпалам. Снега на полотне было намного меньше, и идти стало легче.

Над горами висела круглая луна, окаймленная ярким морозным кольцом, в тайге было светло и тихо до звона в ушах. Шла третья ночь скитаний, и на душе у Николая было сравнительно спокойно: острота ощущения опасности поуменьшилась, точнее, притупилось ее восприятие.

По шпалам он не прошел и километра, как его обогнал заиндевший товарняк. Поезд шел на подъем, и можно было легко вскочить на подножку тормозной площадки, но у Николая были слишком свежи впечатления от езды в угольном вагоне, чтобы соблазниться возможностью подъехать...

За изгибом железной дороги показался красный огонь семафора, а чуть дальше светило окно будки стрелочника. Поразмыслив, Николай свернул в тайгу и, обойдя пост стрелочника, подошел к рубленому зданию полустанка.

В крохотном зале ожидания, возле круглой печи, обитой железом, одиноко дремал худощавый и давно не бритый железнодорожник. Он сонно-равнодушно взглянул на вошедшего и опять закрыл глаза. Николай опустился на другой конец деревянного дивана, прислонился к его высокой спинке и, прислушиваясь к размеренному тиканью настенных часов, не заметил, как заснул. Вероятно, он проспал бы долго, но его бесцеремонно растолкали:

— Эй, ты, слышь, что ль?

Николай с тревогой очнулся. Возле него — небритый железнодорожник.

— В чем дело?

— Поезд прибывает!

— Какой?

— На Губаху.

— Мне в другую сторону.

— А я грешным делом, подумал: не проспит ли человек? — сказал железнодорожник, словно бы оправдываясь. — А твой поезд прибует часа через полтора.

«А что, теперь, пожалуй, можно и в поезде попытать счастья», — подумал Николай. Но пришла ему и другая, отрезвляющая мысль: не рано ли? Не кончится ли эта поездка крахом всего задуманного? И вообще — стоит ли ускорять ход событий, которые пока что развиваются вполне благоприятно?

Колебался Николай до последней минуты. После же прихода поезда, отбросив всякие сомнения, он решительно вышел из теплого помещения на мороз и направился к предпоследнему вагону, в тамбуре которого не стояла проводница. Войдя в вагон, он с непринужденностью бывалого пассажира начал выискивать свободное место. В вагоне, скупо освещенном двумя керосиновыми фонарями, было тесно, и Николаю с трудом удалось найти укромное местечко на самой верхней, багажной, полке. «Это даже к лучшему», — решил он, прикрываясь бушлатом.

В головах оказался туго набитый «сидор», пахнущий ржаными лепешками и калеными подсолнечными семечками. Эти с детства знакомые запахи напомнили родной воронежский край, и Николай после беспорядочной и быстрой смены картин прошлого вдруг увидел себя сельским учителем в окружении присмиривших ребят и услышал свой грустновато-взволнованный голос: «Что ж, ребятки, пожелаю вам на прощанье? Хотя изредка вспоминайте все то, чему я вас учил. Главное, никогда, ни при каких обстоятельствах не забывайте о высоком предназначении человека... А я вам обещаю не уронить чести бойца Красной Армии...»

С той поры прошло шесть с лишним лет. Это значило, что те, кому тогда было двенадцать-тринадцать лет, теперь уже взрослые и, надо полагать, стали защитниками Родины. Кто-то из них, возможно, уже успел отличиться на поле боя, а кто-то и принять честную солдатскую смерть. Вот только сам он попал в глупейшее положение!..

— Молодой человек, а молодой человек! — Проводница потолкала по плечу Николая зачехленными сигнальными флажками. — Где сядилась? Предъяви билет.

На раздумья не было времени, и Николай, сохраняя хладнокровие, с удивлением произнес:

— Вот так на! А разве тебе ничего не говорила проводница соседнего вагона?

— А что она должна была сказать?

— Странно... Мы где сейчас?

— Подъезжаем к Чусовому.

— Безобразия!

Возмущаясь безответственностью людей, которые своей забывчивостью достав-

ляют другим неприятности, Николай спустился с полки, накинул на плечи бушлат и стал протискиваться к выходу. Ничего не понимавшая проводница лишь растерянно глядела ему в спину...

Поезд еще не остановился, а Николай, боясь оказаться на людном перроне, уже соскочил с подножки. Застегивая бушлат, он зашагал мимо пристанционных построек. В темном переулке, возле продпункта, выстраивалась необмундированная команда новобранцев. Николай хотел было пройти незамеченным, но на него вдруг ни с того ни с сего накинулся усатый старшина:

— А ты, раззява, где всю ночь пропадал? У молодки под боком? А ну марш в строй и — в столовую!

Не ожидая такого оборота дел, Николай козырнул: «Слушаюсь!» — и вскоре уже сидел за длинным столом. Он доедал первое — пшенный суп с мясом, — когда усатый старшина, прохаживающийся вдоль прохода между столами, приглядевшись к нему, спохватился:

— Подожди-ка, служба, а ведь ты вовсе не из моей команды! Как же посмел, в зуб тебя ногой!

— Ты же сам приказал...

Старшина смущенно кашлянул и, не глядя на Николая, стал оправдываться:

— По ошибке-то мало ли чего не бывает... Слышал небось побасенку, как одна молодуха черта приняла за родного мужа... А у меня еще с вечера один кимарик от команды отбился. Такой же чернявый и в бушлате... Так что вытуривайся!

С сожалением выходя из-за стола, Николай подумал: «А не попытать ли счастья у этого усача?»

— Товарищ старшина, вас можно на минуточку, — по тактическим соображениям перейдя на «вы», попросил он.

— Чего еще?

— Дело такое... Только, пожалуйста, отойдем в сторонку... Понимаете, товарищ старшина, какой глупый казус со мной получился, — я тоже отставший... Разрешите пристроиться к вашей команде. Помогите выбраться из беды... Я уже обращался к военному коменданту, а он сказал: сумел-де отстать, сумеешь и догнать...

— Тебе куда?

— В Череповец.

— Эва, а мы в Буй направляемся.

— Ну хоть до Буя, а уж там я сам как-нибудь.

Старшина в раздумье почесал затылок.

— Право, и не знаю, что с тобой делать... Ладно, так и быть, возьму грех на душу. А коль такое дело — иди и второе доедай.

От радостного волнения у Николая зачастило сердце. А час спустя он уже был на полке пассажирского вагона и, блаженно потягиваясь, рассеянно поглядывал на мелькавшую за подмороженным окном таинственно-величавую тайгу в зимнем наряде: «Со стороны-то на нее не налюбуйешься...»

В купе пришел старшина. На суконной гимнастерке его — нашивка за тяжелое ранение и медаль «За отвагу».

— Как, служба, устроился? — поинтересовался он тоном человека, который делает добро, хотя и бескорыстно, но которому вовсе не безразлично получить за это слова благодарности.

— Отлично, товарищ старшина! Большое вам спасибо!

— Об чем разговор! В солдатской жизни главное дело — что? Взаимовыручка! Как говорил Александр Васильевич Суворов, сам погибай, а товарища выручай!.. Лично я, если хочешь знать, давно бы уж концы отдал, если б не этот железный закон...

Старшина набил трубку махоркой, прикурил и, жадно затягиваясь, рассказал, как однажды, дело было под Великими Луками, при прорыве окружения он был тяжело ранен разрывной пулей в бедро и как совсем неизвестным ему боец, рискуя жизнью, вынес его с поля боя буквально из-под носа противника.

— Так-то вот, дорогуша... А ты уже воевал?

— Пока еще не доводилось.

— Ну ничего, еще повоюешь. Главное дело, чтоб про взаимовыручку не забыл.

Поезд шел медленно, с частыми и длительными остановками — уступал дорогу воинским эшелонам. Из теплушек, разжигая у Николая тоску, доносились захватские переборы гармошек и задорные песни...

7

Из Буя Николай выехал на резервном паровозе, направлявшемся в Вологду. Паровоз шел «по зеленой улице», почти без остановок. Если так дело пойдет, думал Николай, то уже ночью вполне можно добраться до Череповца.

Конечно, во сто крат было бы благоразумнее не появляться в этом городе и, тем более, не заходить домой, но ему до зарезу нужно было хотя бы пятиминутное свидание с Олей, чтоб посвятить ее в свои отчаянно-дерзкие планы. Всего только пять минут...

На станции Лежа локомотив вдруг остановили, и, как заявил машинисту дежурный по станции, надолго, может быть, часа на два. Все это время торчать на паровозе — значит, вызвать подозрение у бригады, и Николай решил сойти, сказав своим попутчикам, что пойдет на поиски харчей. «Это даже к лучшему, приехать в Вологду вечером, — утешал он себя, шагая по снежной тропке вдоль дощатого забора. — Там ведь можно столкнуться со знакомыми...»

За дни скитаний после побега Николай уверил себя в том, что и дальше все будет именно так, как он задумал, — то есть, что он непременно побывает дома перед тем, как проберется в зону боевых действий и легализуется, выдав себя за рядового, отбившегося от своей части. Там, на фронте, Николай надеялся встретить второго усатого старшину, который поможет ему осуществить задуманное. Поэтому, увидев идущего навстречу милиционера, он не испытал ни страха, ни даже предчувствия опасности.

— Документы! — потребовал милиционер, остановившись в трех шагах от него. Взгляд у него испытующе-подозрительный, непреклонный...

«Вот и повидался с Олей», — отрешенно подумал Николай. На такой вот случай он заранее, еще в лагере, продумал ответ и, тем не менее, запнулся на первом же слове:

— А какие... яки документы могут быть у дезертира?

— Дезерти-ир? — с придыхом переспросил милиционер, торопливо расстегивая старенькую кобуру. — Ну-ка, поворачивай кругом и — вперед!

— Зря наган-то выхватил, — заметил Николай, унимая внутреннюю дрожь. — Убегать я не собираюсь, хватит, набегался...

— Не рассуливай! — прикрикнул милиционер.

Протокол задержания он составлял в отслужившем свой век товарном вагоне, снятом с колес и приспособленном под сторожку. Долго и старательно оттачивал он складным ножичком химический карандаш, потом разгладил на хромоногом засаленном столике лист серой плотной бумаги и, глядя на Николая в упор, приступил к допросу:

— Фамилия, имя, отчество?

— Косаренко Иван Дмитриевич.

— Возраст и место рождения?

Николай сказал, что он родился в тысяча девятьсот шестнадцатом году, в селе Репьевка, под Воронежем.

— Местность оккупирована?

— Да.

Милиционер распрямылся, перестав писать, и с такой ненавистью, с таким презрением посмотрел на Николая, что тот поневоле опустил глаза.

— Вот видишь, какой дикий абсурд налицо, — сказал он, плохо сдерживая ярость. — В его родном краю фашисты бесчинствуют, а он... — Не договорив, милиционер стиснул зубы так, что на скулах появились желваки. Потом, взяв себя в руки, продолжил: — Звание?

— Рядовой.

На вопрос о том, где и когда дезертировал, Николай ответил, что свой полк под Ленинградом он покинул еще в сентябре. И, прикидываясь таким простачком, спросил сурового милиционера:

— Часом не бывали там?

— Вопросы задаю я! Твое дело отвечать на них четко и ясно. Понятно?

— А почему же и нет? Я человек, хотя и не дюже грамотный, но голова моя кулекает... А полюбопытствовал потому, шо, может, одну и ту же похлебку едали...

Николай постепенно входил в роль, которую исподволь продумал задолго до побега. На смешанном русско-украинском языке, на каком говорят его земляки, старожилы Репьевки, потомки выходцев с Украины, он без запинки назвал номер «своего» полка, звание и фамилию его командира, упомянул два населенных пункта, где полк вел тяжелые бои и понес большие потери, рассказал несколько боевых эпизодов, услышанных от одного словоохотливого лагерного соседа по нарам.

— При каких обстоятельствах дезертировал?

— Я вже казав: весь август на нашем участке обороны не утихали бои. Получалась така катавасия: то мы шугаем фашистов с высоты, то вони нас... Пид конец полк вывели в тыл, для отдыха и пополнения... С кормежкой було туго, я пишов в поле, картошку шукать. Пробув целый день, испугався — за самоволку пришьют дезертирство, и став настоящим дезертиром...

— Где скрывался?

— А где придется, — вдохновенно фантазировал Николай, усиленно и целеустремленно создавая о себе впечатление глубоко и искренне раскаявшегося отступника. — Наибільше по лесам мотався...

— Воровал? Разбойничал?

— Та ты шо — белены объевся? — искренне возмутился Николай, но, вспомнив, что не святого же апостола изображает, признался: — Один раз, каюсь, был такой грех — стащил буханку хлеба... Опять же белки на меня в большой оби-де — на ихние запасы орехов и грибов покушался...

— Как же ты жил?

— А як зверюга неприкаянный... Выкопал себе яму под сваленным деревом, накрыл ее, но разве в ней от холодов спасешься?.. Такая житуха опротивела хуже смерти, и я решил с ней покончить...

Николай видел и чувствовал: его «чистосердечное» признание производит на милиционера благоприятное впечатление. Это подбадривало: доброжелательно составленный протокол задержания не могут не заметить потом и следователь, и судья.

Когда милиционер выспросил у задержанного все, что в подобном случае положено выспросить, и дал ему подписать свои показания, Николай мечтательно сказал:

— Як бы меня теперь снова отправили на передовую, я бы воевал честно...

— Это уж военный трибунал будет решать, чего тебе пришпандорить, высшую меру или штрафную роту, — с чувством исполненного долга пояснил милиционер, засовывая протокол в командирскую сумку. — А будь моя воля, я б тебя, сукиного сына, без суда и следствия шлепнул как миленького! Подлым трусам и паникерам нет места на нашей земле!

В душе Николай был безоговорочно согласен с ним, но, продолжая играть роль «раскаявшегося дезертира», взял да и поддел его:

— Храбрость-то надо бы показывать не в тылу...

Милиционер весь передернулся, побледнел и, тяжело дыша, проговорил со страшной яростью:

— Ты, отброс человеческий, и смердящий к тому же... Да знаешь ли ты... Моя грудь... Вот эта самая... Так вот она в рукопашной тремя фашистскими пистолетными пулями прострелена! Так что наперед прошу выразаться поаккуратней, не то я за самого себя не ручаюсь...

«Перестарался, — сокрушенно думал Николай, шагая впереди оскорбленного им милиционера. — Дернуло же меня за язык брякнуть такое... Ты уж, дорогой товарищ, прости, я ведь поставлен в такие условия, что сам черт, и тот может ногу сломать...»

8

Когда перед побегом Николай Кравцов обдумывал версию своего «дезертирства», он не мог не понимать, что ее непременно будут проверять и, стало быть, могут обнаружить в ней уязвимое место: односельчанин и друг детства Иван Дмитриевич Косаренко, чье имя взял себе Николай, в названном полку не служил и, по слухам, пропал без вести еще в первые месяцы войны. Даже самого неискущенного в сложном искусстве дознания следователя это обстоятельство может натолкнуть на крайне нежелательные меры, вплоть до отсылки его к месту «дезертирства».

Как и предполагал Николай, следователь райотдела милиции уже после первого ознакомительного допроса письменно запросил названный им полк, действительно ли из него дезертировал рядовой Косаренко? Самого же Николая, перед тем как отправить в Вологодскую тюрьму, посылал в райвоенкомат на медицинскую комиссию. Мнение докторов было единодушным: годен к строевой службе.

Только теперь, в тюремной камере, Николай по-настоящему осознал, какое непомерно тяжелое бремя взвалил на свои плечи, — отречься от самого себя и под чужим именем отвечать — по законам военного времени! — за мнимую измену солдатскому долгу. Больше того, эту «измену» он еще должен доказать следственным органам и военному трибуналу!

Сумеет ли?..

Но если даже и сумеет, кто поручится за то, что к нему не применят полагающуюся за дезертирство высшую — совершенно справедливую! — меру наказания?..

Однажды Николай так ушел в себя, что начисто забыл, кто он теперь, и никак не отреагировал на распоряжение надзирателя: «Косаренко, вынеси парашу!» Тому пришлось повторить приказание и даже его потормозить:

— Да ты оглох, что ли?

— Виноват, гражданин начальник! — смиренно сказал очнувшийся Николай. Задумался.

— А об чем тебе свою голову-то ломать? — добродушно-ворчливо, но без иронии, пожурил старик-надзиратель. — Напоен? Накормлен?

— Как зять у заботливой тещи! — улыбнулся Николай, подстраиваясь под игривый тон надзирателя. — И охраняем куда лучше, чем неверная жена ревнивым мужем.

— Что же тебе по нынешним временам еще-то надо?

— Ничего, я всем доволен.

— То-то же... Должен радоваться, что над тобой пули не свистят и снаряды не воют. Этого же, чай, хотел, когда с фронта-то бежал?

— Сущую правду говорите, гражданин начальник! Я и вправду мечтал о тишине и безопасности. Но теперь согласный опять туда...

— Вот за это молодец! Ежли, конечно, всем сердцем почувствовал... Стало быть, в тебе еще не все человеческое погубило...

Изнуряюще медленно тянулись короткие декабрьские дни, бесконечными казались ночи с пугающей тишиной и бессонницей. Сутки складывались в недели, не внося в положение Николая абсолютно никаких изменений: его даже не вызывали на допросы!..

Для чего, спрашивается, следователь затеял эту нудную и совершенно ненужную канитель? Человек же сознался, что он дезертир, стало быть, остается предъявить ему обвинение и направляй его в трибунал. Все ведь просто и ясно, как божий день!

Так Николай и заявил следователю Мартемьянову, когда тот, наконец, вызвал его к себе, в райотдел, на допрос.

— В том-то, любезнейший, и дело, что не все так просто и ясно, как вам кажется, — мягко возразил Мартемьянов, расчесывая на пробор реденькие волосы, слегка тронутые сединой. — И вы это прекрасно понимаете, поскольку по хорошо известной вам причине дали следствию ложные показания, то есть сделали самооговор.

— Я говорил правду!

— Охотно хотел бы верить вам, да вот закавыка-то: в названном вами полку, из которого вы якобы дезертировали, вас не знают. А это, сами понимаете, выбивает почву из-под ваших ног...

— Як це так не знают? Вони шо там — с ума посходили?

— Посходили, нет ли — это уже другой вопрос, но факт остается фактом: в списках личного состава двести восемьдесят четвертого полка фамилия рядового Косаренко Ивана Дмитриевича не значится.

— Так я вже вам казав: полк-то цей був разбит! — наигранно горячился Николай, не сдавая своих шатких позиций. — Может, вони пропали, те самые списки, — я-то при чем? А може, комусь невыгодно признаться в позорном случае дезертирства — за него начальство по головке не гладит. И орденом не награждает... А як шо моим словам не верите... Отправьте меня на фронт, ну, отправьте. Я погляжу, как мои начальники будут отказываться, глядя мне в глаза...

Простодушие и напористость, с которыми Николай доказывал свою «правоту», наконец, требование отправки туда, где от него «отрекались», все это хотя и производило определенное впечатление на Мартемьянова, но, увы, не достигало нужной Николаю цели.

В облике подследственного Мартемьянов улавливал что-то такое, что заставляло усомниться в правдивости его показаний. Следовательская интуиция подсказывала ему: Косаренко вовсе не тот, за кого себя выдает, но ведь сомнения к делу не пришьешь. С другой стороны, если даже исходить из предпосылки, что Косаренко и действительно дезертировал, то и в этом случае следствие зашло в тупик: одного признания подследственного, не подкрепленного объективными доказательствами, недостаточно, чтобы предать его суду военного трибунала.

— Хорошо, — сдался Мартемьянов, уступая настойчивости Николая. — Я еще раз пошлю запрос в штаб полка.

В тесной камере тюрьмы вместе с Николаем ожидали участи двое: рыжий дедина с воспаленными белесыми глазами и благообразный старик, все время ощупывающий реденькую бородку. Рыжий обвинялся в том, что, будучи кондуктором товарных поездов, вскрывал вагоны, а благообразному мужику предъявлялось обвинение в уклонении от призыва в армию по религиозному мотиву: вера во Христа-де не позволяет ему братья за оружие. И тот и другой вызывали у Николая недоброе чувство. Его раздражал как животный страх рыжего перед неотвратимым возмездием за кражи, так и покорная готовность баптиста принять любое наказание, которое он считал едва ли не счастливой платой за его любовь ко Всевышнему.

Наблюдая за своими соседями, Николай пытался представить себя на месте следователя, чтобы предугадать его возможные шаги после того, как из полка вторично придет отрицательный ответ. Но, как ни силился, ничего утешительного не видел: исход следствия виделся самым пагубным для всех его далеко идущих планов.

«Может, зря я это все затеял?..»

Тягостные размышления прервало позвякивание связки ключей, скрип задвижки и ворчливый голос надзирателя:

— Выходи на прогулку!

Шагая за рыжим железнодорожником-грабителем, Николай задумчиво глядел себе под ноги. В сердце его — непреходящая тревога: когда и как закончится опасная игра в дезертира?..

Но вот он поднял голову и на секунду-другую остолбенел, нарушив ритм прогулки: возле проходной стоял тот самый капитан, военный следователь, который допрашивал его после первого, рокового ареста. Он стоял рядом с начальником тюрьмы и, о чем-то тихо переговариваясь, посматривал на прогуливающих арестантов. Николай живо представил себе, что произойдет, когда капитан увидит его: «А, скажет, старый знакомый!.. Но почему тебя до сих пор держат в тюрьме и не отправляют в исправительно-трудовой лагерь?..»

На этом и закончится «дело Косаренко», а в «деле Кравцова» появятся новые страницы допросов и новый, еще более суровый приговор, теперь уже за побег...

К счастью, капитан не узнал его. Тем не менее шоковый испуг не прошел у Николая и в камере: зачем, почему он тут, этот следователь военной прокуратуры?..

Неужели милиция, признав свое бессилие, передала «дело Косаренко» армейским органам дознания?

Ну, конечно же, так оно и есть! Убедились в том, что никакой он не дезертир, и передали. Поэтому-то капитан и появился в тюрьме. Теперь того и гляди придет надзиратель и с профессиональной бесстрастностью распорядится: «Косаренко, на допрос!»

В гулком коридоре действительно послышались надзирательские неторопливые шаги — куда ему спешить? Вот он остановился возле двери, заглянул в оконце и... отошел. Но у Николая тревога не унялась: не вызвали в эту минуту, так вызовут через полчаса. Или через час.

Как птица, попавшая в клетку, Николай забегал, панически заметался по камере.

В оконце снова показался всевидящий глаз надзирателя:

— Косаренко, прекрати беготню!

Взбодороженный Николай послушно остановился, прислонясь спиной к столу нар.

— И стоять не положено. Пора усвоить: в тюрьме сидят, а не стоят и не бегают...

В тоскливом ожидании неизвестного замедленно тянулось однообразие тюремного времени. В голове Николая — бесконечный поток дум. Воспоминания переносят его то в Череповец, к Оле и детям, то в Репьевку.

Где-то там идет большая жизнь со всеми ее сложнейшими противоречиями, радостями и печалью, взлетами и падениями. Люди поднимаются в атаку, варят сталь, доят коров, пекут хлеб, оплакивают погибших, рожают детей, и только он, Николай Кравцов, отгорожен ото всего этого толстыми стенами, и к нему не долетают ее слабые отголоски...

На допрос Николая вызвали лишь в начале февраля сорок третьего. В этот раз Мартемьянов сам приехал в Вологду и разговор начал с радостного сообщения.

— Герои Сталинграда вчера окончательно добились трехсоттридцатитысячную армию Гитлера. Весь народ ликует, а я вот вожусь с тобой, подонком. Обидно и за себя, и в конце концов, за тебя. Ведь тебя же, черт побери, родила русская мать. Разве ж о такой судьбе твоей она мечтала, когда растила тебя? Разве учила она тебя страшной подлости? Ведь — нет же!

— Нет, конечно, — подтвердил Николай. — Она учила меня быть честным и справедливым...

— Вот видишь, я в точку попал! — обрадовался Мартемьянов. — А ты?

— Я всю жизнь стремился быть таким!

— Не похоже...

Следователь прошелся по кабинету, размышляя о загадочном арестанте. Он рассуждал: раз человек выдает себя не за того, кто он есть на самом деле, то, надо полагать, имеет какие-то веские причины. Но какие именно? Что побудило его взять на себя тяжчайшее воинское преступление, которое он, судя по всему, не совершал? Участковый со станции Лежа в своем донесении о задержании бездоказательно и не совсем грамотно утверждает: «Данные действия показывают на человека, занимающегося шпионажем». Что, если он прав?..

— Слушай, Косаренко, или как там тебя, — скорее для проформы, нежели ради дела, сказал Мартемьянов, — а может, тебя забросили с той, с фашистской стороны?

«Вон ты куда хочешь повернуть!»

— Вы шо — смеетесь?

— Не строй из себя Ивана-дурачка! Ты же не можешь не понимать: только искренность и чистосердечие спасут тебя от расстрела... Ведь как ты дошел до этого? В тяжелой обстановке попал в плен, побоями и издевательствами фашисты принудили тебя к измене и забросили в наш тыл... Но Родина готова великодушно сохранить тебе жизнь, если во всем сознаешься.

— Гражданин следователь, вы ведете несерьезный разговор! Если бы я був предателем... Фашисты-то, я думаю, не дураки и своего шпиона снабдили бы документами. И с их точки зрения — надежными. Так что не приписывайте мне лишних грехов: в чем виноват — не скрываю и готов отвечать по всей строгости закона...

— Что ж, Косаренко, пускай будет по-твоему, — неохотно согласился с доводами следственного Мартемьянов. — Ты предстанешь перед военным трибуналом. Он и определит что-то одно из двух: либо жизнь, либо... Да чего же тут на правду-то глаза закрывать? Трибунал вполне может и к стенке поставить. Чтoб у других субъектов, вроде тебя, отбить охоту отсиживаться в кустах в тяжелое для Родины время. И совет мой тебе таков: сумел нашкодить, сумей и ответ держать. На суде это тоже берется во внимание. Судьям, я так думаю, небезразлично знать, до конца ль ты потерянный для общества, иль в тебе еще жив человек...

Сипловатый голос председательствующего — тучного подполковника с отчетливыми кругами под глазами — был подчеркнуто строг и официален:

— Подсудимый Косаренко, признаете ли вы себя виновным в предъявленном вам обвинении?

— А как же, конечно, признаю! — с готовностью подтвердил Николай. Отпираться не стану — виноват я, нарушив присягу...

На все последующие вопросы, а их было немало, он отвечал заученно и с подкупающим «чистосердечием», наигранно сожалея о содеянном.

Как и у следователя, у членов военного трибунала острое недоумение вызвало то, что воинская часть, из которой подсудимый, по его словам, дезертировал, не признавала ни факт дезертирства, ни самого Косаренко.

— Вы, может быть, перепутали номер полка? — допытывался председатель.

— На свою память, гражданин судья, я пока не жалуюсь...

— Допустим, но чем же тогда объясните такую странность: штаб полка не подтверждает ваших показаний?

Николай пожал плечами:

— Откуда мне знать?

— А все-таки? — Председательствующий, как, впрочем, и остальные члены трибунала, не сводил с него подозрительного взгляда, от которого Николаю становилось не по себе. — Ведь должна быть какая-то причина? Как вы сами истолковываете эту несообразность?

— Граждане судьи, вы же хорошо знаете: бойцу про своих командиров не то что говорить — думать плохо не положено. Иначе как же это будет армия?.. И если мои командиры отказываются от меня, значит, у них есть причина. К примеру, така. За дезертирство с них могут спросить, и строго, вот они и решили избавить себя от неприятностей... Но я-то почему из-за этого должен дополнительно страдать? При том же, граждане судьи, я ведь еще следователя своего просил... В протоколе его записано... Я просил отправить меня в полк, на очную ставку... Это сделать и вам не поздно...

— М-мда, — председательствующий обменялся многозначительными взглядами с членами трибунала. — А что вы скажете суду в своем последнем слове?

— А шо иного я могу сказать? Виноват и заслужил самую суровую кару... И все же буду просить вас, чтобы вы не наказывали меня смертью. Отправьте меня на фронт, доверьте снова оружие... Понимаю: немного стоит слово дезертира, но я его все равно произнесу: беспощадно буду мстить фашистам!..

— Суд удаляется для вынесения приговора!

«Выносил» он его нестерпимо долго — так, по крайней мере, показалось Николаю, с ложным пафосом и ложной искренностью до конца разыгравшему преступно неблагодарную роль. Шестое чувство подсказывало ему: члены трибунала поверили в его мнимое дезертирство.

— Встать, суд идет!

Николай всматривался в непроницаемо строгие лица своих судей, исполненных важностью момента. И когда они шли, и когда усаживались за столом, накрытым обвешалым красным сукном, члены трибунала даже ни разу не взглянули в его сторону — для них Николай вроде бы уже и не существовал. Внутри у него все онемело: значит, никаких надежд!..

Будто певец с аккомпаниатором перед началом концерта, председательствующий переглянулся со своими коллегами, мимолетно бросил отчужденный, холодный взгляд на Николая и, откашлявшись, начал металлически суровое:

— Именем Российской Советской Федеративной Социалистической Республики

ки военный трибунал... признал Косаренко виновным в совершении преступления, предусмотренного статьей 193-9а Уголовного кодекса РСФСР, но, не усматривая по обстоятельствам дела необходимости применения к нему высшей меры уголовного наказания — расстрела и руководствуясь статьями 319 и 320 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР и статьей 51 Уголовного кодекса РСФСР, приговорил:

Косаренко Ивана Дмитриевича на основании статьи 193-9а Уголовного кодекса РСФСР с применением статьи 51 Уголовного кодекса РСФСР лишить свободы в исправительно-трудовых лагерях сроком на десять лет без последующего поражения в правах и без конфискации имущества.

Исполнение настоящего приговора в порядке примечания 2 к статье 29 Уголовного кодекса отсрочить до окончания военных действий, направив осужденного на фронт.

Если Косаренко в действующей Красной Армии проявит себя стойким защитником СССР, то мера наказания ему, по ходатайству командования части перед военным трибуналом, может быть понижена, или он может быть вовсе освобожден от отбывания наказания.

Меру пресечения трибунал определил: содержание под стражей отменить, Косаренко из-под стражи немедленно освободить и направить в действующую Красную Армию.

Приговор окончательный и обжалованию не подлежит...»

В зале судебных заседаний, по-казенному мало уютном, на какое-то время устоялась звенящая тишина: только и слышно было, как за широким окном, покрытым толстым слоем намерзи, весело и беззаботно чирикали воробьи.

— Подсудимый Косаренко, вам понятен приговор? — спросил председательствующий уже обычным тоном обычного человека, не обремененного тяжкими обязанностями решать драматические, а порой и трагические судьбы людей.

— Значит, я попаду на фронт? — словно бы не веря тому, что услышал, уточнил Николай. — Значит, мне снова доверяется оружие?

— Совершенно верно, — подтвердил председательствующий, не без удивления глядя на осужденного, у которого навернулись на глаза слезы радости. — Вы будете отправлены в штрафную роту, чтобы искупить свою вину.

— Спасибо, сердечное вам спасибо! — поблагодарил взволнованный Николай. Душа его пела и ликовала.

Члены трибунала непонимающе переглянулись: такого им видеть еще не доводилось...

11

— Товарищ майор, рядовой Косаренко прибыл в ваше распоряжение!

Молодой, по-цыгански красивый офицер с двумя орденами Красной Звезды и нашивкой за тяжелое ранение, оглядев новичка, устало, но безразлично заинтересовался:

— Что такой худой? Из госпиталя?

— С курорта, — улыбнулся Николай и протянул майору документы.

— А, так, оказывается, ты штрафник? За что осужден?

— За дезертирство, товарищ майор.

Офицер недовольно нахмурился:

— Ну, ну... Откуда родом?

— Воронежский...

— Гм... Земляк, выходит?

Николай насторожился:

— А вы, товарищ майор, из самого Воронежа?

— Нет, из Бутурлиновки.

— А еще воронежцы тут есть?

— Вроде бы нет, а там, кто ж его знает. Людей в запасном полку — тысячи, а я в нем недавно, из госпиталя... Штрафниками у нас тут командует старший лейтенант Перепелкин, к нему и направляй свои стопы... Есть, небось, хочешь?.. Хотя чего об этом спрашивать... Айда на кухню, к повару Самойленкову, и скажи ему, что это я тебя прислал. Обед, правда, уже прошел, ну да, я думаю, он чего-нибудь найдет... Что ж, земляк, искупай вину честно, изо всех сил старайся смыть с себя грязь позора!

— А мне по-иному нельзя, товарищ майор!

Еще на подходе к столовой Николай почувствовал волнующие запахи и, глотая слюну, с опаской подумал: «А что, если от обеда действительно ничего не осталось?..»

В огромном зале, вмещавшем не одну сотню людей, сидело всего несколько бойцов. Николай направился к раздаточному окну, вызвал повара и, когда тот, вытирая руки о полотенце, неспешно подошел, по-свойски поприветствовал его:

— Привет, браток!

— За добавкой? — глядя куда-то мимо Николая, спросил лоснящийся повар — таких «братков» его ежедневно осаждают десятки.

— Я от майора Нечипуренко. Он приказал накормить меня.

Повар сощурил хитро улыбающиеся глаза:

— Не покормить, а накормить? А много ли съешь?

— Сколько дашь, столько и съем.

— Ой ли?.. Ну считай, что тебе повезло. Нынче срочно отправили команду, даже пообедать не успела, — сказал повар и подал миску супа.

Николай набросился на еду с жадностью и через несколько минут уже снова появился у раздаточного окна...

И вторую миску супа съел с такой ненасытной жадностью, как и первую. А есть хотелось, кажется, еще сильнее. Ему бы благоразумно сказать себе: хватит! — а он снова заспешил к раздаточному окну — простительно ль упускать столь счастливый случай?..

...На розыски команды штрафников Николай отправился с непривычно отяжеленным желудком. Вскоре он раскаялся в своей неосмотрительности: ему вдруг сделалось дурно, и он покрылся холодным потом. «Мать честная, это же надо быть таким идиотом!» — запоздалой беспомощностью ругнул себя Николай, чувствуя, как с каждым шагом ему становится все хуже и хуже...

У входа в казарму, в которой размещались штрафники, он, хватаясь за живот, сперва присел на корточки, а потом и лег прямо на твердый снег...

Три дня Николай провалялся в санчасти запасного полка, но улучшения не было, и его отправили в госпиталь. Он лежал пластом, не вставая, и уже ничего отрадного для себя не видел: силы его быстро угасали...

Однажды, открыв глаза, он увидел возле своей кровати несколько мужчин и женщин в белых халатах. Они глядели на него с грустной безнадежностью...

— Спасите меня, — еле слышно попросил он. — Мне нельзя умирать... Пожалуйста, спасите!..

Врачи о чем-то тихо посоветовались и ушли, не сказав ему ничего, будто он их ни о чем и не просил. Не сочли нужным даже выразить обычное, ни к чему не обязывающее утешение — зачем обнадеживать обреченного?

В ушах Николая вдруг поднялся страшный шум, а в глазах потемнело. Может, вот так и бывает в последние минуты?..

Но кто это снова склонился над ним? Ах, это оказывается, палатная сестра. Но что теперь-то ей нужно от него?..

А что, если ей открыться? Пускай потом напишет Оле, где и как закончил свой жизненный путь ее незадачливый муженек. Чтоб ни она, ни дети всю жизнь не мучились в бесплодных догадках...

Сестра что-то говорит, но Николай из-за шума в голове не слышит ее голоса. Она сует ему какие-то пилюли, силой заставляет проглотить горькую микстуру и показывает на тарелку с творогом и куском белого хлеба. Значит, доктора вовсе не считают его безнадежным?..

Шли дни, и Николай с изумлением возвращенного к жизни человека наблюдал за тем, как мартовское солнце весело и по-матерински щедро ласкало мир. За окном звенела капель, журчали ручьи, подмывая оледенелый снег, и с озабоченностью творцов строили гнезда грачи — по родной многострадальной земле шествовала весна...

Вскоре он поднялся на ноги, но ходить начал, как ребенок: сперва робко, неуверенно и в пределах палаты, потом стал выбираться в длинный коридор. Однажды Николай самостоятельно даже сошел с третьего этажа на первый, в рентгеновский кабинет. На обратном пути, проходя мимо раскрытой двери канцелярии, увидел телефон и, недолго думая, обратился к белокурой девушке-секретарю:

— Сестрица, будь ласкова, уважь мою просьбу.

— Какую?

— В Череповце проживает Ольга Тимофеевна Кравцова. Мне дозареzu надо с ней поговорить. Не откажи!.. Это моя двоюродная сестра...

Девушка понимающе заулыбалась:

— А может, внучатая племянница?

Улыбнулся и Николай:

— Ты права... Понимаешь, вот уже почти год от нее никаких вестей. Помогите установить связь — век буду благодарить!

— Раз такое дело — попытаюсь. Давайте адрес.

Возвратившись в палату, утомленный Николай уснул так крепко, что даже проспал обед. Проснулся уже под вечер с чувством облегчения и ожидания чего-то радостного, светлого, но не сразу осознал, чего же именно. Наконец, вспомнил: возможен телефонный разговор с Олей!..

Но предвкушение светлой радости убила отрезвляющая мысль о предосторожности: «А не погубишь ли ты сам себя этим разговором?..»

Ночь прошла в противоречивых раздумьях: подходить к телефону или не подходить? Решения никакого не принял, и потому, когда утром, во время завтрака, в палату вбежала девушка из канцелярии и выпалила: «Косаренко, к телефону!», он несколько секунд оторопело глядел на нее, не зная, как быть.

— Что же ты? — поторопила она его. — Быстрее же!

Николай рванулся с места. С трудом переставляя ноги, он зашпешил в коридор. Перед тем как войти в комнату с телефоном, в нерешительности остановился, а потом досадливо махнул рукой — будь что будет, — открыл дверь. Взяв трубку, Николай сразу же услышал хорошо знакомый женский голос: «Алло, я слушаю, кто меня вызвал?.. Алло!..»

Николаю страстно хотелось сказать жене о многом, а еще больше узнать о ее теперешнем житье-бытье, но он, будто потерявший дар речи, молчал, вслушиваясь в тревожные интонации голоса родного человека, и молчал. Потом, осторожно положив трубку, мысленно обратился к жене: «Прости, Оля, и за это своего непутевого муженька...»

Армейская штрафная рота, в которой Николаю Кравцову предстояло искупить вину, действовала в Карелии. Он прибыл в нее старшим по команде в начале мая сорок третьего года, под вечер, когда северное солнце уже спускалось к зубчатой линии пихтового леса, занятого противником.

Пополнение принимал командир роты Горначев, капитан в щегольской кубанке и бекеше, опушенной серым каракулем, накинутой на плечи небрежно, но расчетливо — так, чтобы были видны все три боевых ордена и медали «За отвагу». Приняв рапорт Николая, Горначев неторопливо, властно прошелся вдоль строя новичков. Остановился возле серой громады валуна, обросшего зеленым мхом, и заговорил неожиданно низким басом:

— Вот что, христосики... Я не намерен ворошить ваше грязное белье для выяснений, за что каждый из вас попал под трибунал. Для меня важно не это. Как будете драться — вот что главное. Признаюсь: люблю смелых и отважных, а с трусами и паникерами у нас тут разговоры очень даже простые и короткие — расстрел на месте! Вопросы по этому поводу будут?

— Все и так ясно-понятно! — за всех ответил Коровин, конопатый боец лет тридцати в кургузой шинелишке и небрежно заломленной пилотке.

— Превосходно! — одобрительно заключил Горначев, похлопывая прутиком по начищенному до зеркального блеска хромовому голенищу. — Разъясню и другое, тоже весьма существенное... По приговору каждый из вас должен кровью искупить свою вину — ранение автоматически снимает судимость. Кого же пуля или осколок, не дай бог, срзлит наповал — война есть война, тут уж, братцы мои, ничего не попишешь, — погибший, одним словом, будет похоронен с доступными нам воинскими почестями. В этом случае родным сообщается, как и про всякого бойца, геройски сложившего голову в боях за Родину. Вот и вся для вас политграмма... А сейчас отправитесь на склад за продуктами. Старшим по-прежнему будет, — капитан взглянул на Николая, — как тебя?..

— Рядовой Косаренко, товарищ капитан!

— Подойди-ка сюда, Косаренко.

Командир роты почему-то долго всматривался в лицо Николая, словно бы что-то вспоминая.

— Мы с тобой нигде не встречались?

— Нет, товарищ капитан...

— Странно. А лицо твое мне кажется хорошо знакомым... В топографии смекаешь?

— Немножко.

Развернув карту, командир роты ткнул в нее пальцем:

— Что изображено?

— Кустарники.

— Правильно. А это?

— Непроходимые болота.

— Тоже верно.

Капитан задал еще несколько вопросов и не без удивления заметил:

— Да ты, тово, не разжалованный ли офицер?

— Что вы, товарищ капитан, — поспешил разуверить Николай. — Я вообще не шибко грамотный.

— Но где же ты научился топографической премудрости?

— На действительной, товарищ капитан. Служил при штабе полка, там и поднаторел.

Это, видно, не очень убедило капитана.

— Ну, тебе лучше знать, где и как приобрел командирские знания, — сухо заметил он. — А сейчас перед тобой задача такая... Поведешь людей вдоль этого кривого озера до охотничьей избушки. Возле нее свернешь влево и по настилу через болото выйдешь на позиции дивизионных артиллеристов. Ну а от них до продсклада рукой подать. Он расположен вот здесь, на опушке. Вопросы есть?.. Тогда действуй!

13

Вытянувшись цепочкой, восемнадцать штрафников шагали вразнобой. Под ногами — мягкий настил мха, скрадывающий звуки шагов, над головой — небо с кучевыми облаками, а вокруг — лесистые сопки и распадки, озера и болота, соединенные между собой протоками. В укромных, малодоступных для солнца местах еще серел снег. Глядя на него, Николай с тоской подумал: «А у нас в Репьевке теперь уже вишни и яблони в цвету...»

Подошли к болоту. По его зыбкой, мшистой и кочковатой поверхности был проложен пешеходный настил в три бревна. Под ногами бойцов он оживал, вдавливаясь в чавкающую жижу. Противник, наверное, знал про эту деревянную тропку и держал ее под обстрелом: по обочинам — бесчисленные оспины разрывов, заполненные ржавой водой. В нескольких метрах прямым попаданием повреждены бревна настила.

Разглядывая следы обстрелов, Николай невольно и не без опаски оглянулся — не просматривается ль болото наблюдателями противника?

Солнце уже давно скрылось, а привычной темноты не было.

— Чудно, ей пра, чудно! — удивлялся конопатый Коровин, шагавший позади Николая. — Ночь, а вон как хорошо видно. Даже читать можно. Ясно-понятно сказка, да и только. Не воевать — пожить бы в этих райских местах. Поохотиться, рыбу половить... Тут ведь и зверь непуганый, и птица...

— Куда там — непуганый, — насмешливо возразил боец со шрамом на подбородке. — Да он теперь, зверь-то этот самый, за сотни верст скаканул отсюда... Я воевал под Харьковом и знаю... Не то что звери — собаки и те такого дали стрелача — не скоро их теперь заманишь в родную сторонущку...

«Как и меня», — с горькой усмешкой подумал Николай, ни на минуту не забывавший о своем новом положении.

А Коровин начал оправдываться:

— Так вить я что, ясно-понятное дело, я про мирное время калякаю. Теперь же тут, конечно, никому житья нет — ни зверю, ни человеку... А кончится война, да жив останусь — уж непременно прилечу сюда!.. А ты как, Косаренко?

— А никак, — неопределенно ответил Николай.

Конечно, если говорить начистоту, он тоже не прочь пожить в этом глухом, но благодатном краю, тем более что в родном ему вовсе нельзя появляться, но стоит ли сейчас мечтать о времени, отдаленном непроницаемой завесой войны? Имеет ли смысл строить какие бы то ни было планы, если тебя ждут роковые события?

— Что, не по душе здешняя природа?

— Почему же? Я думаю о другом — воевать тут трудновато...

— Воевать везде нелегко и несладко, — вздохнул боец. — Скажешь, не так?

Николай промолчал, занятый своими думами.

Он добился того, чего так страстно хотел, — попал на фронт, но удовлетворения пока не испытывал. Мешало чувство душевной раздвоенности, как у малоопытного актера на сцене. Перевоплотившись в другого человека, Николай должен был начисто забыть самого себя, а это, оказывается, невозможно. Потому-то в нем жили теперь двое: сам он, Николай Кравцов, и его односельчанин, — това-

рищ Иван Косаренко. Оба враждовали между собой, ни в малом, ни в большом не уступая друг другу. Особенно непримиримым был Кравцов. Именно он, Кравцов, дал повод капитану думать, что перед ним не рядовой боец, а офицер...

Размышления Николая прервал стремительно нарастающий вой тяжелого снаряда.

— Ложись! — крикнул он, падая на бревна настила. Ошметки торфянистой земли, поднятой взрывом, еще шлепались по болоту, а далеко позади, где-то за нашей передовой, уже снова бухнула пушка, и через несколько секунд новый снаряд с небольшим перелетом упал почти рядом с настилом. Потом еще и еще...

Николаю, распластавшемуся на бревнах, вдруг стало знобко. Новизна ощущений удивила его и насторожила: «Что это со мной? Неужели я трус, неспособный владеть собой?..» И, как бы разуверив в этом самого себя, вскочил первым, когда кончился огневой налет. Вскочил и оглядел товарищей, прижавшихся к настилу. Все были бледны, взволнованы...

— Никого не задело? — спросил он. — Тогда пошли!

14

Поход за продуктами занял почти всю ночь — в расположение роты возвратились с восходом солнца. До кухни, размещенной в искалеченном снарядами сосняке, оставалось пройти каких-нибудь полкилометра, когда на передовой разорвалась мина. Вслед за нею — вторая, третья...

Все остановились, с тревогой прислушиваясь. Разрывы учащались, расширялась и площадь обстрела. Несколько мин и снарядов пролетели над головами солдат и разорвались где-то на болоте, по которому они только что прошли.

«Что это — обычный огневой налет или артподготовка? — думал Николай. — И что мне, как старшему команды, нужно предпринять?..»

Вой и грохот усиливались. Близкий разрыв мины словно бы подсказал нужное решение. Сбрасывая с себя мешок с крупой, Николай хрипло скомандовал:

— Продукты сложить и бегом на передовую!

— Но у нас же нет оружия! — запротестовал Коровин, и показалось, что на его бледном лице конопушки будто потемнели. — А с голыми-то руками нужны ли мы там?

— Не рассуждать! — по-командирски строго осадил его Николай. — За мной!

И с удивительной для самого себя легкостью побежал навстречу грохоту боя, уже не думая об опасности и — странное дело! — не ощущая противного нервного озноба. Он не оглядывался, но знал: следом за ним, тяжело дыша, бежали его товарищи, с этой минуты ставшие боевыми. Ему было приятно и радостно сознавать, что они без пояснений поняли мотивы его решения и подчинились его воле.

Миновали ротную кухню, низиной побежали к болотцу перед высоткой, по которой проходила оборона роты, и затопали по настилу. Мины рвались теперь то спереди, то сзади, то с боков. Всякий раз Николай вздрагивал и пригибался, не замедляя бега. «Вперед, только вперед!» — мысленно приказывал он самому себе.

Почти у самого выхода из болотца его вдруг обдало горячей волной. Он взмахнул руками, словно бы ища опоры, потерял равновесие и упал в трясину. Хотел было сразу же вскочить, но трясина продавилась и начала его засасывать. Николай кое-как дотянулся до настила, выбрался на него и опять побежал.

Перед входом в траншею, поджидая товарищей, немного отдышался.

По траншее, опираясь на винтовку, ковылял раненый боец. Бледное, давно небритое лицо его было покрыто каплями пота и страдальчески перекошено.

— А ну-ка, друг, отдай-ка мне свою винтовку, — попросил Николай.

— Это по какому праву? — подозрительно покосился на него раненый.

— По такому, что идет бой, а у меня нет оружия! Я из пополнения.

— Дурака поищи в другом месте, а я на медпункт должен заявиться с винтовкой. Иль приказа не знаешь?

— В армии выполняют последнее распоряжение!

В голосе Николая была такая уверенность в своей правоте, что боец пошел на попятную:

— Ну, если распоряжение, тогда что ж, тогда я — пожалуйста... Бери, а докторам я объясню, что и как...

Николай проворно зарядил обоймой винтовку, сунул в карман шинели две пачки патронов и перед тем, как скрыться в траншее, ведущей на передовую, махнул догонявшим его товарищам, чтобы они не отставали.

В том месте, где ход сообщения соединялся с траншеей переднего края, Николай остановился, пропуская вперед товарищей, — одних направо, других налево.

— Вооружайтесь за счет раненых и убитых и действуйте по обстановке! — наставлял он их властно и непререкаемо.

Когда последний боец — им оказался Коровин — скрылся за изгибом траншеи, Николай побежал следом за ним и, пригнувшись, вошел в первый же дзот. В тесном блиндаже удушливо-дымно: ручной пулемет стрелял длинными очередями, а легкий утренний ветерок дул прямо в амбразуру.

— Эй, друг, чем тебе помочь? — обратился Николай, улучив удобный момент.

— Диски! — прокричал пулеметчик, не оборачиваясь. — Заряжай диски!

Николай довольно ловко и быстро набил патронами два диска и, положив их на площадку возле треноги пулемета, заглянул в амбразуру.

Перед дзотом простиралась не очень широкая, метров в четырехста, впадина с удручающе жалкими остатками леса, искромсанного снарядами и минами. По ту сторону впадины — полукруг возвышения, тоже с искалеченными соснами и елями. По всему возвышению, то там, то здесь, рвались снаряды и мины, и Николай догадался: передовая финнов, по которой бьет наша артиллерия. На всем видимом пространстве — ни живой души, а между тем пулеметчик, вставив диск, разрядил его чуть ли не за единый выдох.

— Ты по какой цели-то бьешь?

Пулеметчик — им оказался чернобровый парень лет двадцати пяти — окинул Николая раздраженным взглядом:

— Твое дело заряжать диски и не задавать глупые вопросы!

— Глупый тот, кто бесполезно расходует боеприпасы! — огрызнулся Николай.

Пулеметчик, не ожидавший отпора, пошел на попятную:

— Тоже мне — рачительный хозяин... Да если бы на войне каждая пуля находила себе цель — всех гитлеров и прочих геббельсов уже давно бы не было на свете!

Бой постепенно затихал: реже рвались снаряды и мины, вялой становилась ружейно-пулеметная перестрелка.

— Ты откуда взялся-то? — спросил пулеметчик, рукавом шинели устало вытирая высокий лоб. — С пополнением прибыл? Но, гляжу, стреляный воробей. Много воевал?

— Пока еще не довелось.

— А я, елки-палки, уже второй месяц в этом пекле варюсь...

— Почему один у пулемета?

— Моего второго номера, Костю Осташкова, — вздохнул пулеметчик, — три дня назад кокнуло — и «мама» выговорить не успел. К родничку за водой пошел и не вернулся — мина накрыла... Тебе за какие же темные делишки штрафную-то пришпандорили?

— А тебе?

— Из госпитальной аптечки неудачно слямзил во такой вот ящичек сульфиди-

на. Вернее, слямзил-то я его шито-крыто, да потом, когда сбывал этот бесценный товарец, попался на крючок... Чуть не шлепнули... Теперь-то я, понятно, жалею, и очень...

По траншее пронесли раненого.

— Еще один перестал быть штрафником, — сказал он задумчиво, скручивая сигарку. — Огонек есть? Давай подымим.

— С удовольствием бы, да только мне некогда.

— Куда спешишь-то?

— К командиру роты, за назначением.

— Просись вторым номером к Кузнецову, ко мне, значит. Мы с тобой дадим финнам жару!..

— Вообще-то, я не против, только, честно говоря, мне и самому хочется быть первым номером.

— Жаль.

За изгибом траншеи, ведущей в тыл роты, Николай нагнал Коровина. Вместе с бойцом со шрамом на подбородке тот нес на носилках раненого солдата.

— Кого это вы? — спросил Николай, из-за спины товарища пытаюсь разглядеть пострадавшего.

— Да Пилипчука же! — сердито ответил Коровин, не оборачиваясь. — Останись, Якушкин, малость передохнем.

Он осторожно опустил носилки на усталые еловыми ветками мочажинистое дно траншеи и, устало разгибаясь, пояснил:

— Бедняга был рядом с Коломийцевым. В того прямое попадание снаряда, а этого осколком в грудь. Тоже, считай, не жилец... Так-то вот, Косаренко! — заключил Коровин с явным упреком.

Николай с состраданием смотрел на угасающего товарища, на губах которого пенилась, стекая, розовая сукровица, и думал: «Он был бы жив, если бы я его не увлек. И главное — без пользы погиб человек...»

Потом, уже держась за рукоятки носилок, оправдывал себя: после свершившегося факта всегда легко найти виновника. Особенно тут, на войне. А что касается пользы... Кто же заранее мог знать, чем обернутся дела? А если бы пошел в атаку?..

Когда команда пополнения, уменьшившаяся на двоих, собралась, Николай привел ее на командный пункт роты. Он хотел было по-уставному доложить вышедшему из землянки командиру роты, но капитан перебил его:

— Знаю, товарищ Косаренко, все знаю! За находчивость и умелые действия объявляю благодарность! И назначаю командиром отделения. — Он помолчал. — Надеюсь, товарищ Косаренко, ты и впредь станешь действовать так же инициативно и смело!

— Буду стараться, товарищ капитан!

Командир роты распустил строй и, улыбаясь, сказал такое, отчего у Николая все похолодело:

— А ведь я вспомнил, откуда мне твое лицо знакомо!.. Приглядишься к моей физиономии, может, и она тебе что-нибудь напомним?.. Не узнаешь? Склеротик несчастный, да мы же с тобой однокашники по Рязанскому пехотному. Только в разных ротах постигали премудрости военного искусства...

— Что вы, товарищ капитан! — запротестовал Николай, не отворачиваясь от улыбающегося взгляда капитана. — Вы меня с кем-то путаете...

— Может быть, может быть... Значит, на этот раз меня зрительная память подвела. Она у меня, не хвалясь, скажу, особенная: два часа покручусь с человеком, и уж потом долго его не забуду... А вот с фамилиями, наоборот, они у меня быстро улечиваются... Что ж, иди, принимай свое отделение...

Штрафная рота занимала оборону на стыке двух стрелковых дивизий, примыкая своим правым флангом к сопке, а левым — к обширному труднодоступному болоту. Фронт в этих краях был давно и прочно устоявшимся, обе стороны возвели долговременные оборонительные сооружения: дзоты и блиндажи с многоскатными перекрытиями, соединенные между собой глубокими траншеями, а на «ничейной» земле, разделяющей воюющие стороны, создали хитроумные минные заграждения. Все видимое с обеих сторон — каждый валун, каждое дерево и каждая тропка, — все давным-давно было пристреляно и постоянно держалось на прицеле. А это значило: чуть высунулся из укрытия, попал в поле зрения вражеских наблюдателей, словом, допустил ненароком хоть самую малую оплошность — расплачивайся кровью, а то и самой жизнью...

В этот суровый фронтовой быт, требующий напряжения всех сил, и физических и духовных, Николай довольно быстро влился и не очень тяготился его лишениями и неудобствами. Сложны и трудны были его отношения с новыми товарищами. И не только потому, что этих товарищей никак нельзя было назвать ангелами, к которым бы тянулась душа, — оберегая свою страшную тайну, Николай, общительный по натуре, принуждал себя быть замкнутым, нелюдимым. Поэтому среди окружавших его людей он был и чувствовал себя отшельником, а это было для него самой ужасной моральной пыткой.

— У тебя, Косаренко, наверное, телок язык отжевал, — заметил как-то Коровин. — Все молчишь и молчишь... Зачем тебе, спрашивается, амбарный замок на душе?..

— А почему я ее должен держать нараспашку?

— Так, дорогуша же ты мой, неужели это надо доказывать? Птахи небесные, и те на разные голоса заливаются, радость друг другу доставляют. Мы же, как-никак, люди, хоть проштрафившиеся. А на поверку что выходит? Явная несуряца... Второй, считай, месяц одно и то же мыкаем, а я вот даже не знаю, к примеру, женат ли ты и есть ли у тебя детишки?

— Тебе-то что до этого? — не очень вежливо заметил Николай. — Чем в чужую душу лезть, лучше бы винтовку как следует почистил.

— Опять затянул нудную песню, — обиделся Коровин. — За мое оружие будь спок, оно у меня в полном ажуре!

— Ажур... А вот эта грязь, а это ржавое пятно?.. Через два часа проверю!.. А теперь показывай, какой твой сектор обстрела?

— Мама родная, да сколько же ты будешь спрашивать про него, про этот несчастный сектор?

— Сколько надо, столько и буду! Показывай!

Коровин нехотя подошел к амбразуре.

— Значит, так... Справа во-он тот валун, какой возле кустов, а слева расщепленная береза. Врагов должен бить как на озерке, так и на берегу. Еще имеются вопросы?

— Что нового заметил у противника?

— Все по-старому... Днем финны и носа не высовывают.

— А ночью?

Оказалось, что ночью, уже перед утром, Коровин видел, как два вражеских солдата спускались умываться.

— Стрелял по ним?

— Зачем? С такого-то расстояния только в белый свет и попадешь... Тут, поди, метров пятьсот, не меньше...

— Эх ты, вояка! — укорил Николай товарища, подумав про себя: «Я, навер-

ное, и впрямь стал заплесневелым сухарем. Человек ко мне сердцем тянется, а я его всеми силами отпихиваю от себя...»

И словно бы заглаживая свою вину, примирительно спросил:

— Махорка есть?

Коровин полез в карман брюк и достал бархатный кисет, на котором шелковыми нитками было искусно вышито: «Кого люблю, тому дарю. Навсегда твоя, Вера».

— Девушка? — поинтересовался Николай.

Коровин заулыбался, тепло и горделиво.

— Когда вышивала эти бесценные слова для меня — да, а теперь, как говорится, самая что ни на есть законная жена. Хочешь взглянуть? — спросил он и, не дождавшись согласия, торопливо, будто опасался, что ему помешают это сделать, полез в нагрудный карман гимнастерки.

С потертой фотокарточки смотрела молодая белокурая женщина в светлой кофте с узкими рукавами до запястья и в широкой деревенской юбке. Курносый нос, тонкие раскрылки бровей, щеки с ямочками, пухловатые губки и большие глаза с выражением не то застенчивости, не то виноватости, — все части лица соотносились между собой с такой удивительной пропорциональностью и так дополняли друг друга, как будто искуснейший ваятель в них воплотил свою мечту о женской красоте.

Женщина сидела на стуле и держала годовалого мальчика, черного, как цыганенок, а по бокам у нее стояли две девочки-дошкольницы, похожие на мать.

— Как видишь, Ваня, у меня солидное семейство, — пояснил Коровин все с той же теплой, горделивой улыбкой. — Это не считая нашего первенца — его задавила проклятая скарлатина...

— Постой-ка, ты ведь молодой — когда же успел-то?

— Вишь, Ваня, какое дело, любовь — шутка нехитрая, особого мастерства не требует... Мы с Верочкой поженились, можно сказать, сосунками — целых восемь месяцев без регистрации жили. У нас уже появился вихрастый мальчонка, а закон не признавал нас за мужа и жену, потому как нам по восемнадцати не было...

— Не жалеешь, что рано женился?

— Что ты? — запротестовал Коровин, как будто Николай покушался на его счастье.

Рассеянно слушая товарища, Николай думал о своей семье, из-за его осуждения оказавшейся в тяжелейшем положении. Как всегда в последнее время, едва ли не все думы его вертелись вокруг одного: писать Ольге, где он, или не писать? Если да, то как дать ей понять, не вызвав подозрения у посторонних, что он совершил побег из мест заключения и штрафником под чужой фамилией попал на фронт?

Разве что установить связь с кем-нибудь из братьев? Это было бы прекрасно, да беда-то в том, что связь с фронтовиками Константином и Василием у Николая оборвалась еще задолго до ареста, а адрес самого младшего, Павла, служившего в какой-то танковой части, он точно не помнил.

И все-таки надо написать Павлу!

Через час Николай уже свертывал письмо в солдатский треугольник. Написал его так, чтобы работники военной цензуры ничего не поняли, а братишка, наоборот, чтоб мог догадаться о главном — о том, что в силу крайне неблагоприятного стечения обстоятельств он, Николай, вынужден был изменить свою фамилию и теперь воюет под чужим именем и что если случится самое худшее, то есть, если родители Ивана Дмитриевича Косаренко получат еще и похоронную, то Павел должен иметь в виду, что за этим кроется...

С вечера погромыхивала артиллерия и азартно выстукивали пулеметы, ночью слышались только одиночные выстрелы винтовок, а перед утром звуки боя совсем заглохли и стало непривычно тихо и безмятежно.

Безмолвие убаюкивает, хочется положить щеку прямо на кулак и прямо вот так, стоя, заснуть сладким зоревым сном. Хотя бы ненадолго, хотя бы на пяток минут отдаться во власть сонного блаженства. Чтобы не поддаваться соблазну, Николай до боли прикусил нижнюю губу и пристально следил за противоположным берегом озера. Возле него, переминаясь с ноги на ногу, с дремотой боролся и Коровин.

Постепенно бледные остатки предрассветных сумерек расплзлись по лесным чащобам, по укромным закоулкам дзотов и блиндажей — из-за дальней сопки за спиной вот-вот покажется малиновый срез солнца. Тишина, неподвижность: ни одна ветка не вздрогнет, ни один лист не шелохнется. Только на ртутной глади озера то там, то здесь появляются бесшумные круги — рыба «плавится».

Николай зевнул, потянулся до хруста и не заметил, как отяжелевшие веки сомкнулись сами собой.

Коровин легонько толкнул его в бок:

— Гляди-ка!

Вздрыгнувший Николай мотнул головой, отгоняя дремотную одурь. На той стороне озера, неподалеку от кривой сосны, чуть приметно пошевелился куст. Потом, после небольшой паузы, опять, но уже сильнее, и возле куста, над бруствером, показалась голова финна.

— Стреляй! — беспокорно засуетился Коровин, жарко дыша в самое ухо напругшегося Николая.

— Подожди, пускай побольше высунется.

Солдат, однако, не высовывался, зато на некотором удалении от него из траншеи вылез другой солдат с полотенцем через плечо и начал медленно спускаться к воде.

— Как на прогулке, гад! — выругался Коровин. — Стреляй же!

— Не мешай!

Подойдя к воде, финн широким взмахом кинул полотенце на ветку сваленного дерева, разделся до пояса и, присев на корточки, начал плескаться.

Николай перестал дышать и, как на учебных стрельбах, плавно нажал на пусковой крючок. Выстрел прозвучал со звонким раскатистым эхом.

— Попал! — торжественно крикнул Коровин. — Мама моя родная, попал!.. Его вроде сзади подтолкнули — лицом плюхнулся в воду. Это же надо... Ну и молодец же ты, Ваня!

А Николай не обрадовался и не огорчился: по телу его прошла нервная дрожь, и он, словно бы оправдываясь перед самим собой, успокаивающе подумал: «Тут ведь так, не я его, так он меня...»

Поддав в себе мимолетное, совершенно ненужное и в данном случае даже вредное чувство жалости, он быстро перезарядил винтовку и вновь приготовился к стрельбе.

— Думаешь, и второй появится?

— Должен! Как же иначе-то?

И действительно, вскоре из траншеи выбрался второй финн и, полусогнувшись, заторопился на выручку товарищу. Как только он наклонился над ним, Николай в то же мгновение выстрелил. Солдат выпрямился, немного постоял, словно раздумывая, что делать, и, взмахнув руками, упал.

— И этот готов! — ликовал возбужденный Коровин. — Вот это да, вот это я понимаю — стрелок!

— Не высовывайся! — дернул за плечо его Николай. — Думаешь, у них нет снайперов?

Он снял с головы Коровина каску и дулом винтовки приподнял ее над бруствером. Не прошло и минуты, как по каске, сделав в ней вмятину, цокнула пуля и, срикошетив, впилась в бревно облицовки траншеи.

Побледневший Коровин ошалело потрогал вмятину и криво улыбнулся:

— Ну и ну...

— То-то же, — в тон ему поддакнул Николай и на ложе винтовки сделал две памятные отметины...

17

Будни позиционной войны — изо дня в день одно и то же: артиллерийские и ружейно-пулеметные перестрелки, гибель и ранение товарищей, ни на минуту не утихающая тоска по дому, по родным и близким, дележка махорки и уход за оружием, ожидание писем и обсуждение новостей, соленые анекдоты и мечты, для многих несбыточные! — о жизни после победы...

А над всеми этими мыслями и чувствами человека на войне, над всеми его большими и малыми фронтовыми радостями и горестями — гнетущая неизвестность: что-то ожидает тебя через час или через сутки? Не последний ли раз ощущаешь тепло солнца или наслаждаешься солдатским сухарем?..

Однажды ранним утром командир взвода приказал Николаю сдать свой участок обороны соседнему отделению, а людей немедленно перевести на левый фланг роты. В овальной ложбине непосредственно позади переднего края уже была собрана большая часть роты — человек около девяноста, когда туда прибыл Николай со своими товарищами. Выстроив всех полукругом, командир роты иронически прищурил глаза с желтоватыми прожилками и по-своему спросил:

— Ну, христосики, надоело отсиживаться в дзотах и блиндажах? Что ж, пойду навстречу вашим пожеланиям — пуцну вас на веселенькую прогулочку. — Он стер с лица выражение иронии. — Задача такова: после молниеносного артналета ворваться в траншею противника, захватить пленных, документы и откатиться. Сигнал атаки — зеленая ракета, сигнал отхода — красная. — И опять перешел на первоначальный тон: — Довольны? Рады?

— Лично я всю жизнь мечтал о такой неслыханной радости! — за всех ответил Коровин под невеселый смехок товарищей.

Капитан тоже мимолетно улыбнулся и посмотрел на наручные часы.

— Выступаем через тридцать семь минут. У старшины пополните боеприпасы и получите по двойной наркомовской. Поторопитесь, у нас времени в обрез!

Николай отвел свое отделение к одинокой сосенке и с каким-то особым чувством оглядел каждого из девяти солдат. Все присмирели, посерьезнели, у всех думы были — и не могли не быть! — об одном и том же — о предстоящей разведке боем в условиях долговременной обороны.

— Товарищи! — заговорил Николай, тщетно стараясь сохранить в голосе обычную, будничную тональность. — Не будем обманывать самих себя — не все вернемся оттуда... Но многое будет зависеть от нас самих. Мы должны действовать смело и решительно! Чтоб финны и опомниться не смогли, а мы уже у них в траншее... А второй приказ мой такой: раненых и убитых не оставлять! Ни под каким предлогом!.. Рядовой Коровин!

— Я!

— В случае чего... В общем, будешь моим заместителем...

Перед тем как распустить строй, Николай еще и еще раз оглядел товарищей. В эти последние минуты перед боем, которые могут оказаться в чьей-то жизни и

последними, ему хотелось сказать нечто важное, значительное. И не только по долгу командира, но и из простой человеческой потребности в душевном общении, по которому он порядком истосковался. Но времени было мало, и он ограничился фразой, которая выражала сокровенную, но едва ли осуществимую мечту каждого:

— Желая, дорогие товарищи, одного — встретиться после вылазки!..

А вокруг — разгар предбоевой суеты: одни бойцы по-хозяйски заботливо запасались гранатами и патронами: другие делили водку, с побрякиванием «переливая ее в свою посуду» и закусывая «вторым фронтом» — американской консервированной колбасой, третьи уже выпили и, наскоро закусив, возились у пулеметов и противотанковых ружей. И там и сям натянутые шутики, незлобная перебранка по пустякам — в эти предбоевые минуты нервы у всех взвинчены до предела. Недаром говорят: страшна не сама смерть — страшно ее ожидание...

В дележе водки Николай участия не принимал — свою порцию предложил разделить на всех.

— За этот бесценный подарок, ясно-понятно, великое спасибо тебе, товарищ командир, — поблагодарил его Коровин, который с общего согласия взял на себя обязанности виночерпия. — Но скажи, пожалуйста, почему ты отворачиваешь нос от того, что храбрит сердце солдата?

— Потому что храбрит оно по-дурному...

— А я, между прочим, за это самое и обожаю ее, стервозу. Тяпнешь стакашек — и тогда тебе сам черт не брат!.. Так что давай наперед уговоримся: ты будешь отдавать мне свою порцию, а я тебе за это, что ни попросишь — не пожалею! Вот ей-ей! Лады?

— Считаю, что высокие договаривающиеся стороны пришли к соглашению, — рассеянно сказал Николай, занятый своими мыслями. — А на сегодня просьба моя к тебе такая: не отставай от меня и не отбивайся.

— Дык об чем разговор! — заверил Коровин и выпил водку маленькими глотками, словно бы смакуя.

...До угловатой вилюжины финской траншеи с проволочным заграждением в три хода было метров четыреста сравнительно ровной, с легким подъемом, «ничейной» земли, обезображенной снарядами и минами. Перед колючей проволочкой минное поле, в котором саперы с величайшими предосторожностями и потому незаметно для противника проделали два прохода, обозначив их веточками сосны.

«Четыреста метров туда и четыреста отсюда под огнем!» — с содроганием подумал Николай, но когда шквал артонала на финский передний край начал стихать, а в небо взмыла зеленая ракета, он пружинисто выпрыгнул из траншеи и осипшим голосом подал команду: «Второе отделение, за мно-ой!» И уже будто не было ни раздирающих душу тревог, ни изводящего страха перед неизвестностью — все это как-то сразу и неожиданно отошло на второй план, уступив место тому главному, что требовал от него бескомпромиссный солдатский долг...

Бежал Николай легко, не оглядываясь и почти не рассматривая испятнанную воронками землю, — ноги будто сами знали, где им лучше ступить.

Первые пули просвистели над головой в тот момент, когда он был на проходе через наше минное поле. Сзади кто-то ойкнул. «Началось!» — подумал как о неизбежном, подавляя желание обернуться. Но он все же обернулся, когда полоснула вторая очередь. Товарищи бежали в десяти шагах от него, но не все — одного не было. Кого именно, не понял.

— Не залегать! — скомандовал он, а сам упал, сбитый горячей волной близкого разрыва.

Оглушенный и ошалелый, Николай несколько мгновений лежал неподвижно,

потом, будто подхлестнутый, вскочил и, стреляя, опять ринулся вперед, к желтеющему глиной брустверу вражеской обороны. Свист, вой и грохот усиливались, вздрагивала земля, терзаемая взрывами, падали сраженные наповал и раненые, а Николай словно бы ничего этого не видел и не замечал, ничего не слышал и ни о чем другом не думал, кроме одного: вперед, вперед и вперед!

Когда оказался возле вешек, обозначающих проход в финском минном поле, огонь из стрелкового оружия приутих, а снаряды и мины кромсали все живое теперь уже сравнительно далеко позади. Кто-то, кажется, Коровин, радостно закричал:

— Финны драпают! Ур-ра-а!

Выдернув предохранительную чеку гранаты, Николай широким взмахом метнул ее за бруствер и, когда она взорвалась, сам спрыгнул в траншею. Переведя дыхание, на несколько секунд прислонился к бревенчатой обшивке. За каждым изгибом траншеи, ожидая столкновений с финнами и не встречая их, Николай даже раздосадованно посожалел, что те отошли, уклонившись от рукопашной, эдак и «языка» не захватить.

В узком ответвлении, ведущем в дот, он все же увидел финна: стоя к нему спиной, тот колотил кого-то из наших. Николай кинулся на выручку товарищу и с яростью обрушил на затылок врага удар прикладом...

— Ваня, друг мой расхороший, да откуда ж тебя Бог послал? — произнес Коровин, ошалевший от испуга и радости. Он криво улыбался, сплевывая кровь. — Один-то я разве ж одолел бы такого борова?

Николай опять побежал, ища встречи с врагом и осматривая пустующие блиндажи и дзоты.

Наверху, где-то совсем рядом, разорвался снаряд, за ним другой, третий... Николай догадался: противник бьет по своим покинутым траншеям. Стало ясно, что возвращение будет не менее опасным, чем рывок сюда...

Красная ракета над расположением наших взвилась раньше, чем ожидал Николай. Он подал команду на отход, выбросил на бруствер немецкий автомат и ящик патронов к нему и сам выпрыгнул наверх. Но трофеи пришлось бросить, едва миновали проход в минном поле: позади раздался взрыв, и кто-то приглушенно вскрикнул. Николай оглянулся. Возле неглубокой воронки лежал пулеметчик Кузнецов с оторванной ступней и беспомощно пытался встать. Николай не столько сквозь грохот боя услышал, сколько сердцем почувствовал, о чем умоляюще просил его раненый... Подскочив к пулеметчику, он подхватил его под мышки и стогряча поволок, но тут же спохватился: а вдруг раненый истечет кровью?..

Трясущимися руками Николай разорвал перевязочный пакет и, стараясь не глядеть на сахарно-белые острые раздробленные кости, туго перетянул изуродованную ногу выше колена. Вторым пакетом, взятым у самого раненого, наспех обмотал кровоточащую культю. Перед тем как осторожно взвалить Кузнецова себе на спину, ободряюще попросил:

— Ну, друг, наберись терпения.

Хрипя от натуги, он увалистым шагом понес стонущего пулеметчика сквозь взрывы и огонь.

— Терпи, солдат, терпи, — подбадривал Николай не столько раненого, сколько самого себя: — Теперь уже недалеко...

Где-то поблизости взметнул землю снаряд, и Кузнецов вдруг обмяк, притих, и сам Николай, вдохнувший порохового газа, надсадно закашлялся. Надо бы остановиться и прилечь, чтобы хоть малость передохнуть, но он боялся, что тогда и с места не стронется, Кузнецов же, как на грех, с каждым шагом тяжелеет.

Николай был почти у самого бруствера своей траншеи, когда под ногами захлопали разрывные пули. Он упал, выронив Кузнецова, и скатился в траншею. Дож-

давшись, когда пулемет смолкнет, он схватил товарища и осторожно опустил его в укрытие.

— Вот мы и у себя, — проговорил он, в изнеможении опускаясь на корточки.

Но Кузнецов уже не мог ни радоваться, ни огорчаться: с молодого красивого лица его уже сошло выражение предсмертных страданий — теперь оно было отчужденно-холодным и безразличным.

18

«Домой», в блиндажи штрафной роты, возвратилась лишь треть бойцов и младших командиров, поднимавшихся в атаку. Из отделения Николая уцелел он сам, Коровин да еще два бойца. Все были угрюмы, неразговорчивы, злы. У Коровина время от времени подергивалась левая щека.

— Чудно! И с чего бы, спрашивается, это? — с детской наивностью и кривой улыбкой удивлялся он, ощупывая свое бледное, осунувшееся лицо, на котором конопушки как будто потемнели. — И не контузило вроде бы, а поди ж ты — дергает и дергает... Ах, Ваня, как хорошо, что ты вовремя подоспел!.. Для меня ты теперь родней брата родного.

Николай еще не совсем пришел в себя, вспоминая все перипетии вылазки, во время которой были добыты документы и «язык». «Язык» этот — белобрысый финн с серыми глазами — удивил тем, что был прикован цепью к пулемету. Поначалу это всех донельзя возмутило — вот, мол, до чего дошли, сволочи! — но потом выяснилось, что этот был ярый шюцкоровец, который добровольно приковал себя к пулемету и поклялся умереть, но не отступить. Отступить он и в самом деле не отступил, а вот умереть у него духу не хватило. Охотно отвечая по-русски на вопросы, которые задавал ему капитан, то и дело спрашивал: «Меня расстреляют?..»

Окровавленную гимнастерку и нательную трикотажную рубашку Николай старательно выстирал в ручейке и, встряхнув, повесил на куст рябины. А сам лег на солнцепеке, подложив под голову руки, и долго глядел в небо, по-весеннему чистое и прозрачное. Взбудораженные чувства его постепенно утихомиривались.

Кряхтя и чертыхаясь, Коровин перочинным ножом открывал трофейную банку мясных консервов.

— Угощайся, Ваня! — предложил он, когда наконец кое-как справился с крышкой.

— Спасибо, что-то не хочется.

— И от выпивона опять откажешься?

— А разве у тебя есть?

Коровин расплылся в довольной улыбке:

— Я ж, как-никак, у противника в офицерской землянке побывал...

Он проворно достал из вещмешка пузатую бутылку рома с яркой этикеткой, взболтнул ее и признался:

— Когда отходили, все боялся, как бы ненароком не разбить... Подставляй-ка свою кружку!.. Тяпнем, Ваня, за то, чтоб счастье аж до самого конца войны от нас не отвернулось!

Ром, тягучий, как сироп, разлился по всему телу успокоительным теплом, и Николай, пожевав волокнистое мясо, опять прилег. Будто девичья рука прядку волос любимого, ветерок нежно шевелил у самых глаз былинку незнакомой травы, напоминавшую степной пырей, а чуть поодаль молодая березка в траурном безмолвии опускала к земле свои нерасчесанные пряди. Пораженный, Николай резко поднялся на локте и, будто впервые после долгого забвения, с изумлением оглядел окружающий его мир.

Только теперь, только вот в эту минуту внезапного озарения заметил он кудес-

ницу-весну. Она была повсюду: в воздухе, на воде озера, в лесу и на гнилом болоте. Все вокруг зеленело, по-северному скупое, но пестро цвело и пьяняще благоухало, все тянулось к солнцу. Даже прошлогодние воронки, в которых пламя разрыва выжгло все живое, — даже они обрастали игольчатыми ростками трав-муравы! И все, что до сих пор было с Николаем, все, что есть, и все, что его ожидает, — все это вдруг слилось в одно ощущение торжествующей неистребимости и неиссякаемости жизни.

«Да, да, — думал он, — восторженно глядя на пчелу, которая озабоченно-деловито ползала по клейким сережкам березки, — что бы там ни было, а жизнь прекрасна и вечна. А личного счастья можно достичь лишь полной отдачей всех сил ума и сердца утверждению жизни на земле в ее высоком смысле и предназначении...»

— Вань, а, Вань, слышь, что ль? — словно бы откуда-то издалека дошел до его сознания голос товарища. — Подставляй-ка, говорю, кружку — допивать будем.

— Допивать — так допивать! — с веселой готовностью согласился Николай. — А знаешь, Митя, у меня ведь сегодня день особенный...

— Думаешь, у тебя одного? — усмехнулся Коровин. — Кажется, вместе в пекле побывали...

— Я не это имею в виду... Ровно год назад, Митя, я последний раз виделся с женой и ребятишками... И солнце тогда вот так же светило, только на душе у меня было совсем другое. В тот день, Митя, я первый раз предстал перед военным трибуналом...

— Что ты говоришь? — удивился Коровин, перестав жевать. — А за что тебя судили-то?

Николай не ответил, колеблясь: стоит ли до конца раскрываться? Не лучше ли снова замкнуться и до поры до времени жить в своем обособленном мире?..

Да, да, конечно же, пока что рано раскрывать свою душу, отягощенную страшной тайной, которая не дает покоя ни днем ни ночью. Умом Николай понимал и сердцем чувствовал, что еще не настал тот желанный час, когда можно будет это сделать, не боясь возможных последствий, столь же непредсказуемых, сколько и опасных. Но теперь уже недалек он, тот час, если до него судьба штрафника, избранная им самим, не распорядится по-своему. Тогда уж он, живущий под чужим именем, унесет с собой свою тайну, и уже никто и никогда ее не раскроет...

Нет, только не это, только не это!

19

К концу второго месяца пребывания на фронте Николай сделал еще две зарубки на ложе винтовки — в память об убитых врагах. Одного из них он подстрелил при довольно необычных обстоятельствах.

Однажды, обходя по заданию капитана правый фланг обороны роты, увидел девушку-солдата с кудряшками на тонкой, почти детской шее. Маленькая, щупленькая, она стояла на снарядном ящике в хорошо замаскированном окопе и наблюдала за передним краем противника. Рядом со снайперской винтовкой на бруствере лежал букет диких цветов. Девушка не слышала, как Николай подошел к ней, и он, разглядывая ее с чувством отцовской нежности и жалости, подумал: «Милая ты моя, да какие же ветры тебя-то сюда занесли? Разве ж по тебе это занятие?..»

Нет, не хотел бы Николай, чтоб через шестнадцать-семнадцать лет его Валя вот так же стояла на снарядном ящике и рядом с букетом перед ней лежала бы снайперская винтовка. Лучше самому пять раз умереть, но не допустить такое!..

Почувствовав на себе взгляд, девушка резко обернулась. Нежное, почти дет-

ское лицо, пухловатый рот и большие, сосредоточенные глаза, синие до неправдоподобности...

— Здравствуй, сестричка!

Девушка нахмурила тонкие брови и не без открытой ухмылки ответила:

— Здравствуй, брат.

Николай улыбнулся.

— Я не из нахалов, так что не бойся.

Девушка ему в ответ уязвлено:

— А откуда ты взял, что я боюсь?..

— Колючая ты.

— Такой уродилась... И вообще, проваливай-ка ты отсюда подобру-поздорову, не мешай наблюдать за противником. Я снайпер...

— Ого, как строго!.. А, между прочим, снайперскую тактику знаешь плохо.

— Это почему же? — удивилась девушка, самолюбиво прикусив нижнюю губу.

— Обзор отсюда не очень хороший. На твоём месте я бы оборудовал себе окоп вон под тем кустом.

Тонкие брови девушки изогнулись в изумлении.

— Позади своей траншеи?

— Да, именно позади. Лишние полсотни метров для снайперской винтовки не играют никакой роли, зато дадут тебе огромные преимущества.

Девушка пристально оглядела легкое возвышение, покрытое кустарником, и обрадованно воскликнула:

— А и верно, оттуда передовая врага лучше просматривается!.. Но замаскироваться там труднее.

— Зато надежнее... Ночью там и оборудуй свою огневую позицию.

Уходя, Николай пожелал на прощанье:

— Удачи тебе, синеглазая!

— Спасибо... Только подожди, тут такое дело... Нужен совет... Видишь вон ту корявую сосенку?

— Вижу.

— Левее нее желтеет бруствер и торчит пень. Так вот, чуть правее этого пня часто появляются финны. В траншее, наверное, какое-то возвышение. Может, валун... Когда они проходят по нему, то высовываются чуть ли не по пояс. Но ненадолго: не успеешь прицелиться, а он, проклятый, глядишь, уже скрылся. Зло прямо берет...

— Еще бы, — поддакнул Николай, иронически улыбаясь. — Ишь, какие неосознательные... Нет бы встать во весь рост на бруствере и попозировать, а они прячутся... Вот и войю с такими противниками!

— Не смейтесь! — девушка опять прикусила губу, покраснев до кончиков ушей.

Николай легонько отстранил ее и, не трогая винтовки, через линию прицела посмотрел на то место вражеской траншеи, где, по ее словам, появляются финны.

— Вот почему не успеваешь выстрелить? У тебя же винтовка не закреплена!

Он заострил ножом четыре колышка, вбил их попарно, крест-накрест, в землю и положил на них винтовку. Изменяя места соприкосновения колышков, устойчиво закрепил винтовку в положении, готовом к немедленной стрельбе по цели, которая появится в ожидаемом месте.

— Теперь становись и жди... Только не зевай!

— Теперь-то уж я дам им прикурить! — сказала она с той поспешной самоуверенностью, которая свойственна молодым, увлекающимся натурам. — Пускай только покажутся.

— Жалко, у меня нет времени поглядеть, но после обеда я к тебе наведаюсь, ладно?

— Приходи, убедишься...

Возвратился он скорее, чем предполагал, — не терпелось узнать, действительно ли пойдут на пользу его советы синеглазому снайперу, у которого было много желания бить врага, но не было опыта.

Девушка встретила его с виноватой улыбкой:

— Промазала... Очень уж мало времени... Вот если бы его хоть на секунду остановить!..

— Крикнула бы ему, глядишь, он бы и разинул рот, — пошутил Николай, и вдруг его осенила догадка: — А что если попытаться сдвоенным выстрелом!

— Как это?

— Представь себе, идет финн, и вдруг у самого носа его свистнет пуля. Что он делает?

— Вздрогнет, конечно.

— Правильно. Вздрогнет и непременно остановится. В это-то время и надо бить...

— Но одному это невозможно.

— Правильно. И я предлагаю поохотиться вдвоем. Не возражаешь?

Они условились обо всем и стали ждать, стоя рядом. Светило нежаркое и невысокое заполярное солнце, текли над землей хмельные запахи лесов и лугов, разноголосно щебетали и посвистывали птицы, а мысли и чувства двух людей были поглощены главным делом войны, которое в обычных, мирных условиях называется убийством.

В напряженной позе стоять тяжело, еще тяжелее неотрывно глядеть в одну точку — туда, где ненадолго должен показаться чужой солдат. Николай переминался с ноги на ногу, следя за девушкой. Она тоже время от времени встряхивала кудряшками, выбившимися из-под пилотки. И почему-то часто вздыхала. О чем она думала в эти минуты? Кого вспоминала?..

Прошел час, другой, а финн не появлялся. Николай уже подумал, что ему пора возвращаться в свое отделение, когда над бруствером вдруг показалась сперва голова солдата, а потом он и сам высунулся по пояс.

В то же мгновение раздался выстрел девушки — пуля взметнула землю бруствера чуть впереди солдата. Финн замер, и теперь выстрелил Николай. Финн схватился рукой за плечо и, покачнувшись, рухнул.

Девушка с чувством восхищения посмотрела на Николая.

— И как это ты ловко придумал! Тебя бы хорошо инструктором на снайперские курсы... Хочешь, я напишу туда?

— Нет, не хочу, — ответил Николай, разминая окаменевшие руки и ноги. — Не забывай, я ведь штрафник... Ну, будь здорова, синеглазая!

20

— Счастливчик ты, Косаренко, — сказал Коровин, когда узнал, чем закончилась очередная охота товарища. — С тебя теперь досрочно снимут судимость. Легко сказать — уже четверых врагов ухлопал!..

— Это счастье и для тебя не под запретом.

— Так-то оно так, да... А ведь ты, Ваня, плясать должен.

— Чего это ради?

— Письмо тебе. — Коровин достал из кармана гимнастерки треугольничек, основательно потертый на сгибах. — Вот оно.

У Николая колыхнулось сердце, когда он увидел почерк братишки.

В осторожных выражениях, тонкими намеками, понятными только им, братьям, Павел с недоумением и тревогой спрашивал, что произошло с Николаем, по-

чему он воюет под чужой фамилией? Главное же — он сообщил такое, от чего в глазах Николая потемнело: старший брат, Константин, пропал без вести, а средний, Василий, тяжело ранен, и нет надежд, что останется жив...

Николаю сделалось не по себе, он вышел из блиндажа и зашагал по траншее. Навстречу попались два солдата — он их не заметил, вверху завывала и разорвалась где-то поблизости мина, — он ее не услышал. Понурился, брел он, не ведая куда и зачем.

По обеим сторонам траншеи то там, то здесь, иногда очень близко, рвались мины и снаряды, едва ли не над самой головой свистели пули, а ему хоть бы что. В ложбине, перед болотом, вышел из траншеи, лег под кустом ивы на мягкий настил мха и замер. Ни мыслей в голове, ни чувств в сердце — полная отрешенность...

Тут его и нашел Коровин, когда бой утих.

— Вона, оказывается, ты где! — воскликнул он. — А я с ног сбился, пропал, думаю, человек... Так, ясно-понятное дело, и капитану доложили... Что стряслось-то?

— Ничего, — нехотя ответил Николай, поднимаясь.

— Пойдем капитана порадуем.

— Лучше в свою землянку...

— Как хочешь, только он очень беспокоился за тебя. Надо, говорит, найти его, хоть мертвого... А ты цел и невредим.

В эту минуту Николай, хорошо знавший крутой характер командира роты, не хотел попадаться на глаза капитану, но, как назло, попался.

— А, это ты объявился, пропащий? — сказал командир роты, останавливаясь. — Где же ты был во время перестрелки?

— Там, — неопределенно махнул рукой Николай, избегая сурового взгляда капитана.

— А как это прикажешь понимать?

Николай глубоко вздохнул и признался:

— И сам не знаю, товарищ капитан, как оно получилось, но только я вроде как бы уклонился от боя.

— Почему «вроде как бы»? Самым позорным образом уклонился! — повысил голос капитан. — А я-то, грешным делом, собрался хлопотать о досрочном снятии с тебя судимости... Теперь, что ж, теперь вынужден буду ходатайствовать о другом, о твоём разжаловании в рядовые. За трусость!

— Кому прикажете передать отделение? — спросил Николай, внутренне соглашаясь со справедливостью командирского решения: на его месте сам Николай поступил бы точно так же и никак иначе.

Капитан ответил не сразу, о чем-то думая.

— Командовать пока продолжай, — сказал он уже более мягко, хотя и предупредил: — Но гляди: еще раз струсил — пеняй на себя — головы можешь не сносить! Это уж точно! Иди к своим бойцам!

— Слушаюсь, товарищ капитан! — козырнул Николай.

В конце сентября сорок третьего года Ивана Дмитриевича Косаренко, как купившего «вину» перед Родиной, из штрафной роты откомандировали в соседнюю дивизию для прохождения боевой службы на общих основаниях.

Попав в обычную стрелковую роту, Николай попросил вручить ему ручной пулемет, сказав, что он им владеет хорошо и, стало быть, в бою может принести наибольшую пользу, ведя огонь по врагу именно из этого оружия. Два часа спустя, старательно почистив свое новое оружие, Николай с удовольствием выпустил из

него по врагу первую, пробную очередь. Работой пулемета остался доволен: не подведет в трудную минуту боя.

Итак, Николай Кравцов добился того, чего хотел, совершая рискованный побег из мест заключения, но ожидаемой радости не испытывал. Ни большой, ни малой.

Нет, он несколько не жалел о том, что бежал из Приуралья, где над головой ни пуль, ни снарядов, — мучительной была для него сама мысль о том, что, воюя под чужим именем, он будто крадет, у кого неизвестно, свой священный гражданский долг — защиту Отечества. Мысль эта тяжким бременем давила на душу, не знающую покоя. На его глазах гибли люди, вполне мог погибнуть и сам Николай — война есть война, и он, кадровый военный, хорошо это понимает, не хотелось мириться с одним: гибелью под чужим именем. Именно поэтому в минуты особенно мучительных раздумий в разгоряченную голову его настойчиво лезла препакостная мыслишка: в тихий солнечный день — именно в тихий и в солнечный! — на глазах своих врагов выбраться на бруствер траншеи и во весь голос прокричать: «Товарищи мои дорогие, вы меня принимаете не за того, кто я есть на самом деле. Никакой я не рядовой Косаренко Иван Дмитриевич, а старший лейтенант Кравцов Николай Миронович, злостно опозоренный и безвинно пострадавший. Запомните: я — старший лейтенант Кравцов из Лепельского пехотного училища...» И пускай тогда вражеский снайпер, который, конечно же, возьмет его на мушкет, нажимает на спусковую скобу винтовки — уж если погибать, так под своим именем.

Другая же мысль, тревожная, хладнокровная, предохраняющая от скоропалительных решений и безрассудных поступков, — эта мысль требовала честного ответа на вопрос: а кому пойдет на пользу такая «красивая» смерть на миру? Кому?.. И почему ты должен уходить в небытие хотя и под своим именем, но не доказавшим свою невиновность?

Нет, задуманное надо непременно довести до желанного конца, ради которого он уже претерпел столько мук и лишений и до которого теперь, в общем-то, не так уж и далеко. Свою судьбу Николай будет просить об одном: чтобы вражеская пуля раньше времени не нарушила его тщательно обдуманной, в главных пунктах уже осуществленного, плана восстановления своего доброго имени. Только бы не нарушила...

Как-то вечером, лежа на бревенчатых нарах землянки, Николай при свете копилки, сделанной из латунной гильзы сорокапятимиллиметрового снаряда, читал красноармейскую газету. Вести с фронтов были хорошие, ободряющие. Разгромив фашистские полчища на Курской дуге, наши войска на большом протяжении вышли к Днепру и на высоком правом берегу его захватили несколько плацдармов, важных для наступления по Правобережной Украине. По всему видно: чаша весов войны, в которой решались судьбы Родины, навсегда склонилась в нашу пользу.

В одной из статей приводились слова Сталина о бережном отношении к человеку, высказанные им еще в предвоенные годы в открытом письме к комсомольскому пропагандисту из Курской области. Когда этого пропагандиста ретивые службисты стали притеснять, обвиняя его в мнимом отступничестве от политики партии, он, не будь дураком, взял да и написал Сталину. Так, мол, и так, дорогой товарищ Сталин, защитите незаслуженно обиженного, оградите от нападков. И Сталин защитил!

Отложив газету, Николай задумчиво поглядел на колыхавшийся огонек копилки и с затаженным вздохом подумал о том, что если бы товарищу Сталину каким-то образом стала известна его горемычная судьба, он, конечно же, заступился бы за него, восстановил справедливость. Но товарищ Сталин, к несчастью для

Николая, никогда не узнает, как злые людишки исковеркали ему жизнь, ему, Кравцову Николаю Мироновичу. Никогда!

А что если по примеру курского пропагандиста обратиться к нему за помощью?

Но стоит ли? У Верховного Главнокомандующего и без него забот полный рот, — уместно ли, допустимо ли отвлекать его внимание своей личной обидой, даже и тяжкой, от неисчислимого множества проблем войны, которые он решает? Николай перестал бы уважать самого себя, если бы решился на такой в высшей степени неблагоприятный поступок.

Что же, однако, предпринять для выхода из тупика, в котором оказался? Что?..

И все же Николай достал из вещевого мешка помятую тетрадку, карандаш и начал торопливо писать:

«Москва, Кремль, товарищу Сталину.

Дорогой Иосиф Виссарионович! К Вам обращается рядовой боец Красной Армии, фронтовик...»

Но решимость его вдруг иссякла: о чем же можно просить Верховного Главнокомандующего, предварительно не объяснив, почему он, старший лейтенант Кравцов Николай Миронович, стал рядовым Косаренко Иваном Дмитриевичем? Но как это объяснишь, зная, что все письма с фронта непременно прочитывает военная цензура?

Долго думал Николай, как быть, и, наконец, нашел выход: «Очень прошу вызвать меня в Москву. Я расскажу Вам обо всем том, что меня мучает и мешает в полную силу драться с фашистами. Поверьте мне, судьба моя очень непростая, но в душе я остался таким же, каким был, когда в кармане моей гимнастерки лежал партийный билет...»

22

Неустойчива, капризна северная погода. Утром во всю мощь светило солнце, и, казалось, ничто не предвещало ненастья, но в полдень небо вдруг заволокли низкие, тяжелые тучи, стал накрапывать мелкий, надоедливый дождь, а к вечеру разбушевалась пурга.

Наблюдая в амбразуру за обманчиво пустынным передним краем противника, искромсанным снарядами и минами, Николай подсчитывал, сколько дней письмо пробудет в пути. Как ему ни хотелось, чтоб оно возможно быстрее дошло до Москвы, — он трезво соглашался на двухнедельный срок. Что же касается ответа оттуда, то его ничто не может задержать — по правительственным каналам связи в одночасье долетит из Кремля до дзота Николая.

И все-таки это ужасно долго — четырнадцать дней и ночей нетерпеливого ожидания... неизвестности! За это время здесь, на передней линии огня, могут произойти самые неожиданные, даже драматические события.

Николай представил себе, как все в роте — да и не только в ней — удивятся, когда узнают, что его, ручного пулеметчика, срочно вызывают в Москву... Он уже обдумывал, что скажет, когда Верховный Главнокомандующий, тронув пальцем усы, со скупой отеческой лаской спросит: «Так о чем же вы хотели сообщить мне, товарищ Косаренко?..» От этой мысли даже голова закружилась...

Из лесных чащоб на тесные солдатские блиндажи и дзоты по фронтовой земле, обезображенной взрывами, расползались быстрые осенние сумерки.

Начиналась северная фронтовая ночь — бесконечно длинная, полная опасностей и тревог. О чем только за эту ночь не передумает солдат, всматриваясь и вслушиваясь в темноту, о ком не вспомнит! Именно в эти томительные часы он особенно остро и глубоко сознает: дорога в родной дом, к старушке матери или к той, которой еще не сказал заветного слова, к жене и детям, к любимому мирному тру-

ду, ко всему тому, что в совокупности составляет жизнь, — эта дорога для него лежит через муки и страдания, через кровь и смерть...

Ветер шумел свирепо и грозно, безжалостно выдувая из дзота остатки тепла.

Одетый, как и все, не по-зимнему — в солдатской шинели, которая, как известно, подбита рыбьим мехом, и в пилотке, Николай сильно продрог. Греясь, он несколько минут подпрыгивал и обхлопывал себя, потом на ощупь свернул папиросу, но в трофейной зажигалке кончился бензин. Эка досада! Разве что сходить к ближайшему соседу, до которого метров пятьдесят, если не больше, но тут же вспомнил: не положено покидать свой пост — мало ли что может случиться?

И опять Николай смотрит в темноту, опять напрягает слух. По-прежнему ничего подозрительного. Над передним краем противника даже ракеты не взлетают — забились, наверное, финны, в блиндажи и дрыхнут. Слышен только шум ветра да жалобный писк расщепленного остатка сосны, искалеченной снарядом.

Холодно, скучно, тоскливо.

Вдруг в однообразном, убаюкивающем шуме ветра почудился какой-то едва уловимый скрежещущий звук, как будто кто-то поцарапал ногтем по пустой железной бочке. Насторожившись, Николай оглядел все видимое пространство перед колючей проволокой, но ничего подозрительного не заметил. А между тем странный звук повторился. Что за чертовщина?

Возле одной из деревянных крестовин проволочного ограждения даже вроде бы какая-то тень мелькнула. Или это померещилось?..

Все стало ясным, когда ветер на секунду-другую стих и до слуха Николая донесся раздраженный полусшепот.

Финны!

Сдерживая нетерпение, Николай неспешно, будто на учебном стрельбище, еще и еще раз проверил, на месте ли запасные диски. И только после этого открыл огонь. Пулемет затрясся. Николай на миг отпустил гашетку, прислушиваясь: за колючей проволокой смятенные крики и стон.

Как только диск закончился, Николай тотчас же вставил другой, и пулемет вновь заработал...

С недалеким перелетом вдруг разорвалась мина. Вторая грохнула где-то поблизости, третья чуть левей и впереди бруствера. А через минуту мины стали рваться так часто и так близко, что содрогнулось двухнакатное перекрытие блиндажа, и на Николая, присевшего на корточки, с потолка посыпалась тонкая струйка земли...

На рассвете в сопровождении автоматчика и командира роты на огневую точку пришел комбат.

— Ты, Косаренко, из-за чего тут шум поднимал? — спросил он Николая внешне грубоватым тоном, уже зная в общих чертах о причине ночной перепалки.

— А убедитесь сами, товарищ капитан. — Николай показал на амбразуру.

В проволочном ограждении были проделаны четыре прохода. Возле одного из них, рядом с обгоревшим пнем, одиноко торчал немецкий ручной пулемет и валялась каска, возле другого, на бруствере воронки, распластав руки, лежал убитый солдат. А дальше, по ходу отступления финнов, виднелись металлический патронный ящик, противогаз, плащ-накидка...

— Ну, брат, здорово же ты их проучил! — похвалил комбат. — Четыре прохода... Не для одного отделения и даже не для взвода... Молодец, товарищ Косаренко!

Расспросив о подробностях ночного боя, комбат на прощанье сказал:

— Ну, герой, будь здоров!

Оставшись один, Николай свернул самокрутку, но, вспомнив, что в зажигалке нет бензина, ругнул себя: не догадался у гостей попросить огоньку!

С сожалением положив самокрутку за отворот пилотки, он устало потянулся,

сладко зевнул. Подумав, что до завтрака можно вздремнуть — днем противник и носа не высовывает, он сел на патронный ящик, прислонился плечом к пихтовому стояку и блаженно закрыл налившиеся тяжестью веки. Засыпая, подумал: «Вот и прошла первая ночь после отправки письма...»

Теперь он жил и воевал, подбадриваемый ожиданием вызова из Москвы, надеждой, что все будет хорошо, порушенная жизнь его скоро войдет в нормальное русло. Он считал дни и часы, оставшиеся, по его предположениям, до вызова, который все поставит на свои места — справедливость не может не восторжествовать, на то она и справедливость.

23

И дождался-таки своего Николай — его вызвали.

Но не через две недели, как он рассчитывал, а гораздо раньше — на четвертый день.

— Ну, брат, поздравляю! — сказал командир батальона радушно, когда по его вызову Николай явился на командный пункт батальона.

— С чем, товарищ капитан? — почему-то с неосознанной тревогой спросил Николай, радуясь и страшась одновременно.

— А не догадываешься? — Комбат улыбнулся одними усталыми глазами — спать ему приходилось мало.

Николай, конечно же, догадывался, но не верил, что ответ из Москвы пришел так быстро. А о том, на что намекал комбат, он попросту и не подумал.

— Эх ты, герой! — засмеялся комбат, обнажая точеные зубы. — Я же тебя к ордену представил... Ты сегодняшнюю газету-то «На разгром врага» читал?

— Нет.

— Вот так да! А тебя там так расписали... Огурцов! — комбат обратился к своему ординарцу. — Ну-ка найди и вручи Косаренко газету!.. А ты отправляйся в штаб дивизии — тебя туда вызывали. Как возвратишься оттуда, сразу же ко мне. Расскажешь, что и как...

— Слушаюсь, товарищ капитан!

Небольшая заметка в красноармейской газете, которую принес ординарец, более или менее точно передала смысл того, что произошло с Николаем позпрошлой ночью, но так как в ней речь шла о рядовом Косаренко, Николай прочитал ее довольно равнодушно. По той же причине не очень осчастливило его и сообщение комбата о представлении к боевому ордену. Вот если бы наградили не Косаренко Ивана, а Кравцова Николая...

При всем том, он явственно ощущал предчувствие каких-то новых перемен в своем теперешнем положении. Что эти перемены наступят, что скоро опять он станет самим собою, Николай теперь не сомневался. Вопрос стоял так: хуже или лучше ему будет после этих перемен? Кем он потом станет, когда они произойдут, тем ли, кем был всю свою сознательную жизнь, или, наоборот, тем, кем его сделали после ареста в мае прошлого, сорок второго года?..

Штаб дивизии, куда пришел Николай, размещался в поселке меж двух лесистых сопок. Поселок был небольшой: десятка три рубленых дома, вытянувшихся в одну искривленную улочку вдоль распадка, по которому текла быстрая каменистая речка.

Николай уже почти полгода не видел нормального человеческого жилья и теперь с любопытством разглядывал дома, украшенные резьбой, и добротные хозяйственные пристройки к ним. «Просторно люди живут», — думал он.

Разыскав дом, где находился дежурный по штабу дивизии, Николай доложил пожилому майору, что прибыл по вызову. Жестом посадив его на скамейку, май-

ор кому-то позвонил, сказав скучноватым голосом, что рядовой Косаренко прибыл, и склонился над топографической картой.

Минут через пять вошел смуглолицый симпатичный старший лейтенант в ладно пригнанной шинели, начищенных до блеска хромовых сапогах и поношенной довоенной фуражке. Взглянув на Николая черными глазами, он спросил:

— Косаренко?

— Так точно. — Николай встал по стойке «смирно».

— Я оперуполномоченный особого отдела Семиреков. Следуй за мной!

От этих слов в груди Николая сразу похолодело, и неясное предчувствие больших перемен вдруг сразу переросло в уверенность: начинается новая, быть может, еще более тяжкая, чем до сих пор, полоса его незадачливой жизни...

Пришли в соседний дом. В большой комнате старший лейтенант разделся, повесил шинель на деревянный костыль и предложил раздеться Николаю. Потом сел за дубовый стол, не прикрытый скатертью, а Николаю указал на табурет возле него. Сидели друг против друга. Ничего хорошего не ожидавший Николай подумал: «Как на допросе...»

Старший лейтенант почему-то не спешил начинать разговор, тянул время, по-видимому, давая возможность солдату освоиться с обстановкой.

— Куришь? — наконец произнес он, протягивая через стол портсигар, искусно сделанный из самолетного дюралюминия.

— Спасибо, — поблагодарил Николай, беря сигарету с внутренней настороженностью.

— В красноармейской газете рассказывается об умелых и смелых действиях пулеметчика Косаренко, — заговорил следователь, сбивая на бумажку пепел с сигареты, — не про тебя ли это?

— Про меня, — ответил Николай, радуясь тому, что офицер прочитал заметку, которая ему на пользу.

— Молодец, хорошо воюешь, — похвалил старший лейтенант и, расспросив, откуда он родом, давно ли на фронте, вдруг задал вопрос, который прояснил Николаю причину, по которой он оказался перед ним:

— Скажи, товарищ Косаренко, а что ты хотел сообщить товарищу Сталину?

Стараясь не выдать своего волнения, Николай ответил не очень вежливо:

— Да уж это, товарищ старший лейтенант, мое личное дело.

— Вот как! Но я с тобой согласиться не могу, — мягко, без обиды на невежливость рядового возразил офицер. — Желание встретиться лично с товарищем Сталиным прямо касается нас, работников органов государственной безопасности. Хороши бы мы были, если бы не знали, кто и почему обращается к Верховному Главнокомандующему. Так что, если у тебя есть какая-то важная тайна, которая может пойти на пользу нашей победе, ты не имеешь права скрывать ее от нас, работников особого отдела «Смерш».

Вздыхнув, разочарованный Николай молчал. Ему стало ясно, что ни о каком вызове в Москву не может быть и речи, что от него теперь не отстанут до тех пор, пока не добьются признания в том, по какой причине он писал свое загадочное для них письмо. Как же теперь быть? Откровенно рассказать этому симпатичному старшему лейтенанту всю горькую и горестную правду о себе, ничего не утаивая, а там, будь что будет, или, напротив, прикинуться этаким простачком, который под настроение и по глупости отправил в Кремль письмо, толком не отдавая себе отчета, для чего он это делает. Но оперуполномоченный старший лейтенант вряд ли поверит в эту несерьезную, по-детски наивную придумку.

И, в общем-то, Николай не ошибался, думая так. Старший лейтенант и в самом деле был опытным чекистом и, конечно же, догадывался о том, что происходит в душе сидевшего перед ним бойца, судя по всему, неглупого и отважного, коль скоро

в описанном газетой бою действовал похвально, решительно и умело. Такой боец не стал бы обращаться по пустякам к самому товарищу Сталину — знал бы, что Верховный Главнокомандующий по горло занят организацией сил и средств для разгрома фашистских орд.

— Давай так, товарищ Косаренко, договоримся. Вот тебе бумага и чернила. Кратко изложи, что именно томит твою душу. Ты же не можешь не понимать: в любом случае Иосиф Виссарионович лично не станет заниматься твоим делом, а поручит кому-нибудь из нашего брата, работников госбезопасности. Так не лучше ли не в Москве, а здесь, на месте, освободиться от всего того, что, как ты пишешь, мешает тебе во всю силу биться с фашистами? Или ты доверишься только московским чекистам?

— Да нет, почему же, — возразил Николай.

— Тогда смело открывай свою душу, а я не буду тебе мешать, — сказал следователь и вышел.

Облокотившись о стол, Николай долго сидел неподвижно, мучительно раздумывая.

Пока его не арестовали и даже не обезоружили — он пришел с карабином, пока osobистам еще ничего не известно о том, кто он и как попал в действующую армию, не лучше ли незаметно уйти? Старший лейтенант прошел куда-то мимо окон, и, стало быть, появилась возможность скрыться.

А где? И главное — зачем?

Ведь одно дело — совершить побег из мест заключения и объявить себя дезертиром, чтоб под чужой фамилией и штрафником попасть на фронт, другое — бежать с фронта, чтобы стать настоящим дезертиром. Одно дело — погибнуть от вражеской пули, другое — от своей, советской, и все под той же чужой фамилией.

Нет, такой позорной смертью Николай умирать не хотел.

Но и признаваться было страшно: ведь его снова будет судить военный трибунал — он это хорошо знал, — опять же по 58-й статье, только по другому пункту — по 14-му, контрреволюционный саботаж, выразившийся в уклонении от отбывания наказания за политическое преступление.

И так худо, и этак не лучше.

Когда за окном вечерние сумерки стали фиолетовыми, в комнату вошел юркий боец с двумя котелками.

— Это тебе, — сказал он начальственно-покровительственным тоном, ставя котелки на стол. — Тут вот рисовый суп, а это пшенная каша со «вторым фронтом». Ешь, пока не остыло!

Боец занавесил оба окна плащ-палаткой, зажег керосиновую лампу и, перед тем как уйти, спросил:

— У тебя курево-то есть?

— Есть, — рассеянно ответил Николай, позабыв о том, что табака-то у него как раз и не было.

Через полчаса возвратился старший лейтенант. Взглянув на чистую бумагу, лежавшую перед Николаем, и на нетронутый обед, он недовольно поморщился.

— Зря, Косаренко, замыкаешься, — сказал он, присаживаясь напротив. — Москвы тебе все равно не видать — никто тебя туда не вызовет. Выход один: сообщить обо всем здесь. Так будет лучше для тебя. Поверь, я знаю, что говорю.

Николай продолжал молчать, мучаясь от жестокой внутренней борьбы: что делать?

— Ну-ну, подумай еще. — Старший лейтенант придвинул к себе лампу и развернул газету.

— Мне выйти-то можно?

— Конечно! — ответил оперуполномоченный и крикнул в соседнюю комнату: —

Осокин! — А когда на пороге в почтительной позе застыл юркий боец, распорядился: — Покажи нашему гостю уборную.

Выйдя во двор, Николай тоскливым взглядом окинул вызвездившееся небо и с отчаянной решимостью подумал: «Ладно, будь что будет!..»

— Ну что, надумал? — спросил его Семиреков, когда он возвратился в дом.

Вздыхнув, Николай кивнул в знак согласия.

— Только писать, гражданин оперуполномоченный, я не буду: коротко не смогу, а длинно — стоит ли? Договоримся так: я начну рассказывать, а вы уж записывайте, что надо. Можно ведь так?

24

— До мая сорок второго года жизнь моя, гражданин следовательно, складывалась не так уж плохо. Во всяком случае, не имел причин жаловаться на судьбу свою. Это, конечно, не означает, что у меня вовсе не было горестей и печалей. Но в главном, решающем, в том, что делает человека счастливым, я был, как говорится, на высоте. С детства мечтал стать кадровым военным и стал им. С трудностями, правда, и немалыми... До службы в армии я успел окончить Острогжское педучилище и работал сельским учителем. Тогда же встретил девушку Олю... Поженились, у нас появился ребенок — сынишка Владик.

Казалось, чего бы еще надо? А меня неудержимо тянуло в Красную Армию. Пошел в военкомат, но там категорически отказали: учителей на службу не берем — их и так не хватает. Но я добился своего... На Дальнем Востоке служил связистом. Тосковал, конечно, по Оле и сынишке, и здорово, однако не жалел, что по своей воле с ними разлучился. Ну, служу, время идет, а сам мечтаю: вот если бы попасть в военное училище... Чтоб не распространяться на этот счет, скажу: через год я уже был курсантом Рязанского пехотного... В сороковом окончил его с отличием и, наверное, поэтому меня направили не в обычный полевой полк, а в Лепельское училище, командиром курсантского взвода. Не скрою, страшно-вато было — учить других, но, поверьте, я старался. Не прошло и полгода, как меня сначала выдвинули командиром роты, потом начальником учебной части батальона, а в мае сорок второго я уже носил три кубаря старшего лейтенанта. Стоял вопрос о посылке меня в академию...

Как видите, моя военная карьера складывалась не так уж плохо... К тому времени у нас с Олей второй ребенок появился — Валюша... Разрешите закуристь? Благодарю... В начале войны училище было передислоцировано в Череповец. Не мне вам говорить о том, какое это было тяжелое для Родины время. Курсанты с тревогой спрашивали нас, своих старших товарищей и воспитателей: почему наша армия отступает? Почему? Готовясь к боям, будущие командиры хотели знать правду и только правду. Я, как и другие мои товарищи, отвечал им в том смысле, что враг очень силен и опасен и что победа над ним потребует немало крови. Чтобы одолеть его, надо хорошо постичь науку побеждать и не жалеть себя...

А житуха была нелегкой. Идешь, бывало, с курсантами в поле на тактические занятия, а ноги от слабости так и подламываются. Многие из нас подавали рапорты, чтобы на фронт отправили, но нам и думать об этом запрещали. Наш долг, говорили нам, готовить командные кадры для фронта. И мы готовили, не считаясь с лишениями. Да и постыдно было бы считаться с житейскими невзгодами, хорошо зная, что наши сверстники в боях и кровь свою проливают, и умирают геройской смертью. Но были среди нас и такие людишки, которые собственную утробу ценили выше чести, совести и долга... Захожу как-то в курсантскую столовую, а мне дежурный докладывает: так, мол, и так, сегодня два килограмма мяса и килограмм масла недоложили в котел. Начальство взяло. Спрашиваю: кто?

Замаялся дежурный, не сразу назвал прохвостов, но все же сказал. Один из них, Глобов, оказался моим непосредственным командиром, другой, Стряпухин, был не менее опасен, — работал в особом отделе...

И все же я пошел к одному из них — Глобову. Он понял меня по-своему и предложил вместе пастись в курсантской столовой. У тебя, говорит, тоже семья, твои детишки тоже есть просят... А мы, говорит, как-никак, офицеры... Я сказал, что раз мы — советские офицеры, то не должны обкрадывать своих подчиненных, это большая подлость и уголовное преступление. И если вы не прекратите воровства, я доложу командованию... Задыхаясь от злости, Глобов предупредил: «Запомни, Кравцов, кто станет на нашем пути, рога обломаем!» Жалею об одном — о том, что не отправил докладную записку начальнику училища. Понадеялся, дурак, что воры образумятся, устыдятся. И поплатился за это, и еще как!

Николай замолк, подошел к скамейке, на которой стояло ведро с водой, жадно попил. Потом, уже не спрашивая разрешения, взял из портсигара на столе сигаретку и, осторожно разминая ее, продолжал:

— Уже на другой день после разговора с Глобовым было срочно созвано партийное собрание батальона. Оно длилось недолго и закончилось тем, что у меня же отобрали кандидатскую карточку... Молча расходились мои товарищи, а я продолжал сидеть. Вдруг на мое плечо кто-то опустил тяжелую руку. Я оглянулся и встретился со злобно торжествующим взглядом Стряпухина. Обвинение предъявили через две недели: статья пятьдесят восьмая, пункт десять, часть вторая... Разумеется, я не чувствовал и не признавал за собой никакой вины, ни малой, ни большой.

Судили меня в начале сентября. Когда вышли за ворота тюрьмы, конвоир спросил меня, хорошо ли я знаю город. Я ответил, что да, Череповец знаю хорошо. «Тогда путь выбирай сам, — сказал конвоир, — нам надо в Дом Красной Армии». Я удивился — зачем туда? Оказывается, там будет заседать военный трибунал... Но почему именно в Доме Красной Армии? Неужели будут судить показательным, в присутствии всего командного состава училища? Лучше это или хуже?.. Убежать разве? В конце концов, это не так уж и трудно: резко повернуться назад, выхватить у конвоира винтовку и — даешь свободу!.. Нет, думаю, до суда этого делать никак нельзя: бежать — значит, признать себя виновным, хотя бы и косвенно. Кто знает, может, военный трибунал и сам выпустит меня на свободу. Убедится в том, что я злостно оклеветан и оправдает. Вот если трибунал безвинно осудит, тогда другое дело. Тогда уж ничего другого не останется, кроме побега...

По улицам Череповца я шел, опустив голову, — слишком трудно, гражданин следовательно, невозможно было смотреть людям в глаза: в каждом взгляде — ненависть и презрение. Уже почти год шла война — и какая! — враг почти рядом, каждый честный человек готов на все ради победы, а тут — на тебе — ведут арестованного молодого человека в военной форме без знаков различия. Ясное дело: либо шпион, либо дезертир... Стыд и позор жгли мое сердце... Возле городского сада встретила группа командиров-сослуживцев. Они о чем-то разговаривали, но, увидев меня в сопровождении конвоира, сразу же смолкли. Двое из них сделали вид, что ничего не произошло, и отвернулись, остальные невольно замедлили шаг, а старший лейтенант Сойников, шедший позади всех, сжал руки и украдкой приветственно ими потряс. Я, гражданин следовательно, с благодарностью принял этот трогательный знак внимания — ведь он означал, что далеко не все считают меня подлецом.

И словно бы луч солнца пробил толщу черной тучи — слабая до этого надежда на благополучный исход начала во мне быстро крепнуть, перерастая в уверенность: справедливость рано или поздно восторжествует!.. И вот тут-то я увидел — кого бы вы думали, гражданин следовательно? — своего бывшего начальника Глобова.

Когда наши взгляды встретились, оторопевший Глобов даже растерянно остановился. Остановился и я. Что уж было в моем взгляде, не знаю, только Глобов испуганно начал пятиться, говоря: «Но-но, ты не очень!» Я предупредил его: «Трепещи, подлая душонка! Мы еще встретимся и не в такой обстановке...» И пошел дальше! Мысли мои были заняты предстоящим событием, а ноги сами шли туда, куда рвалось мое сердце.

Вот она, так хорошо знакомая улица Володарского, по которой я каждый день ходил на службу. А вот и двухэтажный дом начсостава... Сердце мое обдало жаром, когда я увидел черноглазого карапуза, скакавшего на палке с дощечкой-саблей в руке, — это был мой Владик!.. Я окликнул его. Сынишка остановился, недоверчиво оглядел меня, не узнавая, а потом, как вскрикнет: «Папа, папочка!» И — на шею ко мне... Для конвоира это было неожиданно, но он все понял и сказал: «Подложил ты мне свинью. Ну да чего теперь об этом. Заходи!» Несу на руках сынишку и спрашиваю, дома ли мама. Оказывается, болеет дочка, и она в аптеку пошла. Вдруг сын как обухом по голове ударил: «Папа, а правда, что ты — шпион?» В груди у меня закололи иголки, а в глазах потемнело. Я с трудом произнес:

— Что ты, сынок!..

— И не фашист?

— Да нет же!..

— А ребята говорят: твой папа фашист и шпион.

— Врут они, сынок, не верь им...

По ступенькам лестничного пролета я поднимался медленно, — будто пьяный...

За дверями слышалась надрывный детский плач. Опустив сынишку, я заспешил... В качке надрывалась моя дочурка. Кое-как успокоив ее, ходя с ней по комнате, заглянул в обе кастрюли на плите — в одной было немного супа. В кухонном столе лежало полбуханки хлеба. Я разрезал ее на две части, одну половину положил на место, а вторую протянул конвоиру:

— Возьми, браток...

— Ты в своем уме? — запротестовал он. — Ни в коем разе!

— Но мне больше нечем тебя отблагодарить...

— Да ничего и не нужно... Ты уж тово... Не обессудь, потому как, сам понимаешь, никакого права не имею... Мне и так несдобровать... Надо уходить...

— Да-да, конечно... Владик, скажешь маме, меня повели в Дом Красной Армии.

— Зачем?

— Там будет заседать трибунал...

— А что это — трибунал?

— Суд такой... Ну, прощай, сынок! Будут тебе плохое говорить про папу, не верь, никому не верь! Рости честным и слушайся маму...

— А ты когда вернешься?

— Не знаю, сынок, не знаю...

И вот мы, гражданин следователь, снова на улице. Шел я, как лунатик... Уже неподалеку от Дома Красной Армии вдруг слышу истошный крик. «Коля, Коленка!» Это была Оля... Она прижалась к моей груди и беззвучно заплакала. Я глухо сказал:

— Прости меня, Оля.

— За что? Ты ни в чем не виноват! — заверила она. — А злые люди... Придет время, Коленка, отольются им наши горькие слезы!

— Все, наверное, отвернулись от тебя?

— Не все, но многие.

— Терпи.

- Стараюсь.
- Детишек береги. И себя, конечно, тоже.
- За нас не беспокойся — не пропадем!
- Родным не сообщай, что со мной!
- Хорошо.

Такой вот, гражданин следователь, она и осталась в моей памяти непреклонной, верной и верящей... Эта короткая встреча дала мне многое. Я еще и еще раз убедился: никто так не знает меня, как Оля, и никто, как она, не убежден в моей невиновности. Теперь мне за свой тыл можно было не беспокоиться. Оля тоже будет мужественно противостоять тому, что нас ожидает...

У входа в Дом офицеров нас встретил старшина, молча завел в одну из комнат. Членов трибунала еще не было. Комната по форме и по размерам походила на школьный класс, из которого вынесли парты. Справа стол, накрытый красной скатертью, испятнанной чернилами, — он тоже чем-то напоминал учительский, — а возле него три или четыре табурета. Позади стола, на стене, где обычно висит классная доска, — цветной портрет товарища Сталина. У левой стены — одинокий табурет. Я догадался — для меня, и, не дожидаясь распоряжения конвоира, направился к нему. Старенький табурет подо мной скрипнул. Я, товарищ капитан, не верю ни в Бога, ни в черта, но этот скрип почему-то воспринял как обнадеживающий. Я поднял глаза и встретился со взглядом портрета... Мне вдруг почудился всегда спокойный и уверенный голос товарища Сталина: «Как же ты, Кравцов, дожил до такой жизни, а?..» И, сам не зная почему, я опустил голову. Выстрелом над ухом прозвучали слова: «Встать, суд идет!»

Я встал и с тревожным любопытством разглядывал членов военного трибунала. Первым переступил порог щупленький военный юрист с двумя «шпалами» на петлицах — председатель трибунала. За ним шел высокий медлительный политрук в очках, потом лейтенант с усиками и, наконец, миловидная девушка в форме бойца — секретарь... Не буду пересказывать формальные вопросы, которые мне были заданы. Когда с ними было покончено, председатель спросил, признаю ли я себя виновным в том, что среди личного состава училища проводил пораженческую агитацию, восхвалял немецко-фашистскую армию и противодействовал мероприятиям партии и правительства по разгрому врага?

- Нет, не признаю! — ответил я.
- Я советовал бы вам быть предельно откровенным — это облегчит вашу участь.
- Мне нечего скрывать, как и не в чем признаваться.

С самого начала ареста, гражданин следователь, я с нетерпением ждал суда. Я надеялся, что судьи легко убедятся в том, что предъявленное мне обвинение во вражеской деятельности — нелепость. Но когда председатель трибунала начал меня допрашивать, надежда моя сразу пропала. Я понял: мои судьи озабочены не своим священным долгом перед законом и совестью установить истину, а совсем иными соображениями, не имеющими никакого отношения к советскому правосудию. Мне стало ясно, что уже никто и ничто не отвратит ужасную предопределенность — судьба моя решена. Поэтому на вопросы отвечал без всякого интереса, не стараясь даже доказывать их откровенную тенденциозность. Правда, одну такую попытку все же сделал — это когда был вызван курсант Ульяновский, основной свидетель обвинения. Низенький, лощеный, Ульяновский вошел пружинящим шагом и подчеркнуто подобострастно вытянулся перед трибуналом.

- Свидетель Ульяновский, вы знаете подсудимого?

Ульяновский посмотрел на меня блудливым взглядом и заискивающе ответил:

- Так точно! Это бывший начальник учебной части нашего батальона Кравцов.

- Что вы можете рассказать трибуналу о его преступной деятельности?

— А то, товарищи члены военного трибунала, что он вел вражеские разговоры.
— Какие же именно?
— Да вот, к примеру, взять хотя бы Сталинские премии... Кравцову, видите ли, не по нутру решения Советского правительства по этому важнейшему политическому вопросу. Говорит: зачем Сталинские премии присуждать вертихвосткам-балеринам? Другое дело, когда конструкторам оружия или там ученым... По Кравцову выходит, будто наше родное Советское правительство само не знает, кому надо присуждать, а кому не надо...

— Подсудимый Кравцов, вы подтверждаете показания свидетеля?

— Да.

— Свидетель Ульяновский, что вам еще известно?

— А то, что Кравцов не раз говорил: если-де так будем драпать, то скоро окажемся за Уралом. Опять же Кравцов часто утверждал: нам-де не мешает поучиться у врагов организации взаимодействия родов войск...

— Подсудимый Кравцов, вы подтверждаете показания свидетеля?

— Да. И не вижу в них для себя ничего предосудительного и тем более преступного. Владимир Ильич учит: нельзя победить врага, не зная его сильных и слабых сторон, что и у врага не зазорно перенимать опыт.

— Я попросил бы вас, подсудимый Кравцов, не пытаться оправдывать свои преступные действия ссылками на высказывания вождя. Это кощунство!.. Ульяновский, у вас все?

— Так точно! Больше, к сожалению, ничего не могу сообщить.

— Вы свободны.

Тогда я сказал, что у меня есть вопрос к свидетелю. Судьи переглянулись, и председатель остановил Ульяновского.

— Скажите, Ульяновский, с какого времени вы курсант Лепельского пехотного училища?

— Ну, больше года, и что?

— А сколько за это время было выпусков?

— Ну, два.

— Почему вам, как всем курсантам, не присваивают звания и не отправляют вас на фронт?

— Про это командование батальона знает...

— Я тоже входил в это командование и хорошо знаю, зачем и почему Глобов пригревает вас своим крылом... Вы его холуй! Вы спекулируете краденной у курсантов махоркой, чтоб обеспечить ему сытую жизнь. Вспомните, сколько раз я говорил вам: прекратите!..

Председатель сурово прервал меня:

— Я запрещаю распространяться о вещах, не имеющих отношения к вашим преступным действиям! Свидетель Ульяновский, вы свободны!.. Подсудимый Кравцов, вам предоставляется последнее слово!

И я, товарищ старший лейтенант, так сказал: «В ваших глазах я государственный преступник, но вы ошибаетесь! Я был, есть и буду честным советским человеком! Пошлите меня на фронт — я докажу это! Не совершайте надо мной суда неправого!..»

Когда судьи ушли, мною овладело странное чувство безразличия, и думал я не о том, каков будет приговор, — жестокий или мягкий, а о том, что приговор этот — отбывать не буду. Ни за что на свете! Даже если ради этого придется пойти на самую крайнюю меру протеста...

И вот его объявили, этот приговор: десять лет лишения свободы в исправительно-трудовых лагерях с последующим поражением в правах сроком на пять лет... Десять лет... Закончится война, живые герои возвратятся к мирному тру-

ду, а я... За эти годы Владик станет отроком, а Валя пойдет в третий класс. Спросят: «А почему ты, папа, не воевал с фашистами?..» А может, и папой не назовут... И тогда, гражданин старший лейтенант, я решил бежать! С мыслью о побеге ложился спать, с этой же мыслью и просыпался. Кошмарные, изнуряющие сны тоже были связаны со страстной мечтой о свободе. Я знал, что побег невероятно труден и опасен, но это меня не остановило... Не буду рассказывать о подробностях, скажу только, что 25 ноября сорок второго года я бежал из исправительно-трудового лагеря на Урале, а через неделю, второго декабря, на станции Лежа, под Вологдой, выдал себя милиционеру за дезертира Косаренко Ивана Дмитриевича, был судим и в штрафной роте искупил «вину»... Ну, а об остальном вы уже знаете...

Николай замолк, чувствуя облегчение. Молчал и старший лейтенант, прохаживаясь по комнате. Симпатичное лицо его было задумчивым, суровым. Потом вдруг остановился и с минуту с нескрываемым удивлением рассматривал Николая.

— Слушай, а ты не врешь? Может, ты все это придумал?

— Я вам раскрыл свою душу, будьте и вы со мной откровенны. Скажите прямо и честно — что меня ожидает?

Старший лейтенант, положив руку на плечо Николая, взволнованно сказал:

— Будь это в моей власти, я бы немедленно прикрепил тебе твои офицерские погоны и возвратил бы твою карточку кандидата партии. Верю, в конце концов, так оно и будет. А пока я должен исполнить свой служебный долг — в данном случае нелегкий и неприятный — арестовать тебя и отправить в КПЗ.

25

Камера предварительного заключения — землянка на склоне сопки с редкими соснами. В нее и поместили Николая.

Голые, грубо сколоченные из горбылей нары, чугунная печурка да крохотное, в тетрадный листок, оконце, — так выглядела эта «камера».

Разглядывая свое новое пристанище, Николай с чувством неопределенности подумал о том, как долго доведется ему томиться тут ожиданием? Не строя никаких иллюзий, трезво решил: на скорую развязку рассчитывать не следует. Немало пройдет дней, пока поступят ответы из Череповца, Вологды и из Губахи, а до той поры ему надо терпеливо ждать решения своей участи.

На душе у Николая было сравнительно спокойно; труднейшая задача, которую он ставил перед собой, совершая побег — во что бы то ни стало попасть на фронт, — выполнена, и чего уж тут перед собой-то самим скромничать, не так уж плохо. Боевой устав Красной Армии трактует бой как высшее испытание физических и духовных сил воина. У кого же теперь повернется язык отрицать, что он, Николай Кравцов, хотя и не под своим именем, но с честью и достоинством выдержал именно такое испытание? Кто из серьезных и объективно мыслящих работников правосудия оценит этот непреложный факт «дешевле» тех, за какие он был несправедливо осужден в мае сорок второго года?..

Один из них, старший лейтенант Семиреков, придерживался такого же мнения и именно поэтому общался с Николаем просто, человечно, чуть ли не на равных. Его допросы скорее напоминали непринужденные беседы не только о том, что так или иначе имело отношение к личности Николая, — следовательно и последственный обменивались мнениями о событиях на фронтах и в международной жизни, порой спорили об искусстве и литературе или мечтали о том желанном времени, когда смолкнет грохот орудий. Рядом со старшим лейтенантом, выпускником юридического факультета Московского университета, Николай ча-

сто забывал о своем унижительном положении арестанта и уже за одно это был ему бесконечно благодарен.

Когда из Череповца поступило первое сообщение — оно касалось семьи и самого факта осуждения Николая, — Семиреков стал к нему еще более внимателен и, как мог, старался облегчить его участь. Зная, сколь скуден арестантский паек, он частенько угощал Николая хлебом, табаком и даже мясными консервами.

Обычно Семиреков вызывал Николая к себе, но однажды сам пришел в КПЗ. Поздоровавшись, он присел на чурбак и с молчаливой сосредоточенностью стал глядеть на дотлевшие угли. Его молодое энергичное лицо выражало одновременно и усталость и какую-то внутреннюю озабоченность, которая, как догадался Николай, имеет к нему отношение. Стало быть, произошло что-то важное, но что?..

— Холодно, наверное, спать-то? — зябко поеживаясь, спросил он, словно бы для выяснения этого вопроса и пришел.

— Конечно, дровишек же мало приносят.

— Я скажу, чтоб не скупились, — леса же кругом.

— Спасибо, гражданин следователь.

Ворочая щепочкой угли, Семиреков как бы между прочим сказал вдруг такое, от чего у Николая перехватило дыхание.

— А знаешь, сегодня пришло дело, по которому тебя судил военный трибунал... В нем и розыск из Губахи...

Он замолк, достал сигаретку, щепочкой подцепил крохотный уголек, прикурил от него и только после этого взглянул на Николая, протягивая ему портсигар.

— Я рад, Кравцов, что полностью подтверждена искренность твоих поступков вплоть до самого последнего — имею в виду повинную. Полагаю, что эта искренность, как и твое мужественное поведение на фронте, в конце концов, принесут тебе свободу...

Необыкновенная новость, давно и страстно ожидаемая, и открытое сочувствие Семирекова к его судьбе так взволновали Николая, что он готов был расцеловать его, если бы только это было допустимым. Ему захотелось рассказать Семирекову обо всем, что пережил он и перечувствовал с тех пор, как его арестовали и ложно обвинили в страшных преступлениях, которых он не совершал, но вместо этого он неожиданно для самого себя заговорил о другом, то и дело запинаясь:

— Если я вас, гражданин следователь, правильно понял, то вы... как бы это выразиться... В общем, у меня сложилось впечатление... Одним словом, вы теперь убедились, что со мной поступили жестоко и несправедливо. Скажите открыто, для меня это очень важно, скажите — так это? Или я ошибаюсь?..

Семиреков молчал, с прежней озабоченностью глядя на дотлевающие угли в печке. И не потому молчал, что боялся признаться в правоте его подопечного, а потому что признаваться в таком для него важном деле было слишком тягостно, горько и обидно. Как летчика в стихию поднебесья, как моряка в суровые океанские просторы, так и Семирекова в карающие органы советской власти привела романтика классово-борьбы. С юношеских лет слово «чекист» для него концентрированно вмещало в себе все лучшее, что может быть в революционере. А облик самого главного чекиста, железного рыцаря Феликса Дзержинского, был для него тем эталоном, по которому Семиреков старался сверять свои большие и малые поступки. И когда он, придя в органы, сталкивался с фактами недостойного поведения иных работников НКВД, вроде тех, что искалечили судьбу Кравцова, его впечатлительную душу всякий раз потрясало до самых сокровенных глубин. Вот почему своими взволнованными вопросами Николай как бы посыпал соль на его незаживающую рану.

— Да, ты прав, Кравцов, я действительно убедился: с тобой поступили и жестоко, и несправедливо. Но одного моего убеждения явно недостаточно — надо, что-

бы и члены военного трибунала — а без него никак не обойтись — убедились, вернее, захотели убедиться. — Семиреков сделал нажим на слово «захотели», подчеркивая этим, что исход дела будет зависеть не столько от объективных, сколько от субъективных обстоятельств, неизбежно порождающих произвол и беззаконие. — Будем надеяться, что захотят.

* * *

...Передо мной лежит официальный документ, в котором говорится: «Патриотическое поведение Кравцова на фронте было учтено судебными органами, и он на основании ст. 8 УК РСФСР из заключения и отбытия дальнейшего наказания был освобожден и восстановлен в воинском звании...»

Потом снова были бои. В одном из них Николай Кравцов был тяжело ранен и в строй вернулся уже после разгрома фашистской Германии. В завершающих событиях Второй мировой войны на Дальнем Востоке капитан Кравцов участвовал в должности начальника штаба отдельного пулеметно-артиллерийского батальона.

Решением Военной Коллегии Верховного Суда РСФСР в январе 1963 года Кравцов Николай Миронович полностью реабилитирован. Впоследствии он был также восстановлен в рядах КПСС. Отмечен многими правительственными наградами...

Александр Борисович Ромахов (1961—2007). Родился в городе Лиски Воронежской области. Работал плотником, токарем, слесарем, сварщиком. Член Союза писателей России. Автор поэтических сборников «И все-таки сонет», «На зимнем ветру», «Не святые писанья мои», «Откройте — это я», «Пятая жизнь». Посмертно издана книга избранных стихотворений «Солнце тихое» (2011). В Лисках установлен памятник поэту (2011 г.). Ежегодно с 2007 г. проводится Поэтическое вече «Шестая жизнь», посвященное памяти А. Ромахова.

Александр Ромахов

АТЛАНТИДА

С.

В бесчисленных днях мироздания
Два осколка минувших миров —
Как мучительно наше блужданье
С темной памятью всех катастроф.

В древних рваных сетях тяготенья
Не чужое ли солнце горит?
Как мучительно наше сближенье —
Пароксизм эксцентричных орбит.

И какую теперь еще чашу
Снова мимо нас не пронесет?!
Как мучительна двойственность наша —
В звездном пламени каменный лед...

Не судом отец мой матерился,
Как с похмелья ныла голова.
От того, наверно, я влюбился
В русские высокие слова.

Горькое мое противоречье
И судьбе, и злобе, и вину...
Захватила плавность тихой речи —
Потайную тронула струну.

Только скуп на радостные были
В этой жизни всякий перевал;
Не отцу — ограде на могиле
Я вчера стихи свои читал.

* * *

Не по умыслу тайному вовсе,
Наущеньем ничьим не ведом,
С головой я на выдохе в осень
Провалюсь — вспоминайте потом!

Вспоминайте...
А тут... Ох, как сладок
Телу острого ветра ледок!
Только жаль, остается осадок,
Будто на сердце легший листок.

Остается осадок изгнанья
Красок, брызжащих жизнью, тепла...
Впрочем, есть утешенье —
В тумане
Крепче пахнет у сосен смола.

* * *

На тьме набросать небрежно
Неброский чужой анфас
С морщинками лба,
с надеждой,
Что это в последний раз,
Что больше не потревожу
Вторжением из бытия...
Как ты на нее похожа,
Любовь моя,
жизнь моя...

* * *

Ты только не мысли конечно-отпетым,
И через все разом хватившим края,
Я буду твоим сумасбродным поэтом,
Чудная Россия моя.

Я буду размазывать слезы ли, грязь ли
По буйно небритым и впалым щекам,
Бродя по твоим, по настоящим на зле,
Причисленных к лику чумных временам.

Что делать! — и в этом больном твоём свете
Дрожат, как созвездья на тихой воде,
Стихи, что повесятся завтра в клозете
На первом попавшемся ржавом гвозде.

* * *

Что с тобою, угрюмый мыслитель,
Аль повздорил со славой в пути?
Как она улыбалась в зените
Одичавших твоих тридцати!

Что сберег от бывалых величий,
Где безумства рассеял свои?
Знать, не вхож твой высокий обычай
Под беззвездное небо семьи...

* * *

Поменялся
Ветер на северный;
В этом гиблом краю — метель.
Угодивший зиме в расселину,
Потяну ещё
Канитель.

Подожду;
Чем-нибудь да кончится —
Есть предел
 февралю и мне...
Обессудится, обессрочится,
Обесценится
Ночь в окне.

Лишь бы только
Не бред медвежьего,
Полубожитого угла! —
В эти волны, бездонно-снежные,
Атлантидою жизнь ушла...

* * *

Карандаш отточен. Я отторгнут
От того, чье имя — суета.
Мир обратно в точку туго свернут
За секущей плоскостью листа.

И опять вне времени и срока,
Приликая звездами к лицу,
Бормоча навязчивые хокку,
Ночь идет к нелепому концу.

Не сморгнуть бы! — разве это плата...
Насладиться зрелищем сполна:
Мир не в точку, в грубый свиток скатан —
И оттуда светят письма!

* * *

На горях забытых расколов —
Клубы обезумевшей тьмы...
И больше не надо глаголов
В застывшем пейзаже зимы.

Речь скомкана. В старых границах
Пожара души не сдержать.
На досках суровые лица
На миг отвернутся... Как знать?

Быть может, и в эту эпоху,
Когда Аввакум не в чести,
Не вымолю больше ни вдоха,
Но в небо уйду — во плоти!

* * *

У времени на тонком острие,
раскачиваясь вспыхнувшей сверхновой,
земная жизнь уходит в бытие —
гораздо невозможнее земного;
непредсказуемей,
неведомей,
сложней,
но — цельнее,
без теней и фрагментов —
небрежными ударами кистей,
наложенных случайных элементов —
на полотне, текущем среди звезд,
набросанных неведомым эстетом,
который, может быть,
и сам тут гость,
за давностью
забывший и об этом.

* * *

Гранящих стих пустой и плоский
чуть не посредством тесака —
их развелось, певцов березки
с болотной славой кулика!

.....

Когда мне скажут, что лукавлю,
Что лжив, изломан каждый жест,
Я на своих стихах поставлю,
Как на преступном прошлом, крест.

И коль слова мои пустые
Не стоят в праздник пятака,
Шагну в туман, уйду в Россию —
Поди, куда как велика...

Валерий Алексеевич Тихонов родился в 1946 году в городе Лиски Воронежской области. Окончил Воронежский лесотехнический институт. Многие годы трудился на комсомольской, партийной, профсоюзной работе. Более 10 лет возглавлял Лискинский районный Совет народных депутатов. Прозаик, публицист, поэт. Автор 19 книг, изданных в Воронеже и Москве, многих публикаций в центральных и региональных изданиях. Почетный гражданин Лискинского района и г. Лиски. Награжден медалью ордена «За заслуги перед Отечеством» II степени, знаком «Благодарность от земли Воронежской». Член Союза писателей и Союза журналистов России. Живет в городе Лиски.

Валерий Тихонов

ЖИТЬ ХОЧЕТСЯ

Рассказы

*Светлой памяти
Евгения Степановича Гусарчука —
Почетного гражданина Лискинского района,
посвящается*

1

Проснулся Степаныч, как всегда, рано, еще до восхода солнца. И дело вовсе не в горластом петухе, каким-то чудом продляющем свои дни среди разрастающихся многоэтажек и не дающем их обитателям утреннего покоя. Не в петухе дело! Скорее в привычке, сопровождающей Степаныча чуть ли не с малолетства. Хотя привык он к этому уже потом, с годами, а тогда надо было рано вставать.

Помнится, разбудит мать ни свет ни заря, сунет в руку узелок с куском хлеба да ломтиком сала: «Пора, сынку, буренушку на луг гнать! Ты уж давай, до обеда отпаси, а там я приду доить да и сменю». Глаза слипаются, ноги заплетаются, а гнать корову надо, без нее крестьянской семье не прожить. Так всю дорогу и бредешь в полудреме. А как выйдешь на луг, утренний ветерок тебя обласкает-умоет, роса студеная босые ноги обожжет, так куда и сонливость эта девается! Кругом простор необъятный, воздух, на травах настоящий, птицы на все голоса заливаются! Из-за бугра, что по ту сторону речки, красным бочком солнышко, будто яблоко спелое, выползает. Красотища! Жить хочется!

Будил и отец, особенно в пору покосов. Косу да вилы пацану не доверяли: мал еще, а вот грабли — это, пожалуйста! Это уже можно. Хоть ручонки порою до кровяных мозолей и набивал, но от матери да старшей сестры не отставал, шел вровень. Зато потом, когда отец в перерыве гладил своими шершавыми пальцами Женькины вихры и говорил, что он уже настоящий мужик, всякая боль забывалась.

Как давно это было! И вроде как вчера — уж больно ясно картинки те перед глазами стоят!

Степаныч встал тихо, чтобы не разбудить жену, прошел на кухню. Поставил на плиту чайник: электрические не любил, считал, что они убивают живизну в воде. Другое дело на огне! Заварил из листьев смородины да мяты, что принес вчера с дачи, заварку — не чета всем этим пакетикам с чайной пылью! Алюминиевая кружка пылала жаром, и Степаныч то и дело крутил ее в руке, чтобы не обжечься. Можно было, конечно, и остудить, только старику пить именно так, обжигаясь, было привычнее. Из этой старенькой кружки он пил когда-то пропитанный дымом партизанского костра кипяток, с нею прошагал тысячи километров по чужой земле и дошел до Берлина, где из нее же выпивал вместе с фронтовыми товарищами неразведенный спирт за Великую Победу. С этой верной подружкой и домой с войны вернулся. Теперь она для него и реликвия, и память...

Отхлебывая ароматный и будто душу согревающий чай, Степаныч снова о чем-то задумался. То ли все еще не мог оторваться от нахлынувших воспоминаний об ушедшей юной поре, то ли о чем сегодняшнем думал. Вот ведь, скажи, как человек чудно устроен! Казалось бы, о чем кручиниться старику, отмерившему уже 80 с солидным гаком жизненных верст, о чем думать думать? Живи себе да живи, пока Бог силы дает! Радуйся, что по утрам солнце вместе со всеми встречаешь! Ан, нет — оказывается, не каждому по плечу такое удовольствие! Вот и он, Степаныч, видать, не из таких, что спят, как младенцы, до пересыпа.

Старик хрустнул комочком рафинада, хлебнул из кружки и улыбнулся. Вспомнилось почему-то, как в детстве не хотелось вставать по утрам в школу. Только и мечталось о выходном. Вот, мол, подойдет — отосплюсь! А как воскресенье, будто бес какой в тебя вселяется: проснешься чуть свет, и хоть глаза выколи! Чудеса, да и только!

Уж теперь-то, пенсионеру, и вовсе — спи, не хочу! А не спится! Теперь уже другое что-то не дает. Недетское. А, может, так оно и должно быть, если у человека мозги не набекрень или не иссушились до конца? Ведь пока он жив, думает о чем-то, что-то делает, за что-то переживает. До последнего часа своего. Как мать Женькина, Акулина, царство ей небесное! Старенькая была, немощная, с койки подняться уже не могла, а загадывала: «По весне, сынку, Бог даст, сараюшко с тобой перекроем. Солома-то прогнила вся, самый малый дождь заливает». Не дожила до весны. А вот загадывала, думала, ночи недосыпала. Так и ему, Степанычу, не спится теперь...

— Чаевичаешь? Погодил бы с утра воду хлестать, сейчас завтрак сготовлю, — прервала стариковские мысли жена. Тоже проснулась, тоже что-то спать ей не дает. — Ну, что надумал-то? Пойдешь, или своими обойдемся? Вон из заначки возьмем, что на черныи день лежат, а потом с пенсии доложим.

Степаныч ответил не сразу. Помыл за собой кружку из-под чая, убрал сахарницу в шкаф и только потом отозвался:

— Пойду! Оно, приглашение это, хоть и лично мне прислано, только честь-то всему городу! Такой марафон ко Дню Победы — дело общественное, государственное, можно сказать! А раз так, то и власть местная не должна сбоку оставаться. Так что, схожу, по лицу не ударят. А уж коли откажут, тогда и подумаем, как выкрутиться.

— Ну, сходи, коли так. Только дюже там душу-то не рви. А то опять за сердце хвататься будешь.

— Не дождутся! — улыбнулся Степаныч и начал одеваться. Он уже решил, что пойдет к городскому начальству в своем парадном кителе, который надевал только на 9 Мая. Может, увидев его боевые награды, быстрее шагнут навстречу ветерану. Она и просьба-то его для них самая что ни на есть пустяковая!

2

В советские времена это большое здание на центральной площади города называлось Домом Советов. Когда власть в стране поменялась, сменилась и вывеска. Теперь здесь располагалась местная администрация, но то ли для удобства произношения, то ли подражая американцам, народ окрестил его «Белым Домом». Хотя белым он отродясь не был...

Степаныч помнит, как в прежние годы приходилось ему, тогдашнему начальнику железнодорожной станции, бывать в этом здании. Что-то нужно было решать по производству, но больше причиной посещения были общественные дела. Был тогда Евгений Степанович и членом райкома партии, и депутатом городского Совета, участвовал в различных совещаниях, мероприятиях. Так что само здание, вместе с его коридорами и бесчисленными кабинетами, Гусарову было хорошо знакомо, но в кабинетах этих сидели уже совершенно другие люди. Да и порядки были теперь другими. Ушла в небытие руководящая всем и вся партия с ее аппаратом, теперь жизнью города и района управлял глава администрации и его подчиненные. Степаныч, как и многие его земляки, считал, что с главным руководителем района им повезло. Этот человек, в отличие от многих своих собратьев-чиновников, не кинулся набивать собственную мощну да строить личные дворцы, а наперекор всем перестройкам, кризисам и другим катаклизмам так изменил город, что и во сне не снилось. И села сохранил, дал людям газ, воду, дороги асфальтовые. И к людям внимателен — ни одно обращение без внимания не оставляет. Степанычу в прошлом году тоже денюжат немного подкинул, чтобы на соревнования съездил. Может, и в этот раз не откажет. Хотя... Стыдно унижаться каждый раз, просить что-то. Привыкли по жизни Гусаровы на себя рассчитывать, не зариться на чужое. Даже тогда, когда в голодный год пала по непонятным причинам их кормилица Буренка, когда ели хлеб с лебедой да хлебали пустую похлебку, ни отец, ни мать ни у кого ничего не одалживали. Потихоньку, с трудом, но выправились сами... Оно бы и он, Степаныч, не пошел на этот постыдный поклон, если бы... Стариковских пенсий только и хватает, что на питание да за квартиру заплатить, лекарств бабке купить, а они нынче дороже золота стали. Слава Богу, хоть сам еще держится, хотя в последнее время «мотор» все чаще о себе напоминать стал...

Степаныч поднялся на нужный этаж, вошел в просторную приемную. Секретарша, выслушав его, вежливо пояснила, что глава нынче выехал в область, но можно обратиться к его заместителю, который сейчас на месте.

— Может, оно и к лучшему! — подумал Гусаров. — В прошлый раз один помог, теперь этот. Все одно ведь — власть!

Ждать, пока освободится начальство, пришлось недолго. Войдя в кабинет, Степаныч увидел знакомого ему мужчину, с которым приходилось не раз видеться на различных спортивных мероприятиях в дни празднования Дня Победы. Знал и тот известного в городе фронтовика, ветерана спорта, потому и поздоровался с ним за руку, пригласил присесть. Такое обходительное отношение взбодрило старика, вдохнуло в него надежду на скорое решение его несложной проблемы. Он протянул хозяину кабинета приглашение, что получил на днях, и скромно добавил:

— Мне бы только на билет туда и обратно три тысячи, да полторы на гостиницу за трие суток. Я вот тут и заявленьице написал. — И протянул еще одну бумажку.

Чиновник пробежал взглядом по листкам и, выдержав недолгую паузу, загворил.

— Я, конечно, Евгений Степанович, все понимаю: дело это нужное, важное, особенно в канун годовщины Победы... Но, к сожалению, на такие мероприятия, не заложенные в наши планы, средства не предусмотрены. Я бы и рад вам помочь, но закон есть закон! Нарушать его не дано никому! Так что, вы уж, извините, но... Единственное, что могу для вас сделать — попросить нашего депутата, предпринимателя Шагалова спонсировать вашу поездку. Вы идите к нему, а я сейчас позвоню ему и попрошу помочь.

На том и расстались.

Вышел из «Белого Дома» Гусаров с какими-то непонятными для себя, раздвоенными чувствами. С одной стороны, он понимал принявшего его руководителя: закон нарушать нельзя! А уж финансовый — тем паче! Евгений Степанович сам когда-то возглавлял предприятие и знает, что такое финансовая дисциплина. Тут все правильно, и обижаться на человека не за что! Тем более что в городе для людей делается столько, что вряд ли где еще сыщешь! А на это деньги нужны.

Только ведь и просил-то он, ветеран войны, заслуженный вроде бы человек, далеко не столько, сколько власть находит, к примеру, на столичных «фанерных звездах», ошастливливающих своими неживыми голосами горожан на большие праздники, в десятки раз меньше просил. И даже не на свое личное дело, а на общее, и для города важное! А может, и для всей области — ведь именно он, Гусаров Евгений Степанович, один-единственный будет представлять ее на общероссийских соревнованиях! Не верит он, что нельзя что-нибудь придумать, не нарушая законы. Не верит! А потому и обидно маленько от такого поворота дела... Ну да ладно, дойду уж до этого Шагалова, обращусь. Что ж тут поделаешь, коли государственная власть нынешняя сама в рот олигархам да инвесторам разным заглядывает! Да и в городе без местных предпринимателей вряд ли столько бы удалось сделать. Так что, шагай, Степаныч! Не ты первый, а уж последним точно не будешь! — успокоил себя ветеран и зашагал бодрой еще, спортивной походкой в сторону «шагаловского» офиса.

3

Апрель, отлистав на весеннем календаре добрую половину, уже всю грел землю солнечным теплом, пропитывал воздух ароматом первых соцветий, раскрашивал в зелено-белые цвета парки, сады. Было настолько тепло, что Степаныч даже снял плащ. Радуюсь пришедшей весне, любуюсь всей этой красотой, по которой за зиму уже соскучился, он поначалу и не заметил, с каким интересом и удивлением смотрят на него прохожие. А когда заметил, удивился уже сам: чего это они? Старика что ли не видали? И только потом понял: все дело в его парадном кителе с орденами и медалями! И впрямь: не 9 Мая ведь, когда такие картинки не редкость, не праздник какой, а он при полном параде шагает куда-то по пыльной улице!

Старик хотел было уж от смущения снова накинуть плащ, но вдруг передумал. А пусть поглядят, пока есть на кого! Сколько их нынче осталось-то, фронтовиков? Единицы считанные! Да и те больше по домам сидят: старость да болячки за порог не выпускают. А если кто и выходит на народ, то по какой-то необъяснимой скромности, в гражданском застарелом костюмчике. Чего стыдимся-то, кого? Может, наоборот, каждый оставшийся в этой жизни день носить свои боевые награды, и чем больше людей их увидят, особенно молодежи, тем крепче будет и

память, и правда о той смертоносной войне и Великой Победе. Правда, кем-то уже забытая, кем-то со старательным враньем переписанная... А настоящая-то вот она тут, на груди солдатской!

Степаныч, чуть сбавив шаг, с гордостью поглядел на звякающий от ходьбы металл. Вот эту медаль «За отвагу» он получил, когда взяли Кенигсберг. До сих пор помнит, как, стоя в болотной ледяной воде, оттаявшей к началу марта, он восемь часов вел огонь из закипавшего «Максима» по здоту у города-крепости гитлеровцев. Как под покровом дыма от подожженной копны сена уползал от смерти после приказа отступить, не бросив в болоте друга — «Максима». Как волок раненого товарища, удивляясь, что того два раза в одном бою ранили, а на нем, Женьке Гусарове, ни одной царапины.

А потом уж эти вот, с названиями столиц европейских — «За освобождение Варшавы», «За освобождение Праги», «За взятие Берлина» — пошли...

Вспомнилось вдруг, как в бою за Варшаву погиб весь его расчет, а у него только шинель в пяти местах пулями пробита. Шестая прошла через голенище сапога, задела слегка ногу. А на ближних подступах к Берлину, у Зееловских высот, снаряд рядом ахнул. После взрыва Женька горсть осколков из шапки высыпал, а на теле — опять ни царапины! Счастливчик, или ангел-хранитель берег? А может, молитвы матери такую силу имели? Так и дошел до Победы, и сейчас продолжает шагать по жизни, по земле, которую защищал.

— Дедушка! А эти медали твои настоящие?

Ушедший в свои мысли старик и не заметил, как рядом с ним, заглядываясь на его награды, давно уже шагает лет десяти мальчонка. Школьник, наверное.

— Конечно мои! Чужие разве бы я надел! — улыбнулся в ответ Степаныч.

— А можно я их потрогаю?

— Ну, потрогай! — ветеран нагнулся, чтобы тот дотянулся до его груди.

Мальчуган осторожно провел своим тонким детским пальчиком по ордену Красной Звезды, орденам Отечественной войны двух степеней, и так по всем наградам...

— Настоящие... У нас тоже такие были. У прадедушки моего, Дмитрия. Он тоже с немцами на войне воевал. Папа рассказывал, что дедушка командовал батальоном и однажды чуть даже не погиб... У него тоже было много разных медалей, я их даже в руках держал...

— Ну, и где же они сейчас?

— А когда папу похоронили, мама их продала. У нас тогда денег не было. А потом плакала долго, все ругала себя... — мальчишка шмыгнул носом и замолчал.

— А что с отцом-то случилось? — участливо спросил ветеран.

— Он хотел девушку от хулиганов защитить, а те его — ножом... Ну и...

— Понятно! — Степаныч провел рукой по вихрастой голове паренька, не зная, что и сказать этому, только вступившему в жизнь, но уже познавшему ее беды ребенку. Наконец отозвался:

— Это ты молодец, что знаешь о своем прадедушке-фронтовике. Молодец! Вырастешь, своих детей, внуков будешь иметь, тогда и им расскажешь о нем. И об отце своем расскажешь, чтобы память о них не умерла... Да-а-а! Ну а то, что мама награды фронтовые продала, жалко, конечно. Но, бывают, брат, такие ситуации, когда и нелзя вроде бы, да жизнь заставляет. Бывают...

«Вот ведь, скажи, как жизнь нынче у людей складывается! — распровавшись с неожиданным собеседником, подумал Степаныч. — Одни не знают, куда деньги девать, шикуют всем напоказ, а другие самое святое за копейки вынуждены продавать, только чтобы выжить. И что главное: другие-то эти, не проходимцы какие, не пьяницы, а порядочные люди, стыд и совесть свои не потерявшие. И что обидно: эти люди на плечах всю тяжесть жизни несут, свою отдают, других спа-

сая, а жизнь эта их же и хлещет розгами! Да еще как хлещет! Неправильно это, не по справедливости!..»

Так, в мыслях этих беспокойных, и подошел Степаныч к нужному зданию, где располагался офис городского предпринимателя и депутата Шагалова...

4

К предпринимательству Евгений Степанович относился неоднозначно. С одной стороны, он хорошо понимал, что это естественный «продукт» нового времени, без которого весь этот «капиталистический базар» просто бы не состоялся. Предприимчивые (и не только) люди нашли применение своим способностям, силам, обеспечили свои семьи средствами существования, дали рабочие места другим. Не раз он даже думал о том, что мелкую торговлю, все эти сапожные и швейные мастерские надо было давно отдать в частные руки, тогда, глядишь, и по-другому, может, все пошло бы в стране. Но что случилось, то случилось! Чего теперь вслед руками махать? Тем более что бизнесмены эти, как бы ни упражнялись на них налоговики, как бы ни «щипали» разные контролирующие и проверяющие органы, еще и в общегородских делах участвуют: кто на содержание местной футбольной команды денежку даст, кто на строительство нового храма...

Одного не мог понять рожденный и проживший большую часть своей жизни в оные времена старый человек: как можно, ничего не производя, получать доход? Ведь в большинстве своем все эти предприниматели, не кто иные, как спекулянты, перепродающие что-то с хорошей для себя выгодой. «Купи — продай!» Когда-то за это в тюрьму сажали, теперь вот охраняют законом, награждают даже! Да, ладно бы, торговали своим, отечественным! А то ведь что ни возьми — чуть не все из Китая! Как-то жена веник принесла с рынка. Глянули, и ахнули: «Маде ин Чина!» Это веники-то, которые десятками тысяч совсем недавно из района по всему свету везли на продажу! Почему в такой огромной и богатой ресурсами стране, коей является Россия, производство своих товаров не организовать? Чего не хватает? Тогда, глядишь, и цены бы так не накручивали перекупщики, и качество получше было бы. Не мог понять этого старик, как ни старался...

Поэтому Степаныч с большим пониманием относился к тем, кто бизнес свой строил на каком-либо производстве, создавал что-то полезное для общества. Такие люди в городе были, в том числе и тот, к кому он теперь пришел. Откровенно говоря, ни к одному, даже самому щедрому узаконенному временем «спекулянту», он бы не пошел! А этот, пусть и магазины свои имеет, но и производство содержит, к тому же еще и депутат городской!

Шагалов сидел в своем кабинете в глубоком кожаном кресле и с кем-то говорил по телефону. Увидев вошедшего старика, он кивком головы указал тому на стул и продолжал разговор. Пообещав кому-то, что все необходимые документы представит в срок, захлопнул крышку мобильного и посмотрел на Степаныча.

— Я Гусаров, — представился тот. — Обо мне вам должны были позвонить.

— И что же хочет уважаемый ветеран? — оглядывая награды на кителе посетителя, с какой-то почти незаметной ухмылкой спросил хозяин кабинета. Это он, наверное, так думал, даже незаметной. Только бывший партизан увидел и эти социальные, вросшие пуговками в расплывшееся от жира лицо глазки, и отсутствие в них хоть какого-то человеческого участия, и ту надменность, с которой «слуга народа» смотрел на представителя этого самого народа. Увидел, и как-то стало ему неприятно, неудобно и за самого себя, за свой приход сюда, и за этого, сравнительно молодого еще человека, сумевшего удобно устроиться в новой жизни и давно забывшего про уважение к старшим, благородство души, человеколюбие... Ему уже не хотелось ничего объяснять, ни о чем-то просить, просто захотелось встать

и уйти. И все же что-то остановило этот его порыв. Может быть, неприличие поступать так с человеком, может, сомнения в своих скоропалительных выводах, а значит, надежда, что все еще будет хорошо...

— Мне, вообще-то, все эти звонки — до глубокой фени! — изрек после недолгой паузы Шагалов. — Кончилось то время, когда по каждому такому звонку под козырек брали!

Предприниматель достал из пачки сигарету, прикурил от блестящей позолотой зажигалки, и, выпустив из сжатых трубочкой губ струю ароматного табачного дыма, продолжил свой монолог:

— А, главное, всем дай! Никто еще не сказал: «На!» Думают, будто я деньги эти сам печатаю. А у меня у самого проблем невпроворот! Вот только что договорился о приобретении участка под строительство автомойки, документы готовлю. Бильярдный клуб еще до конца не оборудован. Налоги, опять же, подошло время уплатить. А это все деньги, и немалые!

Пока хозяин кабинета, а заодно магазинов, кафешек-закусочных, будущей автомойки и других объектов собственности делал очередную затяжку, Степаныч успел втиснуть в наступившую тишину свою просьбу:

— Да мне и надо-то четыре с половиной тысячи!

— А это что, разве не деньги? — выдохнул вместе с очередной струей дыма Шагалов. — Тебе четыре, тому пять, третьему десять! А потом самому идти просить? — и, видимо, заметив, что старик начал подниматься со стула, заключил:

— Помогу, конечно, но чем могу! — И, достав из стола сторублевку, протянул ее ветерану.

Увидев купюру, Степаныч оробел. Он ожидал всего, понимал, что «слуга народа» откажет ему в помощи. Но чтобы обойтись со старым фронтовиком, годящимся этому «хомяку» в отцы, вот так по-хамски, чуть ли не издевательски...

Старик встал со стула, молча достал из кармана свой кошелек и вынул из него такую же сотенную бумажку. Глядя в упор в сытое и наглое лицо, он положил ее на стол бизнесмена и сквозь стиснутые от кипящей злости зубы бросил:

— На вот, возьми! Добавь к недостающему очередному миллиону!

И ушел, хлопнув отделанной под дуб дверью...

5

Как дошел до дома, Степаныч не помнил. Всю дорогу он только и делал, что ругал себя за то, что пошел на этот постыдный поклон, что позволил так унижить себя. Уже одного отказа представителя местной власти хватило бы, а он еще и к этому «производителю» пошел, думал, что и впрямь не перевелись еще добрые люди на Руси. Ошибся ты, товарищ Гусаров, ой как ошибся! Тебе ли не знать, что такое капитализм с его акульей пастью? Коли окажется у человека душонка с гнильцой, поглотит ее заживо, поселит вместо нее внутри ненасытного желтого дьявола, который за копейку мать родную продаст. А ты за тысячами к нему пришел!

— Что-то долго ты! Я уж и заволновалась, — встретила его супруга, но, глянув на расстроенное лицо мужа, видно, все поняв, добавила: — А я и говорила, что нечего было без толку пороги обивать! Унижаться. Это тебе не прежние времена, когда человек человеку — друг да брат! Нынче бессердечный народ стал, неотзывчивый... — И, помогая Степанычу раздеться, продолжила: — Давеча спустилась в магазин за хлебом. Впереди на кассе женщина, помоложе нас с тобой, стоит. Прилично одетая, серьезная, видно, что не «бомжиха» какая. Рассчитывается за буханку хлеба и молока бутылку. Достала из кармана мелочь, пересчитала и говорит: тут рубля не хватает, можно я после обеда занесу? Детишек со школы по-

кормлю и принесу! Так кассирша так на нее рывкнула! Нету денег, кричит, так нечего и ходить!

— И что, не продала?

— Не! Заставила назад положить! И главное, стоят за этой бедолагой два молодых парня, и хоть бы догадался кто рубль этот несчастной добавить!

— А ты?

— Подошла, да отдала...

— Ну и молодец! — похвалил Степаныч жену. — Никто ничего мне не дал! Только время зря потерял! А, может, и не зря... Узнал, почему нынче совесть человеческая.

Про предпринимательскую выходку решил жене не рассказывать: ни к чему лишние волнения старому человеку! Добавил с присущим ему оптимизмом: — А на Белгородчину я все равно поеду! И марафон этот одолею, пока силы есть! Деньги и занять можно на святое дело, и из этих взять... Чай, похоронят, в случае чего, не оставят тут лежать... Поеду, кто знает, придется еще когда, нет?

— Так, дык так! — согласилась супруга. — Ты давай-ка пообедай, да ложись, отдохни малость. Сон, он тоже лекарство!

Обедали молча, думая каждый о своем. Матвеевна о муже, видя, как он переживает свой неудачный поход, о его здоровье, о том, как перенесет он предстоящую поездку. Хоть и не впервой ему эти дальние забеги, только все равно душа болит: не то уже здоровье, не то! Да разве его остановишь, коли он без бега, без спорта и дня прожить не может! Это ж надо до чего додуматься: каждое утро по 10 минут на голове стоит! Говорит, мол, кровообращение головного мозга улучшается. Сорок лет уж, почитай, так-то! И то правда: ни разу не пожаловался, что голова болит! А каждое утро целых полтора часа по лесу бегать — это тебе что? Любит жизнь Степаныч! Знает ей цену, потому и не хочет сдаваться. Молодец, дай ему Бог!

А Гусаров, оттаивая потихоньку от перенесенных обид, мечтами был уже там, у Прохоровского поля, вдоль которого пролежала трасса предстоящего соревнования. Для него этот пробег был делом и чести, и памяти, потому как именно в этих местах, летом 43 года стояла насмерть его родная 1-я танковая армия. И тем своим однополчанам, которые навсегда остались в этих полях, вот уже 25 лет подряд, в канун Великой Победы, посвящает Степаныч свой священный марафон...

6

Свое движение к Победе Женя Гусаров начал в неполные шестнадцать под Шепетовкой, где притулилось к лесам его родное украинское местечко Сосновка. Друг из соседней слободки Василек Гоменюк, партизанивший в ближних лесах, попросил Женю быть связным народных мстителей. И Женька им стал. Ходил к железной дороге, на станции, к комендатурам — считал вагоны в составах и горбатившиеся под брезентом на платформах немецкие танки, запоминал караулы и посты у мостов да тыловых складов фашистов. А потом все это, рассказанное Васильку, взлетало на воздух, летело под откос, горело, плавилось, скрежетало, стояло...

Когда в городке Славута главврач инфекционной больницы Медведев долечивал красноармейцев-окруженцев, Женя партизанскими тропами уводил их в отряд, прихватив так нужные партизанам медикаменты, добытые врачом-коммунистом. Кто-то из предателей-полицаяв, пронюхав о партизанской больнице, донес на врача немцам, и доктора-патриота повесили в больничном саду на весенней яблоне. Висеть бы на ее сучьях и ему, юному связному, но Женю вовремя переправили в отряд, определив в диверсионную группу. Подрывники отряда, назван-

ного именем врача Медведева, минировали мосты, дороги, «железку», склады и тыловые штабы фрицев. Диверсионное дело постигал на практике и Женька, проводивший партизанские группы одному ему известными тропами...

А потом, в 1943-м, из-под Курской дуги к партизанским лесам под Винницей вырвались краснозвездные «тридцатьчетверки» 1-й гвардейской танковой армии генерал-полковника Катукова. После ожесточенных сражений у Прохоровского поля танкисты нуждались в пополнении, и партизаны, сняв ватники, переоделись в танкистские комбинезоны и шлемы. Первым номером пулеметного расчета в 11-м танковом корпусе стал и он, 17-летний тогда подросток. Начало своей дороги к Берлину в составе танкистов-гвардейцев вспоминается и поныне. Приехал однажды командующий, всех построили. «Кто москвичи, — спрашивает Катуков, — выйти из строя». Вышли всего 12 человек. Из двух тысяч, пополнивших 1-ю танковую армию в 42-м под Москвою. «Всех живых — к наградам!» — только и молвил командарм, смахивая слезу, то ли жестким ветром высеченную, то ли...

От Львова до Берлина пролегли 678 километров фронтовых дорог. Три раза забирала и обновляла смерть на этих верстах второго номера и подносчика патронов пулеметного расчета старшины Гусарова. А его, юного, припасала для весны Победы. Берегла. К окраине Берлина апрелем той победной весны подошел пулеметчик Гусаров, форсировав кипящую Шпрее, на Т-34. На глазах упали, сраженные, командир роты Денисов и комзвезда Серебряков. И он, Женька, остался один: второй номер и подносчик патронов погибли. Но тут на помощь пришел земляк Петро Бекалюк. На танк с ним пулемет втащили, коробки с лентами, стоят около башни... А фашисты по танкам болванками лупят прямой наводкою. Одна срикошетила от брони и Петру так обе ноги и перебила. Упал раненый с танка, а механик стал в это время машину разворачивать лобовой броней навстречу пушкам. До сих пор вспоминать страшно, как танк втапывал Петра в землю...

Еще помнит Степаныч, как на улицах Берлина у немцев кончилось горючее, и они вкапывали обездвиженные «тигры» и «пантеры» на уличных перекрестках.

А с этажей через окна по танкам их «фаустники» лупили. Танкисты наши башнями пробивали стены первых этажей и так из дома в дом продвигались к рейхстагу. А они, пулеметчики, с «максимами» своими, подвалами к нему рвались. Пока не кончились патроны. И тогда их раненый командир Федотов вышел из подвала с гранатой. Три немца бросились его в плен взять, а он рванул чеку... Короче, и себя и их уложил...

И это было за сутки до Победы! Тоже мечтал ее живым встретить. Говорил своим солдатам: за детей своих, за внуков, светлое будущее их воюем, жизни свои отдаем! Помните об этом, не забывайте ни на одну минуту! И они помнили! В том бою и над ним, молодым бойцом Гусаровым, смерть косой взмахнула. Распахивает он дверь первого этажа, а здоровенный немец со всей силищей на него кидается, штыком винтовки норовит проткнуть. Если бы не увернулся Женька, на том бы и кончился его и боевой, и жизненный путь. А так, штык дверь пронзил да в ней и застрял... А немца того Женька из пистолета пристрелил...

Ночь с первого на второе мая встречали в окопах Тиргартена. Ведут пулеметчики огонь по крепости, а немцы в ответную садят! Там неподалеку зоопарк был, раздолбали его, звери среди окопов мечутся, ужи, гадюки кругом ползают... Ужас!

В час ночи орут немцы по радио: «Рус! Не стреляй — тут госпиталь!» А утром нескончаемой колонной пошли сдаваться. Так их бригада у Бранденбургских ворот, в двухстах метрах от рейхстага, Победу и встретила. Салютовали очередями в небо. Свое слово «Дошел!» и он, восемнадцатилетний старшина танковой бригады Гусаров, на рейхстаге вывел...

Неужели на все эти страдания и смерти ради таких вот пауков-шагаловых шли? Нет, не верит он, солдат-победитель, что страну его, которую он защищал от вра-

га, опутает паутина доморощенных пауков. Придет время — или сами полопаются от жадности, или раздавят их люди, как кровососов!..

А ночью Степанычу приснилось, будто он снова там, на войне. Идет вроде бы по лесу где-то и в кустах натывается на немецкого солдата. На лице маска непонятная, в руке пистолет. Навел его на Степаныча, целится, но тот как глянет на него в упор, глаза в глаза, чужеземец и стал будто вкопанный! Тогда Гусаров подошел к нему, забрал оружие, снял маску. А там, под маской, лицо шагаловское с испуганными глазками. Моргает ими бизнесмен, лепечет еле слышно: «Прости, дед! Бес попутал!» А Степаныч ему: «Бог простит! Только помни, что стариков обижать — грех великий!»

— Надо же, что прилепилось! — проснулся старик. — Хотя неплохой сон, правильный. Интересно, ему-то, Шагалову, будет что-то подобное сниться после моего визита, или им уже и во снах только деньги видятся?

7

— Чего задумался-то? — прервала воспоминания мужа Матвеевна. — Пей чай, а то уж остыл, небось!

Степаныч молча взял кружку, придвинул поближе вазочку с рафинадом, отхлебнул глоток ароматного чая. В голове все еще крутились картинки той лихой военной поры, которую прошел, одолел. После всего того, что перенес, так жить хотелось! Ему и сейчас по-прежнему жить очень хочется. Хотя и промчалось уже шесть с половиной десятков лет! Вон ведь, скажи, как время-то летит! Только человеку всегда жить хочется, в любом возрасте! Потому как рожден он для жизни...

— Полежишь, может, часок-то? — опять отозвалась жена. — Усни, оно, глядишь, и мысли на другой лад переменятся...

— Да не хочется что-то! Пойду, наверное, лучше до хутора дойду, развеюсь. Заодно дачу проведу, как там после зимы? А ты отдыхай...

— Ну, смотри сам, только дюже-то там не перетруждайся. Успеешь еще...

Степаныч надел свой спортивный костюм, в котором делал ежедневные пробежки, вышел на улицу и сразу же почувствовал облегчение. Легкий апрельский ветерок пробежался по его седым прядям, наполнил свежестью грудь, словно подбодряя старого человека, подзаряжая его подточенные временем силы. Гусаров уже давно убедился в целебном волшебстве природы-матушки: коли хочешь привести в порядок тело и душу свою, иди на луг или в лес, дыши свежим воздухом, слушай тишину и пение птиц да двигайся побольше! Ни одна, даже самая уютная квартира не даст тебе того, что даст такая встреча с природой. Только она да движение постоянное и от физических, и от душевных болячек человека лечат!

Поэтому-то и тратил ежедневно без всякого сожаления Степаныч эти часы на свои пробежки по хвойному лесу. Поэтому, может быть, и здоровье свое сохранил, к жизни стариковской годы добавляет. Хотя и иначе все быть могло. Чего греха таить, было в молодости время, когда нервное напряжение пытался, как и многие, водкой снимать. Слава Богу, быстро опомнился, понял, что кроме вреда ничего это не даст, не тот это путь. Тогда-то, чтобы забыть об этом пороке, и начал бегом заниматься, прибавляя к дистанциям дополнительные километры. Пока нынешних, марафонских уже, не достиг...

Где-то на полпути, встретил стайку ребятишек в спортивной форме, бегущих навстречу по лесной тропе. Обрадовался: есть, значит, последователи! Не все, стало быть, к пиву да отраве разной потянулись. Побольше бы таких вот бегунов!

На спуске к хутору, где лесная тропа выходила на асфальтовую дорогу, остановилась вдруг рядом с Гусаровым легковушка.

— Бежишь, Гусарыч? — услышал он знакомый голос. Так называл его только один человек — сосед по даче, Володька Сенцов. Степаныч не обижался на него за такую фамильярность, наоборот, ему было приятно слышать это необычное сочетание его фамилии и отчества. Сенцов, мужик лет сорока, не больше, появился с женой и детьми на хуторе года три назад. Переехали они откуда-то из Сибири по причине болезни супруги, которой врачи порекомендовали сменить климат. Купили небольшой домик с садом да огородом, обосновались, подружились с соседями. Когда Степаныч подолгу не появлялся на своей даче, приглядывал и за ней, поливали деревья...

— А я вот своих орлят со школы везу! Не хочешь подъехать?

— Спасибо, да только некогда мне! — отшутился бегун как всегда в подобных случаях.

— Ну, давай спеши! Зайди потом на минутку: рыбкой свежей угощу, ушечки заварите.

— Зайду, как не зайти...

— Хороший человек! — подумал старик, провожая взглядом удаляющегося на «жигуленке» соседа. — И в семье, и в голове, и во дворе порядок! Редко сейчас такую молодежь встретишь!

Сенцов и впрямь был и семьянин добрый, и труженик. Воспитывали они с женой двух сыновей-близнецов, шестиклассников, и старшую дочку, заканчивающую школу. Учились дети в городской школе, так что утром уезжали туда на рейсовом автобусе, а со школы их забирал отец. Жили тем, что завели две козы, посадили во дворе солидный клубничник, развели малину, продавали козье молоко, ягоду. Кроме этого, Володька хорошо разбирался в автомобильных карбюраторах, так что, несмотря на вытеснение отечественных легковушек навороченными иномарками, к гаражу Сенцова не зарастала автомобильная «народная тропа». Жили они не богато, но и не бедно. Как выражался сам хозяин: «Честным трудом нынче шибко-то не разбогатеешь, но сыт завсегда будешь. Слава Богу, жена с детьми одеты-обуты, я тоже не голяком и не пешком хожу. А денег, их чем больше, тем больше хочется. Только за деньгами погонишься — про жизнь забудешь. А я жить хочу по-человечески». Сенцов охотно одалживал соседям деньги, не беря с них даже малого процента, спонсировал различные детские соревнования и конкурсы, в которых принимали участие их детишки, помогал школе с ремонтом. По праздникам Володька выпивал сам и щедро угощал зашедших на звуки его гармошки мужиков, пел песни про далекий таежный край, бежавших из лагеря арестантов...

Когда Степаныч появился у своего участка, Сенцов возился во дворе, но, увидав соседа, взял в сарае пакет и подошел к старику.

— На вот, пара щучат да карасик утром в вентерь вскочили! Матвеевне передашь. Как она там?

— Ничего, крепится! По возрасту да по погоде...

— А сам? Вижу, с тропы здоровья не сходишь? Молодец! Небось опять на марафон свой собираешься?

— Собираюсь. Через два дня поеду. Уже и приглашение получил!

— Нужное дело! Память — это святое! Тем более для вас. Вы же сегодня, можно сказать, последняя живая правда о той войне! Помните, прошлым летом ребята не моей рассказывали, как от фашистов Львов освобождали? Как детишек пленных из подвала выводили, спасали, а сами чуть на растяжке не подорвались? Ленка наша на уроке истории потом, когда заспорили о чем-то, — нынче программы-то сами знаете какие! — так всем врзала вашим рассказом, что даже учительница слушала, рот раскрыл! И все споры сразу утихли!

— Молодец!

— Побольше бы таких живых рассказов, а то ведь договорились уже до того, что вовсе и не освободителем наша страна была, а завоевателем! Во дают! И если не будет правдивого слова, могут ведь и вбить в детские головки, что так оно и было! Так что поезжай, Гусарыч, покажи, на что способны настоящие солдаты-фронтовики!

Володька положил руку на стариковское плечо и, заглянув в Степанычевы глаза, участливо спросил:

— С финансами-то как? Оплачивает кто поездку, или как всегда?

Гусаров отвел взгляд в сторону:

— Как всегда, Володя, как всегда! Ну да ничего! Не последний рубль с бабкой проедаем, есть еще кое-какие припасы, сдюжим!

— Да! Про заботу о ветеранах да патриотизм говорим, а на деле... Я вот недавно прочитал, что участники войны весь апрель до самого Дня Победы могут бесплатно на общественном транспорте ездить. Доброе вроде бы заботливое, а мне смешно стало! А кто поедет-то? Самым молодым фронтовикам нынче далеко за восемьдесят! Одни уже с койки не поднимаются, не то что ехать куда! Другим, если и на ногах, старость маршруты перекрыла. Да и вообще, сколько вас, истинных фронтовиков, всего-то осталось? Единицы! Вот и получается: и заботу о ветеранах проявили, и деньги на эту заботу тратить не надо! Умно придумали! Хотя можно было бы взять да и сказать: спасибо, вам, фронтовики, за подвиг ваш! Пока живете — пользуйтесь теперь за заслуги ваши бесплатно светом, газом, водой, за квартиру не платите. Вот это была бы действительно забота, а это так, фикция! — С досады Володька аж рукой махнул!

— Это оно, конечно, неплохо было бы! Только не дадут, не до нас, видать, нынче...

— Ладно, Бог с ними! Всем когда-нибудь по заслугам воздастся! — и полез во внутренний карман куртки. Достав оттуда три тысячных купюры, протянул старику:

— Это вот от меня на поездку...

— Зачем, Володя, не надо! — запротестовал было Степаныч, но парень уже вкладывал деньги в ветеранскую ладонь.

— Там, на круге своем марафонском, деда моего, Митрофана Гаврилыча Сенцова, помяните добрым словом. Летом 43-го под Курском голову свою сложил. Так что, уж не обижайте внука фронтовика...

Где-то в глубине глаз проклюнулась и застыла у ресницы соленая стариковская слеза, горький комок застрял в горле, и Степаныч, чувствуя, что не может сейчас ничего сказать, только склонил перед соседом голову в знак согласия и благодарности...

8

С Белгородчины Гусаров приехал счастливый и довольный! Было, чему радоваться: ведь он не только одолел эти непростые для своего возраста километры, но и в своей ветеранской группе, кому за 70, финишировал вторым! А ведь на старт нынешнего марафонского забега вышли более ста спортсменов из многих областей России, Белоруссии, Украины! Мог бы и «золото» взять, да белгородский соперник Василий Латышев, что на пятнадцать лет моложе, опередил. Жара полыхала невероятная, больше 30 градусов, но Степаныч дистанцию в десять километров одолел за 1 час 20 минут 15 секунд! И главное — давление после финиша замерили: 130 на 85! Так что, поживем еще!

Степаныч еще раз потрогал руками обжигающее жаром Прохоровского поля «серебро» и повесил медаль с красной лентой на стену. Это уже девятнадцатая его победная медаль за марафоны на Курской дуге. Все они, вместе с грамотами да

дипломами, что за свои трудовые и спортивные достижения добавил Евгений Степанович к боевым наградам, тут, на этом простенке, вешены. Здесь же и алая лента с вышитыми золотом словами «Почетный гражданин города». Для него она особо ценная: такое признание земляков дорогого стоит!

Матвеевна порою шутит: «Ты, — говорит, — со своим «иконостасом» скоро Брежнева догонишь!» До Леонида Ильича ему далеко, но Гусаров смотрит на этот «парадный ряд» с гордостью: не зря жил! Вон след какой от нее, жизни этой!

Степаныч сел в кресло, еще раз поглядел на только что повешенную медаль: ровно ли, и о чем-то задумался. Д-а-а! Мчится жизнь вперед, утекают годы, как песок через пальцы! Вот и там, на круге марафонском, прошлый раз еще бежали рядом трое участников войны, теперь вот он, Степаныч, один остался из некогда Большой гвардии. Придется ли еще, нет ли? Как-никак, следующая годовщина Победы юбилейной будет!

Он вспомнил, как тепло встречали их, участников пробега, его организаторы. И гостиница была хорошая, и питание, а, главное — внимание к каждому гостю. То самое человеческое внимание друг к другу, которого так сегодня не хватает. Отчего так оскудели вдруг, очерствели сердца людские? Взять хотя бы ту молоденькую проводницу с поезда, на котором Степаныч уезжал из Белгорода домой. Видела ведь, что старый человек не успевает к своему вагону, так уж получилось, что поезд вот-вот отправится! Казалось бы, чего проще: пусти в свой — билет имеется, а он потом уж перейдет куда надо. Нет: не положено! Так бы и остался Степаныч на перроне, если бы не проводница соседнего вагона: и впустила старика, и подняться по порожкам помогла... Не побоялась нарушить инструкцию, человечность выше всяких приказов оказалась. Может, потому, что в возрасте уже женщина, жизнь повидала, доброту сердечную не растеряла? И получается, что в одном государстве живем, одного рода-племени русского, на одном языке говорим, только одни — будто родня друг другу, а другие — чужаки. Почему так?

Тогда, переходя со своей походной сумкой из вагона в вагон, Степаныч почему-то сравнил этот свой переход с человеческой жизнью. Родившись, человек тут же становится пассажиром несущегося вдаль поезда под названием «Жизнь». Сначала едет в детском вагоне, потом вот так же, только через невидимый тамбур, переходит в вагон юности, а дальше пошли вагоны семейных, житейских проблем, забот о детях, внуках... Не успеет пассажир оглянуться, а он уже в последнем вагоне, позади которого только красный стоп-сигнал горит! Ни дальше хода, ни назад возврата нет!

Но вот ведь что интересно: поезд один, вагоны для всех одинаковые, а едет в них каждый по-разному! Одни весь путь на литерных, купейных местах, другие в плацкарте, а третьи и «общими» довольствуются, а то вовсе на ногах проведут. И путь этот у всех разный: кто до последнего вагона доберется, кого раньше судьба на своей остановке за ручку выведет. Хотя, есть ли он вообще, этот последний вагон в поезде Жизни? Никто ведь не знает, когда в нем окажется, и слава Богу: надежды да мечты до прощального вздоха в человеке живут! Каждому хочется подольше в поезде этом проехаться! Так уж человек устроен. Только не в этом главное. Человек-то, он столько живет, сколько его помнят...

Из всех времен года Гусаров больше всего любил осень. За спелость ее природную, краски сказочные, запахи таинственные, возвращающие его назад в детство, в родную украинскую деревеньку. Где когда-то с пацанами лазил поздними вечерами за созревшими яблоками да грушами по садам, набивая сочной вкуснятиной полные запазухи. А потом объедались ими, валяясь у кого-нибудь на сенова-

ле, вдыхая полной грудью душистые запахи свежескошенного сена. Не забыть Женьке и выезды с ребятней в ночное, костры, в которых они пекли картошку, а потом, обжигаясь, ели ее, измазывая щеки угольной сажей...

А может, любовь к осени — удел всех пожилых людей? Ведь во многом они теперь схожи друг с другом: вроде бы и в зиму еще не вступившие, но уже от весны да лета навсегда ушедшие. Морщинами, словно паутиной осенней, увешаны. И годы, словно листья пожелтевшие, осыпаются с дерева жизни... Но главное — это чувства! Осенью они какие-то особые, не такие, как всегда. В них, словно в красках осени, всего хватает: радости и грусти, легкости и усталости, уверенности и сомнений, фантазии и реалий... Чудная пора — осень!

Вот и сейчас, стоя на своем балкончике, любовался Степаныч красно-желтыми кронами растущих во дворе деревьев, алым заревом уходящего за горизонт солнца, слушал пение небесных птиц, чирикающих, наверное, о скором приходе зимы. Эх, с каким бы удовольствием он прошелся сейчас по осеннему лесу, собирая торчащие из-под хвойной подстилки маслята, спрятавшиеся в песке зеленушки! А потом Матвеевна наварила бы с ними супу, поджарила с картошечкой... Яблоки бы собрал, груши в саду своем. Хотя и состарились уже деревья, но урожай дают еще неплохой. Степаныч собирался этой осенью их обновить, посадить молодые саженцы, да вот, видишь, как оно получилось...

Сердце, перегруженное военным лихолетьем, тревожными днями и бессонными ночами железнодорожной службы, даже подкрепляемое постоянными занятиями спортом, напомнило о своей невечности еще полтора года назад. Тогда врачи посоветовали Степанычу уменьшить нагрузки, прописали прием лекарств, и все как-то обошлось. Теперь вот снова забарахлил «мотор», только на этот раз уже серьезнее.

Недомогание и покалывания в груди Гусаров почувствовал в аккурат на День Победы, 9 Мая, когда возлагали цветы и венки на братском кладбище. Списал все на жаркий день. После вместе с друзьями-ветеранами даже в городской парк съездил — отведать солдатской каши из котелка. От «победных» ста граммов отказался: давно уже и вкус, и запах спиртного забыл! Вечером пригласили на стадион, где как всегда проводилось народное гулянье с праздничным салютом. Степаныч, маленько передохнув дома, уже было и форму парадную начал снова надевать, как что-то горячее, доселе неведомое, обожгло нутро, разлилось по груди... А дальше он уже ничего не помнит. Очнулся, только когда врачи да испуганная Матвеевна возле него хлопотали. Так что вместо праздников да веселий — койка больничная, капельницы да уколы с таблетками!

Оклемался Степаныч не сразу, но со временем начал потихоньку ходить по комнате, потом и зарядку легкую по утрам делать.

— Враги не дождутся, друзья не опечалятся: век свой до последнего растягивать буду! — шутил он Матвеевне. И добавлял свое любимое: «Поживем еще!»

Где-то с месяц назад начал выходить во двор, с удовольствием сидел по вечерам на лавочке, обсуждая житейские новости да проблемы. Даже вокруг дома, пусть и с палочкой, по два-три круга нарезал. Напевая при этом переделанную на свой лад известную песню: «Врагу не сдается гусар пожилой, он смерти своей не желает!»

Сегодня тоже и прошелся, и на лавке посидел. А на завтра попросил Володюку свозить их с Матвеевной на дачу: захотелось сад свой в красках осени увидеть, горы меловые, сединой покрытые, к озерцу подойти, шепот камыша послушать...

...Солнце уже почти полностью скрылось за горизонт, выпустив на прощанье устремленные вверх свои лучи-стрелы. По светлеющему еще небесному полю, будто отбившиеся от отары одинокие овцы, паслись кучерявые облака. Откуда-то с северной стороны потянулся в сторону Дона, к югу, запоздалый гусиный косяк.

— Глянь, закат-то красивучий какой! — сказал Степаныч ставшей рядом с ним жене. — Жил бы и жил так до бесконечности...

...Ночью, когда город накрыла осенняя тьма, мерцающим фонарем скатилась с неба красная звездочка. По древней легенде, у каждого человека есть своя звезда.

КРАСНАЯ ТРАВА

*Детству нашему послевоенному
посвящается*

...Во сне она плакала. При очередном громком вскрипе проснулась. Чья-то шершавая теплая рука гладила ее голову. Мама.

— Ну что ты, что? Спи, ночь на дворе...

— Красная трава... Красная трава... — полусонно шептали детские губки. — Мам! Полежи со мной, не уходи!

— Какая трава? Чего ты? Спи! — продолжала успокаивать мать, но тут же, видно, догадавшись о чем-то, взволнованно-раздраженно бросила:

— Говорила тебе: не смотри! Не послушалась, а теперь вот... Ладно, спи, давай, а то Шуру разбудим, а ей рано на ферму идти, — ложась рядом и прижимая дочку к себе, закончила встревоженный разговор родительница. Может, тепло материнского тела, может, сон, не желавший смириться с неожиданной побудкой, сделали свое дело — уже через несколько минут дочка снова уснула...

* * *

...Может и не вспомнила бы она тот давний свой ночной плач, приснившуюся ей тогда «красную траву», если бы муж не рассказал однажды, как в детстве, школьниками, помогали они бороться с грызунами — сусликами. Выливали их водой из нор, а потом или палками били, или в мешки приготовленные ловили. Рассказывал и возмущался: неужели никто не понимал, что это было самое настоящее кощунство — заставлять детскую душу поднимать руку на живую божью тварь, пусть и приносящую вред, но ведь живую! Ладно, дети — их мальчишеский азарт, помноженный на задание старших, гнал наперегонки, на соревнование — кто точнее, кто больше. Но, взрослые, учителя, они-то о чем думали?

Тут-то и проснулась в памяти та давняя картинка, которая, оказывается, жила в ней все эти долгие годы и только ждала подходящей минуты, чтобы явиться. Детская память, она ведь что старая фотография — лежит, забытая в альбоме до поры до времени, а коснись что, тут же в прошлое и вернет...

* * *

...Как-то летом приехали они с матерью к ее родной сестре, что в деревне жила. Сошли с электрички, идут вдоль путей, птичьи распевы вперемежку с грохотом пробегающих рядом составов слушают, цветущим лугом, что в низине прилег, любуются. Хоть и далеко вато шагать, только усталости особой не чувствуют во всей этой непривычной красоте, да и радость встречи с близким человеком сил добавляет. Тетка-то одна-одинешенька живет на своем хуторке, ждет небось не дождется дорогих гостей! А вон уже и домик ее, что утонул в зелени развесистых яблонь да груш, открылся крышей соломенной.

— Ну, вот и добрались, — перекладывая сумку с гостинцами из одной руки в другую, отозвалась мать. — До солнцепека успели, слава тебе, Господи!

Солнце и вправду, хоть и близилось уже к небесной макушке, но еще не разогрело всю свою огненные лучи, отчего они были пока приятны, милостивы и к людям, и ко всякой другой земной живности. В небе порхали, перелетая с одного края на другой, птицы, у лесной посадки, подставив бок солнечному лучу, щипала травку чья-то, привязанная к колышку, козочка. А неподалеку, на пригорке, посреди невысокой травы, подняв к небу лохматую головку, стоял на задних лапках какой-то зверек, моментально приковавший к себе взгляд девчонки.

— Мама! Мама! Посмотри, заяц! Вон там, видишь, зайчик! — радостно закричала она, дергая за рукав шагающую рядом мать.

Та, на минуту остановившись и прищутив подслеповатые глаза в сторону протянутой дочкиной руки, с улыбкой сказала:

— Это, дочка, не заяц. Это сурок, байбак по-народному, на солнышке греется. — И, приглядевшись, добавила: — А рядом подружка его, видишь, вон сбоку? На свет божий любятоя, жижой и потащила ее к придорожному кусту. А та, не понимая еще, что происходит, чуточку сопротивлялась и все пыталась вырваться из материнского объятия.

Мать потянула за руку заглядывшуюся на невиданное чудо дочурку, но та все продолжала смотреть в сторону зверюшек, выражая своим улыбающимся личиком и удивление, и восторг, и нежелание прерывать любование этой земной идиллией. Так и прошли несколько метров, пока вдруг не услышали за собой чей-то громкий топот, а потом и хриплый окрик:

— Посторонись!

Едва успели они отступить на обочину дороги, как мимо них, с занесенной в руках косой, промчался здоровенный мужик.

— Куда тебя черти несут? Да еще косу, дурень, наперед выставил? — ругнулась мать и тут же, словно предчувствуя что-то нехорошее, страшное, обхватила голову дочки свободной рукой и потащила ее к придорожному кусту. А та, не понимая еще, что происходит, чуточку сопротивлялась и все пыталась вырваться из материнского объятия.

— Мама, мама! Я хочу еще посмотреть на зверьков!

Но мать, еще раз глянув в сторону бегущего к суркам мужика, только крепче прижала к себе девочку, повторяя дрожащим голосом одно и то же:

— Не смотри туда! Не смотри туда!

Да только можно ли удержать рвущееся наружу детское любопытство? Теперь уже не зверюшки, а что-то другое, манящее своей непонятностью, вырывало детскую головку из-под маминой руки, чтобы хоть на миг увидеть происходящее. И этот миг наступил. Потом она будет жалеть, что не послушалась мать, что отдвинула ее ладонь со своих глаз. Но это будет потом. А в то мгновение открывшаяся ее взору картина заставила сначала вздрогнуть, потом затрястись всем своим худеньким тельцем и испуганно то ли закричать, то ли застонать... Не было больше у овражка возвышающихся над травой звериных головок. Не было. На том месте, где они только что любовались миром, стоял тот деревенский варвар и молча протирал окровавленное лезвие косы пучком травы. А сама трава вокруг была почему-то не зеленой, как всего несколько минут назад, а непривычно красной и оттого пугающей...

— Не смотри туда! — мать снова притянула дочку к себе. Но та уже и сама крепко прижалась к ней, уткнув личико в кофту и приговаривая сквозь тихие всхлипы:

— Зачем он их убил? Они же такие хорошие! Почему они не убежали?

— Потому и спешил, чтобы успеть, пока товарняк громыхал, сделать свое черное дело. К шуму этому они попривыкли, а он сзади, со спины подбежал. Вот и не учуяли... — Мать глубоко вздохнула и взяла дочку за руку: — Пошли, Шура вон уже у терновника ждет...

* * *

Такую вот историю из детства разбудили в ее памяти размышления мужа. А ночью ей привиделся вдруг тот мужик, что когда-то с косою бежал. Будто схватила она его за грудки и кричит:

— За что же ты, окаянный, зверьков безвинных погубил? Чем они тебе помешали? Убийца!

А дядька смотрит на нее и молчит. Потом отвел ее руки в сторону и говорит:

— Ну, коли отыскала, то слушай. Был такой грех — убил! Только меня тогда к этому не зверство да безумство гнали. Думаешь, не жалко было? Только жалость ту потухшие от голода глаза четверых детишек, один одного меньше, жены большой да матери престарелой затмили. Хлеба вдоволь не наедались. Спасибо, коровка-кормилица молоком вырчала. Ей-то и косил в тот день сено. А как увидел байбаков тех, загорелись глаза, заурчало в животе, по мясу соскучившемся, вот я и помчался... Если бы ты видела, как мы потом щи с этими сурками ели! Мясо-то у них жирное, вкусное. Хоть и ненадолго, а сытое счастье испытали...

Мужчина с минуту помолчал, поглядел куда-то в сторону, и продолжил:

— А что касается греха, то за него Господь сам меня потом покарал. На Пасху не положено работать, мать говорит — отдохни, не гневи Бога. Не послушался. Дело к лету, а у меня погреб недорытый, поспешать надо, до жары обустроить. Ну и пошел копать. Только кто же знал, что там снаряд фашистский невзорванный уже поджидал. Ткнул я его лопатой, ну и... Последнее, что в глазах осталось — небо красное, земля, трава вокруг красная вся. Так-то вот...

...Слушает она мужика, с того света возвратившегося, и не знает уже, что дальше делать: ругать его или жалеть? Вон ведь как все вышло. А по щекам слезы текут... От этого, видно, и проснулась. До утра еще спать да спать, только разве после такого сна уснешь! Встала, включила телевизор. Шел какой-то отечественный боевик. Комната сразу наполнилась звуками бесконечной стрельбы, душевраздирающих криков и людских стонов, воем сирен «Скорой помощи», полиции... Какой-то упитанный до безобразия громила все тыкал и тыкал финкой свою жертву — то ли женщину, то ли мужчину. Но вот выскочили из-за угла лихие парни с автоматами. Очередь сначала разрезала напополам этого громилу, потом прошлась по стоящей в стороне невольной кучке «свидетелей» — женщин, стариков, детей... Автоматчики снова скрылись за углом, и все на минуту стихло. И только по тротуарной плитке беззвучно текли извилистые ручейки человеческой крови, оставляя за собой бурый след теперешней жизни...

Стало невыносимо страшно, и она выключила телевизор. Вжалась в кресло, закрыла лицо руками. Но в наступившей темноте вдруг отчетливо увидела, как кровавые ручьи сливаются воедино и превращаются в настоящие реки. Своими бурными потоками они сметают села, города, уносят человеческие жизни, и уже не островки зеленой травы, а целые луга, поля, земля русская окрашивается в красный цвет!

— Господи! Нынче-то за что?.. Почему так? Господи! Помоги найти ответ...

...За окошком просыпался рассвет. Первые лучи восходящего солнца осторожно прокрались в комнату, скользнули по лицу спящей в кресле женщины и смирнехонько улеглись клубочком у ее ног. Начинался новый день...

Наталья Михайловна Блохина родилась в городе Лиски. Окончила Воронежский авиационный техникум. С 1978 года — в Норильске, много лет работала конструктором в строительной организации, возводившей Надеждинский металлургический завод. В последние годы освоила новую профессию психолога, окончив филфак МГУК. В Лиски вернулась в 2010 году. Автор двух книг: «Негромкое пение» и «Сопричастность».

Наталья Блохина

ЛАСТОЧКИ

* * *

Жизнь истаивает льдинкой —
Мы у вечности в гостях —
То снежинкой, то дождевой
Падают на землю, в прах...

Жизнь истаивает тихо,
Не бранится, не сует,
Как в труде любовь-портниха
Дни кроит, метает, шьет.

Жизнь истаивает тонко,
Как душистая смола...
Ангел Божий, как ребенка,
Душу выпростал от зла.

* * *

Вспоминай меня без боли —
Редко и светло.
Вот ромашковое поле
Снегом замело.

Как звала тебя — не помню.
Да и ты — забудь.
В неизвестность и бездомность
Сам ты выбрал путь.

Уж давно не слышно песен,
Что рвались из уст.
Город шумный хмур и тесен
И как будто пуст.

Вспоминать тебя без боли
Научусь сама.
Снег. Ромашковое поле.
Петербург. Зима.

* * *

Эта осень оплачена
Как монетой — листвою,
Эта осень оплакана —
И дождем, и тобой.

Никнут травы намокшие,
За тобой по пятам
Ходит осень продрогшая,
Ноги колет в кустах.

И луна на ущербе
Слишком поздно встает,
На расквашенной тверди
След дорожки ее.

Хризантемы забытые
Терпко пахнут у дач,
Через дверь приоткрытую
Слышен жалобный плач...

ЛАСТОЧКИ

Снова ласточки — там же, над дверью!
Снова тут по природным часам!
Снова древнему верим поверью,
Удивляемся их голосам.

Этой жизни нелепая нежность,
Долгожданный призыв бытия,
Вытесняют, крушат безнадежность,
Достают из трущобы нитья.

Ну, конечно, помет и уборка —
Этот «минус» для счастья не в счет.
Их весенняя скороговорка
Умиленье душам несет.

Лай собачки, и щебет, и ветер
Оживляют усталый наш дом.
По-иному рождается вечер,
Все дела отложив на потом...

Птичья верность берет за живое,
Верность — даже у птиц не пустяк.
К нам в гнездо прилетает их двое,
А на юг впятером полетят.

Николай Алехин

СЕЛЬСКИЕ ЖИТЕЛИ

Рассказы

В НЕПОВТОРИМЫХ КРАСКАХ ЖИЗНИ

Имя этого человека сегодня вряд ли кому из нынешнего поколения лискинцев о чем-то говорит. Время вытерло его своими наждачными жерновами из народной памяти, унесло в кладовые забытого прошлого, где могло упокоить навсегда, если бы... Если бы не оставил наш земляк после себя свои произведения, и посейчас хранящиеся на библиотечных стеллажах.

По одному из таких сборников рассказов Николая Алехина, попавших в мои руки, и я какое-то время назад узнал о нем. И прежде всего, что родом он из Лисок! Земляк! Член Союза писателей Советского Союза! С этих скудных сведений и начались поиски всего, что могло хоть как-то приоткрыть завесу над жизнью и творчеством этого неординарного литератора. К сожалению, корни его лискинского «дерева-происхождения» тоже высохли: ни каких-либо родственников, знакомых, никого другого, кто вспомнил бы этого человека, я не нашел, хотя и старался.

Помог Интернет — на сайте образовательно-краеведческого портала России «Воронежский гид» обнаруживаю справку: «**АЛЕХИН Николай Иванович** (12.11.1913, станция Лиски Юго-Восточной железной дороги —

12.06.1983, город Воронеж), прозаик, очеркист, член Союза писателей СССР (1958). Из семьи железнодорожника.

С 1930 года работал слесарем в паровозном депо станции Лиски, затем литературным сотрудником железнодорожной газеты «Лискинский ударник». В 1938–1946 годах служил в органах государственной безопасности. Несколько лет находился на партийной работе в городе Воронеже и городе Лиски. Произведения Алехина публиковались в альманахе «Литературный Воронеж», журналах «Подъём», «Октябрь», «Крокодил», «Смена» и других.

Автор изданных в Воронеже сборников рассказов «Карасики» (1953), «Рассказы Никиты» (1958), «Рубашки и овражки» (1965), «Доброе зерно» (1978).

Ищем дальше! Может, что в музее локомотивного депо отыщется, раз там работал будущий писатель? Однако музейщики ничем меня не обрадовали. Зацепился за строчки к работе Николая Ивановича в железнодорожной газете «Лискинский ударник», что выпускалась в послевоенные годы Лискинским отделением дороги. Слава Богу, сохранилась пара подшивок в редакции районной газеты. В одном из номеров за февраль 1949 года нахожу:

«Недавно в Лискинском клубе железнодорожников проводился День музыки. Широкие массы железнодорожников ознакомились с классической, народной музыкой... С докладом «За дальнейший расцвет советской музыкальной культуры» выступил заведующий отделом пропаганды и агитации РК ВКП(б) тов. Алехин...»

Выходит, в это время Н. Алехин был уже на партийной работе. Но с какого времени? Хотя и неполный, ответ дала информация в районной газете «Путь Ленина» за июль 1946 года, где сообщалось о районной партийной конференции и избрании на ней зав. отделом пропаганды некой Матвеевой А.Ф. Значит, эту должность Николай Иванович занял чуть позже, а до этого служил в органах государственной безопасности. Но что же дальше?

В Государственном архиве Воронежской области отыскались не только несколько фотографий Алехина, которые я до этого безуспешно искал, но и один интересный документ: письмо собственного корреспондента «Литературной газеты» Ольги Кретовой воронежскому писателю Н. Алехину с просьбой подготовить материал на тему «Здравницы Воронежской области». К письму приложена составленная Н.И. Алехиным подробная справка, датированная 4-м августа 1954 года, и адрес, скорее всего, домашний: г. Воронеж, ул. Фридриха Энгельса, дом 18, кв. 34. То есть, в это время он уже жил и работал в Воронеже...

Из перечисленных журналов, где печатался Н. Алехин, доступным оказался лишь воронежский «Подъём», к тог-

Николай Иванович Алехин

дашнему редактору которого Александру Голубеву я и обратился за помощью. Тот не отказал, но через какое-то время с грустью признался, что ничем помочь, к сожалению, не может, хотя... Это загадочное «хотя» он расшифровал через какое-то время в виде врученной книжки воронежского писателя Петра Васильевича Сысоева «Былое», включавшей в себя художественную прозу и воспоминания автора. Был здесь и очерк о Николае Алехине, где рассказывается о нем, как о человеке в писательской организации авторитетном, помогавшем становлению молодых писательских талантов в Воронеже. На мой взгляд, уместно привести отрывок из очерка П. Сысоева, приуроченного к 60-летию писателя Н. Алехина.

ЖИТЬ ДЛЯ ЛЮДЕЙ

Николай Иванович за свою писательскую жизнь выпустил три сборника рассказов, написал десятки критических статей, а уж рецензиям на произведения начинающих авторов и счета нет.

Немало было написано и о его творчестве. В том числе и такое: «У дарования Н. Алехина — особый склад... Автор хорошо видит новое, передовое в

жизни родных воронежских колхозов и умеет раскрывать светлые стороны и грани колхозного быта». П. Чагин.

«Н. Алехин наделен редким даром светлого юмора... Юмор у него жизненный, потому что писатель любит своих героев, верит в них и знает их настолько, что их яркие речения — во всем богатстве и неповторимости — естествен-

но, переходят на страницы его рассказов... И позиция автора всегда партийная, в лучшем смысле тенденциозна...» Вл. Архангельский, газ. «Литература и жизнь» от 26 февраля 1958 г.

«Рассказы Никиты» — книга по существу полемическая. Своим ярким народным языком, насыщенным прибаутками, присловьями, фразеологизмами, иногда переходящими в полнокровный и праздничный, полузабытый теперь раешник, Алехин протестует против школярской гладкости дистиллированного языка, против стандартизации сюжетов и героев, против обесцвечивания в слове великих идей нашего времени, неповторимых красок жизни. Книга рассказов Алехина — это как бы та же статья о языке народа и языке литературном... только выраженная в художественной форме». О. Пучков, журнал «Подъём» № 6 за 1959 год...

...Я знаю Николая Ивановича давно. К нему первому (волею судеб или случая, не знаю) я приносил почти все мои оцусы, в том числе и те, которые теперь уже опубликованы.

Бывало так, что над моими рукописями Алехин работал вместе со мной так же упорно, так же скрупулезно, как его Олешанин над переделкой председателя Дубатовкина или горе-комбайнера Веневинова (рассказ «За песнями»), лектора-горожанина Пименова или даже энтузиаста навыворот Будякова (рассказы «Новая тема» и «Будяков»). Причем я ведь у него в подопечных, как у многолетнего руководителя союз-писательского литобъединения, ходил не один.

Истоки доброты Николая Ивановича и его Никиты Олешанина следует искать, конечно же, в жизни автора. Он родился в Лисках... в семье рабочего в 1913 году. После школы поступил в паровозное депо слесарем. Был сотрудником районной газеты, воевал, а после Великой Отечественной войны, вплоть до перехода на профессиональное писательское положение в 1951 году, был на партийной работе.

Никита Олешанин как-то заметил, что «кто говорит — тот сеет, кто слуша-

ет — пожинает». А он-де и пожинает, и «в ту ж пору сеет». Но должен же быть в колодце родник, а в улье — пчела, чтобы восполнять то, что забирают для своих нужд другие люди? В чем, кроме прожитых лет, он у писателя и большого друга молодой литературной поросли Николая Ивановича Алехина?

На этот вопрос сам писатель ответил так:

— В сорок шестом году мои рассказы обсуждали в московской областной комиссии Союза писателей. Анна Караваева, Юрий Олеша, Николай Тихонов, критики московские разошлись во мнениях и очень сильно. Тут-то председательствующий взял из своей папки листок бумаги и прочел письмо заболевшей Маргариты Шагинян. А она писала: «Николай Алехин очень даровит, и обязанностью областной комиссии является осторожно и умело подойти к оценке первых литературных опытов этого автора, правильно указать ему на его сильные и слабые стороны, верно направить дальнейшее литературное развитие Алехина». Так ко мне и отнеслись тогда, так отношусь к молодым дарованиям и я сам...

Пятнадцать лет подряд Николай Иванович возглавлял литературное объединение при Воронежском отделении Союза писателей... Так же, как со мной, Николай Иванович работал и с Сергеем Матониным, и с Валерой Мартыновым, и с Леонидом Артеменко... Одним словом, со всеми в то время начинающими литераторами, в восьмидесятых годах составившими костяк Воронежской писательской организации. Да и поныне еще плодотворно работающими в литературе...

* * *

Таким вот предстал перед нами наш земляк — писатель Николай Алехин в эпизоде его уже «воронежской» жизни. И это приятно... А что касается его рассказов, то каждый желающий может познакомиться с ними, взяв какой-либо из сборников писателя в библиотеке...

Валерий ТИХОНОВ

КАРАСИКИ

Есть у нас такое село: Высокое. Почему так называется? А просто потому, что стоит на самой верхней точке округи, как на лысине. Места там сухие, безводные. И знаешь, как радостно было, когда построили пруд. Недалеко от села был широкий лог. По нему каждую весну проходила вода. Прошумит бесполезной рекой, и нет ее. Куда ушла — спрашивай, след простыл. А колхозники взяли, земляной плотиной этот лог перегородили и в первую же после того весну стали со своим прудом. Образовался он шириной метров в двести, длиной без малого километр.

В новинку это было до невозможности удивительно. Не то что малый и старый — самые глубокие старики, которым и ходить-то уже было неохота, и то побывали на пруду. Шутка сказать! Испокон веку, с дедов-прадедов, жили на сухом месте. На земле — ни ручейка, ни родничка, да и под землей вода далеко. А тут хоть пей, хоть лей, хоть залейся — море разливанное.

Ну, сперва, конечно, началось с удивления. А потом с водой новые радости в жизнь пришли. Летом, как известно, купания. Эх, и знаменитое же это дело: после работы, с устатку, в просторной и прохладной воде поплескаться. В большие праздники на берегу стали устраивать общие гуляния. А молодежь — эта каждый вечер по воде песни стелет. И всякому свое удовольствие. Вот, к примеру: вскорости после открытия пруда пастух Тиньков пришел домой какой-то будто помолодевший. Прямо весь сверкает и говорит своим взрослым сыновьям и дочерям:

— Я плавать научился! Теперь до смерти не утону.

Он, Тиньков, и над собой, и над другими, и вообще подсмеяться любит. Он рассказывал, что когда первый раз пригнал стадо к пруду на водопой, то бык Кузя на все горло ревел: «Хор-рошо! Благода-рю пр-ра-вление!» А коровы пили воду так, будто целовали ее.

Шутки шутками, а хозяйственная польза от пруда получилась могучая. Водопой для скота — это одно. Развитие птицеводства — другое. Раньше в колхозе была только сухопутная птица — пехота. С прудом завели водоплавающую. Для начала, десятка три-четыре. А теперь пойдись глянь: птиц белым-бело, чисто снегу намело. Стаи гусей да уток гуляют на пруду, как облака по небу перед дождем.

Года не прошло, установили на берегу двигатель с насосом. От него к ближним огородам проложили трубы, создали орошаемый участок. Так сказать, обзавелись собственным дождем. Сразу же заметная прибавка к урожаю овощей.

По этому случаю Иван Дорофеевич Поярков любит сказать:

— Тут тебе и удовольствие, и продовольствие.

Он сторожил колхозные бахчи, и его шалаш стоял на виду пруда. Он в нем и дневал, и ночевал. А это я к чему? А к тому, что случилась у пруда одна история, и к ней Поярков имеет самое прямое касательство.

Значит, так... Вот встал Дорофеич раньше солнышка, смотрит, а на берегу сидят два каких-то человека. Лицом к воде сидят и молчат. Недалеко от них маленькая легковая машина, «Москвич», что ли. Дорофеич подходит, спрашивает:

— Вам чего, граждане?

Те на него руками замахали, зашипели, как гуси:

— Тиш-ше... ш-ш-ш...

Дорофеич вплотную. Цигарку свертывает, смотрит. Они удочки во все стороны от себя ежиками расставили и сидят себе, уставились на поплавки. Рыбку, стало быть, поджидают. Один другого нет-нет да и спросит:

— Клюет?

— Нет. А у тебя?

— Тоже нет. Видать, сыта рыба.

Смех Дорофеича разбирает. Он думает: «Ладно, пусть посидят, развиднеется — сами разберутся, им же веселее будет».

А день подходил, как на дрожжах. Вода в пруду сделалась будто полированная, по ней девичьими косами вьется туман, вверх поднимается и в небе тает. Поплавки будто в крутом кипятке. Другого берега не видно, из-за тумана там выставились только верхушки молодых деревьев. Они уже позолочены солнцем. Тишина... Только и слышно, как где-то на пути к пруду переговариваются селезни с уточками, а гусаки с гусынями.

— Эх, красота-то здесь какая! — это один рыбак говорит. Другой только разохался-разахался, на окружающую природу глядя. И про удочки забыл. От всего этого Дорофеичу радостно за колхоз стало. Да и за себя тоже. К этой красоте он тоже руку приложил, она своим трудом сделана. Подобрел Дорофеич...

— Вы кто ж такие, уважаемые, будете?

Рассказали. Они с воронежского завода. Инженер и токарь по металлу — в отпуске. Люди молодые, на месте им не сидится. Вот они и катаются на своей машине по всей области. Для отдыха. Где ружьишком побалуются, где удочками, а где и просто полежат на солнышке.

Вовсе подобрел Дорофеич...

— Вы уж нас извините, дорогие сынки, но, по правде сказать, пруд наш хотя и красивый, но нежилой.

Они сами над собой посмеялись и начали собирать удочки. Токарь говорит:

— Придется вам помочь. Вез братишке в подарок, но раз такое дело, оставлю вам на развод.

Достал из машины ведрушку, и воду из нее выплеснул в пруд. Тут Дорофеичу пришел черед посмеяться. Говорит:

— Покорно благодарим, но этого добра теперь у нас хватает.

А токарь в ответ:

— Эта вода живая, с Дона.

С тем они и уехали. А как уехали, Дорофеич на том самом месте, где токарь выплеснул воду, увидел карасиков. Стоят в пруду у самого берега три сонных карасика и пошевеливают хвостиками. Интересно! Дорофеич наклонился пониже, чтобы получше разглядеть. А борода у него, если б ты видел, — как веник. В воду окунулась и спугнула карасиков. Они встрепнулись и ушли вглубь.

Ну и вот... Ушли карасики, и спокойствие от Дорофеича ушло. Стал ему пруд казаться каким-то уж очень пустынным, а вода в нем и взаправду неживой. И красота, какая была вокруг, куда-то ушла, вроде того — в обиде, что ее недоработали.

Так допекли Дорофеича эти думки-раздумки, что невтерпеж ему стало. Одним днем пришел он в правление колхоза — и за критику:

— Пруд у нас неправильный!

— То есть как это «неправильный»?

— А вот так: пустой.

— Тю на тебя! От птицы воде тяжело, а ты — «пустой»...

Дорофеич доказывает:

— Птица, она, можно сказать, на крыше, а внутри пруда — пусто, хоть шаром покати.

И тут он рассказал о том, как проезжие у пруда сиднем сидели, да как донских живцов-карасиков положили, да какое от рыбы будет продовольствие и удовольствие, если она заведется, и прочее в том же рыбном направлении.

Председатель колхоза Сергей Григорьевич Дубатовкин на все это говорит:

— Вижу, куда ты клонишь. Непривычно нам рыбой заниматься. Наше дело — земля и скот, земледелие, а не рыбоделие. Рыба — дело рыбацкое.

Дорофеич в спор пустился, но председатель от спора отказался:

— Ты меня от зерновой улицы на какие-то там кривые проулки-закоулки не толкай.

Однако же на этом дело не кончилось. Сергей Григорьевич упористый, стронуть его с места трудно, но если стронешь — не удержишь, а Дорофеич напористый — не отстанет, пока не стронет. Вот и пошло между ними: кто — кого. Дорофеич в колхозной библиотеке взял книгу о разведении рыбы в прудах, выбрал случай и подsunул председателю в его бумаги. Через день тот вызывает Дорофеича в правление, книжкой размахивает.

— Твоя работа?!

— Ничего не знаю.

— Все знаешь! Ты мне литературу, как подпольщик, не подбрасывай. Я ее и не читал, эту пустяковину. А что касается рыб, то им, оказывается, нужен заботливый уход. Дело сложное. Корма им готовь, воду удобряй, от болезней лечи. Хватит нам заботы об удобрении полей, о кормах для поголовья. Все! Можешь идти к своим карасям.

Нет, не все! Дорофеич с другой стороны в обходное наступление пошел: стал подбивать на сторону рыбы других колхозников. Заинтересовал. Они тоже к председателю насчет разведения рыбы толкнулись. Он — Дорофеичу:

— Ты ко мне агитаторов не подсылай, ты мне голову рыбой не забивай! Иметь ружье да удочку — хлеб есть почуточку. Понял?

Дорофеич в ответ:

— Понял, Сергей Григорьевич: рыбку лучше возить из райцентра, как делает твоя жинка, когда там бывает...

Председатель ладонью по столу:

— Все! Разговор окончен!

Тут, кажись, председателева власть взяла верх над властью Дорофеича. И, вроде того, вопрос о рыбе провалился и век ему не подняться.

Ладно. Что было дальше — слушай.

С некоторой поры зачастил на пруд Сергунька Тиньков, сын пастуха Егора. Этой весной он закончил школу-семилетку, а пристрастие и талант имел к художеству. Он рисовал картину на областную выставку колхозных художников. Хорошо у парня получалось! Сидит, кисточкой туда-сюда двигает и все, что видит, красками кладет на холст. И воду, и зеленый берег с молодыми березками, и навес с двигателем, и косогор с бахчей тоже положил. По тропинке утки вперевалочку идут — на утреннее купание. На верху косогора — шалаш. Возле шалаша сидит у костра и варит ранний завтрак сторож, похожий на Дорофеича. Через его веник-бороду просвечивается солнце. Сзади всего — небо, а у самой травы ле-

жала зорька, выше зорьки плыли куда-то облака, и по ним с размаху уже били солнечные лучи.

Работу Сергуньки проверял Иван Павлович Новиков, учитель рисования. Он говорит:

— Все хорошо получилось, только вода какая-то не такая, будто она не мокрая.

Принялся Сергунька воду и так и этак перекрашивать, а все не становится мокрее. Иван Павлович только головой качает. А Дорофеичу парнишку жалко, он и говорит:

— Тут хоть головой качай, хоть сам качайся, а раз Сергунька привык к полю, воду ему одолеть трудно.

Думал, думал, как парня из беды выручить, и придумал, дал совет:

— Пусти по воде отдельными местами рябь, как от ветра, вот и вся недолга.

Сергунька так и сделал.

Дальше. Управился колхоз с уборкой урожая, рассчитался по первой заповеди с государством, и задумал Дубатовкин одно хозяйственное дело — снять с бахчей весь осталец арбузов и отвезти на колхозный рынок, в Воронеж. Далековато, правда. Но расчет был такой: продать в городе арбузы и там же на вырученные деньги закупить лес для постройки здания насосной станции. Так и сделали: нагрузили две машины, поехали. На одной машине ответственным завхоз, на другой — я, сторожующим, понятное дело, Дорофеич, общее руководство, само собой, за председателем, а пассажиром Сергунька Тиньков. Ему как раз приспело время везти картину на выставку.

В Воронеже разделились, каждый занялся своими делами: мы — хозяйственными, Сергунька — художественными. Управились мы с хозяйственными, заехали за Сергунькой в Дом народного творчества, где была выставка. А там как раз картины обсуждают, какая лучше и чем она лучше, какая хуже и почему. Занималась этим делом специальная комиссия. Там были и художники, и общественные представители, и всякие знатоки и ценители.

Картин много, и все разные, и каждую нужно было разобрать от начала до конца, от наружности до нутра.

Доходит очередь до картины «Колхозный пруд. Утро». Мнение складывается такое: дать Сергею Тинькову поощрительную премию, чтобы рисовал еще лучше. Вся комиссия за это, и только один против. Какой-то видный художник. Он с усиками и бородкой, а бородка кисточкой. Вот он стал перед картиной и давай своей кисточкой вверх-вниз шевелить. Воздух, говорит, есть, и даже прохладный, и даже с ветерком. Зорька? Хорошая зорька, и видно, что утренняя, а не какая-нибудь. И уточки хорошие, и даже кажется, что они крикают. И арбузы, ясно, что спелые. Но что касается воды, не чувствуется ему, что это вода. Прозрачности в ней нет, какая-то неживая, и морщинки на ней как застывшие, окаменелые.

Когда Дорофеич слушал о том, что вода в пруду неживая, только вздыхал и всю свою рыбную горячку, как видно, вспомнил. Но как только художник перешел на морщинки — на месте не мог сидеть, как на сковороде по стулу заерзал. Плохи дела... защекочет эта кисточка Сергунькину красоту. А кто пареньку морщинки подсказал? Он, Дорофеич. Значит, и ответ его. Вот он и решил: незванный-непрошенный, с места встал, вышел к картине и веником своим против кисточки всю замахал...

— Извиняюсь, где же вы здесь узрели морщинки?

— Как где? А это что?

Тут Дорофеич даже засмеялся каким-то не своим — деревянным голосом и даже руками всплеснул.

— Так ведь это же карасики в воде! На зорьке они стайками держатся и вот так без движения, в задумчивости дремлют. Если с берега смотреть, то так они и видятся, как на картине.

Художник сейчас же показал на другое место пруда.

— А это что?

— Где? Здесь? Опять же они, карасики.

— А это что?

— Они же — иная стая. А вот, глядите, еще косяк. Ишь, как хвостиками взбрыкивают, жируют.

Художник прямо-таки растерялся, и даже кисточка у него опала...

— Ну, знаете, это уже не пруд, а какая-то кастрюля с карасями.

Тут со всем пылом-жаром вмешался один общественный представитель.

— Позвольте! — говорит. — Что в этом удивительного? Значит, вы не знаете как художник нашего колхозного села. У нас в области нередки колхозы, где с каждого гектара пруда получают до двадцати центнеров зеркального карпа. А бывает, и больше. Вот вам и кастрюля!

— Верно! — обрадовался этой поддержке Дорофеич. — Урожай на рыбу идет такой, что аж пруд пучит! Точная картина. Уж это наш председатель, товарищ Дубатовкин, — он здесь, хорошо знает и подтвердит...

Дорофеич в ту пору ж председателя глазами искал и не нашел. И мы поискали — не увидели. Никуда он не девался, был неотлучно среди нас, а вот не нашли мы его, и только.

На этом обсуждение кончилось. Вполне благополучно для всех: для Сергуньки, для Дорофеича и для председателя тоже.

Всю обратную дорогу Дубатовкин ни с кем не разговаривал, а все чего-то прикидывал на пальцах и шевелил губами. А в глазах у него — это я заметил точно — плавали караси целыми косяками и даже резвились хвостиками. Мне, правда, очень хотелось спросить у председателя, как он этакого достиг, что невидимым сделался, но посмотрел на него и спрашивать не стал. Понятно было: разговор окончен. Доконал Дорофеич председателя. Один напористый, другой — упористый. Упористого стронуть с места трудно, но уж если он стронулся — тут ему не мешай.

ПЕРЕВЕРТЫШ

В магазине нашего сельпо селедка бывает, но не так чтоб уж часто, с переборами. Тем более копченая. А хлебобоб, если хочешь знать, он посолонцевать любит. Потому как больше всего работает под открытым солнцем и, должен понимать, сильно испаряется, теряет много соли — восполнить надо.

Вот, значит, как-то заплыла к нам отменная копченочка. Целым косяком, несколькими бочками сразу. Я рысью в магазин. Подцепил на серебряную удочку килограмма три, не меньше. Ну, понятное дело, за завтраком я просолился, можно сказать, насквозь — восполнил. В охотку копченочка шла за мое почтение. А после завтрака тотчас же собрался в районный центр, за председателем колхоза. Он там гостевал на каких-то долгих совещаниях-заседаниях, а его легковая машина была в ремонте.

Запряг я Буланого в дрожки, нацелил его по нужному направлению и говорю:

— В центр!

Он мои устные руководящие указания понимает: шагком на большак, по большаку — прямиком на райцентр. Я и к вожжам не притронулся. Солнце тоже идет своим большаком, взбирается по небесному косоугру. И чем оно выше, тем становится добрее и добрее. И вот тут-то, братец ты мой, во мне и заговорила копченочка — запросила пить. Еду и завидую всем как есть живым рыбам во всех больших и малых водоемах земного шара. Эти небось никогда не потеют, не усыхают и жажды не знают. Солнце добрее — копченочка во мне злее. Дальше больше. Горю! Этак, думаю, усуюсь до того, что не останется во мне ни живинки, ни кровинки, довезет до райцентра Буланы одну поджаренную корку в одеже. Только по одеже меня и узнает председатель. Надо принимать срочные меры к своему спасению.

На полпути до райцентра, километрах в двух в стороне от большака, село Кучугуры. Хочешь не хочешь, а пришлось свернуть к нему — на кривопуток. Ладно, свернул. Доезжаю до крайней хаты. По правде сказать, не хата, а самый настоящий дом: пятистенка, под шифером, с верандочкой, и молодой садочек при нем. Доезжаю, с дрожек долой — и на верандочку. А там какая-то уже немолодая женщина встречает меня и ни с того ни с сего:

— Вы к нему?

Мне все равно к кому — отвечаю:

— Мне бы воды...

Она с полным одобрением говорит:

— Так, так, правильно! Больше не к кому. Он всем докторам доктор, всем наукам наука. И его вода необыкновенная!

Ага, смекаю, должно быть, здесь живет сама медицина. Ну, да мне все едино, у кого напиться. Вхожу в переднюю комнату. За столом сидит гладенький такой мужичок лет под шестьдесят, клинышком борода, аккуратная лысина, одет чисто, по-городскому. Сидит и что-то ест из миски. Я к нему:

— Здравствуйте, доктор! Мне бы воды. Ну прямо терпения нет, измучился.

Он не спеша доел, рот обтер, бородку отрусил и — ни слова, ни полслова — ушел в соседнюю комнату. Вскорости оттуда его голос:

— Больной, войдите!

Голос, если б ты слышал, такой приказной, что знай подчиняйся. Ладно, иду на зов, больной так больной. Едок уже в белом халате, в такой же белой шапочке, на носу очки в толстой оправе, на руках блестящие резиновые перчатки.

— Извините, — говорю, — будьте настолько добры...

Он блестящую свою ладонь поднял, просьбу мою остановил на полпути:

— Мучаешься, говоришь?

— Уж так, — говорю, — мучаюсь, прямо терпения нет.

И начал было объяснять, что все во мне пересохло до дна и вот-вот растрескается, но он мне:

— Вижу. Все сам вижу. Не мешай.

Вынул из кармашка здоровенное увеличительное стекло, отошел и со стороны начал меня через это стекло рассматривать. Поясняет:

— Теловидение издала.

Говор у него какой-то, как бы сказать, деревенский — «издаля». Но тогда особого внимания я на это не обратил. Он со стеклом все ко мне ближе, ближе, стал впрытык.

— Теловидение в упор.

Своим глазом в мой глаз через стекло нацелился.

— Осмотр пульсации и трепет организма.

Я ему хочу сказать, что явился не на осмотр, а только чтобы напиться, но он на первых же словах меня пресекает:

— Больной, не мешайте процедуре.

Что за диковина, думаю. К иному врачу на прием не достоинься и внимания к себе не добьешься, а от этого не отобьешься. Ничего не поделаешь, хоть во мне все и трепещет от жажды, а придется потерпеть, пока он не кончит осмотра. Медицина! Шагу без пульсации не сделает.

Спрятал он стекло в кармашек, достает из другого слуховую дудку и давай меня и так, и этак ворочать, повсеместно ослушивать, остуживать. Напоследок добрался до головы. Приложился дудкой к затылку, через дудку вслушивается, говорит:

— Задняя нервная система как будто в порядке. Проверим боковые условные рефлексоры.

Выслушал через дудку мои виски.

— Наклони мозговую часть, проверим тестоскопом высшую нервную деятельность.

Я догадался, что это за часть, наклонил голову, он — дудку к макушке. Потом сел за стол и начал барабанить по нему пальцами и думать. Раскрыл толстенную книгу, начал ее листать-перелистывать, губами шевелить. Пока он шевелил, я разгляделся в обстановке. Чисто. На стене плакат: «Не пейте сырую воду», и еще: «Медицина — друг здоровья». Этажерка с книгами и книги на столе. Шкафчик, и в нем банки-склянки и пузырьки. Медицина! Сидит, губами и бровями шевелит и решает: жилец ты или не жилец на этом свете. Шевелил, шевелил, а потом и говорит:

— Консилиум.

— Что, что? — спрашиваю.

— Консилиум-аквариум, — отвечает. — Это тебе не понять, это по-латынски. А что по-латынски, то и по-медицински. Плохи твои дела, гражданин. Смертельному болезнию.

Хоть и латинский, а русский смысл до меня дошел, и душа у меня в пятки закатилась.

— Что плохо-то? — спрашиваю.

— А все плохо. Растрескалась кора головного мозга — раз. Распата-но торможение — два. Покосилась центральная нервная система — три.

Мать честная! Жуть, да и только. Живешь, живешь, ничего не знаешь, а оказывается, уже и распатался, и покосился, и растрескался...

— Что ж будет-то, доктор?

— А ничего особенного. Эпилепсия с прогрессором в будущее. Воспа-ление условных рефлексоров и малахолия.

У меня, признаться, мороз по коже. Приходилось мне бывать и в нашей амбулатории, как-то отлежал месяц в сельской больнице, проходил обследование в Воронеже, в областной поликлинике. Словом сказать, в руках у медицины побывал, вплоть до профессоров, свои болячки знаю и по-русски, и по-медицински, и по-латински. А тут на тебе, что-то такое, о чем еще ни разу не слышал и в себе не знал.

Взял я и все это доктору высказал. А он говорит:

— Прежние врачебные насчет тебя заключения я не отменяю. Но они касаются только твоего нутря. Я же практикуюсь в высшей нервной идеальности по методу академика и корифея Павлова. Городские доктора этого еще не постигли, а я его ученик, по переписке.

— Что верно, то верно, — говорю, — дудочкой голову мне еще никто не ослушивал и через стекло не осматривал.

Он меня тут же на ходу поправляет:

— Не дудочка, а тестоскоп, не стекло, а оптика для обозревания организмов — теловидение.

После научных разговоров пошел у нас разговор практический.

— Что ж делать-то, доктор?

— Само собой, лечиться. Могу, конечно, и я заняться тобой, а хочешь — обратиться к кому другому. Только, боже упаси, по знахарям не бегай.

— Да что вы, — говорю, — эти пережитки на мне не висят. Раз вы болезнь определили, вы и лечите.

— Это, — говорит, — можно. На первое время дам тебе то, что ты просил.

И вышел в переднюю половину. В его отсутствие я, по совести сказать, немножко распустился. Подошел к столу и стал смотреть книги. Тут были о том, как ухаживать за плодовым садом и разводить пчел, как вывести жучка-древоточца, если он завелся в строении, как самому построить лодку, как окрашивать разные ткани и одежду и другие подобные книги. Житейские, а не медицинские. А толстая, над какой он шевелился? Она прикрыта другими. Я прикрытие приподнял и, веришь, было не упал... «Жития святых».

Слышу, идет. Я от стола птахой — и принял нормальный вид. А в мозговой моей части все как есть перекошилось, распаталось и вот-вот растрескается. Что ж это за доктор такой? Одной ногой вроде в науке, другой — в боженке. И какие такие медицинские советы он у него вышептывал-вымаргивал?.. Голова раскалывается.

Вернулся этот доктор не с пустыми руками — с бутылкой из-под водки, в ней что-то прозрачное. Наказывает:

— Принимать по одному глотку в сутки, но, чур, ночью, в полной темноте и перед самым сном. Понятно?

— Вполне.

— Никому ее не показывать и никому о ней не говорить. Даже жене.

— А это непонятно.

— Трактую. В этом сосуде электромагнитная атомная есенция с замоченными атомами и радиопрепаратами.

— Ну и что же?

— А то, что ежели кто другой, кроме тебя, на есенцию глянет, она тут же делается обыкновенной водой.

— Да это почему же?

— По сглазу. Иначе, по-научному, по гипнозу дурных глаз. Из нее немедленно рассеется атомная энергия. Начисто. В мировое пространство. Мало того, у тебя может сотвориться распадение атомов в организме. Иначе — лучистая болезнь. Понятно?

— Понятно, — отвечаю. А про себя думаю: наука или чертовщина? Слова вроде и научные, но какие-то пугляные, с корявинкой. Тут тебе и атом, и радио, и мировое пространство, и вроде того «чур-чур» — сглаз, «дурной глаз», и «господи еси на небеси». Растеряешься.

— Ладно, — говорю, — атомную, так атомную, давайте,
И тянусь к бутылке. Но он мою руку отстранил, протягивает свою:
— Гони десять.
— Чего десять?
— Рублев.

Прикидываю. По старым ценам это сто рублей. Настоящего расценка я, понятное дело, не знаю, а в сто не поверил. Правда, рассказывают, что иные профессора за один прием на дому тоже брали с больных по сотне или около того. Но то ведь профессора.

— Нельзя ли, — спрашиваю, — заглянуть в прейскурант цен?

Он в обиду:

— Здесь, извиняюсь, не базар. Здесь самое новое лечение на трех научных столбах. Атомная энергия в мирных целях, учение академиков Павлова, Мичурина и других лауреатов и корифеев, условные рефлексоры высшей нервной идейности вкупе с народной медициной. Понятно?

Доверия к этому доктору у меня уже не было. Осталось одно сомнение, но без определенного обвинения. Поэтому от прямого ответа я увильнул.

— Оно хотя и понятно, но не очень внятно. Науку я беспредельно уважаю, об Иване Петровиче Павлове читал сам в одной книжке, а с Мичуриным Иваном Владимировичем я одно время даже был в почтовой переписке, но больших денег с собой не беру: на вино слаб. Так что, извините, как-нибудь в другой раз.

Поклонился — и к двери. Он меня за рукав:

— погоди. Экой ты несговорный. Я ведь не для наживы. Я — пролетарист, мне ничего не надо, из жалости к людям практикуюсь. Мне бы только расходы оправдать.

— Какие расходы?

— А вот такие. Вода откуда? Из Академии наук. Выписываю — присылают. И все за мой счет. Понятно?

Я в переднюю комнату — он за мной и сразу же сбил цену наполовину. Я к выходу — он за мной. На верандочке силком вложил мне в руки бутылку:

— Давай хоть на пол-литра.

Тут мы заметили старичка, какой сидел на крылечке у дома напротив, и «доктора» как ветром сдуло, даже и бутылку у меня не забрал. Схожу я с ней по ступенькам и ног под собой не чую. Что ж это за медицина такая? Сроду такой не встречал. Человек я хотя и грамотный, но необразованный, однако скажу, кое-что в жизни понимаю и на мякине меня не проведешь. А тут такая непонятица, что и ума не приложу, что к чему и почему.

В тот момент, когда я оказался на последней ступеньке, мимо проезжали по улице несколько грузовых машин. На каждой полно женщин с тятками. Как видно, колхозницы ехали на прополку. Глядя на меня, засмеялись на первой машине. Прошла вторая — засмеялись на второй, и так и пошло, и пошло перекатом по всей колонне. Значит, думаю, и в самом деле у меня такой перекошенный вид, что людей веселит. Старичок сидел напротив, на лавочке, через всю улицу пальцем меня поманул:

— Иди-ка сюда, гражданин.

Я подошел.

Он мне:

— Ай-яй-яй... Попался на крючок, простачок? Век прожил — ума не нажил?

Другому бы я такого обращения не спустил. Но этот был намного старше меня. Стерпел.

— Погоди, — говорю, — я тебя, папаша, не понимаю.

Он на бутылку показывает:

— Удостоился? Срам! Уже и спутники, и полетчики в небе завелись, а дураки на земле все не переводятся. Так, что ли?

— Нет, — отвечаю, — не так. У меня у самого от этого доктора ум за разум зашел.

— Какой он тебе доктор? Перевертыш.

— Это как же понять?

— А так: испокон веку ходил в знахарях и леший лешим. Да вот с некой поры дела у него заплошали, так он, вишь, в какую-то атомную науку перевернулся, а вывернется ли — посмотрим. В свидетели пойдешь?

— А чего ж, пойду. Только мало чего знаю.

Он у меня бутылку отобрал, говорит:

— Это вещественное доказательство. Мне повезло. Мы ведь тут поочередно дежури́м в наблюдающих, чтоб прямо за руку его поймать. Главное — живые свидетели, а они, понимаешь ли, избегают. Кому ж охота признаться, что мошенник его обвел и вывел. Избегают. А потом еще и смеху бояться. Слыхал, как тебя наши свекловичницы обсмеяли? Вот то-то.

От этого напоминания и мне стало весело, в мозговой части все выпрямилось, стало на место, и тут же пробудилась от временной дремы такая жажда, что не сказал, а едва-едва прошелестел:

— Пи-ить.

Старичок в дом, у которого сидел, постучался, вежливо попросил ведро и кружку. Я одну за другой осаживаю, а он приговаривает:

— Пей на здоровье. Атомная. Из одного и того же колодца. Хороша у нас водица. Что холодна, что вкусна, что мягка — чудо! Только сделай милость, ты уж насчет нашего пупыря не разглашай, наш колхоз не срамоти. Мы сами, дай срок, с ним управимся — искореним.

Иван Савинович Сафонов родился в 1936 году. Окончил филологический факультет Воронежского государственного университета. Работал в Лискинском районе киномехаником, учителем, завучем, директором Тресоруковской средней школы. Публиковался в журнале «Подъём», региональных изданиях, альманахах. Автор десяти поэтических сборников, в том числе «Проселки», «Печаль, любовь, работа», «В родном краю» и др. Член Союза писателей России. Живет в селе Тресоруково Лискинского района Воронежской области.

Иван Сафонов

СБЛИЖАЯ СУДЬБЫ И ВЕКА

* * *

Земной любви одно мгновенье
На век запомнила душа,
А жизнь — случайное явление —
Идет к финалу не спеша.

И вспоминая понемногу
Все то, что пройдено, я вновь
Благословляю ту дорогу,
Где встретил первую любовь.

Она вела меня по свету
Сквозь сложный путь удач и бед,
Открыв наивному поэту
Свой поэтический секрет.

Она позволила оставить
В сердцах людей, на радость им,
Строку хорошую на память
Вот этим почерком моим.

* * *

К чему оно, успокоенье,
Блаженство тела и души,
Когда тебе одно мгновенье
Напоминает вновь: пиши.
Не упрекай себя, не мучай
Печалью, стоящей гроши.

Еще придет счастливый случай —
Победу праздновать в глуши,
Когда у жизни на примете
Твоя завидная строка
Оставит долгий след на свете,
Сближая судьбы и века.

* * *

В поэзии дивной нет строчки случайной.
В ней жизнь и природа слились воедино,
И нас привлекает, прикрытая тайной,
Простого села дорогая картина.
И сердцу, признаться, сопутствовать рада,
Работая с ямбом и рифмой хорая,
Но я лишь теперь понимаю, как надо
Работать со словом, себя не жалея.

ДОБРОТА

Я с детства раннего постиг,
Что значит доброта,
Моя душа в делах земных
Все время занята,
Примеры самых добрых дел
Несу с далеких лет.
Один помог, другой пригрел,
А третий спас от бед!
Не перечислить имена
Творивших вновь и вновь
Во все земные времена
Добро, мечту, любовь.
Не прерывалась жизни нить,
Не ведая конца,
Здесь на земле добро творить
Прошу с мольбой сердца!

МАЛАЯ РОДИНА

Как хороши мои места:
Родные реки и дубравы.
Уже слова летят с листа
В строку любви и тихой славы.
Здесь дом родной. Здесь первый шаг.
С тем первым словом помню свято,
Любовь к нему храню в словах
И в сердце, памятью богатом.
В поля, что за моим окном,
Где вспоминаю, что в былом
Осталась песня, что пропета.

Но не тревожит меня грусть
О прожитых годах, я знаю
Село родное наизусть
И биографией считаю.
Горжусь, что отпустил мне Бог
Жить на земле не дни, а годы,
Где счастье пройденных дорог
Слилось с красотами природы.
Жизнь состоялась до конца.
Я стал учителем. И словом
Готовил юные сердца
К суровой жизни в свете новом...
Здесь, на земле, оставлю след,
В родном краю оставлю имя,
Как малой родины поэт,
Наивный, наряду с другими...

Ирина Алексеевна Белякова родилась в Воронеже. Окончила исторический факультет Воронежского государственного университета, Воронежский экономико-правовой институт. Работала инспектором по охране памятников истории и культуры Лискинского района, научным сотрудником Лискинского историко-краеведческого музея, в настоящее время — директор этого музея. Публиковалась в журнале «Молодая гвардия», «Московском журнале». В «Подъёме» публикуется впервые.

Ирина Белякова

РОДНЫЕ МОИ...

Рассказы

Эти истории, в которых почти ничего не придумано, навеяны рассказами-воспоминаниями близких мне людей — дедушки, отца, тети... В детстве я с восхищением заслушивалась ими, а сейчас удивляюсь, сколько же всего выпало на их долю.

МАРУСЯ

Зажиточным было село Боголюбово: хотя кулаков после нападения на ревком всех до одного расстреляли за околицей у оврага, подкулачников с семьями выселяли аж на пятнадцать подвод. Село стонало: под зычные крики конвоиров — плач детей, причитания баб и отборный мужицкий мат.

— Данила и Анна Хованцевы с детьми, выходите! — у калитки стоял небольшого роста рыжеволосый комсомолец Никанор, наш сосед по улице.

— Власть почуял... — отец, уже готовый в неблизкую дорогу, поднялся с лавки. — Пойдем, что ль?..

Семья потянулась к дверям.

— Ну, что, Анна, не пошло тебе впрок хованцевское добро! — Никанор стоял, широко расставив короткие ноги, и ехидно ухмылялся. — Вот пошла б за бедняка, не пришлось бы из родного села на выселки удаляться. Всех вас, кулацкое отродье, погоним куда Макар телят не гонял!

— Это за тебя, што ль, надобно было мне идти? — Анна холодно смотрела своими сталь-

ными глазами на зарвавшегося мужичка. — Да вернись все назад, я снова пошла бы за Данилу. Прощай, Никанор, ты свое дело сделал.

Когда ехали семьями на подводах, мама держала младшего на руках, отец — среднюю сестричку, а Маруся сидела между ними. Вещей было совсем мало, остальное велено было оставить. Немного еды на первое время и кое-какая теплая одежда — вот и все, что было. До станции добирались как-то особенно долго, а может быть, им так показалось. Очень уж мрачным было небо над ними, и все время моросил дождь. Люди на подводах сидели тихо; только колеса скрипели, да возницы изредка погоняли лошадей. Даже конвоиры молчали, нагавкавшись.

Вагоны стояли с раскрытыми дверями, страшно зияя темной пустотой. Ручейки подвод медленно стекались на станцию. В каждый вагон грузили по пятьдесят человек. Когда ехали, Марусе казалось, что люди в нем заунывно колышутся в такт колесам. Та-тамта-там, та-тамта-там...

Сама не заметила, как уснула. Приснился дедушка Данила — папу называли в его честь. Дедушка мчался на своей любимой тройке, запряженной в красивую бричку, стоя во весь рост и крутя кнутом над головой. Молодецкая удаль еще играла в нем, уже почти полностью поседевшем. У дедушки были книги, не только церковные, но и простые, художественные. Маруся рано научилась читать, и ее первой книгой было «Путешествие Робинзона Крузо». Проснувшись, она решила, как Робинзон, отмечать зарубки на дощатой вагонной стене после каждого дня маленьким перочинным ножиком.

К концу поездки их наберется больше девяноста.

Их везли три месяца. Домашняя еда закончилась быстро, но главное — не было воды, и взять ее было негде.

— Пить, дай пить, — слышалось практически из каждого угла. Дети просили пить постоянно, изводя родителей.

Однажды какой-то мужчина не выдержал и бросился к выходу, крича охраннику, чтобы разрешил набрать воды на остановке. Спрыгнул с подножки, и все услышали выстрел. Приказано было расстреливать на месте всех, кто пытался выйти из вагона.

Помнит Маруся, что тогда она чуть ли не завидовала этому человеку, который больше не будет страдать от страшных условий, в которых они оказались. Марусе было тяжело переносить невыносимый смрад, стоящий в вагоне, битком набитом людьми. В результате такой скученности начались болезни, и люди стали часто умирать.

А еще — холод! В вагоне было две печки-буржуйки. Пока они горели — было тепло, но как только гасли, тут же расплзалась эта ненавистная стужа. Дрожь пробирала до костей. Сначала дети плакали, потом сил у них не стало.

Среди первых умерших детей была средняя сестричка Хованцевых. Охранники забрали все тела. Люди шептались, что их просто выбросили на насыпь. Мама не верила, говорила, что не по-христиански это. Должны похоронить. Папа молчал.

Везли долго. Людей в вагоне значительно убавилось, и еды стало хватать.

Наконец прибыли на место...

Страшная голая степь, покрытая снегом, вдали — холм, который здесь назывался «сопкой». Долго шли пешком к ее подножию. Здесь определили им жить. Как жить? Где? Ни жилья, ни помощи. Ночь Хованцевы, как и все, просидели на голой земле, прижимаясь друг к другу, укрывшись всем, что было из вещей. Мужчины разожгли костры. Кое-как переночевали. Утром стали рыть землянки в мерзлоте. Самая главная трудность — найти, чем укрыть яму. Каждая найденная дощечка — на вес золота. Соседи попытались оторвать указатель с обозначением этого пункта спецпоселения, за что были биты конвоирами. Решили крыть караган-

ником и присыпать землей. Этот караганник был похож на желтую акацию, только очень маленькую. С едой и водой по-прежнему было плохо. Дети пили из каждой лужи, которая попадалась на пути. Набрать воду было не во что, ведер не было, поэтому мыться и стирать ходили километров за семь. Каждое утро приносило новую смерть.

Как-то папа разбудил Марусю среди ночи, велел одеться и идти с ним. Когда забрезжил рассвет, они были на станции. Там оказался всего один отъезжающий.

— Послушай, друг, отвези девочку в детдом. Богом прошу, погибнет ведь.

— Да ты что! Куда она мне. Мне ж за это отвечать придется.

— Скажешь, что нашел на станции, беспризорница. В любой ближайший детдом сдай. Понимаешь, после смерти средненькой жена умом повредилась, а у нас еще грудной на руках. Маруся сама себе предоставлена, я на работе целыми сутками. Пропадет ведь девчоночка. Неужто не жаль тебе дитя безвинное. Не бери грех на душу, помоги...

И вот снова вагон, только не такой страшный, как первый. Перед уходом папа сунул Марусе сверток с хлебом, который ему удалось собрать за несколько дней, отрывая от своей скудной пайки. Она вцепилась в его плечи мертвой хваткой, колочая борода царапала ей лицо, но Маруся не обращала внимания. Как будто пытаюсь запомнить родной запах, она не отрывала свое лицо от отцовской шеи. Он отодрал ее пальцы от телогрейки и ушел быстро, не оборачиваясь.

Забившись в дальний угол на верхней полке, Маруся, как испуганный зверек, не издавала ни звука. Какое-то шестое чувство подсказало ей не привлекать к себе внимания, ничего не просить, заставить забыть о себе. Наверное, в ее состоянии, после разлуки с родными и всего пережитого, это было просто естественным поведением. Она как будто спала наяву и грезила о своей прежней жизни.

Проснувшись однажды утром, Маруся обнаружила, что осталась совершенно одна. Попутчик не стал ее будить и тихо ушел, оставив на попечение случая. Случай явился в образе старичка — служащего железной дороги, который обходил вагон. Маруся, по обыкновению, хотела спрятаться под лавку, но он опытной рукой ловко схватил девочку за шкирку и вытащил на свет.

— А погодь-ка, погодь, куда собрался, постреленок! Ой, да ты девчонка, ну не реви, не реви, не обижу, — старик взял ее за руку и отвел в милицию.

— Вот, принимайте гражданку! Путешествовала без билета и паспорта. Откуда и куда — говорить не изволит.

— Ничего, у нас заговорит, — милиционер почесал карандашом за ухом, — вот сейчас документки оформим, и поедешь в детский дом. Там вас много таких. Небось Родина вырастит. Будешь еще спасибо говорить за свое счастливое детство.

В детском доме по своей новой привычке Маруся не издавала ни звука. Ее помыли, остригли наголо и одели в серое. Так здесь выглядело большинство. Поначалу ей казалось, что это одна сплошная серая масса. Маруся не различала лиц, не понимала слов, двигалась как автомат. Утром — подъем, на зарядку, потом умываться, завтракать, учиться... Как заведенный часовой механизм. Тик-так, тик-так.

Но однажды он сломался.

— Ну, чего разлеглась, — давай, подымайся, школу проспишь, — осторожно прикоснулась к Марусе нянечка, — Ой, да она вся горит! В больницу надо...

Утро. В открытое окно влетает свежий, пахнувший сиренью ветерок. Молодая зеленая трава ласкает взор. Петух хлопает крыльями и кричит. Маруся дома. Пахнет парным молоком и печеным хлебом. Сейчас мама войдет и разбудит.

— Девочка, просыпайся. Просыпайся, уже нет температуры у тебя. На поправку идешь, скоро в детдом выпишем.

Нельзя сказать, что это Марусю сильно обрадовало. Оказалось, что все — просто сон.

В детском доме, заметив какую-то неуловимую перемену в ней, воспитательница взяла ее за руку и отвела в кабинет директора Ивана Порфирьевича.

— Ну-с, барышня, рассказывайте, кто вы, откуда, где ваши родители, как вас зовут...

— Маруся. Мы жили в большом селе. Нас посадили на подводы и отправили на станцию. Долго ехали в вагоне, а потом жили в землянке. Однажды папа снова отвел меня на станцию, и я опять ехала в поезде. А какой-то старичок привел меня в милицию.

Директор детского дома задумчиво кусал карандаш. Видя, что Маруся честно рассказывает о себе и своем прежнем житье-бытье, расспрашивал долго, попутно делая пометки в блокноте. Нянечка принесла чай и бутерброды. Это привело Марусю в еще более разговорчивое состояние. Она была возбуждена, щеки ее покраснелись, глаза светились. Впервые за долгое время она почувствовала себя живой!

Вскоре после чая голова Маруси опустилась на стол, и она задремала. А Иван Порфирьевич, бывший преподаватель школы-семилетки, мобилизованный Красной Армией, а теперь служивший на таком непростом посту, сидел за столом, обхватив седую голову с поблескивавшими круглыми очками, мучительно думал, как поступить, чтобы не сделать хуже этой малышке, уже принявшей на свою долю слишком много того, чего не должны переживать дети.

К утру решение созрело и оформилось. Вспомнив о директиве прошлого, 1930 года, по которой разрешалось вывозить детей спецпереселенцев до десятилетнего возраста из мест высылки, директор написал письмо в сельский совет по бывшему месту жительства девочки.

В далекую Воронежскую область письмо из-за Урала шло три месяца. Ровно столько, сколько Маруся ехала в Караганду.

После «битвы за урожай» осень только-только входила в свои права. В Боголюбовском сельсовете тишина и порядок. Никанор, исполнявший обязанности захворавшего председателя, устало разбирал полученную почту. Письмо директора детского дома лежало последним.

Никанор читал его и не понимал прочитанного.

«Маруся Хованцева, семи лет, проживавшая на территории вашего сельского поселения, находится в детском доме...»

Заворочались переживания, до сих пор не дававшие жить спокойно. Как долго он пытался усмирить их мутную взвесь внутри себя! И вот она снова поднялась... Как видно, не будет ему покоя. Всю свою жизнь расплачиваться ему за этот грех. Кулаки кулаками, но дите безвинное...

Погруженный в невеселые размышления, Никанор запер сельсовет и побрел домой.

Дома лучше не стало. Одинокому мужчине вообще дома хуже, чем на людях. Быт неустроенный, еду никто не приготовит, ласковым словом не встретит.

Бессонная ночь помогла принять решение. Он начал собирать вещи в дальнюю дорогу. Председателю объявил, что хочет наладить свою новую жизнь по зову партии на рудниках знаменитого «Дальстроя».

— Оно, конечно, везде люди живут, но ты все ж таки крепко подумай, Никанор, куда тебя нелегкая несет, — председатель крутил потухшую самокрутку в руках. — И чего тебя на Север-то потянуло?

— А мне какая разница, где век вековать. Один я, гол как сокол. Поеду золото намывать для строительства коммунизма! Россию посмотрю, может, денег заработаю. Душа моя беспокойная гонит с насиженного места. Выдай ты мне паспорт,

Христа ради. Не получится — вернусь. Хату продавать не буду. Хочешь — сдавай ее желающим. Все какая прибыль. Вот тебе ключи.

На том и порешили.

Попрощавшись, Никанор, считай, налегке отправился напрямик по адресу детского дома, где проживала Маруся Хованцева.

Директор детского дома встретил Никанора радушно. Усадил за стол, чаем напоил.

— Как я рад, что у Маруси нашлись близкие люди. Вы проведать или как?

— Дык это, забрать я ее хочу. Больно далеко ехать проведывать каждый раз. Она хошь и не родня мне, а все ж с одного села. Нет у ее больше там никого. Померли все. И я одинокий совсем. На старости лет будет мне опора.

— Ну, что ж, закон этого не запрещает... Главное, чтобы Маруся не была против.

Привели Марусю. Она поглядела на Никанора и обмерла. Узнала девочка комсомольца, который из родной избы их семью выселял.

— Дозвольте, товарищ директор, нам с Марусей наедине поговорить.

— Ну, что ж, поговорите. Маруся, я в соседней комнате вас подожду.

— Ты вот что, девочка, не пужайся меня, дурака, — угнувшись, тихо сказал Никанор. — Нет мне покоя с тех пор, как тебя и других детишек умирать мы обрели в тогдашней горячке. Классовая борьба — нешуточное дело. Под горячую руку, случалось, раскулачивали и середняков, и бедняков. А по вам, по мальчикам, по моему пониманию, и вовсе перегиб вышел. Теперь ни спать, ни есть спокойно не могу. Жизни нет. Поедем со мной. У тебя ведь нет никого теперь.

— А дедушка Данила?

— Помер он, царство небесное, — Никанор истово перекрестился, отведя глаза.

Маруся тяжело вздохнула. Недобро посмотрела на Никанора и медленно про-изнесла:

— Я с тобой поеду, но, если ты обижать меня будешь, вот те крест — сбегу! Мне теперь бояться нечего.

— Да что ты, Бог с тобою, дитя неразумное. Почто ж мне тебя обижать-то. Я тебя как родную пестовать буду. Выращу, выучу, будешь всем довольна.

— Ну, что вы тут? — вошел директор. — На чем остановились?

— Маруся решила. Едем мы с ней домой, — будто груз тяжелый упал с Никаноровых плеч.

— Хорошо. Оформлю документы, и завтра можете забрать девочку.

Заплакал Никанор, некрасиво отфыркиваясь. Поглядел искоса на директора.

— Ты, того, член партии?

— Да, товарищ, — строго сказал Иван Порфирьевич.

— Тогда отвернись на минутку... Отвернись, Христа ради...

Директор пожал плечами и отвернулся.

Никанор рухнул на колени и трижды перекрестился.

Когда встал, судорожно протянул директору свой комсомольский билет.

— Сдай, кому положено. Скажешь, что нашел случайно...

Украинская Луганщина встретила Никанора и Марусю радушно. Зима здесь была намного мягче, чем в родных краях. Да и Никанор не обманул, что будет с ней заботлив и внимателен: накупил вещей красивых девочке и шубку теплую, так что Марусе уже больше не было холодно. Вскоре нашлась добрая женщина, которая согласилась войти в дом Никанора хозяйкой.

Счастливы они были недолго. Через шесть лет мир перевернулся. Не стало мира. Никанора призвали в армию. Только он погиб, не доехав до фронта, — поезд с его частью попал по пути под бомбежку...

Как ни кажутся долгими наши года, отшумела, пролетела и жизнь Маруси. Однажды, в короткие часы между ставшими уже чуть ли не привычными обстрелами украинских «градов», она, с трудом переставляя ноги, подошла к своему маленькому старинному чемоданчику. Там лежала ее первая книга «Жизнь и необыкновенные приключения Робинзона Крузо». Открыла. «Как бы ты, Робинзон, смог пережить мои необыкновенные приключения?» — усмехнувшись, подумала Маруся. Легла на кровать и принялась читать давно известный текст. Перед глазами разворачивался морской простор, вдали — остров. Почему-то на острове вместо Робинзона стояли очень знакомые фигуры. Вот бабушка в хромовых сапогах держит под уздцы вороного. Мама баюкает младенца на руках. Папа держит за руку четырехлетнюю сестричку. Вдалеке Никанор стоит, сутулясь...

Ее лодочка уткнулась в песок рядом с ними.

ПОДО ЛЬДОМ КРАСИВОЙ МЕЧИ

Рядовой Матвеев устал от войны. Бывалый солдат, уже понюхавший пороха в далекой Первой мировой, Илья Алексеевич от врага отступать не привык... Вот и пришлось днями Матвееву, почитай, в пятьдесят лет, принять на себя в такой фронтовой неразберихе командование остатками взвода. Когда захлебнулось отчаянное зимнее наступление их Юго-Западного фронта, они, кто уцелел, укрылись в заснеженном Кондрашкином лесу в декабре 1941-го. Карту местности Илья Алексеевич позаимствовал из планшета погибшего салаги-взводного, убитого чуть ли не первой же пулей...

Прорываться он решил на северо-восток, к реке Красивая Меча, недалеко от города Ефремова. Там проходила ближайшая извилина линии фронта и было больше шансов выйти к своим. И не ошибся «дед», как называли его желторотики, которые поголовно состояли из вчерашних школьников.

Опыт Первой мировой рядовому Матвееву помог: он так-таки вывел свой маленький отряд в расположение одной из частей Красной Армии, спустя пять суток блужданий по полям Тульской области.

— Свои! Братцы, свои! — несмышлениши прыгали, обнимаясь с разведотрядом, обнаружившим их на подходах к сожженной деревеньке, от которой остались, как памятники, лишь длинноногие печные трубы.

Однако эйфория от удачного спасения быстро сменилась разъедающей душу тревогой.

Усталый особист капитан Яцкевич с неизменной папиросой в углу рта, прищурив левый глаз и брезгливо скривив губы, упорно не понимал, как им, бойцам Красной Армии в количестве восьми душ, удалось избежать общей участи и выйти из окружения, хотя фашисты крепко расположились по всей линии фронта. Значительные сомнения вызывал у него тот факт, что с ними не было ни одного офицера, а только семь необстрелянных юнцов и один возрастной солдат.

— Как же вы, Илья Алексеич, взводного своего не уберегли? — говорил особист, расхаживая по земляному полу сарая, чудом оставшегося целым и невредимым в разоренной деревеньке. При этом он задумчиво выпускал колечки сизого папиросного дыма.

— Эх, капитан! — седой солдат горько усмехнулся, — разве ж в той мясорубке за всеми углядишь... Ты ж видишь, кого я к тебе привел. Вот и лейтенант наш совсем зеленый был, упокой, Господи, его душу.

Он украдкой перекрестился, но капитан это движение отследил.

— Ты что ж, верующий?

— Так точно. Без этого на войне нельзя. Вера нужна. И вообще...

— Ну это смотря какая вера... Верить надо в Родину, в товарища Сталина, в Победу верить надо. А ты, солдат, креститься вздумал.

— Вам, конечно, виднее, товарищ капитан, но только и без Бога не обойтись...

— А кем вы до войны работали?

— Агрономом на сахарном заводе...

От этих слов вдруг так волнуяще повеяло довоенным житьем-бытьем, что неожиданно для себя солдат расслабился и начал рассказывать, как жил в те, казавшиеся теперь небылью, времена.

Капитан Яцкевич внимательно слушал до тех пор, пока рядовой не замолчал, и только потом задал свой следующий вопрос:

— Попутчики ваши показали, что вы стихийно стали руководить после того, как лейтенант погиб. Откуда опыт военных действий? Вы и карту читаете, и на местности ориентируетесь?

— В Первую мировую три года отслужил в звании рядового. Там и приобщился к военной науке. А ребятишки эти и лейтенант наш только-только постигать ее начали. Не успели толком привыкнуть, а фриц прет, не останавливаясь. Мы на фланге оказались, когда танки их пошли, поэтому была возможность затеряться в лесу. Но те, кто в центре залегли, погибли все. А планшет взводный мне дал нести, он мешал ему нас в атаку поднимать, все между ног путался... Так вот карта мне и пригодилась. Собрал я всех выживших, да и повел из окружения. С Божьей помощью к вам и вышли.

— Да при чем тут ваш Бог?! — особист начал терять терпение. — Как он вам помог, можете вы объяснить? Как вы преодолели линию фронта и остались живы? Там фашисты сплошняком накатились, а вы мне тут про божий промысел соловьем разливааетесь.

— Хотите верьте, хотите нет, но помощь была. Дайте карту, я вам наш путь покажу. Всю дорогу мы шли ночами, днем прятались в лесу, на полях в сугробы зарывались, — это для солдата дело привычное. Но потом, когда надо было линию фронта переходить, только чудо нас и спасло... Я понимал, что просто так обойти фрицев не получится... И тут мне что-то так захотелось воды напиться, а впереди река подо льдом. «Вот свезло...», — думаю с радостью. Снег жевать уже противно было. В общем, спустился, начал лед ковырять. Только воды под ним не оказалось. Вымерзла вся, поднялась льдом на поверхность, а между ним и дном — пустота. Тут я и смекнул, что мы сможем здесь незаметно проползти через линию фронта. Вот где это было! — он ткнул карандашом в карту.

— Сколько служу — такого сказочника в первый раз вижу! И в сугробах-то они прятались, и подо льдом ползли... Не страшно было под лед соваться? — капитан издевательски ухмылялся, не вынимая папиросы изо рта.

— Или под лед или — в расход! — солдат бросил карандаш на стол и сложил руки на коленях. Вдруг разом навалилась усталость последних дней, а только понимал он, что если не сможет убедить особиста в своей правоте, то по закону военного времени поставят их к стенке, и все зря. — Вижу, не верите вы мне... Разрешите доказать!

— Это как же?

— Пошлите со мной своих людей, я их нашим путем проведу... Только поесть дайте, сил нет назад идти.

— Допрос на сегодня окончен, отдыхайте. Ужин вам принесут, — капитан Яцкевич затушил сигарету, как точку поставил, и стремительно вышел.

Путь его был в блиндаж к командиру полка. Чем-то зацепил его этот немолодой уже солдат. Своим спокойствием, что ли? А может быть, уверенностью в том, что оберегает его высшая сила и не даст просто так пропасть. И ребятишек ведь вывел, не бросил там, где poleg взвод. Несправедливо будет, если придется под

трибунал их отдать. Надо, надо попробовать проверить его слова, тем более что все, как один, факт перехода линии фронта подо льдом подтверждают.

Пахнуло теплом землянки, табаком и запахом оружейной смазки. Командир полка майор Лепендин, сидя за деревянным столом, чистил пистолет, любовно оглядывая его со всех сторон.

— А, Яцкевич! Заходите, — майор молниеносно собрал оружие и спрятал в кобуру. — Чем порадуете?

— Разрешите без предисловий?

— Валяй.

— Иван Арсентьевич, позвольте отправить группу разведчиков по пути следования задержанных.

— Вы в своем уме, Яцкевич? А если они в окружение попадут? И вообще, ты уверен, что они говорят правду? — степень возмущения майора можно было отследить по интенсивности покраснения его ушей. Яцкевич эту особенность знал, но сейчас уши Лепендина лишь слегка порозовели, поэтому он рискнул развить свою мысль.

— Все говорят одно и то же. В показаниях не путаются. А пожилой, тот вообще спокоен, как Будда.

— Это его положительно характеризует. Впрочем, я замечал такую особенность, капитан: если в немецком подразделении жив хотя бы заваливающий ефрейтор — это еще боеспособная единица, но если в живых остались лишь солдаты — стадо! А у нас хоть весь комсостав перебьют, найдется лидер и среди рядовых.

— Ваша правда, Иван Арсентьевич!

— Знаешь, Яцкевич, а ведь за последние сутки линия фронта слегка отодвинулась на запад и наступление будет продолжаться — такая директива из Ставки пришла. — Майор погладил себя по лысой голове и задумчиво уставился в потолок. — Теперь путешествие по их следам выглядит не такой уж безнадегой. Я бы и «языка» не прочь выслушать, если уж пометчат как следует. После беседы с ним и наступать будет проще.

— Вас понял, товарищ майор! Кого будем отправлять?

— Думаю, что тут нужны молодые и прыткие, тем более что этот твой «Будда» неплохо ладит с молодежью.

— Значит, Олег Орлов и Николай Тарасов.

— Согласен. Завтра с утра пусть отправляются.

Особист как-то нервно зарядил рот очередной папирсой:

— Товарищ майор, а вот гляжу я на этого нашего, на Илью Алексеича... Интересны люди, рожденные до революции... Какие-то все выдержанные, спокойные. Правильные, я бы сказал... Неужели все дело в их такой крепкой вере в Бога?

Майор судорожно усмехнулся:

— Ты меня, сукин сын, провоцируешь? Или у тебя мозги поехали? Ты сознаешь, что несешь? Да нас с тобой за такие поповские разговорчики...

Особист смял так и не раскуренную папирсу:

— Ладно, сказал — и забыли!..

Лишь утро забрезжило, капитан Яцкевич велел Илье Алексеичу собираться. А чего там собирать-то: шинелишку свою нацепил да ушанку нахлобучил.

Откуда ни возьмись — двое в маскхалатах, совсем мальчишки еще: Олег да Николай. Но что-то в их глазах несколько его настораживало. Илья понял, что это было: за врага его принимали желторотики, но держались почтительно.

— Ты вот что, отец, одень маскхалат, не то все попадемся, — с полудетской строгостью заметил Николай, старший группы.

Илья начал молча одеваться, не зная, как с ними вести себя дальше. То ли вроде как сослуживцы, то ли конвоиры...

— А расскажите-ка, как вы шли до нас? — мягким баритоном, нараспев проговорил Олег — голубоглазый, большеротый солдатик: его алые губы сами собой складывались в обаятельную улыбку, так что невольно вызывал он расположение собеседника. У верхней губы чернела родинка, светлый чуб выглядывал из-под капюшона. Видать, не одна девчонка до войны по нем сохла.

Илья Алексеевич развернул карту и пальцем провел извилистую линию. Парни внимательно проследили его путь, посмотрели друг на друга. По глазам было понятно, что слова им не нужны. Видно, слаженность пришла к этому дуэту не за одно задание.

— Предлагаю план, — четко постановил русоволосый, сероглазый Николай. — Мы не только должны пройти вашим путем, Илья Алексеевич, но и «языка» притащить майору. Так что идти швидко нужно. Ты, отец, нас подо льдом проведи, все остальное сами исполним в аккурат. Понял?

— Ну чего ж тут непонятного, — Илья Матвеев влез в маскировочный костюм и теперь был вполне готов к марш-броску.

Троица дружно двинулась от сарая. Капитан Яцкевич, глядевший ей вслед с покосившегося крыльца с зажатой в зубах тлеющей папиросой, только хмыкнул: «Вот ведь черти, спелись уже». Он бросил сигарку в снег и потопал в блиндаж к командиру полка.

Илья Алексеевич шел впереди, за ним Николай, потом Олег. К вечеру достигли того места, где вчера отряд разведчиков обнаружил восьмерых вышедших из окружения бойцов. Новым снежком, конечно, припорошило оставленные ими следы, но память у агронома на местность была тренированная.

— Скоро будет лаз под лед, — Матвеев опустился на валежник. — Предлагаю перекусить, там негде будет, за рекой — фашисты.

— Согласны. — Николай пристроился рядом и достал сухпаек. Олег остался стоять как дозорный. Потом ребята поменялись местами.

— Там ползти метров пятьдесят надо, как раз до темноты, в сумерках управимся. А потом можно и ночлег приглядеть. Оврагов в этих местах много, можно лежку соорудить, — неспешно рассуждал Илья Алексеевич.

Парни не спорили, только переглядывались. Вскоре все трое оказались подо льдом. Фонариками не пользовались, чтобы не выдать себя. Так что пробирались в крошечной тьме.

На выходе из подледного лаза троицу ожидала ночь и высокое звездное небо, какое бывает только при нашей очень морозной погоде.

Слова Ильи Матвеева подтвердились, и парни заметно повеселели.

— Ну что, Алексеич, — Николай хлопнул агронома по плечу. — Считаю, проверка закончилась. Теперь ты в нашей команде свой мужик!

Илья крякнул смущенно, но вздох облегчения от парней не скрыл.

Потом, сидя в импровизированном шалаше из сосновых веток в приглянувшемся овраге, троица дружно строила планы захвата «языка».

— Алексеич, ты и Олег спите сейчас, потом я, а дальше будет видно, — твердо сказал Николай, как старший группы, не допуская возражений.

Ночь прошла спокойно, бойцы отдохнули по очереди. Илья Алексеевич, сославшись на стариковскую бессонницу, задолго до рассвета сменил Олега, который дежурил вторым. Так что молодежь сладко сопела, добирая последние минуты сна.

«Совсем зеленые...» — вздохнул Илья и вдруг со слезой вспомнил дом, жену Анисью, ребятшек: каково-то им там в эдакое лихолетье?»

Николай вдруг заворочался и резко приподнялся на руке. Увидев сидевшего на пороге шалаша Илью Алексеевича, ткнул Олега в бок. Тот проснулся, сел, не издав ни звука, и протер глаза.

Непроглядная мгла сменялась сумерками. Скоро рассвет. Следующие сутки предстояло провести без сна и выполнить задание майора.

Вскоре троица упорно продвигалась по направлению к ближайшей деревне, захваченной неприятелем.

Николай достал из мешка немецкую шапку. Олег последовал его примеру. В белых маскхалатах и немецких головных уборах они в полутьме вполне могли сойти за своих для фрицев.

— Извини, Алексеич, тебе нету, но ты у нас будешь обеспечивать отвлечение врага. Захват — наше с Олегом дело.

— Расскажи подробно, сынок, в чем моя задача будет.

— Ну, все подробности на месте, в зависимости от обстановки. А в общем, твоя задача — отвлечь фрицев, чтобы мы смогли уйти с «языком», и догнать нас потом, — постановил Николай.

К вечеру маленький отряд добрался до одной из немецких частей в деревне Малинки. Близко не подходили, ждали глубокой ночи, заодно приглядывались к расположению домов. Присмотрели одну хатенку на отшибе, от которой тянулись провода — значит, связисты. Обычно им многое известно.

Фрицы во дворе в одних форменных рубашках и галифе жарко рубили дрова. Их бодрые голоса далеко разносились по морозному воздуху. Наконец, похватав поленья, они бегом кинулись к избе. Видать, неплохо достал «гансов» наш морозец.

Время в ожидании глубокой ночи тянулось медленно. Когда ясные звезды засияли высоко над головой, широко раскидав созвездия, пришло время действовать.

Николай еще раз изложил план действий.

— Мы с Олегом идем в хату брать «языка». Ты, Алексеич, чуть поодаль ждешь, когда мы выйдем втроем. Если тихо уйти не получится и начнется стрельба, ты отвлекаешь фрицев гранатами или бьешь их из автомата. Но не забывай, что патронов мало. Когда мы скроемся за околицей в посадках, ты идешь по нашим следам. Мы тебя будем ждать у Красивой Мечи, но недолго, поскольку идти далеко, а «языка» доставить надо. И берегись собак, могут пустить по следу. Лучше сразу пристрелить.

Разведчики оставили Илью Алексеевича на выбранной точке. Через несколько шагов их уже было не отличить от снежного наста. Пожилой солдат, однако, не ослаблял внимания и бдительно смотрел за избой.

Вдруг из дверей показалась фигура немца, собравшегося прогуляться до ветра. Почти в ту же минуту его скрыла белая тень. Захват прошел беззвучно. Ребята отключили фрица и смело вошли в избу.

Внутри было тепло и пахло едой, на столе тускло горела керосинка. Еще два немца спали, укрывшись шинелями с лимонно-желтой окантовкой, как и полагалось связистам. На рукаве одной из них была обер-ефрейторская нашивка. Николай сделал знак, что брать надо его. Тут заворочался второй. Олег огрел его прикладом по голове и кинулся помогать Николаю. Тот как раз управлялся со вторым немцем, старшим связистом. Вдвоем они быстро связали ему руки за спиной и потащили к выходу. В дверях даже шапку нашу русскую ему нахлобучили, чтобы не замерз в пути.

Но, видно, запас удачи на этом кончился.

Снаружи раздался выстрел. Это пришедший в себя фриц поднял тревогу. Илья Алексеевич понял, что настал его выход. Для начала пристрелил виновника переполоха и бросил гранату по направлению к ближайшей избе, откуда уже появились сонные фрицы, палившие без разбору. Их было так много, что стало понятно — первоначальный план не сработал.

Николаю и Олегу пришлось закрыться в доме, откуда они пытались украсть «языка», и держать оборону. Долго ли смогли бы они отстреливаться, никому неизвестно.

Спасение пришло откуда не ждали. Оказалось, что наступление, к которому хотел подготовиться командир их полка с помощью сведений от пленного немца, началось гораздо раньше — предстояла крупная Елецкая операция, в ходе которой была окружена и уничтожена большая группировка противника.

Деревня Малинки была атакована частями Красной Армии в тот самый момент, когда разведчики отчаялись остаться в живых. Между прочим, Илья Алексеевич по такому случаю не преминул перекреститься и даже на бегу под пулями прочитывать несколько раз «Отче наш». Молился он как никогда усердно.

В общем, им оставалось не попасть своим под горячую руку. Но обошлось как нельзя лучше. Избенка фашистских связистов стояла на отшибе, и когда наши герои вывели уже двоих немцев под конвоем на улицу, все выглядело так, будто они действовали в авангарде наступления. Конечно, потом пришлось объясниться с командиром части, занявшей деревню. Однако разговор вышел вполне деловой. Через связистов разведчики узнали расположение своей части и вскоре стояли перед капитаном Яцкевичем.

Тот не преминул дотошно расспросить о происшествии всех троих участников событий. В итоге рассказ рядового Матвеева полностью подтвердился, и восьмерых красноармейцев, вышедших вместе с ним чудесным образом из окружения, зачислили в личный состав...

Еще четыре долгих года продолжалась война. Николай и Олег были убиты во время отчаянных боев под Харьковом. Илья Матвеев был тяжело ранен уже вскоре после описанных событий. Его, прожившего потом всю оставшуюся жизнь с осколком у сердца, демобилизовали, и он радовался победной весне сорок пятого уже вместе с женой и повзрослевшими детишками.

МОЛИТВА

В тот летний день 1967 года Арсений, молодой топограф Памирской геолого-разведочной экспедиции, спускался с тяжелым, дорогостоящим оборудованием по узкой горной тропе. За плечами топорщилась мензульная доска.

Впереди приближался очередной скальный выступ. И как ни надеялся Арсений на свою отработанную особую горную походку, доска зацепилась за уступ, а ботинки, которые было пора уже списывать, заскользили по поверхности.

Рабочий, шедший следом, потрясенно наблюдал, как их молодой специалист летит с сорокаметровой высоты. Та самая мензульная доска, которая спровоцировала падение, оказалась шансом на спасение. Парень приземлился на спину, которую защитила ее прочность. Однако дальнейшее стремительное падение по склону горы уже ничто не могло предотвратить. Арсений катился вниз, ударяясь об уступы...

Заикаясь, сотрудник доложил о случившемся начальнику экспедиции.

Трое товарищей, прибежавших на помощь Арсению, быстро поняли, что на носилках вниз к дороге его спустить не получится, слишком крутой склон. Осталось надеяться на смекалку и русское «авось». Инженерная мысль сработала и в критической ситуации. Поскольку Арсений был все еще без сознания, его привязали к спине товарища, сидевшего верхом на лошади, и так, поддерживая со спины, все спустились к шоссе. Долго пытались поймать попутку, но никто не останавливался. Драгоценное время утекало, парень не приходил в себя.

Начальник экспедиции понимал, что без помощи им одним Арсения не спасти. Рассчитывать на местных жителей не приходилось: они относились насторожен-

но к русским ребятам, делавшим съемку местности для последующей разработки месторождений полезных ископаемых. Чего они там ищут? Чего копаются?..

Тогда один из сотрудников подошел к молодому таджику из соседнего кишлака, который только что приехал на попутке.

— Послушайте, молодой человек! — взволнованно сказал он. — Там кто-то из ваших с обрыва сорвался... Совсем молодой. Еще помрет. Нужно в больницу, к доктору. А попутку остановить не удается.

Таджика как ветром сдуло. Через пять минут начальник экспедиции наблюдал, как из селения на трассу, перекрывая ее, потянулась вереница людей. Когда он всмотрелся, то стало ясно, что это идет весь кишлак, от мала до велика. Здесь были все, кто мог ходить.

Ясно, что долго ждать не пришлось. И уже скоро окровавленного Арсения погрузили в машину. В ней места было мало, поэтому таджики остановили еще и второй грузовик. Чуть ли не выкинули из него русских сотрудников и набились всем коллективом, сколько поместилось, в кузове. Так в полном составе и двинулись в райцентр.

Видавший виды русский хирург был явно удивлен такой многочисленной толпой сопровождавших пациента таджиков, ко всему еще и рассеявшихся вольготно в коридоре больницы.

— Готовим пострадавшего к операции! — объявил врач, пропуская каталку с Арсением. — Граждане, вы что, собираетесь тут всю ночь сидеть?

— Можно вас на минуточку, — подоспевший начальник экспедиции взял врача под локоть и увел в ординаторскую, — Понимаете, пришлось сказать, что он таджик, иначе мы не могли остановить попутку.

— Ну, вы и сейчас еще можете его потерять, поскольку на вид он серьезно пострадал. Поэтому мне пора на операцию, а вы поезжайте в лагерь. С таджиками сам разберусь. Посидят ночку, потом будут более сговорчивыми.

Операция, действительно, заняла много часов. Арсению повезло, что бригада врачей, дежуривших в тот день, была не просто хирургами, а нейрохирургами. Самые тяжелые повреждения оказались на голове, также многочисленные ушибы и рваные раны по всему телу, куда набились кусочки щебня и горной породы. Врачи извлекли все инородные тела и постарались исправить полученные повреждения. Теперь оставалось только ждать.

Врач, принимавший парня, тяжело опустился на скамейку и стащил маску и шапочку. На лбу блестели капли пота. Пальцы сводило от усталости. Операционная сестричка отшатнулась от двери из реанимации.

— Там все еще полный коридор таджиков... — прошептала она врачу.

— Вот черт, как же их сплавить-то?... Скажи им, что больница закрывается на карантин. У пострадавшего корь, и все, кто не успеет убежать до моего выхода, останутся здесь на двадцать один день.

Когда, наконец, хирург вышел из реанимации, коридор был пуст.

Как ни тяжелы были повреждения, через десять дней Арсения поставили на ноги.

Теперь он с утра до вечера слонялся по больнице, осваиваясь с вынужденным бездельем. Однако врач, делавший ему операцию, соглашался отпустить парня не раньше, чем через 21 день.

Лежа на больничной койке, Арсений вдруг вспомнил студенческие годы. Сыну крестьянина, участвовавшего в двух войнах, приходилось тогда нелегко. Да и не ему одному. Большинство их было из таких вот детей крестьянских. Только подходы к решению материальных проблем были разными. Один из его соседей, начитанный интеллигентный мальчик, предложил применить тактику экономии двигательной активности. И вместе с двумя последователями в конце месяца, когда

от стипендии оставались одни воспоминания, они ложились по кроватям и, практически не двигаясь, молчали. Насколько хватило бы такой экономии сил, сказать сложно, потому что Арсений не выдерживал и шел разгружать вагоны. На заработанные деньги покупались продукты, готовился шикарный по тем временам мясной обед, и студенты начинали жить веселее...

— Ать-два, левой, левой! — в коридоре общежития строй из африканских студентов, также учившихся в техникуме, с полотенцами на плечах шел не в ногу по направлению к душевой.

— Куда ты их тащишь? — в сердцах спрашивал Арсений местного хохмача и активиста Олега, почему-то пользовавшегося большим авторитетом у зарубежных студентов. Видимо, крепкие кулаки и широкие плечи вожатого немало способствовали этому.

— Видите ли, Арсений, — Олег взмахнул полотенцем, как волшебной палочкой, — наши младшие товарищи нуждаются в постоянном присмотре. Не могу же я позволить им погрязнуть во мраке и невежестве, нужно прививать правила здоровой гигиены.

— А почему строим?

— Ну, они не возражали. И вообще, так веселее. Вспомни свое пионерское детство. Песню запе-вай!

Нестройный хор на ломаном русском запел «У солдата выходной»...

Голодные, но веселые студенческие годы быстро пролетели. По распределению Арсений оказался на Памире. Варзобское ущелье недалеко от Душанбе поразило его воображение. Однажды Арсений стоял на верхней точке перевала, где в высоком, невыносимо голубом небе во всю сияло желтое солнце, а внизу, у подножия горы, их лагерь был полностью погружен в темноту. Пейзаж — словно из фантастического фильма о другой планете — завораживал. В то же время вся эта красота располагалась недалеко от Душанбе, и молодой специалист частенько обедал в городских кафе. Поначалу заказывал борщ и котлету на второе, но однажды разбитная повариха посоветовала попробовать шурпу. Арсений послушался и с той поры стал верным поклонником восточной кухни. Любил и в чайхану заглянуть, побаловаться вкусным зеленым чайком. Местные аксакалы сидели в тенечке, поглаживая длинные белые бороды, неспешно переговариваясь, и из расписных блюдечек тянули обжигающий напиток.

Рабочие будни протекали, однако, не так гладко. Трудно было привыкнуть к местной жаре, разреженной горной атмосфере и ослепляющему солнечному свету, когда небо становится практически белым от его раскаленного сияния. После работы шли купаться в речке Душанбинке. Русские рабочие-умельцы соорудили на ее берегах баню. Понятно, что для достижения там высокой температуры пара многого было не нужно, а вот чтобы остудить разгоряченный организм, приходилось обвязываться веревкой и прыгать в быстробегущую ледяную воду. Иначе справиться со стремительным течением было невозможно.

Неспешные мысли молодого человека были прерваны ворвавшейся в палату медсестрой Тамарочкой, явно симпатизировавшей ему.

— Сенечка, там таджика привезли. Из «твоего» кишлака. — Так же как и вся больница, Тамара была в курсе его чудесного спасения. — Жаждет встречи с тобой!

Арсений тотчас собрал вещи и постучал в ординаторскую. Хирург быстро понял, что к чему, и закрыл больничный.

В конторе, по обыкновению, сидели в очереди несколько человек. Арсений в таджикской тюбетейке, под которой скрывалась белая повязка, пристроился на табуретке в уголке. Дверь в бухгалтерию из-за жары была открыта, и оттуда доносился крайне интересный разговор.

— Такой молодой, и такая смерть! — блондинка с наманикюренными пальчиками с реактивной скоростью считала банкноты.

— Постой, он же был жив еще, когда его увезли.

— Ну, был, а потом умер. Ты бы его видела: весь в крови, и даже ботинки соскочили, пока с горы летел. Бедная его мать, там еще пятеро у нее. А отец недавно помер. Мы вот тут всей экспедицией денег им собрали, будем пересылать.

Тут уже Арсений не выдержал и поднялся со стула. Шагнул в открытую дверь.

— Жив я. Вот больничный.

— Врешь, не ты это! — фыркнула блондинка.

Арсений молча стянул тюбетейку. На белоснежных бинтах выступила кровь.

— Ой, у него сейчас швы разойдутся, оформляй его скорей, — запричитала инспектор отдела кадров.

— Идите, посидите на лавочке, в тени, я вас позову, — блондинка разочарованно вздохнула и цапнула красными коготками больничный из рук Арсения.

По дороге в больницу за вещами созрело решение.

— Ну что, Тamarочка, с тем таджиком?

— Да ничего особенного, в палате он, спит, наверное. Никакая операция не потребовалась. Желудок промыли, и все.

Арсений приоткрыл дверь и как можно деликатней просочился внутрь. Встал возле кровати, смущенно смяв тюбетейку.

— Заходи, чего встал, садись давай, — смешно коверкая русские слова, проговорил пожилой таджик.

— Что, очень больно? — смущенно спросил Арсений.

— Заживет, как на собаке, — махнул рукой аксакал.

— Чего пришел, говори давай.

— Ну, это, не таджик я. Обманули мы вас...

— Интересный ты человек! — вскрикнул старик. — Ты себя в зеркале видел, какой из тебя таджик? Мы об этом догадались тогда еще, когда тебя в машину грузили.

— А почему же потом сидели в больнице всю ночь возле моей палаты? Мне Тамара рассказывала.

— Молились мы за тебя, дурачок... — строго вздохнул аксакал. — По-своему молились. Хорошо молились. Вот ты и стоишь живой передо мной, хвала Аллаху!

Наталья Евгеньевна Харитоновна родилась в городе Красногвардейске Белгородской области. Окончила Московский институт инженеров железнодорожного транспорта. Работала инженером-технологом в локомотивном депо Лиски. Публиковалась в «Литературной газете», журнале «Подъём», региональных изданиях, альманахах. Автор поэтических книг «Спрятанный город», «На семи ветрах». Лауреат фестиваля поэтического творчества «Воронцовая Русь». Живет в городе Лиски.

Наталья Харитоновна

ПТИЦА ПЕЧАЛИ

ТОПОЛЬ

Вот тополь. Прочих не милее.
Покуда временем храним.
Я прохожу по той аллее
И переглядываюсь с ним.

Роса под вечер оседает.
С достоинством кивает он
И равнодушно наблюдает
Мой немудреный моцион.

— Опять прогулка? Топай, топай! —
Напутствует в который раз.
Он мой ровесник, этот тополь,
И память общая у нас.

Теперь уже не оглянуться
На ту, прошедшую весну.
Как хочется порой вернуться
В мою далекую страну! ...

Мне старый тополь машет веткой,
Макушку вперив в синеву...
И я на улице Советской
Невольной памятью живу.

ЧУДО

Эй, вы, в романтику влюбленные,
хотите видеть чудеса?
Пойдем со мной в луга зеленые,
пока еще лежит роса!

Вглядимся, как преображается
с минутой новой рассвет,
как в каждой капле отражается,
по сути, весь наш белый свет.

Мы — тоже это отражение.
Какое чудо, Боже мой! —
росинки — камеры слежения
за всей вселенною самой!

НОЯБРЬ

Свои слюдяные ворота
грядущей зиме отворя,
еще пребывает природа
под твердой рукой ноября.

Ну, как тут не встать на носочки,
чтоб солнышко было видней? —
Березы в соседнем лесочке
продрогнут до самых корней.

Продрогнут, однако, не дрогнут,
как воины в ратном строю.
И этим отчаянно тронут
притихшую душу мою.

Предтеча снегов и морозов,
осенний последыш скупой,
ты этим продрогшим березам
свою колыбельную спой!

* * *

В раздумье говорю вам, я не с теми,
кто памятью веков не дорожит.
Пойду в музей, ведь там хранится Время —
калачиком свернулось и лежит.

Оно глядит со старых фотоснимков
и с разворотов выцветших газет.
Но ни проклятий нет на нем, ни нимбов,
оно — такое, и другого нет.

Оно — история. Оно уже случилось.
Оно веков связующая нить.
А кто-то хочет, чтобы получилось
то обелить его, то очернить.

И в этой драке хороши все средства.
«Благих желаний» умысел зловец.
Хотя прекрасно всем известно с детства:
лишь только факт — упрямейшая вещь!

И подлость не слоняется без дела.
Былое судит глупая молва...
Я жизнь свою прожить бы не хотела,
как тот Иван, не помнящий родства.

ДВЕ ПТИЦЫ

Есть светлая птица печали
и темная птица тоски.
О чем же они прокричали
художнику средней руки?

Та первая птица пуглива.
Чем можно понравиться ей,
чтоб тихо и неторопливо
была б она гостьей твоей?

Та первая птица — отрада,
да только недолго гостит.
Второй приглашенья не надо.
Она и сама прилетит.

ИВА

*Михаил Алексеев
«Ивушка неплакучая»*

Люсе Ивановой

Какое счастье поутру проснуться
И ощутить, что я еще жива,
И снова дню блаженно улыбнуться,
Который только что вступил в свои права.

Задумалась у моего балкона ива,
К земле печально ветви наклона.
Она беззлобно и неторопливо
Свою тоску наводит на меня.

Я размышлять не буду туча-тучей
Про краткость и неповторимость бытия.
Ты, ива, будешь ивушкой плакучей.
А неплакучей ивой буду я.

БЕРЕЗА

Где рощи осенним пожаром горят,
снимает береза зеленый наряд.
И, душу березы сжимая в тиски,
несутся по ветру резные листки.

В осенней печали сама не своя
тоскует береза, подружка моя.
Я эту печаль у тебя отниму
и крепко, береза, тебя обниму.

Рассеются тучки в дали голубой.
Да мне ли, береза, равняться с тобой?
Распустишься снова ты ранней весной,
а я и не знаю, что будет со мной.

* * *

То ль веселая метелица,
то ли хмурая метель...
То ли смертно ложе стелется,
то ли сладкая постель...

А морщин тугие полосы
помнят лучшие года,
но снежок, что лег на волосы,
не растает никогда.

И, послушны назиданиям,
заполошные умы,
предадимся мы страданиям
и стараниям зимы...

* * *

Я всего превыше ставлю
Жить по правде на миру.
А нет-нет — да и слукавлю,
А, бывает, и совру.

Глянуть (только и осталось!)
На прожитые года:
Вроде честно жить пыталась —
Получалось не всегда.

И порой в жестоких сворах
Слова молвить не могла,
А в ненужных разговорах
Слишком глотку я драла.

И несдержанной бывала,
И прощала нелегко,
И, увы, до идеала
Мне, конечно, далеко.

Коль взгрустну — брожу по лесу.
А в предчувствии беды
Ни в товарищи не лезу,
Ни в калашные ряды.

Но, доверившись итогу,
Буду петь благую весть
И надеяться, что Богу
Пригожусь, какая есть.

Светлана Евгеньевна Вечорко родилась в поселке Новодонецк Донецкой области УССР. Окончила Иркутский государственный педагогический институт. Работала пионервожатой, учителем, проходила службу в органах уголовно-исполнительной системы. В 2012 году переехала с семьей в г. Лиски. С 2013 года — редактор и составитель краеведческого альманаха «Петровская слобода», а также других музейных изданий. В настоящее время — научный сотрудник Лискинского историко-краеведческого музея.

Светлана Вечорко

БЕЗ ВАРИАНТОВ

Рассказ

По укатанной зимней дороге мчится тройка, весело звенят бубенцы, гривы лошадей украшены разноцветными лентами. Дух захватывает у Людмилы от летящего навстречу потока воздуха и еще от счастья, которое в образе Анатолия сидит сейчас рядом в санях. Свадьба... Сколько раз мечтала она об этом счастливом дне. Как по-разному представляла его себе на свадьбах подруг. К концу последнего курса учебы в институте однокурсницы Людмилы заспешили замуж. Свадьбы гуляли чуть ли не каждую неделю на разные лады: в красных уголках предприятий, в столовых, в ресторанах. В зависимости от расстояний до ЗАГСа молодые добирались как получится. Случалось и пешком дойти, но чаще всего, конечно, ехали на украшенных лентами и воздушными шарами машинах, с нарядными куклами-невестами на капотах. А вот такой свадьбы, как у Людмилы, — на тройке шикарных гнедых лошадей молодые мчатся к своему счастью, в лучших русских традициях, — ни у кого не было. Идея с тройкой возникла случайно: шутя, предложил сват со стороны жениха, а молодые и уговаривать долго не пришлось. Романтика ведь какая! Здорово!

— Будет у нас с тобой, Людок, самая шикарная свадьба. Еще все завидовать станут и повторять. Вот увидишь. Верь мне, — убеждал Анатолий.

И Людмила, раскрасневшаяся от счастья и закруживших мечтаний, верила.

Шло время. После появления первенца Людмила с пониманием отнеслась к переменам в поведении мужа — отцы часто проявляют интерес к детям, когда те уже ходить начнут и говорить связно. Людмила верила в увещевания свекрови, ждала, а в ожиданиях счастливого момента проникновения любви к сыну-первенцу со стороны мужа появилось еще одно ожидание — рождения второго сына. Собственно, Людмила тогда еще не знала, что это будет сын, она очень хотела доченьку — помощницу, но пока просто ждала. Когда появился в их с Анатолием семье уже второй сыночек, первенец и по двору шагал ножками, уцепившись за ее юбку, и к папке тянул ручонки, пытаюсь что-то ему поведать на своем агушечном языке, но Анатолий не задерживался возле сына. В лучшем случае брал на руки, чтобы тут же опустить на землю:

— Ну, чего ты тут мне по-птичььи бормочешь? Иди, сыночек, к мамке. Устал я.

Вскоре уже оба сыночка ходили с ясли-садик, а родители их работали. За домашними хлопотами о детях, о муже, о хозяйстве своем немало — в деревне ведь живут — Людмила и не заметила, когда именно Анатолий начал приходить с работы нетрезвым. Только случаи эти становились все чаще. Все меньше помогал он ей справляться с домашним хозяйством: вечером принятое на грудь давило его к постели, а утром хвороба со вчерашнего не добавляла сил и портила настроение. Сначала Людмила пеняла мужу, пробовала стыдить, когда корова осталась в зиму без сена. Все напрасно: чем больше она возмущалась, тем агрессивнее муж становился. Скандалить Людмила не умела и не хотела, поэтому однажды собралась с ребятишками и поехала к маме в другое село. Анатолий приехал следом уже через день, трезвый. Всю обратную дорогу домой он рассказывал Людмиле о своих планах:

— Людок, пить больше не буду. Бригадир обещал машину новую, тогда и зарплата повыше — на этой-то план не сделаешь. За корову не переживай, привезу я сено. И печку поправим. И забор новый выправлю, у меня же вон какие помощники. Правда, мужики? — Мужики разморенно сопели, уткнувшись в окошко автобуса. — И машинку я тебе, как обещал, привезу из города. Вот с получки и возьмем. Ты только мне верь, Людок. Мы еще и дочку с тобой вырастим.

Людмила мечтала, поглядывая на девочек, которых утром приводили в детский сад в нарядных платьицах, с огромными бантами на голове. Но родился опять мальчик.

— Мужички вы мои, помощники, — не унывала Людмила. — Хоть бы вы скорее подрастали. Забор вот так и стоит непочиненный. Все-то папке вашему некогда.

Не унывала она рядом с детками и в обществе подруг по работе, а когда оставалась одна, не раз вздыхала горько. Все чаще, уложив вечером детей спать и слушая всхрапывания пьяного мужа, с сожалением думала о прошлом. Она ведь Анатолия своего приняла как знак судьбы, потому что был уже в ее жизни Анатолий Первый. С ним Людмилу в пору студенческой жизни на съемной квартире познакомила хозяйка этой самой квартиры. Девушка старой женщине приглянулась сразу: спокойная, сговорчивая, в работе безотказная. А при этом еще и высокая, статная, да симпатичная без всяких там красок. Бывало, старушка занеможет, Людмила тут как тут — и обед сготовит, и бинты на больных ногах хо-

зайки своей поменяет. Вот баба Валя и решила, что пришла пора определяться племяннику ее — студенту сельскохозяйственного института. «Он скоро окончит институт, она следом через годик. Пока присмотрятся, подружатся, а там как раз и сложится все», — логично рассуждая, баба Валя пригласила племянника Анатолия однажды на чай, якобы случайно встретив. И он случайно захватил с собой коробку конфет и палочку любимой тетушкиной колбаски.

Людмила Анатолию понравилась сразу: ясный взгляд больших серых глаз отражает глубины бесхитростной души, в каждом движении девическая плавность и такая обаятельная застенчивость. Баба Валя понятливостью не отличалась. Она решила строго держать ситуацию под своим контролем. Поэтому, когда Анатолий предложил Людмиле прогуляться, она согласилась с готовностью. Перед сном на вопрос хозяйки: «Ну как тебе Анатолий?» ответила коротко: «Нормально. Только скромный какой-то чересчур». «Смелые-то вам, конечно, больше нравятся. Небойсь, и с руками смелыми. А он парень серьезный, живет разумно. Учиться пошел только после армии, да и подрабатывает. Из матери копейку-то не тянет», — недовольно проворчала баба Валя и отвернулась к стенке. Людмила сначала хотела возразить, но потом решила, что разумнее промолчать, быстрее можно будет уснуть.

Анатолий действительно оказался серьезным: учиться в институте старался не просто без хвостов, а хорошо; посменно подрабатывал грузчиком сразу в двух местах; не просто помогал маме, но старался и себе копейку заработать. Все это в глазах Людмилы делало Анатолия положительным героем, но не более того. Он появлялся всякий раз при первой возможности — всегда не с пустыми руками, часто с букетиком цветов. Только вот самые оживленные разговоры у них велись как раз в присутствии бабы Вали. По дороге из кинотеатра, равно как и за все время поедания мороженого в кафе, кавалер бывал крайне немногословным. Людмилу Анатолий не впечатлял и не раздражал, просто она знала, что он есть, он ничего не навязывает, а ей буквально смотрит в рот, и всегда только «Людочка».

Подруги-однокурсницы, жившие по соседству, успокаивали: «Люд, ну чего ты нервничаешь? Посмотри, у твоего Анатолия практически нет недостатков. Внимательный, заботливый, деньги вон на свадьбу копит, а то, что молчаливый — ерунда, меньше вранья услышишь». — «И не красавец он», — сопротивлялась Людмила. «Ой, Люда, сколько я тебе рассказывала! Вон у сестры моей был красавец-муженек. И что?! Девки вокруг него так и вились, да и он с ними кружился, кружился, пока совсем не свинтил. А теперь она живет с обыкновенненьким, зато он все в дом, и она для него королевишна. Про красавца и думать забыла», — не отступала подруга, под напором которой Людмила сдавалась: «Может, ты и права». Анатолий и в самом деле уже не раз заводил разговор о совместном будущем. И Людмила мысленно не раз соглашалась на это будущее, взвешивая «за» и «против». От этих «взвешиваний» однозначно портилось настроение, Людочка становилась злобной Людкой, Анатолий в таких случаях предпочитал ретироваться. Не хотело сердце Людмилы договариваться с разумом, оно мечтало, ждало чего-то особенного, радостного, пьянящего... И дождалось.

Игорь появился в ее жизни совсем неожиданно и весело — однажды помог ей выбраться из сугроба, в который сам же и столкнулся второпях Людмилу на узкой тропинке. Сначала она рассердилась, когда сильные

руки поставили ее на ноги. Потом по-детски запрокинула голову, чтобы рассмотреть обидчика. И от того, что ей пришлось делать это при ее-то росте баскетболистки, сделалось весело. Так и смеялись по любому поводу при ежедневных вечерних встречах, которые Людмила начинала ждать уже при расставании. В ожидании этих встреч она парила над землей, делая все легко и быстро. Единственным, кто теперь мог омрачить ее жизнь, был Анатолий. Однажды, увидев его на пороге, Людмила пришла в изумление: она совсем забыла о его существовании. «Боже мой, через полчаса меня будет ждать Игорь. При чем здесь Анатолий?!» — пронеслось у нее в голове, и Людмила состроила такую гримасу, что Анатолий не мог не поинтересоваться заботливо: «Людочка, ты не заболела?» Заболела, она так сильно заболела, что даже пропустила сегодня занятия в институте. Нет-нет, ей ничего не надо. Все лекарства есть — соседка-однокурсница позаботилась. Самое лучшее сейчас — оставить ее в покое. А уже через десять минут после ухода Анатолия Людмила бабочкой спорхнула со второго этажа и очутилась в руках Игоря. Стоявшего поодаль Анатолия, все еще не решившегося уйти от так сильно заболевшей Людочки и раздумывающего, не вернуться ли, чтобы быть рядом хоть и на коврике у дверей, любимая девушка даже не заметила. Несмотря на все случившееся, Анатолий предпринял еще одну попытку, твердо решив поговорить с Людочкой серьезно. Пригубив все же в компании с ним и бабой Валею вина, Людмила сослалась на необходимость срочной контрольной работы. А рассказ Анатолия о предстоящем отъезде по распределению заинтересовал только бабу Валю.

Девчонки-соседки искренне разделяли Людмилину радость, но относительно ее нового кавалера очень любопытничали. И она не заставила их долго ждать: пригласила как-то на чай всю компанию, воспользовавшись отсутствием бабы Вали. Игорь девчонкам понравился сразу — высокий, интересный, балагур. Да и он так разошелся, что пригласил подруг к себе на ответный чай с вишневым вареньем. Людмила была безгранично счастлива в этом чаду суматохи и смеха, не заметив слишком внимательных взглядов, которыми обменивался Игорь с одной из ее подруг. Так что на обратном пути уже двое пребывали в мечтах: счастливая Людмила, болтая всю дорогу, а только что появившаяся у нее соперница — молча. С этого вечера во встречах Людмилы с Игорем стали случаться непредвиденные пробелы. Прояснилось все неожиданно и просто. Увидев издалика Игоря входящим в их подъезд, Людмила специально задержалась — и медленно тихонечко шагая по ступенькам, уже готовилась посмеяться, шутливо испугав своего любимого, но, дойдя до второго этажа, растерялась — никого нет. Надеясь, что гостя впустила баба Валя, Люда толкнула дверь, потом нажала на звонок, в конце концов, она достала ключ и открыла дверь: в однокомнатной квартире было темно и тихо. И тут Людмилу осенило: Игорь ведь такой шутник, ну, конечно, он стоит на верхней площадке и наблюдает за ней. Людмила бросила сумку в квартиру и помчалась по ступенькам вверх, заранее думая: «Сейчас я тебе задам». Да так и застыла с улыбкой, очутившись на пятом этаже. Игоря нигде не было. Медленно спускаясь по ступенькам, Людмила ругала себя: «Глупая я. Игорь мне уже везде мерещится. Надо же так обознаться». И вдруг она замерла у последнего пролета между вторым и третьим этажом, ясно услышав голос Игоря у открытой соседской двери: «Я выйду первым». Людмила вся превратилась в слух, но больше ничего не услышала. Когда его шаги стихли внизу, она уже готова была сорваться, выбежать следом

и окликнуть Игоря, но в это время из соседней квартиры мышкой выскочила одна из подруг. Людмила отпрянула к стене, боясь, что ее заметят, но, посмотрев через окно подъезда на две фигуры, удаляющиеся в обнимку, поняла, что им сейчас не до нее. В этот вечер Людмила впервые пожалела о том, что бабы Вали нет дома — не на кого переключить свое внимание, а думать постоянно об одном и том же невыносимо. Прокрутившись на постели до двух часов ночи, нашла снотворное бабы Вали и выпила таблетку: «Назло им не сойду с ума».

На следующий день явилась разлучница: «Ты прости. Он сам тебе сказать никак не может. Меня просил. Мы с ним теперь». — «Бог вам судья», — сказала и дверь закрыла. Проклинать не проклинала: мать с детства учила, что на чужом несчастье счастья не построишь, но обиду вынашивала долго. На праздники съездила домой — маме помогла по хозяйству, племянника у сестры понянчила — так и отогрелась душой. А когда поцелуи Игоря на губах уж совсем забылись, огляделась по сторонам — весна: цветы, улыбки, парочки влюбленных повсюду. Вспомнив, что давно не была в кинотеатре, поинтересовалась, будто невзначай, у бабы Вали: «Что-то племянник вас забыл. Не уехал еще Анатолий?» — «Уж и письмо было матери от него. Кланялся. Все у него хорошо. Устроился там», — баба Валя посмотрела с укором. — Людка, ты Людка, такой у тебя был вариант!... У Людмилы обидно заныло под ложечкой: осталась с носом, даже вот у Анатолия и без нее все хорошо. Посылала ему поздравление с днем рождения, кроме вежливого «спасибо», ничего в ответ не дождалась.

Жизнь с Анатолием Вторым — мужем — поначалу Людмилу закружила в вихре счастливых семейных хлопот, она забыла даже думать обо всех других мужчинах. Но с годами воспоминания ее возвращались все чаще. Об Игоре она почти не вспоминала. Знала, что жизнь у них с ее бывшей соседкой не задалась. Зла давно уже не было, только подумала: «Значит, Бог меня отвел». А вот Анатолия Первого нет-нет да и вспоминала: муж-то цветами не баловал. С ним все чаще и поговорить-то было не о чем или некогда.

Однажды муж после работы на ее молчаливый упрек сообщил: «Да, задержался, выполнял указание начальства: доставил со станции нового агронома, вместе со всей его семьей и пожитками». Людмила не очень прислушивалась к дальнейшим объяснениям мужа, но последняя фраза ее насторожила: «Он тезка мой. Анатолием зовут. За это тоже выпили».

Будто проглотила кусочек сосульки: «под ложечкой» царапнуло и вмиг похолодело. «Да нет, не может быть. Что же агроном за тысячи километров поедет к нам, ближе-то не нашли что ли? Да и «выпили» — не похоже», — размышляла Людмила. Вроде и не хотела думать, а мысли сами просились, неслись, одна другую опережая. «Людок, ты часом не уснула? Молоко льешь мимо банки», — муж вернул Людмилу к действительности. Охнув, схватилась за тряпку, заторопилась, а тут еще сынок: «Мам, там Настька в коляске хныкает, я ее катал-катал, надоело мне». Людмила, забыв обо всем, метнулась во двор: наконец-то она дождалась своего счастья — доченька у нее! И мать, и подруга самая близкая ругали, узнав о ее очередной беременности: «А вдруг опять парень! До футбольной команды, что ли, хочешь догнать?» Да и соседки за спиной шушукались. Но Людмила держала нападения стойко и уверенно: «Девочка будет. Чувствую я». — «Одним ртом больше, одним меньше — не велика разница, не вам кормить», — парировала самой говорливой в сельпо, чтобы другим неповадно было.

К встрече с Анатолием Первым специально не готовилась, не успела. Уже на следующий день после мужниного сообщения они встретились у магазина. Людмила поднимала из коляски Настеньку, когда услышала произнесенное с запинкой: «Здрасьте, Людочка!» От неожиданности испугалась и удивилась: «Здравствуй, Анатолий!» Видимо, чтобы не так шататься, он переминался с ноги на ногу, стараясь соблюдать дистанцию, хотя запах спиртного и на таком расстоянии неприятно поразил его собеседницу. Костюм, рубашка. Но все это несвежее, помятое; на голове нелепая шляпа; двухдневная щетина и торчащая из кармана бутылка портвейна дополняли образ человека, жизнь за спиной которого как за стеной грезилась Людмиле в минуты отчаяния. Поймав слишком красноречивый взгляд Людмилы, Анатолий, будто извиняясь, сказал: «Да нормально. Мы же только переехали. Сейчас устроимся и заживем». — «Этот ты все переезд обмываешь?» — спросила Людмила и в ту же минуту пожалела об этом. Анатолий явно собрался идти в наступление, шагнув к Людмиле поближе, но в этот момент заплакала Настенька, ерзавшая у матери на руках и всячески кривившая свои пухленькие губки. И Людмила заторопилась: «Извини, дочка капризничает. Еще обязательно поговорим». В магазине никак не могла сосредоточиться. Казалось, что образовавшаяся внутри пустота проникла и в мысли. У Насти тоже окончательно испортилось настроение, и всю обратную дорогу до дома она прохныкала.

Муж вечером пришел на удивление трезвый, но злой. К тяжелому похмельному состоянию добавилась поломка машины, а значит, и вся его жизнь — одна большая драма. Ни Людмила, ни дети его в таком состоянии не трогали: именно в такие дни муж Анатолий становился самым рачительным хозяином и испытывал повышенную тягу к воспитанию сыновей.

Ложась рядом с выпустившим пары и безмятежно спящим мужем, Людмила смахнула ладошкой покотившиеся по щекам слезинки: нет, не было у нее вариантов.

Михаил Никанорович Просянников (1924—1999) родился в селе Репенка Алексеевского района Белгородской области. Педагог по образованию. Участник Великой Отечественной войны. Долгие годы жил и работал в поселке Давыдовка Лискинского района, преподавал русский язык и литературу, вел творческий кружок. Автор нескольких стихотворных книг, которые были изданы благодаря его коллегам и землякам.

Михаил Просянников

ХВОРОСТАНЬ

* * *

После долгой зимней стужи
Стало небо голубей.
Солнце прыгает по лужам,
Как веселый воробей.

Раскаленной рукавицей
Подгоняет ручейки,
И резвится, и искрится,
И дробится на куски.

И горит неумоимо,
Целый день трудиться — всласть,
И дотла сжигает зиму,
Забирая в руки власть.

СТОРОЖЕВОЕ

Нет, не убитое, живое
Стоит село Сторожевое,
И, чем-то, может быть, оно
Похоже на Бородино.
Наверно схожи меж собою
Они высокою судьбою,
Своей историей живой
И на Дону, и под Москвой.
Его коричневая сила
Не растоптала, не скосила,
Хоть от красивого села
Осталась лишь одна зола.
Земля уставшая шаталась,
Людскую кровью пропиталась,

И молча корчилось от боли
Войной истерзанное поле.
Переломила сила силу —
Здесь подлый враг нашел могилу...
У берегов донских живое
Стоит село Сторожевое.
Стоит красивее, чем прежде,
Стоит в покое и надежде,
Что больше ни одна орда
С войной не явится сюда.

* * *

А было нам на той войне
По девятнадцатой весне,
И генерала в сорок лет
Мы меж собою звали «дед».

Сейчас, когда за шестьдесят,
Порой оглянешься назад.
Поймешь, как были те «деды»
Еще крепки и молоды.

АВГУСТ

Я долго не писал о лете,
Чего-то ждал. Не потому ль
Вдруг с сожалением заметил,
Как мне махнул рукой июль.

Ушел июль, жары макушка,
И канул в Лету навсегда.
И успокоилась кукушка,
Что мне пророчила года.

А август — это уж не лето,
У августа — свое лицо.
Сказать по-честному, так это
Скорее осени крыльцо.

А в закоулках, за дворами,
Готовый действовать уже,
С своими щедрыми дарами
Стоит сентябрь настороже.

ПЛОТИНА

Хворостань, как хворостина,
Гнется по лугу везде.
В пойме новая плотина
Перекрыла путь к воде.

Там и море и не море.
Бык идет на водопой,
Там доярки руки моют,
Став на камушек стопой.
Убедившись хорошенько,
Что не боязно ничуть,
Входят в воду — кто по шейку,
Кто по пояс, кто по грудь.
Поглядят друг дружке в очи,
Захохочут иногда:
«Ой, ты, мама, как щекочет
Родниковая вода!».
Натерев бока бидонам,
Хворостань в моем краю
Мчится дальше с тихим Доном,
Льет в Азов свою струю.

* * *

Когда подходит жизни финиш,
Ты взглядом весь свой путь окинешь
От первых до последних дней.
И станет сразу все видней:

Твои ошибки и просчеты,
Ты разберешься, что и кто ты.
И сколько горького стыда
За них почувствуешь тогда.

И так захочется тебе
Наперекор своей судьбе
Еще бы хоть разок пройти
Опять по этому пути.

Чтоб жизнь, к которой ты привык,
Считалась бы за черновик,
Чтоб вновь ее переписать,
Чтоб в ней была и тишь, и гладь.

Но с торжествующей улыбкой
Не прошагаешь налегке.
Ведь очень грубые ошибки
Бывают и в беловике.

Александр Владимирович Аникеев родился в 1953 году в городе Лиски Воронежской области. Окончил Воронежский государственный университет. Работал учителем, заместителем директора школы, инструктором райкома партии, заместителем заведующего райотделом культуры. С 2001 года до недавнего времени — директор Лискинского историко-краеведческого музея. Художник, автор 15 персональных выставок, иллюстратор многих книг, издаваемых в Воронеже и Москве. Увлекается литературным творчеством. Заслуженный работник культуры РФ. Живет в городе Лиски.

Александр Аникеев

«МОЯ ПАМЯТЬ ПЛЫВЕТ ПО ХОЛМАМ»

Путешествие по родному городу

ЗОДЧИЙ

Два долгих года путешествовали по столичным чиновничьим кабинетам бумаги-представления из Лисок, чтобы вернуться сюда строчками Указа Президента В. Путина: «За заслуги в области культуры и многолетнюю плодотворную работу присвоить звание «Заслуженный работник культуры Российской Федерации» АНИКЕЕВУ Александру Владимировичу — директору муниципального учреждения культуры «Лискинский историко-краеведческий музей».

Говорят, Петр I, чтобы привлечь народ в только что открытую им Кунсткамеру, запретил взимать плату за просмотр ее экспонатов. Наоборот, каждому входящему повелел наливать чашку диковинного в ту пору кофе или добрую чарку русской водки.

У Александра Аникеева в Лискинском историко-краеведческом музее тоже есть своя Кунсткамера — собрание редчайших раритетов из истории придонского края. Но на бюджетные гривенники он не то что чарку — стакан минералки для гостей не всегда найти может. Впрочем, «зазывалки» мудрого российского самодержца Аникееву и негодились. За годы существования музея его создатель, художник и директор в одном лице вместе со своим кол-

лективом превратил свое детище в один из самых значимых духовных центров области. В томах музейных книг-отзывов можно изучать не только глубину эмоционального воздействия на всякого, побывавшего здесь, но и географию регионов, ближнего и даже дальнего зарубежья.

«Мы рады, что в нашем городе появилось место, где можно возвыситься духовно». Калинина, Клебанова, Шведов. *«Порыв воспоминаний ворвался в наши души и пробудил желание бездушные разрушить».* Семья Муравьевых, Мурманск. *«Я рад возможности посмотреть этот удивительный музей...»* Брендон Джексон из Америки. *«Время, проведенное в музее, стало переломным этапом всей моей жизни. Дай Бог через годы побывать здесь вновь».* Мих. Асмыслов, Набережные Челны. *«Я из Новосибирска. Удивлена и потрясена такой красотой. Музей вашего маленького городка значительнее и величественнее многих музеев больших городов».* Г. Илюшина. *«Впечатляет духовное начало всех экспозиций. Это нечто потрясающее. Здесь ощущается особое душевное спокойствие».* А. Абакумова, Нефтеюганск. *«Удивлен прекрасным и содержательным музеем российской глубинки. Спасибо всем, кто создавал эту красоту».* Р. Кожеванов, Башкирия.

Люди, не знающие друг друга, не сговариваясь, повторили слова, возвращенные из одного корня — «дух», «душа». И нет в этом ни мистики, ни случайности. В залах Лискинского музея задолго до их открытия действительно поселилась неповторимая духовная атмосфера, потому что его создатели работали здесь с величайшим душевным настроем и порывом.

Духовность — существо незримое, но влекущее и врачующее. Ее нельзя сменить, как меняют веру, убеждения, друзей, музейные экспозиции. Духовность — это оберег от скоропалительной измены и изменчивости. Ею можно лишь проникнуться и унести с собою. Частичкой гордости за малую свою родину, несуетным размышлени-

ем о своем месте в ее истории, желанием быть причастным к ней. В штате Лискинского музея есть хранитель фондов, но не предусмотрена должность хранителя духовности. Возвращают, хранят и раздают ее людям шесть научных сотрудников с небольшими окладами да директор. «Не хлебом единым...» — это о них.

С далеким от меркантильности Аникеевым удалось как-то прикинуть: месячная зарплата всего его коллектива в сумме не тянет даже на жалованье одного банковского служащего или административного клерка. Выходит, что хранение духа и культуры народа, ограждение общества от деградации и духовного вымирания менее важно, чем хранение банкнот и выдача кредитов? Музеи и архивы больших городов, учув спрос на духовность, превратили ее в товар и выставили на рыночную потребу. Хочешь воспитать не скинхеда, а будущего Федора Ушакова — купи крупицу истории Икорецкой верфи: лист ее схемы — 500 рублей, страница архивного документа — 800. Нужна фотокопия петровской карты? Нет проблем: один кадр — 1200 «деревянных». И Аникеев ищет те самые 1200 и шлет гонцов к предприимчивым коллегам из Москвы, Санкт-Петербурга, Подольска, Ростова. И покупает для своего музея схемы, карты, фототаблицы. И ищет по ним у заросших берегов Дона место Икорецкой верфи, чтобы воспитывать у ее легендарных стапелей и доков будущих адмиралов Ушаковых, Сенявиных, Чурсиных. А поскольку и сама историческая верфь новой России как бы ни к чему, то искали ее не специалисты и ученые академики, а энтузиасты, сподвижники Аникеева — морской офицер Ю. Лисовский, историк-археолог А. Беззубцев, священник отец Дионисий, полковник-афганец В. Кулаков, учитель истории Н. Жапарина, краевед И. Афанасьев, старый моряк В. Левшунов...

В книге отзывов Лискинского музея есть и такая запись: *«Спасибо за профессионализм, за душу, за теплый прием. Вызвало удивление недостаточное фи-*

Лискинский историко-краеведческий музей

нансирование музея. Не верится, что все в нем — это энтузиазм сотрудников, «зажигаящий» посетителей. Это праздник для души русского человека. Храни вас, Господь! Дякую!» Харьков, Украина.

Если наш соотечественник из неслышной теперь Украины нашел в провинциальном музее «праздник для души русского человека», каким же извинительным и благодарным поклоном нужно бы поклониться нам перед всеми российскими аникеевыми, которые приводят наши души к таким праздникам?! К слову сказать, в давнем разговоре о провинциальном подвижничестве мой коллега из столичной газеты с горькой иронией неголодавшего праведника заметил как-то: «За 10 тысяч рублей любой москвич разве что афишу на столбе наклеить пожелает...» В ту пору я еще не знал Аникеева и ответил коллеге неуверенно и стандартно: «Но так живет вся интеллигенция российской глубинки — врачи, учителя, работники культуры и науки. И не только афиши клеят, но строят храмы человеческих душ и эти души врачуют». Теперь я мог бы и показать коллеге, как это делается. На примере того же Аникеева.

Чтобы сотворить «праздник души для русского человека», вначале было слово. За музей. И молвил его Алек-

сандр сначала робко, а потом и во весь голос. «Робко» — это там, в начале 80-х, в Тресоруковской средней школе, где выпускник истфака ВГУ Аникеев 10 лет преподавал историю. В созданном им школьном кружке археологии все и зарождалось. Там же начали накапливаться и экспонаты будущих музейных экспозиций. Своей идеей о музее в Лисках Аникеев поделился с Александром Сысоевым — тогдашним первым секретарем Лискинского райкома КПСС. Александра Митрофановича уговаривать долго не пришлось. «Ищи место и подрядчика — остальное за мной», — таким было резюме того разговора.

Место Аникеев присмотрел давно — парк в центре города, где амбициозно-вызывающе обустроилось «отродье капитализма», кафе-забегаловка, к тому времени лишившееся хозяина и бездействовавшее. Это было начало «лихих» 90-х. Время, когда одни «прихватизировали» все некогда народное и за счет ближнего своего созидали свое утробное благополучие. Другое, действуя по принципу «ломать — не строить», душа не болит», рушили Союз, мораль, систему, идеалы. В год, когда «демократические» танковые пушки в Москве расстреливали российскую историю у Дома Советов, в парке на площади Революции в Лисках вдруг мирно застучали на но-

востройке музея плотницкие топоры. И был тот стук как вызов безумному времени и диким залпам сумасшедших пушек. И бросил тот вызов художник с душою и сутью поэта Александр Аникеев, самым временем определенный на должность еще не существующего музея.

Аникеев идеалы не менял, но моралью ради святого поступился первый раз в жизни: с традиционной русской «жидкой валютой», булькающей в бутылке, пригнал к кафе подвернувшийся бульдозер и стал крушить забегаловку, расчищая место для будущего храма народной истории и своей мечты. Пока искал колышки для разметки, бульдозерист, управившись с «экспроприацией», а заодно и с «жидкой валютой», уснул со своим стальным конем прямо в центре будущего музея — на руинах поверженного капитализма. Колышки будущей стройки директору музея пришлось вбивать прямо меж гусениц того бульдозера. А вскоре на это место стали переносить заброшенное деревянное здание станционной школы № 12 постройки 1885 года — одно из первых гражданских сооружений города.

Скоро сказка сказывается... Музей-сказка строился нескоро. Мешали хроническое безденежье, подоспевший неко времени «кириенковский» дефолт. Спасал положение глава района Виктор Шевцов, объявив музей народной стройкой. Более 400 планерок со строителями и подрядчиками провел он за те пять лет, убеждая строителей не чехлить топоры до срока. «Убежденные», вздыхая, строили в долг, веря слову главы района.

Ну, а Аникеев на несколько лет стал прорабом-архитектором-снабженцем-маляром. На скромную свою зарплату скупал дефицитные в ту пору книги, прибавлял к ним свои графические картины и разыгрывал районные лотереи, пополняя тощую казну стройки. Вбив последний гвоздь на стройке своей мечты по адресу пл. Революции, 10а, Александр назовет потом музей «территорией незавоеванной революции» и через четыре года устало признается мне: «Знаешь, в ту пору я перекрыл для себя созданием музея трагедию разрушения России». А мне кажется — избежал еще и разрушения самого себя как личности, как художника: не спился, не девальвировался... Чуть позже Аникеев

Интерьер картинной галереи

соберет по кабинетам городских чиновников портреты, картины и бюсты опального вождя революции и разместит их в музейном полуподвале. К «Ленину в подполье» люди потом будут ходить так же, как и на выставки картин Крамского, Криворучко, Шевченко — ведь со сменой идеологии искусство и история, в отличие от людей, не меняют окраса.

С открытием музея, пожалуй, единственный в области действующий художник-администратор Александр Аникеев бросил вызов меркантильному времени, объявив подвижничество направлением работы музея. Основы святого и древнего подвижничества ремесла Александр постигал в дружбе с русским мастером-бессребреником Василием Криворучко, которого он до сих пор называет «соборным человеком», Учителем, вторым отцом... Незадолго до кончины Василий Павлович подарил еще не существовавшему в ту пору музею 70 лучших своих полотен. Построив музей, Аникеев в отдельной его комнате воссоздаст мастерскую Учителя и назовет ее залом Подвижничества, под сводами которого одна за другой зажгутся звезды и рано ушедших из жизни подвижников-лискинцев — краеведа Дмитрия Дегтярева, журналиста Петра Бабенко, поэта-учителя Михаила Просяникова, писателя-исследователя Михаила Зюбина... А самый просторный в музее выставочный зал станет носить имя Василия Криворучко. В 1996 году Александр Аникеев, как и его Учитель, передаст все свои графические работы, выполненные за 25 лет, в дар городу и музею. В музейных фондах насчитывается сейчас более трехсот картин, подаренных музею художниками Лисок, Воронежа и области. А десять музейных залов стали магнитными полюсами истории и культуры края, где сила магнетизма измеряется не только количеством их посещений, но и глубиной проникновения в человеческие души. Это свойство Лискинского историко-краеведческого музея отмечали побывавшие здесь Ва-

силий Песков, Егор Исаев, Геннадий Зюганов, космонавт Анатолий Филипченко, генерал армии Анатолий Грибков, библиограф Ф. Ушакова Владимир Овчинников...

Отстроив и отладив музей мечты своей, уйти бы Аникееву с неблагодарной подвижнической стези в толпу успешных и расчетливых, где и салоны выставочные, и различные «членства», и валюта вместо грошей. Но он продолжает оставаться зодчим на паперти жизни. Проводит в картинной галерее по 6–7 выставок в год, открывая землякам новые имена художников. И сам делает прорыв с двумя сотнями картин из коллекции своего музея на престижную выставку Центра России — в Липецкий выставочный зал. И учреждает музейную премию «Золотой летописец» за лучший краеведческий поиск. И придумывает в честь рано ушедшего друга Александра Ирхина районный конкурс юных вокалистов «Соловушка», который длится нескончаемо. А еще — фестиваль бардовской песни. А еще — «долгоиграющий» районный конкурс исполнительского мастерства «Ретро-град». И «Шестая жизнь» — поэтическое вече, посвященное поэту-лискинцу Саше Романову.

При этом Аникеев находит время для туши, пера, карандаша. И для стихов. Но о стихах его — особой строкою. А тушь и перо, кажется, всегда при нем. В душе, что ли, он их носит — слишком уж вовремя они случаются рядом с ним. И в зависимости от состояния его души то кровоточат, то незлобиво смеются, то слезою горячей прожигают ватманский лист до самой столешницы, до драматической обугленности его графических сюжетов.

«Зацепленный» Высоцким, Аникеев первым в бывшем Союзе проиллюстрировал сборник его стихов и песен «Не вышел из боя». А потом были «Золотое колечко из кукушкиных слез» народной сказительницы Корольковой и сборник стихов «Музыка ветра» греческого поэта и философа Г. Велласа. И книги друзей-земляков В. Тихонова,

А. Ромахова, В. Бубельника... И еще более 20 изданий с его иллюстрациями. Одно из последних — «Православный букварик» Е. Новичихина, органично продолживший великолепную серию «Библиотека ЮВЖД». Откройте любую из поименованных книг и наверняка станете пожизненным пленником аникеевских сюжетов и образов. Потому что поэзия его графики не знает примирительных полутонов. Она поет пронзительно и тонко, как стрела со спущенной тугой тетивы: и уже не увернуться, не успокоиться хоть раз увидевшему след той стрелы — слишком глубок и резок он. Как черное на белом. Как свеча между добром и злом. В его сюжетах — ничего в лоб, все заставляет размышлять и выбирать: где ты, по какую сторону той потрескивающей свечи...

Впрочем, открывать Аникеева-художника, отдавшего 20 лет книжной иллюстрации, оставим возможность профессиональным искусствоведам и критикам. Хотя за них первыми это сделали зрители Лисок, Воронежа, Липецка, Санкт-Петербурга, Донецка, где уже успели побывать персональные выставки самобытного художника-самоучки. *«Я интересуюсь графикой и неплохо разбираюсь в ней. Это высокий класс!»* Народный артист России Лев Лещенко. *«Не будучи специалистом, впечатлился очень. По моему, крупно-остро-выразительно».* Поэт В. Гордейчев, Воронеж. *«Мне дома будет легче жить, зная, что в Воронеже есть человек, который пишет такие картины».* Астрид Бьенесс, Норвегия. *«Саша, ты просто молодец! Автор не вышел из боя, Александр Аникеев в бой вступил».* Нар. артист СССР Евг. Матвеев, Москва. *«Неужели это все творения человеческой руки, руки моего земляка?!»* Студентка ВГАСА, Воронеж. *«В Ваших работах — лицо нашего Отечества».* Семья Казаковых, Рязань. *«Саша, я очень рад, что ты когда-то был моим учеником. Талант у тебя огромный».*

Г. Веллас, доктор философии, истории, археологии. Афины, Греция. *«Ваши рисунки — это полный восторг! Хотелось бы издать на моей Родине хотя бы маленькую книжечку о Вашем творчестве».* Журналист Ветезлав Гулак, Брно, Чехия... Такие вот оценки людей, «зацепленных» аникеевским пером. Хотя сам он без всякой рисовки называет свои работы «изоувлечением».

...А «маленькая книжечка» творчества поэта и художника Александра Аникеева шла к воронежскому читателю более 20 лет. Великолепный сборник аникеевской стихографики «Черным по белому» был уже на пороге у заждавшихся читателей и зрителей. В нем более сотни философско-размышленческих стихов и 160 графических рисунков. В предисловиях к сборнику тогдашний начальник Юго-Восточной железной дороги Анатолий Володько, глава Лискинского района Виктор Шевцов, секретарь правления Союза писателей России Евгений Новичихин назвали эту книгу «открытием поэта и художника». Увы — читатель и зритель так до сих пор и не смог массово открыть для себя ни этот сборник, ни Аникеева. Причина до горечи банальна — не собралось средств на издание большим тиражом. И чтобы нужная всем книга не превратилась, выражаясь строчками аникеевских стихов, в «белый лист заснеженного поля», приходится вслед за автором думать: «Что это — проклятье или доля — начинать с нуля?» «С нуля» в данном случае — это с новых поисков средств. Во время одной из встреч с Виктором Шевцовым удалось вновь заручиться его финансовой поддержкой издания. Но теперь уже огорошил сам Аникеев: «Слушай, а давай эти средства используем на издание «Лискиведения» Игоря Афанасьева — это сейчас важнее...»

Так что же это — проклятье или величие — быть в России подвижником?

Николай КАРДАШОВ

А Я ПО ШПАЛАМ...

Всякая улица — это дорога. Дорога к дому, друзьям, храму, порой в тупик, и такие улицы встречаются. Сегодня поговорим о главной нашей дороге. О железной. Пройдемся неспешно по шпалам, рельсам и памяти.

На железной дороге родился и живет мой город. Не раз уезжал из него на все четыре стороны и возвращался единственной дорогой к дому.

Название город получил от станции. Станция — от села на правом берегу Дона. И что греха таить, никакие события и заслуги так не способствовали превращению сельца в город, как строительство и функционирование дороги, которая поделила поселение на две части.

Вначале Покровское и Петровское, затем городские и запутейские и теперь восточная и западная части города. Помню старый вокзал каменной постройки начала XX века, вросший окнами в перроны, с пилястрами, увенчанными античными головами бога Диониса; известное дело — модерн. Помню деревянную пристройку, а возможно, и остатки еще более старого здания вокзала с комнатой матери и ребенка, с фельдшерским пунктом. Помню перекидной мост от замечательных касс предварительной покупки билетов до деревянного торца вокзала с часами, разрезающего толпу на две части — плывущие на первую и вторую посадочные платформы. Спускаясь по ступенькам перекидного моста, можно было наблюдать всю панораму станции и желто-каменного, чрезвычайно пахнущего общественного туалета под мостом, а далее склад почтового отделения.

Помню еще чистое небо над рельсами. Сеточка высоковольтных проводов, двигающих электровозы, появилась в середине 60-х годов. А до этого ходили паровозы с мощными гудками — пассажирские (ФД — Феликс Дзержинский), маневровые старые «эмки» и маленькие «кукушки».

Я родился возле железной дороги в семье железнодорожников под колыбельную колес, бодрящие гудки и властно-ласковый голос диспетчера: «Составитель Дмитриев, немедленно зайдите в диспетчерскую». Отец во всем мазутном блеске, чистый и пахнущий уходил на работу по стуку вызывальщика, возвращаясь с пропыленным белозубым лицом и подарком «от зайчика». Конфеты «Дорожные», яблоки, а однажды даже банан принес. Он много что помнил из жизни дороги. Потому что тоже родился на этом месте, как и его отец Иван Алексеевич, кондуктор грузовых поездов.

Дорога-трудога, умница-кормилица. По ней до войны ходили мамы со старшими детьми и собирали несгоревший уголь, выброшенный при чистке топок или потерянный при перевозке, рассыпанное зерно или упавшие с вагонов доски.

Паровозное депо еще до войны располагалось между нынешним переходом через ж.д. пути от старой бани к улице Первомайской и бывшим 29-м магазином. Здесь же, на путях в районе бани, находился разворотный круг, с помощью которого поворачивали поезд в нужном направлении вручную, используя систему рычагов.

Когда при подходе немцев мост через Дон был взорван, рельсы здесь имели малую потребность — их частично разобрали и использовали для прокладки путей с северного направления на восточное в сторону Сталинграда. Дуга этой магистрали до недавнего времени располагалась между блочным заводом и северной окраиной города. Отец вспоминал, что еще до войны насыпь расширяли и укрепляли наемные рабочие нерусской национальности — таджики, киргизы, узбеки, которые на верблюдах привозили песок, загруженный в большие кожаные мешки. Везли на горбах и волоком.

Однажды у отца случилась авария — два вагона сошли с рельсов, и его в порядке наказания перевели на маневровый паровоз, который ходил мимо нашего дома, та-суя разные вагоны по различным путям и составам. Вот уж я накатался — это было романтично, но некомфортно. Все гремело, гудело, шипело, кочегар бросал уголь в ненасытную топку машины. Машинист что-то кричал помощнику. Я ничего не по-

нимал и только счастливо и гордо улыбался, выглядывая в окно и впервые наблюдая с такой высокой гроыхающей точки свой дом, убегающий вдаль.

Маневровый паровоз утюжит рельсы туда-сюда почти на одном месте. А место особенное, как я потом узнал от одноклассника моего отца, ученого-международника — Вальтера Сергеевича Кислякова. Отец этой истории мне не рассказывал, возможно, не знал, будучи в краткосрочной эвакуации.

В районе паровозного депо выставили санитарный эшелон с ранеными. Это было жаркое лето 1942-го. Несмотря на красные кресты эшелона, фашистские стервятники смешали вагонное железо с человеческой плотью. Местное население в течение двух дней собирало фрагменты тел наших бойцов и закапывало здесь же, на междупутье, выше 29-го магазина. Вальтер Кисляков утверждал, что погибших было не менее 28. В один из своих приездов в Лиски он оставил записку с описанием этих событий и предложением увековечить памятным знаком на насыпи близ существующего нынче здесь магазина.

«Где-то здесь, у нас под Лискамаи, в момент прорыва немцев с Петропавловского (Острогжского района) плацдарма на Давыдовку получил тяжелое ранение в ногу тихий еврей Зяма Гердт. Это увечье сделало его походку ущербной, но отечественное кино получило уникального актера и идеального Паниковского. Так что народный артист СССР Зиновий Гердт в 1942-м кровью породнился с лискинской землей».

«Опять летать! Собачье твоё мясо!» — кричал заведующий механическими мастерскими Николай Иванович на фашистские самолеты, прикрывая собой младшего брата моего отца Вову Аникеева, который тоже в меру своих детских сил работал на фронт. Идя однажды с пайкой заработанного хлеба по израненной дороге домой, потерял от голода сознание. Друзья-товарищи не дали умереть на рельсах, принесли домой. Это рассказывала мне моя мама.

На улице по имени Железная Дорога были свои магазины, больницы, бани, дома. Хорошо это или плохо? Новое время видит в этом головную боль. Прежде мало кто говорил: пойду пожалуюсь в райком, горисполком; говорили: пойду к Александру Карповичу — он поможет. Даже историки-краеведы путаются в районных руководителях 50–60-х гг., а вот Александра Лысенко помнят и знают все.

Эта улица была опасной, как и многие другие. Аварии, крушения, гибель под колесами. Однажды, проходя по путям, увидел тело. В школе, где я работал, на следующий день ходили разговоры: Генка Смагин перелезил через стоящий состав, состав тронулся, он упал на рельсы и...

Стационарный вокзал, принимавший в свои объятия за 145 лет разных людей, помнит лица Чехова, Толстого, Шолохова, Гаршина, Троцкого, Исаева, Юрского и многих других.

В конце 60-х одному из пассажиров проходящего состава стало плохо. Его привезли в медпункт. Небольшого роста, седой, подвыпивший. Моя родная тетка Татьяна Ивановна, записывая в журнал данные о больном, поругивала его:

— Что же вы себе позволяете в вашем возрасте так выпивать? Вот теперь отстанете от поезда, будут вам хлопоты.

— Ничего, — виновато отвечал пассажир, — я скажу, чтобы мой вагон отцепили. Только после этого фельдшер оценила механически записанную в журнал фамилию — Шолохов Михаил Александрович...

Многое повидала эта улица на своем веку, многим дала дорогу в жизнь. Много пережила. То замирала в 1990-е, когда на станции стояли сотни локомотивов ВЛ-80, невостребованные страной, то вновь оживала, радуя перестуком колес и гудками электровозов.

И сейчас, открывая форточку перед сном, четко слышу, как гремят составы, проезжая по мосту через Дон.

НЕ РАССТАНУСЬ С КОМСОМОЛЬСКОЙ

Тягучими зимними вечерами, когда отец уезжал «на» дальнюю поездку (Поворино или Купьянск), мы с мамой оставались в доме одни. Телевизора еще не было. Часто и света тоже. Тревожные состояния 25-летней мамы передавались мне, и я начинал со слезами канючить: «Поехали на Комсомольскую». Там жили мои бабушка с дедушкой (мамины родители) и мой любимый братик Витя с мамой и папой.

О! У них был телевизор «Рекорд». Мама молча кутала меня во все теплое, обвязывала все, что получалось, пуховым платком так, что торчали только нос и глаза, сажала на крепкие санки, любовно сработанные деповскими мастерами, и я ехал по Первомайской на Комсомольскую, хрустя полозьями, наезжая на задники маминых валенок и любуясь веселыми звездами.

За переездом, где сейчас автомойка, сворачивали на горбатый деревянный мосток, затем съезжали с небольшой насыпи налево, метров 50 берегом вверх Тормасовки и направо через плетеную калитку и засыпанный снегом огород — это Комсомольская, 3.

Здесь я проводил самые счастливые часы своего детства. Куда-то к сияющим звездам улетала неизъяснимая тоска бесконечности. Мир обретал спокойные домашние стены, где было негрустно. В 17:30 по Воронежскому ТВ неизменно транслировали «Сказки kota Мурлыки». Интересно было полистать книги Баруздина, Чарушина, Пришвина.

Бабушка Поля, глубоко верующий человек, покрестясь, пекла вкусные оладушки («бобышки»), а дед Иван, ярый атеист, если мы начинали шуметь и бегать по комнатам, сердился и ворчал: «Анчихристы, окаянные, сейчас как дам под пинчином!»

Как я не любил ходить в садик! Он располагался рядом с Покровским храмом (сейчас там занимаются начальные классы школы № 11). И когда мама с папой отправлялись на работу, я старался всеми неправдами попасть к бабушке. С ней и с братиком мы осваивали большую культурную программу — ходили в церковь на отпевание, в клуб речников на «Старика Хоттабыча», в народный суд на разборку семейных драм.

Повзрослев, зимой катались на настоящих («лошадиных») санях с горы, разгоняя их почти от Коллективной, кучей падали на солому повозки и по ледяной горе с космическим ускорением, отбрасывая ступени и подпруги, летели к замороженной Тормасовке. Кроме саней и санок, катались на самокатах, выгнутых особым образом народными умельцами из толстого металлического прута. Здесь же частенько играли в хоккей, нарезая ледяную графику «дутьшами» или «снегурками», прикрученными к валенкам. Ключки мастерили здесь же из вербы заветным перочинным ножиком.

Весной бежали на мост смотреть, как «бушует» Тормасовка, выходя из берегов, подпирая заборы, просачиваясь во дворы, смывая мусор и унося в Дон подгнившие мостки.

Летом у бабушки в огороде умопомрачительно пахло морковкой, помидорами и земляной сыростью. Огород давал на зиму замечательный бочковой продукт.

Первые цветы, которые появлялись по берегам Тормасовки, были желтыми, пахли медом и походили на маленькие солнышки. До школы я был абсолютно уверен, что это и есть подснежники. Каково же было мое удивление, когда я в букваре под стихами «Стали птицы песни петь, и расцвел подснежник» увидел изображение тоненького голубенького цветочка.

Улица Комсомольская, начинаясь у подножия школы № 11, между двумя деревянными мостами через ручей поднималась к Зеленой Горе и упиралась в Коллективную, ведущую в сторону порта.

В начале 60-х вместо маленького дощатого мостика здесь поставили большой, на громадных сваях мост — почти близнец тому, что вел от переезда к улице 40 лет Октября — очередное достижение топорной мысли «Тормасовской республики». По этим двум мостам тогда было налажено одностороннее движение. «Комсомольский» мост давал дорогу в восточную часть города и за Дон, «Первомайский» принимал транспорт, идущий в центр города из восточной его части. Обе дороги тогда же выровняли и засфальтировали.

По «Комсомольскому» мосту движение за ненадобностью было прекращено в середине 1980-х, а куски асфальта и промытая до первозданного песка щебенка на склоне горы напоминают о временах дорожного благополучия и до сих пор.

На улице Комсомольской жили люди самых разных замечательных профессий, занятий и увлечений. Вспоминаются многие фамилии: Крыгины, Чиженко, Олемские, Черных, Федоровы, Машины, Горбачевы, Макаровы, Грищенко, Деевы, Силины, Козинцевы, Ивановы.

Как сейчас, перед глазами Василий Гаврилович Чиженко, ветеран войны, больной и вечно озабоченный делами строительного кооператива. Его сосед, дядя Петя Олемской, всегда выглаженный и прекрасно пахнущий, работал в лучшей парикмахерской нашего города. Она тогда соседствовала с танцевальной площадкой («пяточком») и имела большие прозрачные окна, светящиеся огнями и зеркалами, поражала громадными цветами в плосках и кадках, была воплощением какого-то особого мира, близкого к кино.

Вот дядя Вася Трофимов — знатный диспетчер отделения дороги. Дальше жила семья по фамилии Черных. У работающего главы семейства было три дочери. Одна из них, Валентина, много лет работала в клубе речников. А ее муж, кажется, Михаил — маленький, полненький, черненький — был там популярным самодеятельным артистом. Однажды вместе со своим высоким напарником засветился даже на Воронежском телевидении. Эта уморительная парочка изображала «Танец маленьких лебедей». Мы очень гордились таким «прорывом» в «большую» культуру лискинской самодеятельности.

Двое друзей моего детства стали кандидатами в мастера спорта. Шурик (так мы его всегда звали) Горбачев — многократный чемпион города, области, дороги по шахматам, а Сергей Чиженко добился результатов в тройном прыжке.

Вера Макарова (Панова) — боевая королева нашего детства — первая из девчонок освоила мотоцикл «Ява» и из гадкого утенка пришкольного двора стала востребованной королевой нашей юности. Да и братик мой — заметная фигура в городе. Хирурга Виктора Васильевича Трофимова, лауреата Лискинской Книги Почета, знают многие.

Все мы — мальчишки и девчонки этого района — учились в школе № 11. Тут невозможно не вспомнить наших замечательных учителей. И мою первую (самую лучшую в мире!) учительницу Марию Ивановну (классика!) Дееву и ее мужа — легендарного десантника Отечественной, преподавателя физкультуры Ивана Алексеевича, и тихого, хроменького Алексея Петровича Меремьянина, учителя пения, который открывал нам двери в культуру и школьный зал, и любимую «русачку» (так звали учительницу русского языка и литературы) Людмилу Александровну Власову — она иног-

да приходила на урок со своей маленькой дочкой Галей, которую, видимо, не с кем было оставить дома. Теперь Галина Германовна — директор одной из крупнейших школ города. А классным руководителем моим была Валентина Федоровна Зиберт (Безмагарычная) — учитель химии и биологии, в которую были влюблены все старшеклассники, потому что она, будучи кмс по художественной гимнастике, имела потрясающую фигурку. И, конечно же, легендарного учителя истории Галину Панкратьевну Коровину с соседней улицы Луначарского, которая больше других заронила в мое сердце любовь к славному прошлому малой родины.

А как не вспомнить Голенищенко Анатолия Сергеевича — ныне почти забытого мастера спорта по гимнастике, преподававшего «ф-ка» у юношей и давшего школе перворазрядников Тимашева, Леонова и других. Как я благодарен, что мое детство прошло здесь и в этой школе.

Но самое интересное состоит в том, что моя жизнь, начавшись на улице Комсомольской, необъяснимыми путями вновь вернулась на круги своя. Три года назад, когда семья переезжала из совхоза «Лискинский», риэлторы предложили дом на Комсомольской. Только номер дома теперь не в начале, а в конце улицы. И это тоже символично. После 50-летнего перерыва я снова на улице Комсомольской, куда доживать привел меня то ли случай, то ли знак судьбы.

ЗЕЛЕНАЯ ГОРА

Зеленая Гора. Попробую подобраться к ней издалека и со стороны. Со стороны все той же Тормасовки, которая омывает «обережье» улицы с ее начала до последнего дома.

Местность между пристанскими путями и Тормасовкой от Первомайской до порта всегда называлась Лугом. Почему не рощей? Сколько помню, здесь довольно густо росли тополя и кусты ивняка. А дело в том, что прежде — до 30-х годов XX века — эта пойменная земля действительно была заливным лугом. Потом здесь самостийно и по разрешению властей начали появляться огороды. В тяжелые послевоенные времена обрабатывать их было некому, территория пришла в запустение и стала заболачиваться. Во второй половине сороковых на лугу посадили тополя, которые стали безраздельными хозяевами этого почти райского уголка.

Весной после схода воды на земле лужами и канавами рисовалась прежняя планировка грядок. Здесь можно было собирать цветы, косить траву на лужайках, отдыхать с семьей, играя в мяч, «штандр», «съедобное и несъедобное». Здесь проводились уроки физкультуры для учащихся школы № 11 — метание гранаты, зачеты по лыжам и т.д. По Лугу проходила главная пешеходная тропа к донскому Затону, где купались жители улиц Луначарской, Декабристов, Мичурина, Калинина, Комсомольской, Первомайской и других. «Мелкие» шли в трусах и майках, юноши — в синих трико и футболках, постарше — в брюках, закатанных снизу, с голым торсом и рубашкой на плече. На голове — самодельные шляпы из газеты (от тубетейки до сомбреро) — сейчас вряд ли кто вспомнит секрет их изготовления. На пальцах рук у большинства — плетеные из изолированной проволоки цветные перстни — дань времени, на ногах — ничего. Шлепали по натопанной дороге босиком, держа в руках плетенки, кеды, сандалики и т.д.

И вот когда вступали на луговую тропу от «Комсомольского» моста, слева открывался замечательный вид на Зеленую Гору, правый порядок домов этой улицы. Зрелище необычное тем, что дома были не как у всех. Строения стояли на высоченном фундаменте. По существу они были двухэтажными — диковина по тем временам. То, что находилось внизу, использовалось для хозяйственных нужд. А ближе к 90-м годам нижние этажи стали обычным комфортабельным жильем со всеми удобствами.

Мне всегда казалось, что люди, так крепко зацепившиеся за склон Зеленой Горы, — особого полета и характера.

Теперь о самой улице — она небольшая, идет перпендикулярно Комсомольской, начинаясь на подъеме горы и заканчиваясь у портового моста. На Горе жили мои замечательные одноклассники и одношкольники. Помнятся фамилии — Соколовы, Плотниковы, Мироновы, Шостя, Макаровы, Шабановы, Ястребовы, Мартыновы, Пискуновы, Меланьины. В основном все взрослые — работники порта. На улице формировалась элита из старшеклассников, в которую входили Женя Шостя, Толик Шабанов, Коля Ястребов и примыкавший к ним Гриша Зинкевич. Боюсь ошибиться, но, кажется, Владимир Петров с Бобровской. В их среде не модно было ругаться матом, напиваться, дебоширить. Ребята занимались спортом: волейболом, футболом, баскетболом. Были начитаны, находчивы, остры на язык. Дружили с КВН, гитарой, бардовской песней. Шостя закончил при этом школу с серебряной медалью.

Это был благодатный уголок, или, как говорят, микрорайон города. Периферийным не назовешь. Близость клуба речников, летней танцевальной площадки накладывали особый отпечаток какой-то самостийной культуры. В клубе — театр, буфет, заезжие артисты, заезженные любимые фильмы «Есения», «Неуловимые мстители», «Искатели приключений», «Брак по-итальянски», строгий контроль на входе и как следствие (если до 16) — мини-футбол на летней танцевальной площадке допоздна.

Именно здесь засветилась звезда Николая Германского, моего одноклассника, племянника заслуженного художника России Владимира Преснякова, очень талантливо-го человека. Он жил на соседней улице, Коллективной — но, как я уже сказал, здесь формировалось особое братство молодых людей, и Николай Германский — поющий, играющий, пишущий и рисующий — был в этом союзе на видных ролях. Сейчас Германский — известный в Белгородской области священник, заслуженный человек.

Возвращаясь к клубу речников, вспоминаю притчу о Герострате. Можно прославиться, построив храм, а можно завоевать память людей, его разрушив. В конце 1970-х юные огнепоклонники Зеленой Горы грандиозным пожаром погасили навсегда очаг лискинской культуры, переместив в зыбкую память и первые спектакли Юрия Капустина, и выступления «Славян», и звонкий голос Мордасовой, и первый вкус жигулевского пива в местном буфете.

Юрий Макаров и Шабанов Володя, жившие на этой улице, были моими одноклассниками и друзьями. Ближе других — Владимир. Он всегда интересовался моим творчеством, любил пофилософствовать о жизни, смерти и вере. Семья была необычная. Отец умел делать все и работал по договорам и наймам, по тем временам считался единоличником. Мать была старостой в церкви. В доме хранилась семейная реликвия — медаль за участие в Крымской войне 1853–1856 гг. Кто из семьи был причастен к тем событиям и, главное, куда делась медаль потом — сие, как говорится, покрыто мраком забвения. Ребята — Анатолий, Владимир и Валерий — воспитывались в черном теле, много занимаясь домашним хозяйством. В конце 80-х, уже после смерти родителей, они на полупромышленной основе освоили выращивание ондатры и изготовление зимних шапок. Бизнес пошел в гору. Но в бедные девяностые его вектор изменился в сторону вечного продукта — хлеба.

К тому времени средний брат Владимир ушел в мир иной. Ушел трагично, разбившись на трассе вместе с сыном. Сын остался жив. Живет и имя моего одноклассника на лискинской земле в названии предприятия ООО «Владимир». Добрый человек, он часто заходил ко мне на работу и давал какие-то деньги на музейные дела. Премия «Золотой летописец», которую получили в 1990 и 1991 годах Д. Дегтярев и М. Лылова — это из фонда Володи Шабанова. Он панически боялся смерти, часто выводил меня на разговоры о ней. А ушел из жизни, не успев подумать о гибели.

Старший Шабанов — Анатолий Дмитриевич — очень поддержал меня в середине 90-х, покупая мои «картинки», которые, может, и не очень были ему нужны.

Заметна на лискинском небосклоне и еще одна предпринимательская фигура из братства Зеленой Горы — Николая Ястребова. Его «Донские традиции» давно и положительно оценены земляками.

Трудная судьба была у другого моего одноклассника, Юрия Макарова, но работа, друзья и сильный характер помогли ему все преодолеть. У него двое замечательных сыновей. Один из которых, Максим, волей судьбы стал сотрудником Лискинского музея, превосходным художником-таксидермистом, значительно пополнив коллекцию музейных чучел и завоевав несколько медалей на международных выставках.

Мне остается только лишь покаяться перед жителями улицы в том, что, возвращаясь с Дона, мы, голодые, переходили вброд Тормасовку и набирали с оглядкой за пазуху перезревших огурцов и полужеленых помидоров, чтобы перебить голод перед домашним ужином.

Спасибо тебе, Зеленая Гора, за добрые воспоминания, за то, что стоишь добрую сотню лет (а может, и больше) открытая ветрам и житейским невзгодам, с некичливой гордостью поглядывая на окружающую местность, слушая соловьев и кукушек, стук поездов на стыках и осенние завывания ветра.

НА ОСТРОВЕ ПАМЯТИ

На старом кладбище у Покровской церкви уже лет пятьдесят не хоронят, и поэтому место это воспринимается большинством без болевого шока, трагизма и слез. Здесь, на Паникиной горе, возле древнего корневого лискинского храма, давно улеглись и остыли безысходные драмы, обретя высокий смысл естественной человеческой жизни с сопутствующей ей сменой поколений.

Нас тянет к таким островам памяти, где можно без суеты подумать о главном на доступном сегодня нам уровне. Вспомним Пушкина:

Два чувства дивно близки нам —
В них обретает сердце пищу —
Любовь к родному пепелищу,
Любовь к отеческим гробам.

Пойдемте с этой любовью по протоптанным тропинкам старого погоста, мимо холмиков со скромными крестами из железных труб, в которых ровесники моей юности ночью с фонариками ловили желтых синичек и с любопытством наблюдали фосфорный могильный дым, будоражащий юное воображение гоголевскими ассоциациями; пойдемте смелее на встречу с очень важной составляющей нашей жизни — преданиями старины глубокой.

Как-то, выйдя из автобуса на остановке, предложил внуку пройти к своей улице через старое кладбище. Он осторожно согласился, но сразу же задал вопрос: «Кладбище — это то место, где живут зомби?» — «С чего ты взял, и кто такие зомби?» — спросил я. «Мультик есть такой, а зомби — это чудовища, которые поднимаются из могил и выедают людям мозг». — «Это глупость, — возразил я. — Смотри, вот здесь похоронен герой войны, он нас защищал, а здесь врач — он лечил. А это могила учительницы, которая дарила знания твоему деду — то есть мне...»

В далеком своем детстве, играя в прятки или догонялки, мы говорили: чур (щур) меня, то есть, пращур, храни меня. А сегодня пугаем и пугаемся зомби. Ничего не ответил внук, но, прижавшись ко мне, пошел по натопанной дороге и, кажется, так и остался со своим дремучим мнением, которое почерпнул из иностранного «шедевра».

А это не шуточки и не забава. Думаю, это тоже часть изощренной политики — выставить предков враждебными существами.

Как же сохраняется НАША ПАМЯТЬ?

Вот на одной, да и следующей тоже, могилке надгробия с надписями «Вечная память», «Помним, любим, скорбим...» Так ли? Холмики травой поросли, крест покосился, оградка ржавая. Может, умерли все родственники? А если нет? Значит, выпало звено в цепочке этой самой эволюции памяти. А без нее связи нет. И куда улетели красные звезды с надгробий советского времени? На небо? Или упали на землю, сброшенные рукой вандалов? Даже в самые богоборческие времена крест и звезда как главные библейские символы (рождения и физической смерти Христа) мирно соседствовали на погосте. Последняя четверть века смела звезды, пытаясь деформировать то, что уже прошло и обратной силы не имеет. Печально сие. Как можно при этом упрекать в нетерпимости предыдущие поколения, столько беды и труда вынесшие на своих плечах?!

Вот надгробие гуляет без могилки, вот холмик без опознавательных знаков. Вот уже знакомая надпись о вечной памяти, а под фотографией (уже обновленной) ни имени, ни дат жизни. Тут уже не забывчивость, а культура памяти. Точнее, ее отсутствие.

Старое кладбище? А насколько, вообще, оно старое? Самое раннее захоронение, обнаруженное мной (уже без внука), — это могила, как выбито на мраморном постаменте, «якута Василия Николаевича Скрябина, скончавшегося при возвращении на родину в Якутск в 1901 г., 47 лет от роду». А где хоронили до этого? Ведь по самым скромным меркам, наше поселение никак не младше 1784 года — это дата строительства существующей на кладбище церкви. А с 1784 года по 1901-й где хоронили? Это же почти 120 лет. С 1900-го по 1970-й (время существования старого кладбища) численность населения выросла в десять раз, и кладбище обрело всем известные размеры и контуры.

Трудное время досталось тем, кто покоится рядом с Покровской церковью, — русско-японская, Первая мировая, революция, гражданская, Великая Отечественная. Искал долгожителей. В основном — 40–65 лет. И фотографии выдают уже преклонный возраст. Редко-редко за 80: вот Мягкова Александра Филипповна — 85, Меланьин Константин Григорьевич — 84...

А фамилии-то какие лискинские, нашенские — музыкальные Гудовы-Перегудовы, Ломанцовы-Кузнецовы, Шабановы-Сазановы, Чернушкины-Корнюшкины, Иванкины-Ширинкины, Просвирины-Панарины. И где-то совсем единично Эпштейн и Гилдобрандт.

Кстати, о музыкальных фамилиях. О якуте Скрябине уже говорили. И вот такая бархатно-баритонная — Карих Сергей Иванович — голубоглазый пятидесятилетний красавец и хриловато-задушевно — Ждамиров Евтей Петрович, 60-ти лет от роду. Имена тоже — заслушаешься: Елисей, Давид, Фома, Федот, Гурей, Аким, Михей, Макар и женские — Аграфена, Ефросинья, Акулина...

Потрясающие истории, и только в датах. Коровины Витя (1937 г.р.) и Вова (1938 г.р.) — дата смерти 1942 год. И комментарий не нужен. Красивая пара по фамилии Симоновы. Даты жизни: Наталья Кузьминична — 1889–1945.09.09 и Дмитрий Елисеевич — 1889–1945.30.12. Родившись в один год, он пережил ее всего на три месяца.

А вот еще одно замечательное надгробие — Кисляков Сергей Федорович и автоэпитафия: «В жизни я никого и ничего не боялся, кроме своей совести». Смело сказано для тоталитарного времени, не правда ли? Это отец известного в Лисках человека Вальтера Кислякова, профессора, дипломата, писателя.

А вот другая история: Чулков Александр Лаврович (1911–1969). Не знаю, кем он был, но могу предположить, что он отец другого известного в районе человека — Лавра Александровича Чулкова — выдающегося лискинского механизатора прежнего времени, попытавшегося одним из первых создать фермерское хозяйство (помните, «Лавчубраки»?) и не выстоявшего в конкурентной борьбе с хозяйствами большими.

Много знаменитостей лежит на этом кладбище: участник восстания на броненосце «Потемкин» Трофим Лещенко, знатный революционер, герой гражданской войны Ф.А. Осипов, начальник пристани (порта) Бондаренко Палладий Ефремович, Герой Социалистического Труда Федосов Филипп Дмитриевич, получивший свое звание в 1942 году, первый командующий районной игрой «Зарница» подполковник Назаров Александр Леонтьевич, мать-героиня Серафима Кузьминична Грибкова, воспитавшая известного российского военачальника Анатолия Грибкова. Где-то недалеко от церкви, потеряв свои координаты, под холмиком лежит легендарный фельдшер Максим Буранко. Вот мраморное надгробие Леонида Панина — классические 37 лет жизни. Немногие уже вспомнят его прекрасные снимки в тогдашней районной газете «Ленинское знамя», добавившие немало колоритных штрихов к фотопортрету нашего города 1960-х годов.

Более десяти остатков старинных мраморных надгробий начала XX века, вероятно, очень состоятельных людей, из которых лучше других сохранилось «дерево» из черного гранита с подробной эпитафией от безутешного мужа и детей, посвященной некой Самохиной Марфе Тихоновне, скончавшейся в 27 лет 29 октября 1916 года. А вот надгробная плита, надпись на которой свидетельствовала о кончине коллежского регистратора Петра Ивановича Орлова в 1914-м на 70-м году жизни. Много всплывает в памяти, когда бываешь рядом с этими святыми местами.

...Из самых ранних моих воспоминаний. У деда Ивана Митрофановича умер друг Микишка. Дед с лопатой пошел на кладбище. Мы с братом — за ним. Ямка была уже приличной, как вдруг с лопаты в отвал упало что-то желтое. И — о ужас! — оно смотрело на нас пустыми глазницами и скалилось редкими зубами. Незабываемо жуткое впечатление.

И еще — в церкви старый протоиерей Митрофан, очень похожий на нарисованного боженьку, отпевает нашего соседа, сапожника Василия Афанасьевича. А дальше...

Я лежу на лавке перед церковью, бабушка дует на меня и машет платком — надо мной плывут лебеди облаков по небесному морю, порхают голуби-ангелы. Тепло и спокойно.

Рядом живые и добрые люди, а впереди целая жизнь.

А ДЕКАБРИСТЫ НИ ПРИ ЧЕМ

Скажу честно — улица Декабристов никогда не ассоциировалась у меня с дворянами, выходившими на Сенатскую площадь. Жили здесь в основном серьезные рабочие люди, суровые, которые могли, мягко говоря, постоять за себя и тому же учили свое потомство, без всяких там французских междометий.

Почему-то мне сейчас думается, что попади на эту улочку в неурочный час набриллиненный стилиага, аккордеонист-виртуоз первой лискинской джаз-банды Лева Гринев, ему бы легко сыграли здесь по ребрам «На сопках Маньчжурии». И в то время, когда упомянутый Лева натягивал, как тогда говорили, с мылом на свои нижние конечности брюки-дудочки по улице Луначарского, на Декабристов уже начинался клешный бум. «Декабристы» были в этом почине законодателями мод.

Расклеванные брючки в обтяжку от бедра до колена, а ниже на каждой ноге по отутюженной юбке — из лавсана, габардина, пиджачной и одеяльной ткани, обшитые-подшитые блестящими металлическими штучками, дальними предками нынешних страз, украшенные лампочками внизу с батареей в заднем кармане — эти чудные предметы мужского туалета мели насквозь пропесоченную улицу Декабристов до самого материка.

По своим строениям и длине улица Декабристов вполне могла сойти за сестру-близняшку Дзержинки — она также была невелика, шла ей параллельно и упиралась в пристанские пути.

Здесь жили многие мои близкие и дальние родственники разного возраста и степени родства. Но ходить сюда без взрослых сопровождающих не рекомендовалось. «Декабристы» держали «верхушку» за путями, на пляже, с ними считались городские; и даже совсем «мелкие» были здесь духаристы и задиристы. В любой момент, не зная английского, они имели желание доказать, кто на этой улице «ху ис ху».

Суровый стиль общения предпочитал фамилиям и именам клички: Синий, Румба, Сара, Кыра, Бубеля, Кот, Фурман, Чухмарь и т.д. Хотя здесь жили очень многие уважаемые люди: Меланьины, Обуховы, Чушкины, Березневы, Фроловы и другие, мной не названные, по свойству памяти — забывать.

Взрослый народ здесь в выходные и по длинным летним вечерам разбивался на группы, причаливая к одному из домов. Старики и женщины (да малые дети) затевали игру в лото, периодически выкрикивая: «Барабанные палочки», «дед», «стульчики» и т.д., а мужики и бальзаковского возраста женщины играли в карты — в «рамса» с небольшими ставками, а пареньковый молодежь резался в «пожара» на деньги: чертили на земле линию, ставили на нее столбиком копейки и метров с десяти старались «подогнаться» к столбику за черту или сделать вообще «пожар» — повалить денежный столбик. «Гнались» старыми царскими рублями, советскими серебряными полтинниками и отцовскими медалями со спиленным ушком. На выигранные деньги покупали спички, сигареты, редко пиво и вино.

Не очень, скажете, красивая картинка вырисовывается. Зато на этой улице больше чем на любой другой водились фанаты-голубятники, которые лазали по крышам, свистели, махали тряпками, меняли (и покупали на выигранные в «пожара» и «рамса») сизокрылых, фасонных, лохмоногих, чубатых с подтресом и т.д. и т.п. Частыми были разборки — кто у кого какую голубку увел, доходило до драки и погромов на голубятнях...

Мой учитель рисования и черчения Меланьин Михаил Кузьмич, которому я помогал во время и после уроков рисовать плакаты для праздничных демонстраций, жил где-то напротив дома «Цветочницы». Еще он запомнился мне большим любителем проводочной рыбалки на Дону.

А в маленьком домике к концу улицы справа ютилась семья Погореловых — это были работники порта с тремя детьми. Старшая дочь Люба училась со мной в одном классе школы № 11, а ее младший брат Николай Погорелов, мой сотоварищ по волейболу, стал практически первым официальным лискинским предпринимателем, основав брокерскую контору.

В конце улицы, ближе к путям, и тоже справа, жил некий Вася по кличке Китаец. Он был уже пенсионного возраста, имел круглое красное лицо, узкие глаза и непреодолимую любовь к рыбалке. Последнюю он любил, кажется, даже больше, чем выпивку. Мы с братом называли его конкурирующей фирмой, потому что и наживку копали, и рыбу ловили в одних и тех же местах. Бирюки, мелкие сомята, судачки были всегда в ассортименте садка Васи Китайца. Рассказывали, что он и умер в лодке, просидев под палящим солнцем больше, чем ему было отведено здоровьем и возрастом.

Да. Еще деталь. В середине 1960-х из Монголии, выполнив долг перед дружественной страной, приехала и поселилась на улице Декабристов семья Зозулиных. Мальчик Вова попал в наш класс и оказался самым последним учеником по всем предметам при хорошем, добром, но дурашливом характере. Мне, как отличнику, поручили взять его «на буксир». Но в школе он так и не смог учиться, сойдя на криминальную тропу. Наоборот, это я научился у него считать до десяти по-монгольски... Мы думали, что он тогда же и сгинул. А он в лихоподъемные 90-е явился принцем на белом коне, научившись считать по-русски до миллиона. Обустроил жилье маме, избавил ее от всякой нужды, стал гордостью семьи. Как-то нечаянно подумалось: «Вот бы он меня теперь взял на буксир...»

Недавно я вновь проходил по улице Декабристов, улице своего потрясающего и

незатейливого детства. И хотя здесь появились новые этажные дома, многое осталось узнаваемым — песок, трава-мурава. Кажется, вот из этих ворот сейчас выйдет дядя Коля Лупан и завернет такую соленую шуточку, что неделю будешь помнить, похихатывая.

А вот это уже не кажется. Вон, смотри! На крыше своей вечной голубятни поседевший Юрка Фролов размахивает палкой, свистит и что-то кричит в синий колодец неба, куда бабочками падают голубиные души наших ушедших друзей.

ПОЛКИЛОМЕТРА ПО ДЗЕРЖИНКЕ

Улица Дзержинского и по наркомовскому списку, и по географии, и по одноэтажной доморощенной сути — рядом с улицей Луначарского. А если точнее, под углом в 90°. Улица короткая — 450-500 шагов, в зависимости от того, кто шагает и в каком состоянии.

Я считал свои шаги до школы № 11 и обратно десять лет. А в торце улицы, за пристанскими путями, — одноэтажное здание школы № 13. Здесь учились многие мои друзья-ровесники до пятого класса. В ней преподавал, а затем какое-то время директорствовал «Демидон» — Дмитрий Георгиевич Дегтярев — первый наш краевед.

Бывали годы, когда Дон, разливаясь, выходил из себя. Тормасовка превращала школу, к счастью мальцов, в необитаемый остров. Но, к большому сожалению учеников, это продолжалось недолго.

На улице жили Гладковы, Зязины, Мироновы, Ефимовы, Обуховы, Косиновы, Шуруповы, Онищенко, Карамышевы — все в домах в основном послевоенной постройки. Главной знаменитостью улицы считался, конечно, Георгий Иванович Грибков. Он был моим соседом и мужем моей родной тетки Марии Ивановны Аникеевой. А знаменит был тем, что приходился родным братом Анатолию Грибкову — известному в стране военачальнику.

Мой сосед, занимаясь хозяйством, ходил кормить своих кролей в пиджаке генерал-лейтенанта, а я мальчишкой гонял по крышам голубей в фуражке генерал-майора. Полководец изредка наносил визиты в наш город, когда в большой семье Грибковых происходили радостные или скорбные события. Эти визиты становились объектом всеобщего внимания. Прибывал генерал на станцию в своем вагоне и с сопровождающими лицами. Разговоров потом хватало на годы.

Возле каждого дома в начале 60-х лежали бревна, кирпич, щебенка. Все строились. Часто помогали друг другу месить глину для обмазки домов. Мы, ребятишки, включались в это с удовольствием.

В те годы были популярны палисадники перед домами, где росли сирень, акация, березки или дикая смородина. Плодовые деревья на улице не сажали. В середине 80-х палисадники стали сносить, дорога расширилась, появились возле домов вишни, абрикосы, яблони и цветочные клумбы с петуньями.

Самым быстроходным средством передвижения на этой улице был велосипед. Здесь отец учил меня «кататься» на купленном по случаю подержанном «Орленке». Сколько полетал я на нем в прямом и переносном смысле, познавая родную землю!

В какие игры играли, уже написано — в основном подвижные. Но были и другие. Сидели на бревнах, связанных проволокой, рассказывали страшные истории про черную перчатку, колдунью, которая превращалась в кошку и доила ночами коров. Играли в садовника — «Я садовником родился, не на шутку рассердился...», в сломанный телефон, в города, слова. Пели песни (уже без гармошки, но еще без гитары): «Жил в Одессе славный паренек», «Четыре татарина», «Лепестки фиалок опадают», «Когда мне было десять лет...»

В посиделках на бревнах охотно принимали участие девочки, кто-то из ребят старался быть джентльменом, кто-то обращал на себя внимание грубостью и хулиган-

скими выходками. Рассказывали, как и везде, в то время разные анекдоты — бытовые и политические. Ну, очень смешные! Сейчас вспоминаю — и грустно.

Найдя пустую бутылку, мыли и бежали сдавать в 29-й магазин. На полученные деньги можно было купить 100 граммов конфет или стакан семечек у старушек, сидящих на ступеньках магазина перед входом.

В начале улицы — шлакоблочное одноэтажное здание валяльной мастерской, затем прядильного цеха, а сейчас это помещения, примыкающие к супермаркету «Ной». Мы собирались частенько под стенами этого строения, чтобы «постучать» по воротам, нарисованным мелом на стене. Иногда мяч попадал не в ворота, а в окно, что называется, не в бровь, а в глаз, и мы тут же растворялись в необозримых просторах детской Вселенной.

На улице имелась колонка общего пользования с артезианской водой. За водой ходили со всей улицы, да и я с Луначарской прибежал к этому источнику с длинной ручкой. Над колонкой стояли столбы буквой «П». Колонка от постоянного пользования часто ломалась, и соседские мужики, взобравшись на «П», с крутым русским словом поднимали трубы занемогшей колонки. Воду носили («таскали») порой на коромыслах, простых и расписанных под хохлому.

Внизу улицы в дождливое время года всегда стояла лужа воды, через которую пробирались по доскам и камешкам. В конце 80-х улица Дзержинского победила на городском конкурсе как самая чистая, активная и уютная. В награду была заасфальтирована.

О! Это был великий прогресс и большая радость. Исчезла вечная лужа, сделали сток в канаву. С тех давних пор остались отдельные островки дорожной цивилизации в ожидании следующей уличной победы.

Где вы, мальчики и девочки с улицы Железного Феликса, с пылким умом, с руками в цыпках и горячим сердцем? Разлетелись с бревнышек кто куда: кто в небеса, кто в рабочие, кто в учителя. Кто на север, кто на юг. Кто за кордон... Течет река жизни.

ПО МАЙСКОЙ УЛИЦЕ С ОРКЕСТРОМ

Улица Первомайская в моем сознании всегда эмоционально совмещалась с диаметрально противоположными событиями. По этой улице мы, учащиеся школы № 11, текли праздничными колоннами дважды в год на демонстрации: 1 Мая и 7 ноября. Позже — еще и в День Победы. Шли рекой, подпитываясь ручейками 19-й и 13-й школ.

По этой же улице, поднимавшейся к старому храму Паникинской горой, двигались, приостанавливая вялый автопоток, похоронные процессии. Впереди шел оркестр с Шопеном и барабанщиком Витей Бычком, который жил на этой же улице. Неизменно среди духовиков — дядя Сема Германский с тарелками, Михаил Захарович — знатный лискинский танцор с армяно-грузинской внешностью и блестящей трубой на устах.

Вдоль дороги стояли сочувствующие, дергались занавески на окнах домов. Часто люди, узнав, кого хоронят, из зрителей становились участниками шествия.

Все знали друг друга, передавали из уст в уста эпикриз: «умер от рака», «жена зарезала», «да пил он сильно», «попал под поезд» и т.д.

По этой же бульжной мостовой гнали скот на мясокомбинат из Донского правобережья. Овцы, козы, свиньи, бычки — они пылили, бляели, мычали, хрюкали, визжали, устилая дорогу прощальным навозом. Под лихие окрики донских ковбоев «цоб-цобэ, проклятушие» животных гнали только «туда» и никогда «обратно».

Однажды довелось быть очевидцем замечательной картины — несение благодатного огня от церкви до вокзала. Старушек в черных платках и зипунах почти не видно, и только поток огня вопреки законам физики поднимался по улице снизу вверх, к

вокзалам, и затем, видимо, ручейками растекался по городу и району. Церковь на всех лискинцев была одна.

Первомайская всегда, даже в период своего «бульжно-эмбрионального» состояния, претендовала на улицу магистральную. Много воды утекло в Тормасовку, но только теперь Первомайская приобрела цивилизованный вид — с хорошим асфальтовым покрытием, бордюрами, тротуарами, газонами и пандусами. Вот только бы сами жильцы не забывали, что их улица — из основных, лицевых. А о лице нужно заботиться ежедневно...

Изначально это была улица лискинских железнодорожников-стрелочников, вызывальщиков, башмачников, машинистов, кочегаров и т.д. На ней жили Аникеевы (подворье Иванских, Баранов), Ирхины, Балбековы, Матюхины, Савельевы, Змеевы, Покровские... Прошу прощения, что не все фамилии называю — мой рассказ не телефонная книга.

Из знаменитостей — дядя Мыся, Моисей Павлович Макаров, машинист, награжденный многими орденами и медалями за свой добросовестный труд. В начале 1990-х он тешил свою душу прудовой рыбалкой.

Напротив дяди Мыси, через дорогу, жила семья Балбековых, глава которой тоже был известным машинистом, а сын Саша Балбеков — прекрасный лискинский музыкант, композитор — совсем недавно ушел в мир иной. Здесь в 1990-е репетировал первые хиты Владимир Ждамиров из будущей «Бутырки».

В сентябре 1980-го «первомайцы» были потрясены взрывом в одном из цехов МЭЗа, унесшим жизни 18 земляков. Среди них — Анатолий Запороженко, совсем молодой, но уже главный механик цеха, жил со своей семьей в начале улицы Первомайской, в самом длинном доме, похожем на барак. Говорили о его большом мужестве во время этих трагических событий. Добрую память оставил он о себе своему четырехлетнему сыну.

А в самом конце улицы перед переездом жила молодая семья Макаровых. Он — машинист, она — учительница, сын — шахматный вундеркинд, которым гордилась наша 11-я школа. Крепкий дом, хороший достаток. Да что-то не сложилось в семье, рано ушли и он, и она, оставив на земле как свидетеля их прежней любви талантливого и одинокого мальчика Костю Макарова, который уехал учиться в Воронеж, и хочется надеяться, сложил свою жизнь счастливее, чем родители.

По этой же стороне улицы слева стоял маленький домик с покосившейся калиточкой. Идя в школу по Первомайской, я иногда встречал красивую девочку, выходящую из этого домика. Ее звали Наташа. Она была чуть младше меня, восьмиклассника, уже заглядывающегося на симпатичные личики.

Наташу воспитывала бабушка. Девочка нравилась многим взрослым парням. Шептались о том, что она вполне доступна, некоторые даже небрежно называли ее Натахой. Большие белые банты украшали ее чудную головку. И вот однажды школу пронзила весть — Наташа повесилась.

Бедная девочка, узнав, что беременная, решила на такой отчаянный поступок. Когда ее хоронили, вся школа толпилась у дороги, ведущей на кладбище. Это была наша первая нелитературная трагедия шекспировского масштаба — некнижный опыт взаимоотношений между разнополыми подростками, который сопровождался разговорами, обсуждениями без недоговоренностей и усмешек. Потому что цена этому опыту была велика — жизнь семиклассницы и полубезумная старость ее бабушки.

Чтобы не заканчивать на трагической ноте, напрягу память и вспомню, что у переезда справа, рядом с домом Вити Бычка, была установлена конструкция с афишей клуба речников, того самого, где начинал свою легендарную биографию десятилетний Юра Капустин. Прекрасно написанные, вероятно, художником В. Хохловым, афиши сразу передавали дух и смысл предстоящего в клубе действия — кино ли это, концерт, цирк или интересная лекция общества «Знание». Помню афишу сольного концерта Марии Мордасовой, которая приезжала в Лиски, как к себе домой, с мужем-

концертмейстером, нашим земляком Иваном Руденко. «Гармонь моя, да гармоночки! Золоченые да уголочики!..»

В 1960-е Первомайскую среди первых улиц покрыли асфальтом. Асфальт топили в больших котлах между двумя мостами через Тормасовку. Вот уж мы нажевались черной смолы, заменявшей нам заморскую резинку! И как радостно бегали внутри неостывших покатых котлов, изображая из себя героев аттракциона «Владислав Наткин и Вячеслав Кожушко — на мотоциклах по вертикальной стене». Афиши с их портретами часто будоражили наш городок.

Закрою глаза, вижу и слышу: катит по глянцевому бульжнику Первомайской телега старьевщика, позвякивая прицепленным снизу ведром — цок-цок, дзынь-дзынь. «Свистульки, шары, рыболовные крючки за домашнее тряпье, старые тетрадки и газеты...». Цок-цок, звяк-звяк...

ЛУНА И ЧАРЫ

Улица Луначарского. Сколько себя помню, свое название она не меняла.

— Ты с какой?

— С Луначарской. Или проще — Луначарки. Луна и чары слышались в этом слове. И только позже — наркомпросовский гул революции.

Наш дом — у дороги — автомобильной и железной. Отец рассказывал, что в начале XX века напротив нашего жилья был еще один порядок домов. А теперь, просыпаясь и бросая взгляд в окно, вижу железнодорожную насыпь и по ней — ноги, идущие в город или обратно. Слышны рекламные голоса индивидуальных предпринимателей советского времени: «Точу ножи-ножницы, точу ножи-ножницы» или «Бабы, бабы — карасину!» (не карасей, а керосин предлагал).

Перед домом палисадник, где чахлые от пыли вишни и неприхотливые топольки. Время съело и палисадник. Отполированная бульжная мостовая, вечно дремавшая в ожидании очередного транспорта и прогона скота (об этом еще не раз придется вспомнить), оделась в асфальт и понесла на себе сотни разных машин, мотоциклов, велосипедов, вытеснив навсегда гужевой транспорт на городские окраины.

Небольшая улица, начавшись от угла Первомайской, затухала где-то выше поймы Тормасовки, устав на мелбуторском подъеме.

Играть пацанам на этой территории было неудобно и небезопасно из-за транспорта. Но еще в середине 60-х зимой мы катались с насыпи на лыжах и санках, съезжая прямо на проезжую часть Луначарки или вдоль железной дороги на улицу Сергея Лазо по покато́й горке, которую мы называли Манюней.

— Вы куда?

— Пошли на Манюню кататься.

Но в основном все наши игры происходили на улице Дзержинского, чуть ниже валяльной мастерской, где изготавливали чудесные теплые валенки (сейчас на этом месте супермаркет «Ной»).

Играли в футбол — «улица на улицу», в «штандер», в «дюка», жожки, «в пожара», чижа, городки, прятки (жмурки) и многое другое.

«Улица на улицу» не только играли, но и нешуточно дрались. Луначарка консолидировалась с другими улицами под общим названием «Запутейские». И иногда вечером, не дослушав ответ на вопрос: «Ты с какой улицы?», неизвестный из компании наносил внезапный удар, выключающий свет. Городские, запутейские, а далее клининские, базовские, «Лощина» частенько выясняли отношения между собой вручную с переводом соперника в партер. Порой это приобретало характер городского бедствия.

Какие фамилии гнездились на улице Луначарского — Аникеевы, Власовы, Федотовы, Сорокины, Осьмухины, Востриковы, Симоновы, Афанасьевы, Чистовы и другие.

Первой знаменитостью, которой гордилась улица, считался журналист Влад Аникеев. Он жил на углу улиц Первомайской и Луначарского (дом сохранился и поныне). А прославился своими острыми, интересными публикациями сначала в газете «Молодой коммунар», а затем в «Советской России», объездил страну и полсвета, теперь осел и здравствует в Туле, продолжая свой творческий труд и поддерживая связь с лискинской землей.

На нашей улице жил дедушка по фамилии Власов, и многие знали, что он был героическим защитником Порт-Артура, награжденным царскими крестами, которые никогда не носил. И если продолжать дальше о ярких личностях, украшавших наш угол, конечно же, нужно вспомнить его знаменитого Геду. Кто его не знал?! Участковый с великолепной выправкой. Аккуратен, выбрит и подтянут. Всегда! Гроза местной шпаны. Шептались, что он попивает потихоньку в одно лицо, о чем это самое лицо и сигнализировало периодически красным цветом.

Ну да что люди не придумают про выдающуюся из их среды личность, тем более облеченную какой-никакой властью.

По улице часто вездеходил в шаркающих сапогах широко известный в городе нищий Ваня-немец. Обросший щетиной, с полуоткрытым ртом, закатившимися под брови зрачками, с котомкой и стульчиком за спиной, он производил на детей пугающее и загадочное впечатление.

По православным праздникам этому нищему-юродивому было позволено звонить в колокола Покровского храма. В народе ходила молва, что он замаскированный немецкий шпион.

Всплывает из памяти и некий хулиган с внешностью Шуры Балаганова. Кличка у него была Дефос. Этот самый Дефос с друзьями мог украдкой подобраться к трогаящейся трехколесной инвалидной коляске, приподнять задок машины, и бедная урчала и визжала на месте, пока костыль инвалида и крепкое его слово не отпугивали в стороны хохочущую братию. Так могли шутить пацаны с нашей улицы.

Достопримечательностью улицы Луначарского был 29-й магазин, в 2015-м его снесли. Маленький, набитый товаром, с деревянным подиумом перед входом, на котором размещались бабушки с мешками жареных семечек и гранеными мерными стаканчиками, — этот магазин был местом тесного (в прямом и переносном смысле) общения. Помню, на деревянных полках болгарский конфитюр, рыбное разнообразие, дорогущую осетрину, кукурузный мед, прессованный плодовый чай, панировочные сухари, пастилу, «подушечки» (конфеты), периодические очереди и обмен последней информацией в них.

В начале 60-х были перебои с хлебом. Люди занимали места в длинных очередях. Хлеба не хватало, и он был неважного качества, вперемешку с горохом и кукурузой. Очереди плодили юмор и сатиру, рассказывали анекдоты и пели частушки про Никиту Хрущева, тогдашнего лидера государства. В конце 70-х ситуация изменилась, и жители, державшие домашний скот, закупали хлеб мешками — это был самый дешевый корм для животных (исключая, конечно, ворованный из колхозов). Вот такие «хлебные ножницы» случались у нас в разные годы.

А самое яркое впечатление из детства — это 12 апреля 1961 года. Я — первоклассник с именем Гагарина на устах и неубиенной верой в могущество своей страны и счастливое будущее всего человечества. Какой был солнечный день! И так хотелось, чтобы моя улица носила гордое имя первого космонавта Земли.

В городе появилась такая улица в районе Мельничного Бугра — бывшая Батарейная.

Много позже я понял, как важно, меняя улицам имена, не навредить прошлой славленной истории, особенно с глубокими местными корнями. Ведь улица Батарейная не случайно появилась после войны на карте нашего города.

Но это уже другая история.

«ЗДЕСЬ КАЖДЫЙ ДОМ НАЙДЕМ, ХОТЬ ГЛАЗА ЗАВЯЖИ...»

Улица Коммунистическая — главная торгово-культурно-праздничная артерия города.

Лет семь-восемь назад мы с друзьями набросали план улицы с пометками, где что находилось. Я, кажется, готов был подступить к теме. Но не получилось. Решил пройтись по касательной, рассказав о своем пути на работу, которым я хожу уже 30 лет, а знакома мне эта дорога с рождения. И начнем мы «танцевать» почти от печки — от старой бани, что возле перехода через ж.д. пути.

Больше ста лет не меняла она свой профиль — мыла, лечила поголовно многие поколения лискинцев. Оттирала от мазутного грима моего отца — потомственного железнодорожника, и меня, его потомка, от тормасовской грязи с сомнительными лечебными свойствами.

Лет 15 назад баня чуть было не приказала долго жить, но отреставрированная неравнодушными людьми, помолодела и преобразилась.

Однако вектор банного интереса земляков сместился в другие микрорайоны, и судьба побледневшей от ожидания и горя бани с вывеской «Продаю» зависла уже не на месяцы, а годы, готовясь, вероятно, сменить профиль деятельности или уйти в небытие.

Итак, мы начинаем движение по улице Транспортной, имея конечным пунктом краеведческий музей. Справа — остановка, которая, кажется, была всегда, за ней аптечное заведение, на месте которого прежде стояло легкое строение под легкомысленным названием «Ветерок» — здесь было пиво и вино на розлив, а за кафе, за капитальным забором, почти на одной линии с баней, красовалась столовая — очень приличное старое здание — с прекрасным полуресторанным обслуживанием.

По какой-то странности обстоятельств с этим учреждением соседствовала ж.д. школа № 12. Еще в середине 1960-х она функционировала. Почему-то сюда мы, школьники, стекались со всего города для участия в олимпиадах по математике, химии и т.д. Улица Привокзальная. Правый ряд исчез совершенно, а левый лишился жилых многоквартирных домов — по реестру памятников истории и архитектуры — железнодорожных казарм. Это по ходу взгляда справа.

Вернемся, однако, на Транспортную. Я помню ее еще булыжной, промытой весенними ручьями. Лихо скакал мой «Орленок» по отполированным камням, не завидуя идущим на обгон «Москвичам», «Победам», «Запорожцам», мотоциклам (их было много — «Уралы», «ИЖаки», «Минск», «Явы»), мотороллерам («Вятка», «Тула») и прочим мопедам.

Скачет память, как по булыжной мостовой, — то нырнет в 30-е, то подпрыгнет до 90-х.

Вон там, внизу, у старого подъезда, в начале 1993 года сидел замечательный и уже очень больной художник Василий Криворучко, рисуя фломастером виды нашего города для областной газеты с целью привлечь внимание культурной общественности к тому новому, что делалось в городе.

Сейчас дорога стала шире, слева, на месте целого порядка снесенных стареньких домиков, появилась замечательная клумба с павлином, ровный асфальт, прекрасная и удобная разметка, поток самых разнообразных машин, среди которых в основном иномарки. А когда-то здесь же, у бани, мы сбегались посмотреть на громадный «Форд» русского канадца, который до этого удивлял город щедрыми посылками родственникам из-за границы, а затем заявился сам на машине и в шляпе — ну, чистый американец. Говорили, что он после германского плена эмигрировал в Канаду и сколотил там небольшой капитал, выгодно женившись на хозяйке ранчо, где батрачил. У нас он всплыл в 70-х и продержался недолго, облагаемый налогами и крепкими, забытыми им русскими оборотами.

Это вспомнилось к слову. Мы еще торчим возле бани и видим слева за «павлином» улицу, уходящую вниз, к пойме Дона — она названа именем машиниста Волкова, который совершил свой подвиг во время Гражданской войны — ценой жизни вывел с захваченной белоказаками станции эшелон боеприпасов для Красной Армии. Мемориальная табличка на крайнем частном доме рассказывает об этом.

А ведь интересно! Поворачиваемся направо и видим трехэтажный магазин «Березка» — еще недавно просто коопунивермаг, а еще раньше — в 50–80-е годы — здесь, за спиной универсама, сладко спали склады оперившейся советской кооперации. До войны же на этом месте (некоторые утверждают, что в районе рыбного магазина «Океан») стояла начальная школа (школа Чеботарева, вероятно, потому, что располагалась в экспропрированном доме предпринимателя) — с громадным валуном у входа, о чем хорошо помнил мой отец, учившийся здесь уму-грамоте в одном классе с Вальтером Кисляковым. Теперь лишь баня — старожил этих мест — может негласно подтвердить или опровергнуть сей факт. И другие факты.

Скажем, наличие ярмарки санных воев. С давних времен и до середины 30-х годов она здесь шумела, торговала, меняла пахучий товар через дорогу от нынешней «Березки». А чуть дальше — вторая ярмарка привозных товаров: из Боброва — лук, яблоки; из Икорца — арбузы; из-за Дона — сливы, вишни; из Аношкино — «гончарка»; из Давыдовки — овощи, веники. Урывчане везли домотканые ковры, известные своими достоинствами даже в столице, где их называли лискинскими — по месту приобретения проезжающими пассажирами.

Здесь, на Транспортной, и тоже напротив нынешней «Березки», где закладывается новый коттедж, стоял крепкий дом лискинского мебельщика по фамилии Мошкин, который выполнял самые изысканные заказы невзыскательного рабочего потребителя ст. Лиски — столы, залавки, этажерки, диваны, шкафы и прочее.

Рынок (базар) уже около века не меняет свой адрес и ориентацию (с юга на север). Менялись, модернизировались врата в продуктово-вещевой рай, лавки, павильоны, но место оставалось прежнее, оживленное соседством с узловым вокзалом.

Сто шагов вперед (можно и не на пальцах) — и вот новый поворот. Что он нам несет? Здесь теперь красуются стеклянно-пластиковые павильоны, предлагающие цветы и многое другое.

А еще каких-то лет 20 назад тут встал в землю рубленый дом машиниста Глухова. Дом старинный, замечательный своим крыльцом с красивейшей деревянной аркой над покосившейся верандочкой. Вероятно, сей шедевр в порыве вдохновения изготовил все тот же мебельщик Мошкин, живший практически через дорогу. Жилье это примечательно и своим хозяином, старостой и активистом 20–30-х годов. А еще тем, что именно отсюда после пламенных речей начинался бурный и веселый, совсем не железный поток демонстрантов на 1-е Мая, 7-е ноября и др. Направлялся он не в сторону Дома Советов, а туда, куда мы с вами держим путь — на площадь Революции — к клубу железнодорожников по Советской улице.

Вроде и небольшой путь пройден — от бани до поворота на Коммунистическую, а сколько улиц тронули словом — Транспортная, Привокзальная, Волкова, Советская, и везде тогда шумели тополя, дополняя нашу зыбкую память все новыми и новыми образами, звуками и запахами. И не случайно автор песни «Тополя, тополя, тополя зеленые... в город мой влюбленные» — этот поэт-бродяга какое-то время жил в наших Лисках — Геннадий Михайлович Колесников.

Итак, мы следуем далее. Но недалеко. Напротив дома Глухова по диагонали — старая автостанция. Кажется, еще недавно в обрамлении тополей она шумела свои ветреные песни отъезжающим, шуршала сушками, звенела сетками, пыхла мешками, выдавала проездные билеты, которые сознательные пассажиры компостировали в автобусных салонах, а их антиподы пополняли армию уже подзабытых «зайцев».

Эта станция помнит билеты по две и пять копеек и по 600 рублей в начале 90-х, когда мы все враз стали миллионерами. Вроде и недавно это было, а декорация поменялась дважды. На месте скромной 50-летней автобабушки с сине-зелеными панелями внутри вначале появились многочисленные цветочно-грильные павильоны с автобусно-таксистским «сходняком», а теперь здесь формируется очень сложная и интересная развязка трех дорог. И одна из них — Коммунистическая.

Она начинается своим левым порядком с двухэтажного здания, которое прежде было истинно «Детским миром», а с начала 90-х это стал меняющийся мир взрослых вещей. Пятиэтажный жилой дом с «Магнитом» внизу (прежде «червяком», «Астрой») при рождении перекрыл расплескавшийся песчаный приток улицы Коммунистической, находящейся в идейном родстве с одной из самых протяженных артерий города — ул. Карла Маркса.

Улица открывалась старенькими домами дореволюционной и послевоенной постройки, вросшими окнами в урожайную на песке лебеду. По правому порядку в одном из таких строений жил наш школьный физкультурник — красавец А. Голенищенко, один из первых лискинских мастеров спорта по гимнастике, сгубивший себя алкоголем. За его домом по этой же стороне до 1990-х красовался необычный павильон самой известной в городе фотографии, с высокой застекленной стеной, тяжелыми шторами на стенах и окнах, рисованным задником, декорациями и очень серьезным, уважаемым и уважающим себя фотомастером по фамилии Барбашев. Все школьные коллективные фотографии 60–80-х гг. делались здесь, о чем свидетельствует неизменный их фон.

Не менее пяти раз маэстро прятался под черную ткань у треноги объектива, выходя и поправляя очень корректно и требовательно очередную композицию под названием «Фото на память».

Сколько теперь такой памяти гуляет по личным и музейным архивам, выплескиваясь под всеобщий «ок» в фотохранилища интернета!

Увязая в «карломарксовских» песках новенькими пахучими сандалетами, туфлями и ботинками, можно было пропылить и до кинотеатра «Пролетарий», выйдя к нему с тыльной стороны, где на стене светлым кирпичом под двускатной крышей были выложены цифры — 1910 г. (вероятно, дата постройки).

Но вернемся назад к дому старосты Глухова, от которого начинала свое движение кумачовая колонна демонстрантов с портретами и лозунгами, пристроимся ей в хвост и будем поглядывать по сторонам. Сразу направо — короткая улица Базарная, в конце 90-х приказавшая долго жить новым торговым рядам в западном секторе рынка. К этой улице мы вернемся чуть позже (я вас еще не запутал?), а теперь продолжим движение по Коммунистической, сделав равнение направо. Оно и стоит того.

На месте нынешнего магазина «Восток» на прочном фундаменте стоял двухэтажный очень хозяйственный магазин старой постройки, до революции принадлежавший купцу Шурупову. Здание выходило лицом на улицу Базарную. На втором его этаже короткое время находилась районная библиотека, щедро окормлявшая лискинцев духовной пищей. Сюда можно было попасть по узкой боковой и довольно темной лестнице, но это окупалось светом книжных знаний и улыбками радушных библиотекарей. За домом Шурупова присел (а может, вытянувшись, прилег) одноэтажный магазин. Он знал себе цену и ощущал свою востребованность.

Его просторный интерьер был пропитан ароматом здоровой дефицитной книги, пылью политических брошюр, краской потрясающих по качеству репродукций (ныне называемых компьютерными копиями, что в данном случае не в пользу всемогущего компьютера).

Чем-то еще пахло. Ах, да! Из-за бархатной ширмочки, отделявшей торговое

пространство от служебного, по магазину распространялся густой запах тонких духов заведующей Полины Семеновны Анцуповой. К ней были вхожи только первые лица города, иногда вторые — для первых. Книги издавались 500-тысячными тиражами и часто расходились, не добираясь до прилавка. Стремясь к выполнению планов и обязательств, продавцы уже тогда включали изобретательность и предприимчивость. На видном месте — классическая советская реклама «Книга — лучший подарок». Все соглашались. Даже когда к Майн Риду или Пикулю «приваривали», вероятно, для полноценности подарка и расширения кругозора читателя, пару брошюр Фейербаха и нетленных стихов какого-нибудь Николая Тяпкина-Задунайского.

Медленно, но верно продвигаемся дальше. За «КОГИЗом», где теперь «Легион», «спиной» к нам, идущим с транспарантами, — мясной павильон (лавка купца Драгунова), а дальше — «лицом» к нам маленький скобяной (хозяйственный, для ясности) магазинчик, где нормальные люди отоваривались керосином для заправки керогазов и примусов, а их оппоненты денатуратом для чистки этих, теперь антикварных, аппаратов, а заодно и своих желудочно-кишечных трактов, экономя на магазинном алкоголе. То были времена жуткого дефицита на средства автотопедвижения. Все и все готовы были купить, но была очередь на товары повышенного спроса.

И тогда отец изрек запомнившуюся мне фразу: «Настанут времена, и ваши эти машины будут стоять в каждом скобяном магазине...» Он оказался прав. По части дефицитных товаров, из которых не удалось победить только дефицит на деньги. Но движемся далее.

«Спиной» опять к улице Коммунистической — двухэтажный кирпичный дом дореволюционной постройки с порошками, красивым металлическим ограждением по периметру крыши и большими глазницами окон первого этажа, которые закрывались тяжелыми, обитыми металлом, створками, выходящими на улицу Базарную. На первом этаже здесь продавали роскошную фарфоровую посуду, духи, подарки, а на втором — верхнюю одежду: пальто, шубы, куртки, костюмы. Тут, не торопясь, с толком, расстановкой, в сопровождении домочадцев земляки примеривали обновки в соответствии со своими растущими потребностями и быстро худеющими кошельками. Просто забываем запах того отдела.

За большим магазином следовал маленький, узенький хлебный магазинчик с кулинарией.

А через дорогу напротив — «дежурный», который запирает своим углом правый створ Базарной. Это теперь все магазины работают в режиме востребованности. А тогда один «дежурный» отдувался за всех до 21-го часа. Гастрономия, бакалея, вино-водочный отдел, рыбный, хлебобулочный принимали устные заявки покупателей по утвержденному регламенту и в соответствии с живой очередью.

На месте остановки «Привокзальная» был разбит после войны простенький парк из тощих тополей. Один из них, раздавшись в «плечах», и теперь озеленяет оживленную остановку. В парке стояли гипсовые фигуры, а до них, говорят, в полный рост главный кузнец Великой Победы.

Перед парком свернем налево. Спокойно. Никакой тебе зебры, никаких светофоров. Уличное движение позволяло без спешки пройтись туда, вспомнив что-то, — обратно и, потеряв по дороге мысль, снова ринуться туда, причем без риска столкнуться с автомобилем или проезжающей повозкой, щедро усевающей булыжную мостовую лошадиными яблоками.

Итак, мы на левой стороне Коммунистической. Демонстрация пошла дальше, мы тоже, но другим путем — по улице, которая до сих пор носит оригинальное название Площадь Революции. Почему с площадью произошли такие метаморфозы, разберемся чуть позже.

Итак, мы на улице Площадь Революции, в самом ее начале — между магазином «Лиски-табак» и снесенной гостиницей «Дон». Если, бросив взгляд налево, где теперь отделение Сбербанка, «Сивма», «Лиски-табак», напрячь уставшую память, можно «увидеть» в далеких 1960-х одноэтажное здание посудо-хозяйственного магазина, двухэтажную сберкассу и детские ясли. Тихо, спокойно, размеренно. Это тогда. А теперь... Навстречу люди, люди, торопятся, спешат.

Впереди у нас прямая дорога к храму веры, храму искусства и храму истории.

Пойдем уже намеченной прямой по Площади Революции, от ее устья, впадающего в шумную Коммунистическую. Закроем глаза, чтобы лучше видеть вчерашний день. Вспомним Александра Ромахова: «Дай увидеть закрытым глазам — моя память плывет по холмам».

Слева — магазин «Петушок» — последний крик перестройки, он отоваривал ветеранов войны и труда в дефицитное время недорогой мясной продукцией колхозов и местной птицефабрики. Однако «прокукарекал» 1993 год, и «Петушку» свернула шею модная «Кофейня на паях», потом сюда затерся очень неплохой продуктовый магазинчик, и снова вернулись к кафе, но уже без понтов — с меню, написанным от руки фломастером. В общем, ситуация менялась со скоростью колебания тогда всемогущего доллара.

Дальше по этой же стороне и дальше по времени — знаменитая, пахуче-сверкающая зеркалами парикмахерская, а за ней, где сейчас развернувшаяся боком милиция-полиция, — легендарный «Пятачок». Не имени друга Винни-Пуха, а имени пяти советских копеек — столько стоил вход на танцплощадку. Здесь тусовалась (вот написал это слово и почувствовал, как оно не совпадает с тем временем и той атмосферой) — танцевала и влюблялась молодость наших отцов и юность старших братьев под духовой оркестр с барабанщиком Семеном Германским или под новомодный джаз с ударником Львом Гридневым, и, конечно, под безотказные радиолы, запущенные через горластые колокольчики серебристых громковорителей.

Напротив — частные дома. Теперь здесь громадина торгово-гостиничного комплекса. Запомнился угловой, обитый дощечкой домик, в котором жили родители Геннадия Павловича Федотова — человека известного с городе с малых лет. Вначале как юного дарования — баяниста, затем серебряного медалиста школы № 11, а потом добрейшего и интеллигентнейшего лискинского врача, лауреата Лискинской Книги Почета, зятя одного из самых известных лискинцев XX века хирурга Николая Сивашенко и мужа прекрасного офтальмолога Евгении Федотовой.

Нет домика, нет уже родителей, да и сам Геннадий Павлович безвременно ушел в мир иной, а память прочно живет — в этом. Вспоминается, как в прекрасной компании мы с баяном ездили к тяжело больному краеведу Михаилу Зюбину отмечать его последний юбилей — сколько жизнелюбия и радости подарил старику тогда Геннадий Павлович!

Прямо напротив врат старой милиции через дорогу — ладненький, с крылечком, домик четы Колесовых, которые до середины 1990-х были непременными участниками всех творческих лискинских конкурсов — на лучший гимн-песню, стихотворение, герб, название... Они никогда не побеждали, но создавали конкурсную атмосферу. Дай Бог такой же активности всем входящим в их зрелый возраст.

Нашу главную дорогу пересекает перпендикулярно улица 30 лет Октября. Налево пойдешь — в «Пролетарий» попадешь: детские сеансы на 9:45, 1:30, взрослые — 17:30, 19:30, 21:45. В лидерах проката — «Приключения мистера Питкина в больнице», «Неуловимые мстители», «Бродяга», «Господин 420», «Есения»... Направо пойдешь — скромная песчаная улочка с неброскими четверичками и пятистеночками. И слева и справа нескверные, хоть и тополиные скверики, которые обращены к пе-

реквестку двумя гипсовыми фигурами: слева — мальчик-горнист, справа — девочка с книгой. Скульптуры были обыкновенными типовыми отливками. Про то, что где-то в других парках водились в большом количестве девушки с веслом, мы узнали позже, во время перестройки. Как жаль, что не сохранились эти трогательные и наивные носители той культуры, тех духовных ценностей. Не помешали бы они нам сейчас!

Итак, налево «Пролетарий» с прилегающим сквером и стоящим пионером. В глубине сквера — прозрачный торговый павильон. Он только для взрослых. Здесь дяди брали граненые кружки пива в кудрявых шапках пены, солили краешек посуды и предавались некоторому расслаблению после трудового дня перед фильмом, о котором говорил уже весь город. Павильон был целомудренно отделен от площадки перед кинотеатром высоким зеленым забором со скамейками для ожидающих своего сеанса. Женщины и дети появлялись у павильона только для того, чтобы напомнить увлекшимся папам, что прозвучал третий звонок.

Это все слева по ул. 30 лет Октября. А справа, кроме сквера, фигур и скромных домиков, спиной к улице — шлакоблочный общепитовский цех розлива газированных напитков, выдававший в стеклянных бутылочках лучший в мире грушевый «дюшес» и иную продукцию, которая наверняка бы на ура прошла контрольную закупку у Антона Привольного. Это я все о том, что было. А что есть — вы знаете. Некий бульвар, дальше Аллея афганцев с традиционным гусеничным памятником вместо девушки с книгой. Оглянемся назад — все огромное, сверкающее, многоэтажное. И опять вспомним ромаховские строки «А все-таки, как рукопись романа, мне жаль одноэтажное терять».

Напротив здания полиции, развернувшейся «лицом» на запад, где сейчас частная гостиница и Центр занятости населения, располагался прежде единственный (не считая вокзального) ресторан с «оригинальным» названием «Дон». В середине 1960-х (дело случая, и об этом уже много написано) здесь обедал Михаил Шолохов, а через 30 лет ветром перестройки сюда занесло народного артиста СССР Евгения Матвеева с презентацией кинокартины «Любить по-русски». Мне поручили его сопровождать. Он не любил есть один и вообще ненавидел одиночество. Артист был хоть и стар, но красив, особенно издали, вблизи были видны на щеках все погрешности его кожи, вызванные постоянным применением грима. Будучи похожим на Л.И. Брежнева, он очень весело и не пошло его изображал, рассказывая истории, где их пути пересекались. Я с благоговением держался за его правую руку, опертую на кресло, изящную и разрисованную старческими коричневыми пятнами, что добавляло руке биографии и значимости...

Миновали перекресток. Далее по пл. Революции справа и слева шли старенькие дома, весь архитектурный лоск которых не вписался в XXI век, и изыски кирпичной кладки оконных проемов и карнизов были спрятаны под чистейший, светлейший голимый сайдинг. За новой и красивой гостиницей «Барокко» (которая по стилю, если о нем здесь можно говорить, более напоминает архитектурные приемы стиля рококо) издавна располагалась контора общепита, ставшая в 90-х первой частной пекарней «Владимир», а затем домовой кухней, с окошечком для выпечки.

Напротив, через дорогу, в начале 1970-х появилось уместное кафе «Мороженое» с разнообразной сладкой продукцией, непривычно прозрачными стенами из толстого стекла и привычной очередью веселящейся молодежи. В начале 90-х кафе приказало долго жить маленькому кафе-ресторанчику. Но предприимчивая и гостеприимная хозяйка не смогла выдержать конкуренции с его величеством рынком, и вскоре здесь появились новые арендаторы с вывеской «Мир фруктов», что обрадовало и обогатило новыми впечатлениями местную округу.

Перед тем как окунуться в атмосферу и историю парка, расположенного, собствен-

но, на пл. Революции, бросим благодарный взгляд на левый ряд домов, где ранее стоял кирпичный типичный «особняк» Героя Социалистического Труда СССР Филиппа Федосова (теперь это небольшой домик, затерявшийся среди сайдинговых переросков) — дом № 17. И во время войны, когда станцию бомбили, и после нее здесь жил герой со своим семейством, получивший высшую мирную награду страны в военное время — это дорогого стоит.

Теперь, как и обещали, все внимание направо. Сто лет назад здесь был пустырь. Как он использовался и какую перспективу видели перед ним тогдашние власти — нам неизвестно. Возможно, здесь приключались выезды конных отрядов разместившегося в казармах кавалерийского полка.

Но грянули революция, гражданская война, а после разгулявшаяся комсомольская кровь, вооруженная созидательными идеями, тачками и лопатами, решила преобразовать пустырь, воздвигнув, как в сказке, на голом месте дворец, свой молодежно-железнодорожный. Протянули от вокзала ж.д.-ветку через ныне Советскую и в вагонах подавали стройматериалы с ветки Копанище — Коротояк на народную стройку. А через два года (прямо по Маяковскому) — к десятилетию Октября с бодрыми речами и оркестром открыли прекрасный народный дом творчества. «Что нам стоит дом построить, нарисуем — будем жить», а площадь при рождении дворца, естественно, нарекли Революцией. Здесь поначалу завершали шествия демонстрации и массовые патриотические митинги, пока в 1930-е годы не построили Дом Советов (и тоже на пустыре в западной части города).

Перед войной, в 1938 году, знаменитый советский писатель А. Серафимович (Попов), направляясь по Дону в Вешенскую к Шолохову, сделал остановку в Лисках. Летний театр, недавно отстроенный на территории парка, едва выдержал «железный поток» молодежи со всей лискинской округи. Масса вопросов, записок, споров. Провожали писателя к речному порту всем миром.

Во время войны в клубе был размещен госпиталь. Документов нет, но молва утверждает, что на территории парка находилось строение, где лечились около 70-ти тяжелораненых бойцов. Одна из немецких бомбежек прямым попаданием накрыла лазарет. После войны в парке поставили памятник Сталину, который во времена культа личности заменили на бюст Михаила Калинина, затем слева от парадного входа в парке был установлен бетонный бюст Максима Горького. Перед зданием клуба — неизменный Ильич на традиционном постаменте. Хотя если посмотреть на фотографии 30-х годов и нынешние — скульптура вождя была заменена на новую отливку, которая немного отличалась от предыдущей.

Судьба у памятников, как и у людей, неодинакова. В 1990-х изуродовали до неузнаваемости «всенародного старосту», из кустов дикой сирени торчала голова великого пролетарского писателя, которую вернуть на постамент двум совестливым мужикам (один из которых был А. Иванкин) не представлялось возможным по причине неподъемности бюста. Все ушло на свалку.

На рубеже веков XX и XXI парк одичал. Рухнула в небытие страна, и единственный островок организованной жизни едва теплился в западной части парка, где медленно, но верно поднималось здание, призванное быть хранилищем городской памяти. Здание поставили на месте сгоревшего частного кафе «Гриль» (привет из 90-х), а раньше, в 30–50-е, здесь располагался деревянный пивной павильон, в народе прозванный «Голубым Дунаем».

Клуб железнодорожников, доживавший свои последние дни, давший стране трех заслуженных и одного народного артиста, принимавший в своих стенах легендарных политических деятелей, космонавтов, артистов (М. Мордасову, А. Вески, В. Кикабидзе, С. Захарова и многих других), угасал на глазах. Но при участии лискинского руководства произвели реконструкцию и приспособили здание под филиал ВГУ, а теперь,

и надеемся надолго, здесь разместилась школа искусств, от которой мы вправе ждать в будущем новых заслуженных и народных.

Парк клуба железнодорожников! Сколько чудесных историй, давно озвученных и интимно оберегаемых, связано с этим святым для каждого лискинца местом. Кажется, написал много, а прочитал — и десятой части не высвечено.

Парк... Это было место паломничества молодых людей в летние выходные дни. Юноши в клешах, приталенных рубашках, иногда с жабо и кружевными рукавами, девушки в разнообразных платьях и юбках то выше колен, но ниже пят. Танцы, таинство целующихся аллей, качающие этот фантастический мир фонари, прогулки под руку по «Бродвею» (тихая асфальтированная дорога от парка до милиции) и «краска на лице, когда слегка соприкоснувшись рукавами»... На танцах кумиры — за ударными Н. Карих, в малиновом камзоле А. Сидоров, сдержанно-эффектный гитарист Ю. Ермолаев, флегматично-снисходительный красавец Ю. Артамонов (Юраха), серьезный Иванов и, наконец, эффектный с бубном Ирхин. Старая, старая сказка, из которой по-разному выходили в «люди» наши таланты, и мы вместе с ними. Но шли мы по улицам нашей жизни вольно и молодо. Все было тогда впереди.

ДУША, ГДЕ КРЫЛЬЯ?..

* * *

Ах, как млечен Млечный Путь!
Ночь упала.
Мы начнем когда-нибудь
Все сначала.
Будет утро, будет песнь,
Даже солнце,
Но испить придется весь
Путь до донца.
Ах! Как млечен Млечный Тракт!
Сколько млека!
Наступил последний акт
Драмы века!
Много млека. Есть надой.
Только тряско.
Не за той ли вон звездой
Ждет развязка?
Белый саван. Вечный тлен
Звездной стаи.
Тьма затягивает в плен,
Но светает.
Но светает. Свято есть,
Свято будет!
Благовест — благая весть
Всех рассудит.

* * *

Ю. Васильеву

Дождем помехи в пал-секаме,
Экран пригудренный в пыли.
Уходят люди косяками,
Как в злую осень журавли.
В такой-то день, в таком-то годе
Пришла с косою, кричит: «Лежать!»
Ну, ты гляди! Еще уходит.
И нечем, нечем удержать.
В руках лишь тень с провалом пульса,
Дружок лежит — ни добр, ни зол.
Лукаво как-то ухмыльнулся,
Пожал плечами и пошел.
И замаячил резкой болью
В тахикардической груди,
Взрывая шепотом застолье:
Не уходи.
Не уходи...

КУЛИКОВО ПОЛЕ

В.П. Криворучко

Луговая поляна
До краев налита
Белой кровью тумана,
Что ворует лета.
Белой кровью тумана,
Что ворует покой,
Там — у вражьего стана,
За Непрядвой-рекой.
Там — у вражьего стана,
Где свистят кулики,
От чужого дурмана
Захмелели полки.

От чужого дурмана
Тяжела голова.
Это все-таки странно,
Что Россия жива.
Это все-таки странно.
Льются в воду лета —
Луговая поляна
До краев налита.
Луговая поляна,
Будто чаша земли,
Как испить без обмана
Люди это могли?

Как испытать без обмана
Бело-красный дурман?
Под покровом тумана,
Там, у вражьего стана,
Есть одна лишь поляна
Среди многих полян.

* * *

Не по векам, не по часам
Ступают гулкие столетия.
По душам топчутся, сердцам,
Что на пути когда-то встретил я.

Сердца стучали, как часы.
Песком просыпались.
И непреклонные весы —
насытились.

Склонив плечо над бугорком
Песка нагольного...
Еще один ушел рывком
В ушко игольное.

Его закончился завод.
И вот — ристалище,
И постарел я не на год —
На смерть товарища.

ИКАР

А.А. Иванкину

Ну, вот и все. Я у черты провала.
Короткий шаг. Застыть, окаменеть,
Вдыхая зелень лугового покрывала
И выдыхая солнечную медь.
Клинок реки. Сиреневые дали
Глодают кочевые облака.
Насытятся когда-нибудь? Едва ли.
Пусть будет так. Пусть будет. А пока
Стою, дышу, заучиваю звуки.
Пять... три...один...заветное «зеро».
Я — у черты. И вверх взмывают руки,
Роняя с пальцев легкое перо.
Лицом к провалу. И земля застыла.
Но не спешите ставить мне свечу.
Да я — не я. Да чтоб мне пусто было!
Шаг в пустоту.
Уверен, что взлечу.

* * *

День на́ день не приходится.
И вот дудят в свирель
Святая Богородица
И несвятой апрель.

Душа еще несмелая,
Где крылья? Где очки?
В нездешние пределы
Расширила зрачки.

И ждет чего-то, глупая,
Ну, чисто — помело!
Неужто не нащупала,
Что все уже пришло!

Виктор Степанович Перегудов родился в 1949 году в селе Песковатка Лискинского района Воронежской области. Окончил отделение журналистики Воронежского государственного университета. Работал в воронежской газете «Молодой коммунар», журналах «Политическая работа», «Сельская молодежь», издательстве «Молодая гвардия». Занимал ответственные должности в ЦК ВЛКСМ, политических структурах, Совете Федерации РФ, мэрии Москвы. Публиковался во многих центральных газетах и журналах. Автор пяти книг прозы, в том числе «Великие сосны», «Семь тетрадей», «Золотой сад». Член Союза писателей России. Живет в Москве.

Виктор Перегудов

ВОЗДУХ МНЕ БЫЛ ОПОРОЙ...

Размышления и стихи

ИЗ «СЕМИ ТЕТРАДЕЙ»

Маленькие страны жаждут быть колониями империй, в любой форме. Обижаются, если их не колонизируют, не подчиняют, не «освобождают», в конечном счете — не кормят и не приплачивают «за верность».

Но в иные светлые окна нельзя заглядывать даже нечаянно, потому что рискуешь увидеть, как реют и мерцают под милым абажуром черные круги ада.

Если России и надо покаяться (а она всегда кается), то ей, по грехам ее, дальше, не главное место в очереди. Есть кому вперед нас принести свои тяжкие грехи к Престолу. И неизвестно — донесут ли ту тяжесть, простит ли Высший Судия.

Другие страны близко, а другие люди — далеко. Другие времена близко, а настоящее время — далеко. Своя боль близко, а чужая, честно...

Но боль своих, боль за своих — большее не бывает.

Все еще надеешься, что подкова, некогда выкованная кузнецом, принесет счастье.

Это случается. К счастью.

Тоска по державе — не тоска по силе. Это тоска по дому.

Не задавать бы проклятых вопросов. Не знать бы проклятых ответов.

Если окно грязное, то, несмотря даже на самый трескучий мороз, вымой окно дочиستا, до блеска! Станет в доме светлее, станет, от прямого солнца, теплее.

И совесть не так будет мучить.

Вот тут верность, а вот тут свобода. Что между ними?

Несовершенны и слабы мои мысли, но, может быть, и они свидетельствуют об этом несовершенном времени. Но совершенных времен и не бывает. Я называю зло злом. Я его не воспеваю, и нынче это стало нужно как кислород — не воспевать сущемерзкое, не любоваться им, а отвращаться от него душой и разумом.

И то еще надо понимать, что мы, может быть, живем в лучшем из миров в лучшее из времен время, и уж точно — в лучшей, для нас, стране. Потому что было — страшнее и кровавее, а как будет — мы не знаем.

«Оппозиция» — это часто не борьба с властью, а чисто половое влечение к власти.

Литература — воспоминание о себе.

Тошно ждать врача, а праздник — приятно. Болеть интересно. Много узнаешь о своих возможностях. Ты ж побеждаешь, из раза в раз, а проигрываешь только единожды. Но зато все, полностью. Все умрут. Но все рождались!

Беден, у кого все есть. У кого ничего — тоже. Где ж богатые-то? Это кто получил?

XXI век начался в разное время. Много есть внутренних начал. С 2000 или 2001 считать, это споры статистиков. Есть периоды, не принадлежащие ни одному веку или времени. XX век морально закончился. Он был страшнее предыдущего, и не дай Бог, чтобы не страшнее, чем наступивший.

Никто никогда не побеждает. Разве инстинкты... Но это же другое. Это средство, инструмент, всего лишь. Но ведь — формируют же цель. И все равно — никто никогда не побеждает. К счастью.

Слава не ошибается. Во всяком случае, слава здорово исправляет свои ошибки. Взять «известных поэтов»... То-то же — известных, то-то же — прославленных. Прославленный — как наряженный. Поэт и прославленный поэт, кто из них останется? Уж как прославлены Е., В., Р., — а велик Рубцов.

Если серьезно: вот из первоначального астрономического хаоса выпаривается земля. Планета. Океаны кислот. Миллиарды лет реакций. Бактерии, белки слепились. Первичные организмы. Микро. Постепенно, какие-то растения оживают. Из океана на сушу. Что-то живое. Эволюция. Обезьяны. Первобытные люди. Человек.

Вот все это есть технология создания Богом человека. Это, начиная от хаоса, от первичного взрыва — все задумано Богом. А мы смотрим: вот, гляньте, микроорганизмы, вот эволюция, вот пищевая цепочка, и при чем тут Бог?

На букву А в русском языке нет ни одного русского существительного. Всегда слышны корни: латинские, тюркские.

Иррациональная ненависть-страх-вина-восхищение — это ведь есть в «мире» к России. В западной цивилизации это есть, к которой мы, считается, некоторым образом, частью, принадлежим. Это, я думаю, схема, чепуха, потому что мы универсальны, и тем — непохожи на иные этносы. И вот: иррациональное темное к нам — и чем более неправду гундосят, тем более оттопыривают мизинец со стальным, бритвенным ногтем: вы не такие, вы растакие.

Мы не такие, кто спорит, да и вы тоже — так себе.

Те же американцы считают, что их не любят в мире из-за общего мирового невежества: не способны народы оценить благодетельность демократии... А их не любят — за уникальное высокомерное безразличие к сакральным тайнам народов, сокровенным тайнам мира, которым они так парадоксально обеспокоены. Везде они туристы или вояки — нигде не ученики у мира. Везде — хозяева, ну, значит, дорожка к провалу выстелена...

Вы просто сидите себе дома, и все. Не надо, выпивши, носиться по улице. Кольцом уравнивать права.

«Отнять и разделить» — нет, без комментариев, мерзость. Но вот же «либералы» отняли. А делить не стали. Но, «по понятиям», стали делиться. Конечно, есть и общак.

Следует ли умножать количество ошибок по той только причине, что из них в основном и состоит жизнь.

Иностранца можно сделать «русским». Ему понравится.

Для боли живем. Она об этом хорошо помнит.

Перед гостиницей «Космос» стоит бронзовая, маленькая, стройная Индира Ганди. Случайно она тут, в декабре. И растет невдалеке большое дерево, в центре бетонного кольца, по которому машины подъезжают к подъезду. Вместе бы им, поближе друг к другу. А то — снег идет, а она, бронза, позеленела, и кажется, что от нашего холода. И — столбом — генерал Де Голль.

Скажут мне: ты наивен. Я соглашусь. Я буду настаивать: я наивен. А вы, вы... какие? Вы какие?

А вообще-то — что такое человек? Почему так велика в нем склонность к предательству при том очевидном для меня понимании, что предательство, на самом деле, даже невыгодно. Даже невыгодно. Даже если это, как в политике, почти что «профессия», и то — невыгодно. На могилу ведь плюнут.

Но есть люди, которым безразлична их... нет, не могила, а — безразличны им другие люди. А если безразличны люди, то и предавать их легко.

Предательство — это не убийство.

Это самоубийство.

Ленина мне трудно все же представить. Он заслонен актерами, создававшими его образ и волей-неволей искажавшими его. В старых фильмах его идеализировали, Сокуров в своей ленте качнул тенденцию в противоположную сторону. И

сколько бы ни уверял режиссер, что его интересует «человек» в драматическом предсмертном состоянии, мы видим все же вывернутый наизнанку штамп.

СССР — прямое следствие революции. Или, что, опровержение ее?

Огромен был замах, может быть — в замахе и сухожилия порвались...

А уж добивать, предавать, растаскивать Союз — это уже было одно удовольствие.

Сколько чудовищ, сколько чудищ поганых выплыло разом из политического небытия, политического несуществования!

Но — издалека начиналась, рано формировалась традиция стада соратников.

Ленин на субботнике в Кремле — знаменитая фотография, знаменитая картина, знаменитый сюжет. Историки, говорят, насчитывают до ста претендентов на несение вместе с Лениным того самого бревна. Ну и что? Приблизиться к власти — тяга страшная.

Что в человеческом, а если хотите, в мистическом плане делает Кремль с правителями страны? Здесь есть неизбывная загадка... Кремль, безусловно, подчиняет их себе, и дело не в атрибутах власти, а в громадной ответственности, воплощенной в пластах собственно кремлевской истории. Для чего ты приходишь сюда, на кремлевский холм — поднять Россию или поднять себя? Примеров того и другого — немало. И кажется иной раз, что задача вдруг подменяется на противоположную, и тогда — Кремль исторгает правителя. А как и где физически это осуществляется — в Горках, в Форосе, в Беловежской Пуще — уже несущественно.

«Кресты» в Питере и наша Бутырка в Москве парадоксально напоминают по архитектуре замки «новых русских». Башенки. Я никак не против этих самых замков. Есть богатые, и есть бедные, и так будет всегда. Но в архитектуре надо разбираться, если деньги завелись. А то ведь параллели появляются. А лучше бы — появлялись дома, побольше. Что такое, страна по населению уменьшается, олигархи разбегаются, замки строятся, сколько народу в тюрьмах мается, а жилья не хватает и не хватает!

Почему темный мужик в России судит и рядит обо все на свете, и обо всем имеет своеобразное мнение? Может, он не особенно и темный? Среди бедных много умных. Почему американец из «глубинки» мало чем интересуется вне США? Я думаю, а зачем ему? Я — без иронии. У него все в порядке, а что не в порядке, он привык, не воспринимает как дисгармонию. С нашей точки зрения там не все правильно, но это — наша точка зрения, и американцев она мало волнует. Мы же крутим головой во все стороны, высматривая, где какая жизнь. Телевидению мы не верим, это они там, в Останкино, знают. Американцы своему TV — верят безусловно, потому что если веришь — тебе спокойнее. Пропаганда легко все оправдывает, включая несправедную войну, фальшивые выборы, да что угодно.

Политическая свобода без свободы материальной — не лучше каторги.

Хорошо бы понять до конца, что же в душе на самом веру и в самом низу. Мы живем в безопасной, но и безрадостной середине. Не зная себя, не знакомые с собой. В этой серединке, уютной как одеяло, жизнь идет незаметно, привычно, безвкусно — и быстро. «Внизу» и «вверху» — медленно, подробно. Поэтому вся жизнь и проносится перед глазами... за пять секунд падения в лестничный пролет.

Миша Златковский, художник. Работа называется «Террор». Человек бьет разможженной своей головой о подвешенный рельс.

Миша уехал вместе с женой-писательницей в Америку, в трудные недавние годы. Жил там на острове, заселенном отставниками-офицерами военно-морских сил США. Английский знает, был там Майклом, а про московское прошлое не распространялся. Сосед как-то спросил, получил ли Майкл юбилейную медаль за Вьетнам. Вы же участвовали в кампании, спросил. Миша ответил, что да, он, Майкл, служил тогда в подводном флоте. Ну, вот, сказал сосед, идите и получите медаль в нашем островном военкомате. Миша пошел, продиктовал компьютерной девушке свои данные, включая воинское звание, и исключая название флота, на котором нес службу, а флот этот был — Тихоокеанский флот СССР. Через малое время получил медаль, награда нашла героя. А потом регулярно уже их получал: медалки, значки, ленточки, все как положено.

Надоела Америка до смерти, решил ехать в Москву. Пришел к своему американскому соседу и все честно рассказал. Тот просит: меня не закладывай! Миша говорит: ни в жизнь, товарищ адмирал! Адмирал за это дарит ему парадную американскую военно-морскую форму.

По возвращении в Москву Мишин брат-энтузиаст приглашает его на открытие небольшого местного музея в Подмосковье, посвященного военно-морскому флоту СССР. Сам его же и организовал, этот музей. Поскольку Миша приехал на открытие со своим знаменитым в ветеранских кругах братом, то Мишу попросили расписаться в книге почетных гостей и оставить о себе данные — кто, что, где служил и т.д. Миша продиктовал, что служил в подводном флоте США и имеет награды.

Ветераны поднимали вверх палец и говорили друг другу понимающе: «Наша разведка — везде!»

КАК я живу. Как Я живу. Как я ЖИВУ.

* * *

МУДРОСТЬ СОЛОМОНА

По мотивам Сергея Дмитриева

И сказал в раздумье тяжком Соломон:
«Я в процесс познания всей душой влюблен,
Но не понимаю, гром меня убей,
Я на свете этом четырех вещей:

По каким законам держит путь орел.
Как змею на скалы путь ее привел.
Как находит судно путь, коль в море мрак.
Женщина к мужчине путь находит как».

Я тебе отвечу, мудрый Соломон,
Выше всех премудростей есть судьбы закон.
Но судьба всесильная не во всем вольна,
И над нею сила есть — велика она.

...Не назову ее, но только обозначу
Стихом того, кто в вечности уже.
Читаю. И ликую я, и плачу
На этом светозарном рубеже:

«Когда пробьет последний час природы,
Состав частей разрушится земных:
Все зримое опять покроют воды,
И божий лик изобразится в них!»

* * *

Я понял: жизнь не так трагична,
Когда увидел у стены
Полуразрушенной кирпичной
Того, кто видел в полдень сны.

Спиною опершись привычно
На кладку теплую слегка,
Он был сугубо безразличен
К той жизни, что пред ним текла.

Она пред ним — происходила:
Шумел базар, гудел вокзал,
Все быстро движущееся мимо
Он в сон свой крепкий не включал.

Он был силен. Он был не пьяный.
У ног коробка от туфель.
Немного мелочи лежало
И две десятки мятых в ней.

С полсотни я наскреб в кармане,
Усовестившись крепко вдруг.
Я тем был поражен и ранен,
Что был тот человек — без рук.

Его глаза газет не знали,
А потому был ясен взор.
И завязался между нами
Принципиальный разговор.

С дурным бестактным состраданьем
Спросил я, трудно ль жить ему,
Он не ответил мне вниманьем —
И я не понял, почему.

Он в жизни тоньше разбирался,
Чем я. Он это дал понять,
Когда, помедлив, отозвался:
— А что, мне надо умирать?

* * *

Есть красота в ее походке легкой.
Она мгновенно раскрывает смысл
Движений, обаятельно неловких,
И жестов соблазнительную мысль.

И молода, и хороша собою
Она одна. Ей хочется любить.
Она себя придумала и строит
Большие планы, как себя дарить.

Она одна. С ней рядом нету друга.
Но ждет она: появится один
Из лучшего блистательного круга
Любовник, покровитель, господин.

Красивый раб. Добытчик и советник.
Чтоб слушал, чтобы умно говорил,
Чтоб понимал и чувствовал ответно,
Чтобы любил, любил, любил, любил.

Но он детей не хочет! Что же, разберется
Она с собой и как-то будет жить.
Над скудной победой усмехнется,
На бабью долю станет ворожить.

* * *

В городе птиц не стало,
Нет ни грачей, ни ворон.
К их чернокрылым стаям
Был равнодушен он.

Я разумею, город —
Коллективное существо —
Птичьи дикие хоры
Не отвлекали его.

Что тут у нас происходит?
Птицы от нас летят,
На мусорных полигонах
Почему пировать не хотят?

Там, где хаты да вишни,
Теперь их ночи и дни.
На братской войне не лишние —
Там пируют они.

* * *

И сказал ему Бог: не горюй, выпадет снег на твои поля
И в эту зиму сухо-бесснежную.
Плуг готовь, потому что весной захочет земля
Познать его ласку железную, нежную.

Готовь семена, и если от голода будешь умирать,
Все равно не трогай ни зерна из последней горсточки.
И паши, и сей, и заранее готовься жать,
И ничего, что станут болеть и ныть твои косточки.

И еще, покуда будет колос расти,
Сделай жернов — дай смысл гранитному валуну,
Крыльями мельницы ветер поймай и приручи,
Как день приручает солнце, а ночь — луну.

Скосишь поле — будешь, значит, усердный жнец.
Будешь волом — в амбар зерно перевезешь.
Будешь мельником — намелешь муки и — наконец! —
Будешь пекарем — и Господу хлеб испечешь.

Тогда он ответил: Господи, не ропщу, на труды я встал,
Но ведь я один, а урок тяжел, грозный мой судия!
И ответил Бог: «Трудись, хоть и болен ты, и устал.
Посмотри: ведь покуда один и я».

Он трудился, и горький пот по челу его тек,
И в поле вырос урожай — минул его недород.
Он скосил колосья, смолол муку и хлеба испек,
Тогда взял Господь пять хлебов и накормил народ.

* * *

Был я мальчишка,
мальчик черноволосый, гибкий, неудержимый...
По ночам мы воровали яблоки из садов,
просто было от пуза дури,
По очереди, вместе, друг у друга, так мы дружили.
Яблоки падали с веток, падали груши-дули.
Те, что остались висеть, дугами ветки гнули.

Прыгая через забор, я парил над забором,
Золотых сазанов ловить я ходил спозаранку.
Не было крыльев, но воздух мне был опорой.
Подорожник залечивал вмиг любую ранку.
Утро кончалось быстро, день кончался не скоро.

Зимой обжигал мороз, даже садился голос!
Однажды опухли уши, потому что я их отморозил.

Я на спор лизнул на страшном морозе железный полоз.
Язык приварился с кровью. Я ослаб, но сначала полз,
Потом совсем обессилел. Товарищ меня не бросил.

Стыдные сны мне снились, горячие, потаенные.
Виделось, билось, гнулось женское тело,
Во сне узнал его... еще не любивший и не влюбленный
Смущался разум, душа стыдилась, лицо краснело.
Но что-то во мне ликовало и что-то пело.

Весь день говорило радио, книжек было немного.
Мы жили бедно, не слишком сытыми спать ложились.
Невдалеке день и ночь гремела дорога
Железная, где по рельсам мимо нас проносились
Пассажирские поезда по расписанию строгому.

Стучали колеса. Мне разные страны снились.
Снился в клетчатом пиджаке мужик с бородою рыжей,
Снился античный дворец, руины, книжные фолианты
Средневековые. Проснувшись, я думал, что побывал в Париже,
Ведь только там на каждой женщине крупные бриллианты.

Что вспоминать, что говорить, дивное время было.
Бедная мама крепко меня любила,
Даже за то, что из дома сбежал, не била,
Один раз хворостиной взмахнула, заплакала, все простила.
В церковь до заводского гудка ходила.

Нынче думаю, жизнь удалась, просто выпал боли избыток.
Она никогда не дремлет, ни минуты она не спит.
Если кому неизвестна такая пытка,
Тот вряд ли поймет, за что эту жизнь любить.
Да и она не знает, как с ним быть.

Если умру, то однажды утром
снова проснусь я мальчиком,
мальчишкой черноволосым, босым, гибким, неудержимым,
С яблоками, с удочкой, с тоненькой книжкою...
Вы уж поверьте слову, меня дождитесь.
Лишь бы проснуться, лишь бы проснуться, дорогие мои, любимые...

Ирина Белякова

С ЗАПОВЕДНЫХ ЛЕТОПИСНЫХ ВРЕМЕН

(К 90-летию Лискинского района)

Первое упоминание об удивительных раритетах Лискинской земли содержится в Никоновской летописи. В 1389 году митрополит Пимен в третий раз отправился в Царьград к Патриарху, о чем повествует «Хождение Пименово в Царьград» Игнатия Смольянина, в числе других сопровождавшего митрополита. Посещения столицы Византии стали необходимы клирикам с тех пор, как официальной религией Древней Руси стало христианство. Путешествие началось 13 апреля во второй день страстной седмицы. На Фоминой неделе, то есть во время Радоницы, путешественники достигли реки Дон. В следующую неделю — святых жен-Мироносиц — начали спуск по Дону вниз. Игнатий Смольянин дает такое описание местности: «Бысть же сие путное шествие печально и уныливо, бяше бо пустыня зело всюду, не бе бо видети тамо ничтоже: ни града, ни села; аще бо и быша древле грады красны и нарочиты зело видением места точно пусто же все и не населено; нигде бо видети человека, точно пустыня велия, и зверей множество...»¹

Отметим, что в XIV веке, когда состоялось это путешествие, Русь еще страдала от нашествия кочевых племен, поэтому автор говорит о том, что очень печально и уныло было это путешествие, нет ни града, ни села, не видно ни одного человека, только огромное количество зверей и птиц. Далее пишется о том, как путешественники миновали реки Мечу и Сосну, в третий день прошли Острую Луку, на четвертый — Кривой Бор, на шестой — подошли к устью реки Воронеж. Наутро следующего дня, в день памяти святого Николая, встретились с князем елецким Юрием и с вестником от князя рязанского Олега Ивановича.

«Оттуда же приплыхом к Тихой Сосне и видехом столпы каменны белы дивно же и красно стоят рядом, яко стози малы белы же и светлы зело над рекою над Сосною»², — эту фразу местные краеведы считают первым упоминанием о Лискинской земле в Никоновской летописи. В настоящее время то летописное место у Тихой Сосны называется Дивногорьем. Здесь расположен уникальный природный архитектурно-археологический музей-заповедник «Дивногорье», созданный в 1991 году, а в 2016 году получивший статус музея-заповедника федерального значения. Возможно, название хутора Дивногорье существовало еще до записок Игнатия Смольянина, но до нас дошли только его сведения.

Необходимость защиты нашей территории от набегов различных кочевых племен, чаще всего крымских и ногайских татар, потребовала создания действенной сторожевой службы. Московские государи еще в XIV веке считали необходимым укрепить свои юго-восточные границы. Митрополит Алексей около 1360 года в своей грамоте на Червлёный Яр упоминает «скрытые притоны» разъезжих сторожей и станичников, которые должны были наблюдать за движениями татар и доносить о них в Москву, причем эти разъезды были расположены по Хопру, Дону, Быстрой Сосне и доходили до Тихой Сосны, включая в себя территорию современного Лискинского района. В XV веке юго-восточные границы Руси расширились и русская стража, состоявшая из детей боярских и казаков, стояла на упомянутых реках и рубежах, но уже не только для наблюдения, но и для преследования разбойничавших кочевников.

С конца XVI века русская сторожевая служба была оформлена официально и в 1571 году получила Устав сторожевой и станичной службы. Царь Иван Васильевич (Грозный) издал указ от 1 января 1571 года, в котором поручил князю Михаилу Ивановичу Воротыньскому разработать письменные рекомендации для всех участников сторожевой службы³. Этот документ принято считать первым Уставом воинской службы на Руси.

К нашим местам он имеет прямое отношение, поскольку на территории современного Лискинского района располагался общерусский сторожевой пост «Богатый затон». «В том же году (1576), Марта в 15 день, по приговору Бояр, Князя Ивана Федоровича Мстиславского, Князя Петра Даниловича Пронского и Никиты Романовича Юрьева, да Дьяков Андрея да Василья Щелкаловых, сделаны некоторые изменения в службе, согласно с показаниями станичных голов. Именно: во-первых, головы, стоявшие на Дону усть-Тулучеева, переведены на Дон усть-Богатого Затону; потому что прежние места сделались известны Крымцам и Ногайцам...»⁴

Далее Боярский приговор о сторожевой и станичной службе рассказывает о том, что в 1579 году из-за появления новых путей проникновения крымских и ногайских татар возникла необходимость усилить две сторожи: на Осколе усть-Убли и на Дону усть-Богатый Затон. «И посему боярин Никита Романович Юрьев так искусно расположил разъезды этих двух голов (глав сторожей. — *И.Б.*), что они обхватывали все пути Крымцев и безпрестанно сносились друг с другом; [...] по росписи 1579 году при каждом голове назначено по 50 человек; [...] в 3-х: для Донского головы оставлены прежние разъезды направо вверх по Тихой Сосне по правому берегу, до истоков Валуйки, где съезжаться с Оскольскими станицами, а налево изредка посылать станицы по Дону к Меловым горам для охранения Рязанских и Мещерских краев...»⁵

Наша сторожа у Богатого Затона передала эстафету сторожевой службы, учрежденной Боярским приговором от 1 марта 1586 года, крепости Воронеж: «...состоялся приговор выстроить два новых города, Ливны и Воронеж [...], второй на Дону и Воронеже, не доезжая двух дниц до Богатого Затону [...]»⁶. Воронеж приказано было строить воеводе Семену Федоровичу Сабурову, Ивану Судакову, Василию Биркину, бывшему первым стоялым головой Богатого Затона.

В распоряжение сотрудников Лискинского историко-краеведческого музея известным краеведом Владимиром Ивановичем Мониним передана электронная копия документа: «Чертеж городов, сторож и станичных разъездов на Степной Украине Московского государства к книге о сторожевой и станичной службе». На карте отмечена сторожа Богатый Затон в числе тех, которые появились после 1571 года, причем надпись занимает огромную территорию практически от впадения в Дон реки Потудань до реки Битюг.

Зачастую старинные топонимы не исчезают бесследно. В черте города Лиски и

по сей день существует озеро Богатое, — здесь расположена здравница российского значения санаторий-профилакторий «Радон».

История же поименования самого города Лиски столь же захватывающа, сколь и запутанна. Краевед В.И. Монин предоставил ценные архивные сведения из Государственного архива Воронежской области, которые мы использовали в данной статье.

Есть наиболее спорный вопрос относительно названия населенного пункта, образовавшегося на территории современного города Лиски в XVIII веке. Многие источники утверждают, что здесь находилось село Петровское, возникшее еще в начале XVIII века, когда Петр I двигался по направлению к Азову и строил на Нижнеикорецкой верфи в 1709–1711 гг. большие морские лодки. Противники данной версии говорят о существовании села Новая Покровка, а никак не Петровского на месте современного города Лиски, утверждая версию, что село получило это название после того, как в 1784 году здесь была построена еще одна (новая) Покровская церковь. Старая Покровская церковь находилась в соседнем селе Песковатка. По церковному престолу церкви Покрова Пресвятой Богородицы и стали называть село Новопокровским. В.И. Монин нашел в Государственном архиве Воронежской области документы, подтверждающие использование обоих названий. Это «Дело о причислении вышедшего из Атилинской порты малороссийского крестьянина М.С. Артамонова в экономические крестьяне села Новопокровского Петровского. 4–23 января 1795 года»⁷. В названии дела упоминаются оба ойконима. Село Новопокровское впервые упоминается в 1779 году в доношении Бобровского уездного суда в Воронежское наместничество о количестве населенных пунктов в Бобровской округе и жителей в них: «Села Новопокровского 299 душ экономических (бывших монастырских) крестьян»⁸.

В конце XIX века в Новой Покровке появляется железнодорожная станция Лиски. Первая ветка железной дороги Москва — Ростов (1870 г.), вторая — Харьков — Балашов (1895 г.) делает станцию узловой.

Впоследствии станция Лиски даст название городу, поэтому рассмотрим историю возникновения названия станции. Первоначально проект железной дороги предусматривал появление новой станции в нашей местности на правом берегу Дона, у старинного села Лиски. Однако рельеф местности правого берега очень сложен, строительство обещало стать очень дорогостоящим. Да и расположение станции могло быть не совсем удобным для проезда составов, которым приходилось бы перемещаться на левый берег Дона, чтобы проследовать на север. В любом случае, после рассмотрения на месте всех вариантов, инженеры приняли решение перенести станцию на левый берег, а название оставили утвержденное в проекте — «Лиски». Так стали соседствовать станция Лиски и поселок Новая Покровка.

До 1928 года территория современного Лискинского района входила в состав трех уездов: Бобровского, Коротоякского и Острогожского, поэтому к каждому населенному пункту Лискинского района нужно подходить индивидуально и рассматривать архивные документы, касающиеся этих трех уездов. Новая Покровка считается предшественником города Лиски, поскольку в Новопокровскую волость с волостным правлением в с. Новопокровском (Новая Покровка, Петровское) входила и станция Лиски Козлово-Воронежской-Ростовской железной дороги (всего 9 дворов, 410 жителей обоего пола, народность населения — великороссы). Жители станции Лиски приходом причислены к Покровской церкви с. Новопокровского⁹. С развитием села и поселка при станции, вновь возникающие торговые, промышленные, кустарные, учебные, развлекательные и другие организации и учреждения получали свои названия от села Новопокровского или станции Лиски: Новопокровское земское училище — заведующая Н.В. Белякова, почто-

во-телеграфная контора Лискинская — начальник Я.Ф. Гончаров, Лискинский элеватор — смотритель Л.А. Матеранский, Дамский ж/д Комитет (ст. Лиски) — председательница Е.Е. Томчани, Лискинское двухклассное училище (при ст. Лиски) — заведующий И.С. Забелин¹⁰.

Революционные события 1917 года принесли новые веяния на нашу землю. В марте 1918 года командующий революционными войсками Рязанской и Воронежской губерний Григорий Петров, прибывший на станцию Лиски, в целях воодушевления красных защитников железнодорожного узла от натиска белых своим приказом присвоил поселку Новая Покровка статус «городок» и дал ему имя «Свобода». Городок — это статус населенного пункта — группа жилых, служебных зданий, учреждений единого назначения (в черте какого-либо населенного пункта); к примеру, университетский, военный и т.д.¹¹ Таким образом, получалось, что станция Лиски и городок Свобода территориально относились к Новопокровской волости Бобровского уезда.

Григорий Константинович Петров — командарм 1-й Южной армии РККА и командующий Закавказским фронтом РККА — был наделен талантом выдающегося военачальника. В 25-летнем возрасте он считался уже крупным военным деятелем Красной Армии на юге России. Особую известность приобрел как военный комиссар Бакинской коммуны. Погиб 20 сентября 1918 года¹².

В 1928 года в СССР была проведена административно-территориальная реформа. Наряду с другими был образован Лискинский район, названный так по крупнейшей железнодорожной станции Лиски, образованный из земель Бобровского, Коротояжского и Острогожского уездов. Административным центром Лискинского района стал рабочий поселок Свобода.

20 апреля 1937 районный центр Лискинского района — рабочий поселок Свобода — Указом Президиума Верховного Совета РСФСР был преобразован в город Свобода. Станция продолжала называться Лиски и район именовался Лискинским¹³.

В 1942–1943 гг. Лискинский железнодорожный узел стал важнейшим объектом инфраструктуры и снабжения советских войск, особенно в момент проведения Сталинградской битвы и при подготовке и осуществлении Острогожско-Россошанской операции. Лискинские железнодорожники обратились к властям о переименовании города Свобода в город Лиски, чтобы название станции совпадало с именем города. Указом Президиума Верховного Совета РСФСР от 02.02.1943 г. город Свобода переименован в Лиски по названию железнодорожной станции¹⁴.

В двадцатых числах марта 1965 года в центральных газетах был опубликован Указ Президиума Верховного Совета РСФСР, согласно которому «в целях увековечивания памяти руководителя румынских коммунистов и государства Румыния, видного деятеля международного коммунистического и рабочего движения Георге Георгиу-Дежа» город Лиски переименовывался в Георгиу-Деж¹⁵. Район остался Лискинским.

В конце восьмидесятых годов ветры перестроечных перемен докатились до города Георгиу-Деж. Местные жители неоднократно обращались к властям с предложением вернуть городу его историческое имя. В 1990 году в городе был проведен референдум, по итогам которого стало ясно, что большинство населения выступает за возвращение городу имени Лиски. Сессия горсовета обратилась в Воронежский областной Совет народных депутатов с просьбой ходатайствовать перед Президиумом Верховного Совета РСФСР о переименовании города Георгиу-Деж в город Лиски. Просьба была удовлетворена Указом Президиума Верховного Совета РСФСР № 525–I от 25 января 1991 г. «О переименовании города Георгиу-Деж Воронежской области в город Лиски»¹⁶. Следует отметить, что население восприняло данный факт все же неоднозначно, разделившись по

возрастному принципу. Более старшие испытали чувство удовлетворения, а молодежь скучала по предыдущему, на их взгляд, романтическому, но непривычному русскому уху названию.

С 1991 года название нашего города не менялось.

ПРИМЕЧАНИЯ:

¹ Полное собрание русских летописей (ПСРЛ), т. 11, летописный сборник, 1897, pdf, стр. 56. [Электронный ресурс]: Режим доступа: <ftp://nozdr.ru/biblio/history/psrl/>

² Указ. соч., стр. 56.

³ Беляев И.Д. «О сторожевой, станичной и полевой службе на Польской Украине Московского государства до царя Алексея Михайловича», М., 1846 г., С.1–4.

⁴ Там же, С. 22–23.

⁵ Там же, С. 27.

⁶ Там же, С.29.

⁷ ГАВО, фонд И–263. Бобровско-Павловская нижняя расправа 1732–1810 годы, опись 1, дело № 195.

⁸ ГАВО, фонд И 26, опись1, дело № 52, том 1, л.д.51.

⁹ Памятная книжка Воронежской губернии на 1887 год, отдел 1-й, страница 31.

¹⁰ ГАВО, фонд И 20, опись1, том 5, дело № 9023, 1913 год.

¹¹ Ефремова Т.Ф. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный. — М.: Русский язык, 2000 г. — [Электронный ресурс]: Режим доступа: <https://slovar.cc/poiskfind.htmlhttp://efremova-online.ru/>

¹² Синякова Т.А. И дал ему имя Свобода/Татьяна Синякова// Лискинские известия — 2018. — 15 мая.

¹³ Беззубцев А.П. Эволюция статуса и названия районного центра с начала 20 века до начала 21 века. / А.П. Беззубцев // Краеведческий альманах «Петровская слобода». — 2009. — № 2. — стр. 8–11.

¹⁴ Там же.

¹⁵ Валерий Тихонов. Возвращение имени. — Без формата.RU: [Электронный ресурс]: Режим доступа:<http://voronej.bezformata.ru/listnews/vozvrashenie-imeni/35430424/>

¹⁶ Электронный фонд правовой и нормативно-технической документации — [Электронный ресурс]: Режим доступа: <http://docs.cntd.ru/document/901605873>

Николай Алексеев

ПРАВО НА ДОБЛЕСТЬ

(Отмечен ратный подвиг Лисок)

Указом губернатора Воронежской области от 30 марта 2015 года №121-у городу Лиски присвоено почетное звание «Населенный пункт воинской доблести».

В канун празднования 70-летия Великой Победы это почетное звание для Лисок — словно боевая награда, нашедшая солдата в его мирной жизни. Награда не только за личное мужество в ожесточенных полугодовых сражениях на Дону с немецко-фашистскими захватчиками, но и за мощную поддержку Москвы и осажденного Сталинграда, за вклад в разгром гитлеровцев на Курской дуге. Главу Лискинского района Виктора Шевцова, инициировавшего обращение к главе региона с просьбой рассмотреть вопрос о присвоении Лискам этого почетного звания, единодушно поддержали и краеведы, и общественность города и района, особенно ветераны, люди военного поколения, на чьих глазах и чьими руками писалась огненная летопись мужества города на Дону.

Не сдавшись врагу летом 1942 года, Лиски (до 1943-го — город Свобода) отчаянно оборонялись на донском рубеже, сковывая силы гитлеровцев, рвущихся к Сталинграду и кавказской нефти. Обломав зубы о непокорную Свободу с узловой станцией Лиски, немцы осенью 42-го стали спешно строить обходную железнодорожную рокаду от Острогожска до Евдаково, назвав ее «Берлин-Сталинград». Но Острогожско-Россошанская наступательная операция, начавшаяся с лискинских плацдармов по личному указанию Верховного Главнокомандующего, поломала ребра не только зловещей «берлинке», унесшей жизни тысяч советских военнопленных и жителей Острогожского, Каменского и Лискинского районов, но и положила конец планам вермахта стереть с лица земли Сталинград.

Кстати, из Лисок расквартированный здесь запасной кавалерийский полк, спешно пополнившись в первые дни войны местными призывниками и добровольцами, ушел в подмосковные поля, чтобы заслонить собою ближние подступы к столице. Заслонил ценой сотен жизней кавалеристов, сражавшихся с танками пашками и трехлинейками, но немцев к Москве на своем участке обороны не пропустил. Придонские лискинские плацдармы — Щученский и Сторожевской — стали изнуряющим гитлеровцев правым флангом Сталинграда, не давшим распахнуть врагу «железнодорожные ворота» к твердыне на Волге. Через них город-крепость специальными паровозными колоннами особого резерва НКПС, сформированными на Лискинском железнодорожном узле, снабжался войсками и техникой.

На снимке (справа налево): бывший губернатор Воронежской области, ныне вице-премьер Правительства РФ Алексей Гордеев, ветеран Великой Отечественной войны Николай Ижогин и глава администрации Лискинского района Виктор Шевцов у стелы «Лиски — населенный пункт воинской доблести»

Леонид Клименко, пятнадцатилетним кочегаром водивший поезда к фронту в паровозной бригаде отца, вспоминает те дни так: «И лекарства пью вроде, но и сейчас в голове порою шум и звон стоит такой, что гложу от этой памяти. И слышится снова вой сирен, взрывы бомб и снарядов, свист пуль и грохот осколков по незащищенной паровозной будке. Взрывные волны швыряют о железные стенки, а рельсы, посиневшие от адского огня взрывов, в спирали закручиваются...»

Свидетельством мужества и непреклонности города железнодорожников стало событие, не имеющее аналогов в истории иного другого железнодорожного узла страны: в разгар 1943 года сразу трем железнодорожникам-лискинцам — Александру Лысенко, Филиппу Федосову и Владимиру Жолудеву — присвоены высокие звания Героев Социалистического Труда. За подвиги в боях на лискинской земле стали Героями Советского Союза «лискинский Матросов» Чолпонбай Тулебердиев и лейтенант-танкист Петр Козлов. Высокими наградами Родины отмечены юные лискинские разведчицы-пионерки Лиля Федодеева и Надя Зернюкова.

А уже летом 1943-го лискинские железнодорожники, не успев залечить собственные раны, пулевые пробоины в паровозных котлах и искореженные бомбами станционные пути, фронтowymi эшелонами с живой силой и оружием возмездия мощно подпитали Курскую дугу, предопределив тем самым победу Красной Армии в мощнейшем из сражений Великой Отечественной войны.

«Если бы не четкая работа железнодорожного транспорта, если бы не героический труд железнодорожников, не было бы Победы», — так по-солдатски жестко, категорично и справедливо отметит Маршал Победы Георгий Жуков общий вклад железнодорожников в разгром гитлеровской Германии. Есть в этой высочайшей оценке и самоотверженность лискинцев. «За мужество, стойкость и массовый героизм, проявленные защитниками города в борьбе за свободу и независимость Отечества» — так определил Указ губернатора солдатскую славу Лисок, носящих отныне почетное звание «Населенный пункт воинской доблести». Награда нашла героя.

ДЕНЬ ЗА ДНЕМ, ЗА ВЕХОЙ ВЕХА

(Из хроникальных событий края)

НОЯБРЬ 1920 ГОДА.

Бесславно закончилась военная интервенция против России. Решительным штурмом отряды Красной Армии взяли Крым, сбросив в море последние военные иностранные подразделения.

В первых рядах штурмующих Крым был наш земляк Григорий Николаевич Муковнин из села Бодеевка. За личное мужество в этих боях ему была объявлена революционная благодарность, а легендарный полководец гражданской войны Фрунзе лично вручил ему орден Красного Знамени. Для лискинцев это была первая самая высокая награда советского периода.

МАРТ 1925 ГОДА.

При большом стечении народа на окраине поселка Свобода при станции Лиски заложен первый камень в фундамент будущего клуба железнодорожников. Более двух лет под руководством смотрителя здания Г.Д. Кораблинова железнодорожники своими силами строили клуб — первый на Юго-Восточной дороге. А в декабре 1927 года клуб гостеприимно распахнул двери перед первыми посетителями.

ОКТАБРЬ 1929 ГОДА.

Около 500 рабочих и жителей села Давыдовка вышли на стройплощадку для возведения цехов картофелесушильного завода, одного из первых в стране заводов по изготовлению картофельной крупки для хлебобулочной промышленности крупнейших городов России. На заводе было установлено первоклассное германское оборудование. В 1951 году на заводе была осуществлена реконструкция цехов, установлено новое оборудование по производству сушеных овощей, и выпуск картофельной крупки был прекращен. В 1953 году к овощесушильному заводу были присоединены цеха завода потребкооперации.

1 ЯНВАРЯ 1932 ГОДА.

По состоянию на этот день, территория Лискинского района составляла 1334,4 квадратных километра. В нем было 80 населенных пунктов, объединенных в 16 сельсоветов. Население района — 69579 человек. Наиболее крупными населенными пунктами были районный центр, рабочий поселок Свобода — 13608 человек, с. Средний Икорец (4925), с. Нижний Икорец (4745), с. Лиски (3242), с. Старая Покровка (3024), с. Песковатка (2961), с. Колыбелка (2802), с. Щучье (2619), с. Залужное (2067).

Территория Давыдовского района составляла 567,9 квадратных километра. В него входило 36 населенных пунктов, 11 сельсоветов, где проживало 39402 человека. Наиболее крупные поселения района: районный центр — село Давыдовка — 3886 человек, с. Тресоруково (4216), с. Дракино (3752), с. Аношкино (3364), с. 1-е Сторожевое (3222).

27 СЕНТЯБРЯ 1935 ГОДА.

По инициативе А.М. Горького массовым тиражом издана книга «День мира», запечатлевшая события из разных точек нашей планеты именно в этот день. В книге нашлось место и сообщению из Лисок: «Железнодорожный узел преобразуется. Еще 2 машиниста построили себе дома. В депо приехал новый инженер...» Было в книге и несколько строк о жизни села Средний Икорец: «Колхозный строй победил. Новое настойчиво пробивает себе дорогу. Тракторист Иван Васильевич Рудаков въехал в село на отечественном тракторе. Прощайте, 700 сох».

1 МАЯ 1936 ГОДА.

Паровозом серии «ФД-20-529» проведен первый грузовой состав на участке Лиски — Отрожка. А за несколько дней до этого в паровозное депо Лиски взамен устаревших паровозов серии «О», «ЭМ», «СУ» начали поступать первые магистральные сверхмощные локомотивы серии «ФД» и «ИС».

1 АВГУСТА 1938 ГОДА.

В бою с японскими самураями у озера Хасан проявил героизм В.М. Винивитин, уроженец с. Щучье. Будучи раненым, он из числа таких же раненых сколотил отряд добровольцев и привел его на сопку Заозерную, что позволило пограничникам продержаться до подхода регулярных войск. В качестве проводника-разведчика он вел в бой один из подошедших батальонов и... погиб. В.М. Винивитин стал Героем Советского Союза, первым Героем среди пограничников страны и первым из уроженцев Лискинской земли.

22 ИЮНЯ 1941 ГОДА.

В летной книжке нашего земляка Ефима Лабина две записи:
«3 часа 00 мин. «СБ» 4-е учебное упражнение, задание номер 2».
«7 часов 00 мин. «СБ» Первый боевой вылет».

Промежуток между этими записями стал страшной границей, разделившей жизнь всей страны на «до войны» и «война».

Первая запись — это обычная учебная работа. Летали ночью на Минск и Борисов. Отрабатывали полет в облаках и лучах прожекторов. Около 4-х часов посадили свои «СБ» (скоростные бомбардировщики) в Бобруйске, заправили их, зачехлили и, как обычно, пошли в столовую. Там их и застала первая не учебная, а боевая тревога. Уже в 7.00 звено из 9 «СБ» ушло на бомбометание скопления моторизованных частей врага в районе Бреста. С чувством глубокого удовлетворения наблюдал Е. Лабин, как первые же бомбы разметали в стороны машины с горючим и бронетехнику.

Е. Лабин стал одним из первых в стране, награжденных в июне 1941 года.

ЯНВАРЬ 1942 ГОДА.

В паровозном депо Лиски создан бронепоезд «Лискинец». Локомотивную бригаду бронепоезда возглавил старший машинист С.Ф. Лабин, машинистами стали В.И. Башкатов, Г.А. Федоров.

Одним из помощников стал шестнадцатилетний Ваня Вырвикишко, известный в дальнейшем машинист. Уже в феврале 1942 года бронепоезд получил боевое

крещение под городом Мармыжи, затем сражался на Курской дуге, на землях Украины, Польши. На счету «Лискинца» десятки сбитых самолетов, уничтоженной техники и живой силы врага. Паровоз бронепоезда неоднократно повреждался, в одном из боев погиб машинист Г. Федоров, но лискинцы с честью прошли выпавший им боевой путь.

10 ИЮЛЯ 1942 ГОДА.

На Лискинский железнодорожный узел и город Свобода совершен самый массированный налет фашистской авиации. Узел бомбили свыше 60 самолетов, сбросивших более 600 бомб различного калибра и назначения. Было разрушено много приемо-отправочных путей, стрелочных переводов, повреждены паровозное депо, служебные здания узла... Горела земля, плавилась конструкция, но еще не затих гул отбомбившихся самолетов, а на путях появились люди. Тушились пожары, восстанавливались пути, приводились в рабочее состояние паровозы, выгоны. Узел продолжал жить и сопротивляться врагу.

2 ФЕВРАЛЯ 1943 ГОДА.

Город Свобода в максимальной степени являлся городом железнодорожников, что оказывало влияние на все стороны его жизни. В связи с тем, что железнодорожная станция со дня своего рождения продолжала именоваться Лискама, вполне обоснованным стало переименование города Свобода в город Лиски.

СЕНТЯБРЬ 1943 ГОДА.

Общая беда, насущная необходимость защиты Родины от порабощения сплотили воедино весь народ. В этих условиях государство сделало определенные шаги навстречу Русской православной церкви. К сентябрю 1943 года церковно-государственные отношения улучшились настолько, что в городе Лиски вновь был открыт Покровский храм, (он прекратил прием верующих с 1938 года).

МАРТ 1944 ГОДА.

Недоедая и недосыпая, трудились лискинцы во имя Победы, одновременно собирая по крохам средства для вооружения сражающейся Красной Армии. Их вклад был весомым и по достоинству оценен Государственным Комитетом Оборона. Лискинцам пришла следующая правительственная телеграмма:

«Секретарю Лискинского РК ВКП(б) т. Кущеву, предрайисполкома т. Киселеву, секретарю парткома узла т. Панову, председателю РК профсоюзов железнодорожников т. Бобкову. Передайте трудящимся Лискинского района, собравшим 578000 рублей на строительство танковой колонны «Лискинский колхозник» и 728000 рублей на строительство штурмовых самолетов «Железнодорожник Юго-Восточной», мой братский привет и благодарность Красной Армии. И. Сталин».

1944 ГОД.

С небывалым подъемом трудились лискинские колхозники в 1944 году. Единственным их помыслом было сделать все возможное для фронта, для Победы. Работали они от зари до зари, без отпусков и выходных. Причем, от мала до велика.

...14-летний Сережа Тулинов из сельхозартели им. Сталина (Высокинский с/с) с начала весенних работ пахал на паре коров однолемешным плугом. Вначале выработка составляла 0,23 гектара в день, но вскоре он довел ее до 0,5 гектара в день. С начала полевых работ Сережа вспахал более 7 гектаров.

...У кузнеца из артели «Коммунар» (с. Лиски) Ф.И. Лоленко на фронте 7 сыновей. Об их мужестве и боевых подвигах Федор Иванович часто узнает из сообщений радио и центральных газет.

— И нет у меня ничего более желанного, как скорее увидеть детей, прижать их к сердцу, — рассказывал он. — Вот и стараюсь работать так, чтобы на фронте моя помощь чувствовалась.

...Иначе чем подвигом не назовешь и труд женщин села Щучье. Это они в 1943 году, сразу же после изгнания фашистов, впряглись в плуги вместо лошадей, взялись за лопаты и мотыги и «вернули к жизни» первые 70 гектаров колхозной земли. Для засева этих гектаров женщины на своих плечах доставили из Лисок в Щучье 10 центнеров семян. Теперь же колхозницы увеличили посевной клин с 70 до 1500 га. А так как сельскохозяйственной техники по-прежнему почти не было, то вся тяжесть возросшего объема работ снова легла на их плечи.

...Напряженнейший труд лискинцев позволил открыть 15 октября 1944 года в Лисках первую после начала войны районную сельскохозяйственную выставку! Были сооружены павильоны, благоустроена территория выставки, а для участников выставки в Москве приобретены ценные подарки.

Среди участников выставки 12-летний Миша Пеньков из колхоза «Верный путь» (Масловка), скосивший за летние каникулы жаткой 20 гектаров хлеба, 70-летний чабан Шашкин из колхоза «Путь к социализму», молоденькая звеньевая Жердева, бригадир тракторного отряда Бабешко...

18 АПРЕЛЯ 1945 ГОДА.

В боях на Эльбе, прокладывая путь наступающему полку, отличился артиллерийский расчет нашего земляка старшего сержанта Василия Шилкина, за что он и был награжден медалью «За отвагу», четвертой высшей солдатской наградой — это уникальный случай. После войны В.В. Шилкин долго работал в отделе рабочего снабжения Лискинского отделения Ю.-В. ж.д.

1948–1969 ГОДЫ:

ПРОГРАММА ПРЕОБРАЗОВАНИЯ ПРИРОДЫ.

Лискинский район неоднократно изменялся в административно-территориальном плане, значительно изменил и свой внешний вид. Особенно большие перемены происходили в районе, начиная с 1948 года.

20 октября в стране была принята грандиозная программа преобразования природы, предусматривающая создание полезащитных насаждений, внедрение травопольных севооборотов, строительство прудов и водоемов — для обеспечения высоких и устойчивых урожаев в степных и лесостепных районах Европейской части СССР.

Для реализации программы уже осенью 1948 года во всех колхозах Лискинского района создаются лесоводческие звенья, организуется учеба этих звеньев лесопосадочным работам и уходу за молодыми посадками. В массовом количестве организуется сбор семян дикорастущих деревьев и кустарников, а также закупка семян в питомниках за пределами района. Большую работу по сбору семян взяли на себя школьники. Так, учащиеся Ковалевской 7-летней школы под руководством учительницы И.Н. Бирюковой собрали и сдали колхозу 3,5 центнера семян хорошего качества. Многие из ребят собрали по 15-20 кг семян белой акации, а Маруся Астахова собрала 35 кг.

Одновременно в районе организовали несколько лесопитомников. Одним из лучших был лесопитомник колхоза «Победа» (Ковалевский с/с). Уже в 1949 году по колхозам зоны Пуховской машинно-тракторной станции (МТС) было высажено 50 гектаров насаждений, а в 1950 году — 150 гектаров (причем 80 га — семенами дуба). С каждым годом набирали темпы лесопосадок. За 1949–1952 гг. силами колхозных лесоводов и лесничеств в лесополосы высажены саженцы дуба, березы, тополя, клена... на площади более 800 гектаров.

Но самым большим и тревожным вопросом для лискинцев было состояние территории вокруг районного центра. Десятки гектаров сплошных нагольных песков подступали вплотную к городским строениям. Колючки, чахлый кустарник да песчаные барханы были привычным околородским ландшафтом. Стоило подуть ветерку — и черные тучи пыли и песка поднимались в воздух, застилали солнце, окутывали весь город.

Создание вокруг города «зеленого кольца» и стало для лискинцев главной задачей. В 1955 году Лискинским лесничеством совместно с близлежащими колхозами были начаты вблизи города посадки сосновых насаждений. Саженцы для «зеленого кольца» также в основном выращивались в питомниках района. В созданном неподалеку от санатория им. Цюрупы питомнике к концу 1962 года было выращено 3 миллиона 350 тысяч саженцев сосны, 95 тысяч корней березы, 6 тысяч тополей... За 10 лет город опоясало широкое «зеленое кольцо» на площади 2000 гектаров.

«Зеленое кольцо» вокруг города и ранее высаженные лесозащитные и лесозакрепительные полосы резко изменили лесистость местности района. Если в 1948 году лесистость района была всего 3 процента, то уже к концу шестидесятых годов — 9 процентов. За эти же годы в районе была создана целая система прудов, возникли десятки больших и малых садов. Программа преобразования природы в Лискинском районе была выполнена.

ИЮЛЬ 1951 ГОДА.

В клубе железнодорожников в течение нескольких дней в торжественной обстановке проходило самое массовое за все годы вручение наград работникам железнодорожного транспорта. Всего по Лискинскому отделению было награждено 1201 человек, в том числе орденом Ленина — 334 человека. В списке награжденных — люди, составляющие гордость не только железнодорожного узла, но и всей земли Лискинской: машинисты А. Алексеев, В. Афанасьев, Н. Балбеков, мастер депо Г. Шингарев, начальник дистанции пути Ф. Федосов...

ФЕВРАЛЬ 1953 ГОДА.

Состоялось личное первенство области по боксу. В нем выступил спортсмен общества «Трудовые резервы», инженер железнодорожного училища № 3 Иван Кузнецов. Выиграв все встречи, он первым из лискинцев завоевал звание чемпиона Воронежской области по боксу в тяжелом весе.

АПРЕЛЬ 1953 ГОДА.

По соседству с затоном пристани Лиски началось сооружение отстойного пункта — затона для судов Верхне-Донского технического участка пути. Затем на берег нового затона из центра города (дом на пересечении улиц Ленина и Коммунистической) переводится контора технического участка, возводятся производственные здания. И в 1954 году флот технического участка пути покидает затон города Павловска, где до этого размещалась база техучастка, и передислоцируется в новый затон.

ИЮЛЬ 1953 ГОДА.

Впервые в г. Лиски Острогожской автоколонной организовано регулярное автобусное сообщение. Два многоместных автобуса «ЗИС-155» курсируют по маршруту Дом Советов — ул. Коммунистическая — село Песковатка, с первых дней завоевав симпатии лискинцев. Свободных мест в автобусах не бывает.

АВГУСТ 1958 ГОДА.

На проходившем в Москве смотре продукции промысловой кооперации лискинские перламутровые пуговицы были признаны самыми лучшими в стране. За 1957 год артель «Свой труд», располагающаяся в неприглядном домишке по ул. Коммунистической, выпустила 25 миллионов пуговиц и ронделя (полуфабрикат, отправляемый затем на воронежскую фабрику «Галантерея»). Всего 20 женщин — заточницы, фрезеровщицы, сверловщицы — обеспечили изготовление этих привлекательных, жемчужно-белых с голубым отливом пуговиц, пользующихся неизменным успехом по всей стране: от Калининграда до Сахалина и Владивостока.

Затем по ряду экологических причин в Дону и его притоках резко уменьшится популяция речной ракушки, ее отлов упадет до таких объемов, что превратится в экономически невыгодное дело, и производство лискинских перламутровых пуговиц будет прекращено.

20 НОЯБРЯ 1962 ГОДА.

Принят Указ о полной ликвидации Давыдовского района и о включении всех его 9 сельских Советов в состав Лискинского района.

1962 ГОД.

На левом берегу Дона, в районе южной окраины города Лиски, впервые в Воронежской области в процессе поисково-разведочных работ по изысканию ураново-радиевого сырья обнаружены проявления подземных радоновых вод. Впоследствии исследовательская партия Придонской комплексной геологоразведочной экспедиции, проводя специальное исследование подземных вод, уточнила компоненты редкометалльной минерализации воды из источника № 19 у Богатого озера. При детальном изучении воды обнаружено содержание радона повышенной концентрации. По заключению специалистов, вода могла использоваться для лечения опорно-двигательной и сердечно-сосудистой систем человека. Закономерным последствием открытия стало создание в Лисках санатория-профилактория «Радон».

ДЕКАБРЬ 1964 ГОДА.

Общее собрание колхоза «Высокий» принимает решение о присвоении одному из первых колхозников, Егору Семеновичу Портных, звания «Заслуженный колхозник колхоза «Высокий». Доброе начинание сразу же было подхвачено во многих хозяйствах района. Таблички с надписью «Здесь живет заслуженный колхозник...» появились на домах в Среднем Икорце, Бодеевке, Давыдовке, Колыбелке, а всего 35 заслуженных колхозников проживали в районе к концу 1965 года.

9 МАЯ 1966 ГОДА.

Многие десятилетия все спортивные, культурно-массовые, праздничные мероприятия лискинцы проводили в местечке «Заказ», расположенном между Доном и озером Богатым. Здесь для этого ежегодно после паводка сооружались сцена, футбольное поле, торговые точки... Но все эти годы лискинцы мечтали о стадионе в черте города. И, наконец, стадион методом народной стройки возведен. В праздничный День Победы состоялось его торжественное открытие. Собравшихся на стадионе спортсменов, жителей города, гостей тепло поздравил начальник отделения дороги А.К. Лысенко, который пожелал физкультурникам города и района больших спортивных успехов. Затем перерезается голубая лента, и на стадионе проходят массовые показательные выступления и футбольный матч команд Георгиу-Деж — Острогжск.

1 ОКТЯБРЯ 1966 ГОДА.

На станции Георгиу-Деж состоялся многолюдный митинг по случаю окончания электрификации участка Георгиу-Деж — Отрожка. Затем электровоз ВЛ-60-1479, ведомый машинистом А.И. Григорьевым и его помощником Б.С. Крюковым, взял курс на Отрожку. А через двое суток со станции Георгиу-Деж на Воронеж ушла первая электричка. Отличную связь с областным центром получили жители района.

ЯНВАРЬ 1968 ГОДА.

Исполкомы Ковалевского и Колыбельского сельских Советов учредили звание «Почетный гражданин села». Первым «Почетным» в Колыбельке стал генерал И.Л. Величко. В Ковалево — бывший председатель сельсовета Д. П. Жуйко. Инициативу соседей развили в с. Щучье. В этом селе Почетным гражданином «номер один» признали И.Л. Жданова, возглавлявшего в годы войны партизанский отряд, действовавший в оккупированной части Лискинского района.

31 ЯНВАРЯ 1978 ГОДА.

Приказом № 19 Министерства сельского хозяйства официально узаконено существование русской длинношерстной породы овец. Она была создана усилиями нескольких поколений колыбельских чабанов Светочевых, ряда других чабанов и специалистов района. Это крупные животные. Живой вес барана — 100–120 кг, а баран за № 1241, участник ВДНХ СССР, весил 144 кг. Настриг шерсти от барана в среднем 7,9 кг (от матки — 4,2 кг). Лискинские овцы нашли широкое распространение во многих регионах СССР. В результате продолжения тщательной, целенаправленной селекционной работы с лучшими овцами лискинской породной группы и родилась русская длинношерстная порода...

Из книги И.А. Афанасьева «Лискиведение»

2001 ГОД.

Первыми Почетными гражданами Лискинского района и г. Лиски XXI века стали главный агроном СХА «Давыдовский» Семен Тихонович Ракитин, более 40 лет своей жизни отдавший колхозной ниве; Анатолий Семенович Голиусов — прошедший на железнодорожном узле Лиски путь от дежурного по станции до начальника Отделения дороги; Николай Викторович Белоконов — генеральный директор ОАО «Лискиремонтажконструкция», внесший большой личный вклад в экономическое и социальное развитие города.

Именно им присвоили это почетное звание депутаты районного Совета в канун празднования Дня города.

28 сентября исполнилось 104 года жительнице с. Масловка Нижнеикорецкого сельсовета Вере Александровне Шевченко. Работавшая и жившая в эпоху революции, Советской власти и шагнувшая в новое время и новый век (третий в ее жизни), она и сегодня, что называется, «на ходу».

Сама научилась читать и всю жизнь дружила с книгами. До 100 лет читала без очков.

Рано осталась без мужа с четырьмя детьми, познала немало лиха, но всегда оставалась доброй, приветливой, трудолюбивой. До 103 лет топила печку, возилась в огороде, по дому.

И сейчас с радостью ждет в гости приезжающих из Воронежа внуков-правнуков.

2002 ГОД.

Членом Союза писателей России стал заместитель председателя районного Совета депутатов Валерий Тихонов. Приняли его в Союз в Москве, минуя областную писательскую организацию, что для творческих кругов является случаем редкостным.

Основанием для такого неординарного решения стала поэма-быль «Чеченский след», написанная В. Тихоновым и опубликованная в центральной российской печати.

6 августа 1942 года части 25-й гвардейской дивизии заняли на правом берегу Дона Сторожевской плацдарм и удерживали его вплоть до начала Острогожско-Россошанской операции (январь 1943 г.). В этот же день, 60 лет назад, при занятии плацдарма в районе села Селявное, совершил подвиг, закрыв своим телом амбразуру вражеского дзота, Чолпонбай Тулебердиев.

Именем Героя Советского Союза Тулебердиева названа одна из улиц города, а на месте гибели установлен обелиск.

Всего в Воронежской области официально зарегистрировано 157 памятников природы. Примечательно, что 5 из них находятся на территории Лискинского района. Это —

затон «Богатый» на реке Дон у села Копанице;
парк-дендрарий санатория им. Цюрупы;
урочище «Крейда на западне» у села Залужное;
урочище «Маяцкое» в районе Дивногорья;
меловые столбы — останцы «Дивы».

В издательстве «Спецадрес» вышла из печати энциклопедия «Лучшие люди России», в которой есть страничка, посвященная жителю нашего города Владиславу Растороцкому, мастеру спорта, заслуженному тренеру Советского Союза, воспитавшему около 20 мастеров спорта международного класса, среди которых — трижды олимпийская чемпионка Л. Турищева, олимпийские чемпионки Н. Шапошникова, А. Шишова, Н. Юрченко.

Переехав в 2001 году на постоянное место жительства в Лиски, он создал в родном городе гимнастическую школу, которая носит его имя. В школе занимается уже более 200 девочек.

Кстати, мало кто знает, что В.С. Растороцкий за свои тренерские достижения внесен в Книгу рекордов Гиннесса. Пожалуй, это единственный лискинец, удостоенный такой высокой чести.

2003 ГОД.

Ровно 53 дня потребовалось лискинцам, чтобы дружными усилиями возвести городской Парк культуры и отдыха. Более семидесяти предприятий и организаций города стали участниками скоростного строительства, а потому Парк получился красивым, уютным, насыщенным многочисленными аттракционами. Примечательно, что открытие первого, построенного за последние пятнадцать лет в Воронежской области городского парка, произошло в Лискинском районе.

В Москве вышла в свет книга нашего Почетного земляка, генерала армии Анатолия Грибкова «Честь имею». В ней автор описывает свои встречи с первыми лицами государства — Л.И. Брежневым, Ю.В. Андроповым, М.С. Горбачевым, А.Н. Косыгиным, высказывает свое мнение об их роли в истории и судьбе СССР.

Здесь же рассказывается о встречах генерала с лидерами бывших стран социализма, о судьбе Варшавского Договора, которая тесно переплелась с его личной судьбой. Ведь он двенадцать лет — с 1976 по 1988 годы — являлся начальником Штаба Объединенных вооруженных сил стран Договора.

Часть тиража Анатолий Иванович передал библиотекам, музеям Лискинского района.

2004 ГОД.

Валентина Сенцова из ООО «Ермоловское» — единственная в Лискинском районе доярка, перешагнувшая шеститысячный рубеж в надоях молока. От каждой коровы своей группы в 2003 году она получила по 6220 кг молока. Кстати, выросло и число доярок-пятитысячниц. Если по итогам 2002 года их было девять, то теперь уже двадцать.

Оказывается, в позднечетвертичном периоде на территории района обитали и... мамонты. Ровно 30 лет назад, в ноябре 1974 года, на окраине села Переезжее, тракторист В. Бондарев извлек из земли кости мамонта. Достаточно хорошо сохранилась нижняя челюсть с пятью зубами, каждый из которых весит до 4 килограммов. Чуть позднее, в середине семидесятых, на обрывистом берегу Дона в районе села Троицкое школьники нашли позвонок молодого мамонта. Возраст костей, определенный по радиоактивному углероду — 9,5–14 тысяч лет.

Любители старины могут увидеть раритеты, посетив зал археологии Лискинского краеведческого музея.

2005 ГОД.

В Лисках теперь три писателя, являющиеся членами Союза писателей России. К Александру Ромахову и Валерию Тихонову добавился известный самобытный поэт из с. Тресоруково Иван Сафонов. Иван Савинович — автор трех поэтических сборников, где достаточно широко представлено его многолетнее поэтическое творчество.

2006 ГОД.

Глава района Виктор Владимирович Шевцов стал Почетным гражданином Воронежской области. Вполне заслуженное признание человека, отметившего свой двадцатилетний труд на лискинской земле коренным преобразованием жизни во всех ее сферах.

Кстати, Виктор Шевцов во главе района — с 1986 года, когда в августе стал первым секретарем Лискинского райокома КПСС. В 1990-м возглавил горрайсовет, в 1991 году был назначен на пост главы районной администрации, а затем шесть раз побеждал на выборах главы района.

Вышли в свет сразу две книги лискинских авторов. Свой очередной труд под названием «Лискиведение» выпустил местный краевед Игорь Афанасьев. По сути, это своеобразная историческая энциклопедия Лискинского края. А у самобытного поэта Александра Петрова появился долгожданный «первенец» — сборник стихов «Живу, живу...»

Диплом всероссийского смотра-конкурса культурно-развлекательных центров «Хрустальное колесо — 2006», прошедшего в Сочи, получил Лискинский городской парк. Такой награды удостоены лишь 10 культурных центров из 272, представлявших всю индустрию развлечений России и стран СНГ.

На границе сел Залужное и Лиски открыт новый храм, символизирующий по замыслу его зачинателя — епископа Святогорского Арсения, уроженца села Лиски, — единение двух народов: украинского (с. Лиски) и русского (с. Залужное). Поэтому сделали храм двупрестольным. В освящении храма принял участие митрополит Воронежский и Борисоглебский Сергей.

2007 ГОД.

Странные скелеты, напоминающие лошадиные, нашли лискинские археологи на территории музея-заповедника «Дивногорье». Возраст костей — не менее 14 тысяч лет! Как объяснили сами археологи, это далекие предки лошадей — тарпаны.

И вот что интересно: рядом со скелетами «пралошадок» обнаружены следы пребывания человека — кремниевые пластины и изделия из кости неизвестного назначения. До сей поры считалось, что тарпанов люди начали приручать в пятом-шестом тысячелетии до нашей эры. Возможно, новая находка позволит доказать, что на самом деле лошадь была приручена человеком гораздо раньше.

2008 ГОД.

21 декабря 1942 года Верховный Главнокомандующий И. Сталин лично приказал командующему Воронежским фронтом Ф. Голикову подготовить и провести наступательную операцию и освободить от врага участок железной дороги Лиски-Кантемировка. 6 января 1943 года в Лискинский район прибыли генерал Армии Г. Жуков и генерал-полковник Василевский, которые побывали с рекогносцировкой местности на расположенной в нейтральной зоне Щученского плацдарма высоте 117. Покидая штаб 18-го отдельного стрелкового корпуса, Жуков сказал:

— Готовьтесь, товарищи! Начнем с 14-го...

Этот день и стал началом освобождения лискинского правобережья Дона от фашистских захватчиков.

Вышел в свет первый номер краеведческого альманаха «Петровская слобода». Его учредителем стал Лискинский историко-краеведческий музей.

Выпуск посвящен 65-летию освобождения лискинской земли от немецко-фашистских захватчиков.

Планируется ежегодный выпуск издания, который будет использоваться в библиотеках, учебных заведениях, являясь еще одним источником знаний истории родного края.

2009 ГОД.

240 лет назад, 5–6 (16–17) апреля 1769 года, на Икорецкой судостроительной верфи, находившейся неподалеку от села Нижний Икорец, были спущены на воду пять 44-пушечных прамов — плавучих артиллерийских батарей.

Они стали первыми боевыми судами воссозданной адмиралом Алексеем Сенявиным Азовской военной флотилии, положившей начало Черноморскому флоту России.

В годы Великой Отечественной войны на Черноморском флоте отважно сражался с фашистами наш земляк-лискинец, Герой Советского Союза Виктор Иванович Великий.

В нынешнее время лискинцы шефствуют над одним из черноморских кораблей — БДК-148.

И вовсе не случайно на стеле, что установлена на Графской пристани в г. Севастополе, среди городов и районов России, шефствующих над Черноморским флотом, есть и Лискинский район.

Лискинский ветеран Евгений Гусарчук, пропагандирующий здоровый образ жизни, принял участие в 29-м Московском международном марафоне мира.

На десятикилометровом отрезке он был первым в возрастной группе спортсменов старше 80 лет.

Марафон собрал более 20 тысяч легкоатлетов-профессионалов и любителей из 35 государств. Лискинский ветеран был в числе пяти представителей из Воронежа.

2010 ГОД.

В Великобритании, в зале торжеств старинной мэрии г. Оксфорда состоялось церемония вручения международных наград «Объединенная Европа» в области государственного управления и местного самоуправления.

Советом экспертов Европейской бизнес-ассамблеи в номинации «За особый вклад в развитие европейской интеграции» к награде представлен Лискинский муниципальный район. Официальное приглашение участвовать в церемонии от имени генерального директора ассамблеи лорда Джона Неттина поступило главе района Виктору Шевцову.

В историко-краеведческом музее состоялась презентация книги Вальтера Кислякова «Лискинский лихолетье: Взгляд из XXI века». Автор — уроженец Лисок, в тяжелые годы Отечественной войны воочию видевший кошмары этого лихолетья и пожелавший отразить их в своих воспоминаниях-мемуарах.

Доктор исторических наук, профессор, юрист-международник, автор многих научных трудов, учебников, сотен статей, обзоров, рецензий, ветеран войны В. Кисляков живет ныне в Москве. Однако родные Лиски не забывает и часто бывает в отчем крае.

Лискинцы уже начинают привыкать к тому, что кроме официальных символов родного города — герба и флага, у них есть и неофициальный — рыжий лисенок, «участвующий» во всех городских празднествах. И мало кто знает, что создателем «Лиски», как ласково называют «живую» куклу, является наша землячка, преподаватель кукольного мастерства детской художественной школы Татьяна Крыченкова.

2011 ГОД.

По решению независимого экспертного совета в Москве газете «Лискинские известия» присвоена высшая профессиональная награда — Знак отличия «Золотой фонд прессы».

140 лет назад, новогодним утром 1871 года (нынешнее 13 января), со станции Лиски отправился первый поезд. С этого дня началось регулярное движение поездов от Отрожки до строящегося ж.д. моста через Дон.

В первые годы эксплуатации на пассажирских перевозках использовались американские и немецкие локомотивы систем Зиля, Гартмана. Только в начале XX столетия появились паровозы петербургского завода «Русское общество», которые постепенно вытеснили «иностранцев».

Сегодня станция Лиски входит в число крупнейших сортировочных узлов России. Среднесуточный оборот вагонов здесь составляет почти 10000 единиц!

Впервые в Воронежской области обладателем уникальной награды — ордена «Родительская слава» стала жительница пос. Давыдовка Лидия Шурупова. В одиночку вдова воспитывает девятилетних детей, пять из которых еще школьники. Поистине удивительный материнский подвиг!

В последний, оставшийся доселе единственным в Лискинском районе без природного газа хутор Покровка, пришло голубое топливо.

Так получилось, что это событие совпало с престольным праздником — Покровом, что доставило хуторянам особую радость.

Встретил свое 95-летие Лискинский народный театр. Созданный в конце 1916 года из небольшой группы самодеятельных артистов, ютившихся тогда в одной из казарм кавалерийского полка, за эти годы он вырос в настоящий творческий коллектив, признанный не только в районе, но и далеко за его пределами. В разное время режиссерами театра были — Манников (основатель), М. Борзун, Е. Афиногенова, В. Федоров, П. Нартов, Н. Пырин, Л. Мариупольская, В. Сорокин, М. Повышева.

*Из книги В.А. Тихонова «XXI век. Начало».
(Летопись земли Лискинской)*

Александр Данилович Петров (1946–2011) родился и жил в городе Лиски. После окончания техникума железнодорожного транспорта работал машинистом в локомотивном депо, дежурным по депо. С 1970-х годов его стихи печатались в местной газете «Лискинские известия», в 2014 году — в журнале «Подъём». Автор сборников стихотворений «Живу, живу...», «Две зари».

Александр Петров

ЛЮБЛЮ ФЕВРАЛЬ

* * *

Холодает, и осень — не лето:
Стынут души, и мокнет трава.
Где же вы, напоенные светом,
Напоенные чувством слова?
Ничего не бывает случайным:
Ближе берег. И — весла суши.
Все стихи вырастают из тайны
Одинокой загадки — души.
Жизнь, конечно, хорошая школа,
И полезны уроки ее,
Даже кланяясь часто до пола,
Все же мы замышляем свое.
Хорошо, что не все боязливы:
Кто-то даже готов на врага.
Вообще-то и я был бодливым,
Только жизнь обломала рога.
И на драку теперь не решиться —
Где сейчас ты, мальчишечья прыть?
Если надо — могу поклониться
Там, где раньше я мог укусить.
И пойдя, разберись, что отвага —
Достоянье или просто беда?
В жизни сделано нужных полшага,
Остальные шаги — в никуда.

* * *

Судьба моя, коль я — твое творенье,
Не упрекай меня, что не такой.
И дай мне сил немного для терпенья,
Смени в душе смятенье на покой.

Жизнь — дар судьбы, случайный и бесценный;
У всех своих размеров борозда...
Я буду жить, покуда во Вселенной
Горит меня хранящая звезда.

* * *

Ах, как часто мы себя ругаем,
Принародно жизнь свою клянем.
Мог я быть красивым попугаем,
А прожил всего лишь воробьем.

Мог бы быть красивым альбатросом,
В океане над водой парить,
Но кормился я всего лишь просом
И учился правду говорить.

Кулаками машут после драки,
Кто страдает слабостью души;
Оттого завидую собаке,
Что умеет лаять на больших.

* * *

Что просить для себя у Творца?
Просьба есть у меня одна:
Дай мне сил дотерпеть до конца
И испить мою чашу до дна.
Я не верил в Тебя головой,
А в душе — о Тебе стихи!
Если можно, пока я живой,
Отпусти мне грехи мои.

ЛЮБЛЮ ФЕВРАЛЬ

Пора сказать: спасибо лотерее,
Что прибавляет к жизни мне года.
Люблю февраль, когда зима стареет,
Когда под снегом — талая вода.

И как бы ветер злой ни бедокурил,
Он не испортит мне хороших карт!
Люблю февраль за солнце и за бури,
Еще за то, что скоро будет март.

Прощай, зима! Надеюсь на свиданье:
Ну что для нас один неполный год.
Люблю февраль, как время для братанья
Снегов зимы с потоком вешних вод.

«ВЕЧНЫЕ ЦЕННОСТИ РОЖДАЮТСЯ ПРЕЖДЕ ВСЕГО В НАС...»

Интервью писателя Валерия Тихонова
с Почетным гражданином Лискинского района и города Лиски,
доктором экономических наук, профессором,
заслуженным экономистом РФ, академиком РАЕН
Борисом Георгиевичем Преображенским

Виктор Тихонов: Борис Георгиевич! Вы — широко известный в научных кругах человек, политик: в начале двухтысячных — член Совета Федерации РФ, до этого — первый заместитель губернатора Воронежской области, создавали и долгое время возглавляли Воронежский филиал Российской академии государственной службы при Президенте РФ. В то же время страницы Вашей личной биографии во многом остаются неизвестными. Откуда пошли родовые корни, чем запомнились детские и юношеские годы, каким был путь в науку, политику, к сегодняшним высоким званиям?

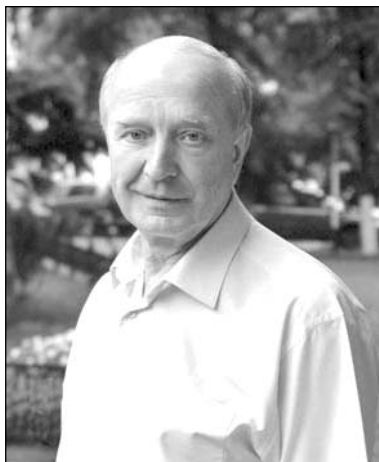
Давайте начнем хотя бы с Вашей фамилии. Не так уж частой и несколько необычной, потому что сразу же уводит мыслями в далекое прошлое, заставляет вспомнить имена известных в дореволюционное и последующие времена священников, ученых... Откуда она у Вас?

Борис Преображенский: Как известно, типичные русские фамилии ведут начало от имени или прозвища основателя рода. А вот фамилия Преображенский относится к именованиям, имеющим искусственное происхождение. Это семинарская, священническая фамилия. По церквям, названным в честь праздника Преображения. Обычно церковнослужители имели возможность дать своим детям хорошее образование, а потому с конца XVIII века семинарские фамилии стали чаще встречаться и у представителей интеллигенции: государственных деятелей, ученых, философов, писателей, художников, музыкантов...

Насколько мне известно, моя родословная состоит из двух ветвей: одна — священнослужители, вторая — представители русской интеллигенции. Если говорить о первой ветви, то мой двоюродный дед был священником высокого ранга, служил митрополитом где-то под Петроградом. В меньшем ранге, но тоже в церкви служили мой родной дедушка, другие родичи по отцовской линии. Кроме папы, самого младшего в семье, было еще пятеро братьев и одна сестра. Один из моих дядей был даже предводителем дворянства, если не ошибаюсь, где-то в Омске...

Что касается второй ветви, то мой двоюродный дед, известный профессор Евгений Алексеевич Преображенский являлся своего рода вождем экономико-политического движения, в 20-х работал вместе с Лениным, хотя до XIV съезда ВКП(б)

не разделял позиции большевиков. И только на этом съезде он выступил с большой речью, признал эти позиции, работал потом в составе Оргбюро ЦК ВКП(б) и сотрудничал со многими политическими деятелями революционной эпохи. Жизнь его была трудной, непростой: его трижды исключали из большевистской партии, восстанавливали, а в 1937 году он был арестован за участие в «контрреволюционной террористической организации» и расстрелян... Однако в декабре 1988 года Пленумом Верховного суда СССР был реабилитирован, а в мае 1990 года Комитет партийного контроля при ЦК КПСС посмертно восстановил Е.А. Преображенского в рядах КПСС...

Борис Георгиевич
Преображенский

Представители интеллигенции, прежде всего творческой, были и по линии матери. Ее отец, Александр Михайлович, к примеру, был великолепным скульптором, художником, слыл виртуозным резчиком, изготавливал иконостасы для церквей... Не случайно, младшая сестра мамы Анастасия Александровна пошла по его стопам — великолепно рисовала, участвовала в различных выставках, ее картины пользовались огромным успехом...

В.Т. Вас, как я понимаю, можно считать продолжателем интеллигентской ветви своей родословной?

Б.П. Наверное, так...

В.Т. А как ваши родители попали в воронежские края? Кто они, откуда родом?

Б.П. Что касается мамы, то она родилась в городе Алексеевка (ныне Белгородской области). Семья отца жила в Самаре, там он и родился. А повстречали они друг друга, учась в одном из сельскохозяйственных техникумов Воронежской области. Маму после окончания учебы направили в Пермь, папа поехал за ней, и там они поженились. На фронт отца не отправили, он работал во время войны на одном из артиллерийских заводов. После войны оба получили высшее образование: отец окончил Воронежский сельскохозяйственный институт, а мама стала учителем.

Потом, уж не знаю почему, они переехали в село Щучье Лискинского района. Папа работал агрономом, мама учительницей математики. Там 22 июня 1939 года я и родился. Пожили в селе мало, потому что отца вскоре перевели на работу в Бобров, где прожили несколько лет. Там я пошел в школу, а когда снова переехали в Лискинский район, в село Колыбелька, продолжил учебу во втором классе. Здесь папу назначили главным агрономом колхоза.

В.Т. Говорят, он был удивительнейший человек, в котором органично сочетались крестьянская жилка, любовь к земле и высочайшая интеллигентность, культура...

Б.П. Да, папа был очень грамотным специалистом, увлекался научными разработками, внедрением их в сельскохозяйственную практику. В колхозе его ценили, среди сельчан был весьма уважаемым человеком. За свой добросовестный труд награжден орденом Трудового Красного Знамени, многими почетными грамотами и благодарностями местных руководящих органов. А интеллигентность... Действительно, многих тогда удивляло, что колхозный агроном ходит на работу, даже когда в полях сутками пропадал, как правило, в белой рубашке с галстуком

и светлом костюме. В редкие минуты отдыха мог сесть за пианино и исполнить что-нибудь «для души». А то и балалайку в руки возьмет — тоже неплохо получалось. Редкое сочетание музыкальных жанров! К сожалению, из-за болезни умер рано, в 56 лет. Похоронен на местном сельском кладбище...

В.Т. А мама?

Б.П. Мама также преподавала в школе. Всю себя отдавала этому нелегкому труду, который очень любила. Была удостоена звания «Отличник народного просвещения». Когда состарилась, мы перевезли ее к старшей сестре Элле в город Орел. Там и закончился ее земной путь...

В.Т. В семье было много детей?

Б.П. Четверо. Старший брат Дмитрий после школы окончил Хреновской лесной техникум, работал инженером-таксатором, хорошо зарабатывал, но, как и отец, рано умер. Элля — преподаватель физкультуры, была чемпионкой области по плаванию, бегу, как и мама — «Отличник народного просвещения». Сейчас на пенсии. Младшая сестра Нина окончила Воронежский государственный университет, вышла замуж за офицера, они долго колесили по стране, потом уехали в Германию и живут семьей там...

В.Т. Что-то живет в памяти из детских лет? Вспоминаются школа, Дон, друзья?

Б.П. Наверное, эта пора незабываема практически у всех... Отлично помню директора школы Александру Михайловну Колкунову, классную руководительницу Полину Ивановну... В глазах до сих пор стоят образы учителей математики, физики... Интересные были личности и настоящие специалисты своего дела. Преподавали предметы так, что стыдно было учиться плохо.

В.Т. И как же учились Вы?

Б.П. Среднюю школу закончил круглым отличником. Вернее — две школы, потому что до восьмого класса учился в Колыбелке, а с восьмого по десятый — в соседнем селе Петропавловка.

В.Т. Так это же на другом берегу Дона!

Б.П. (Улыбается). Каждый день через реку! Зимой — по льду, летом и осенью — на баркасах, а весной, во время разливов, жили там недели две, а то и больше, кто в интернате, кто на частной квартире... Завучем был Иван Фомич — строгий такой мужчина, все его боялись. И когда я вступал с ним в какой-нибудь спор, он снисходительно говорил: «Тебе можно, ты отличник!» Кстати, за всю историю школы я оказался первым отличником из всех выпускков. А вот «Золотую медаль» не получил, потому что на выпускном экзамене по русскому языку и литературе получил четверку. Только из-за того, что моя точка зрения не совпадала с общепринятой: я заявил, что роман в стихах А.С. Пушкина «Евгений Онегин» народ не знал и для того времени его нельзя было считать «народным произведением». Всех это ошарашило, тем более я еще о чем-то спорил, потому и поставили четыре. Хотя мое сочинение было признано самым лучшим, и Иван Фомич читал его в других классах, как образец написания. Это был первый отзвук моего максималистского нрава, некоего упрямства в отстаивании своих взглядов, которые живут во мне до сих пор.

В.Т. Видимо, и «отзвуков» таких теперь не счесть? Не жалеете о постоянных сражениях?

Б.П. Нисколько! «Жизнь — это борьба против разрушающих начал. Всякий, кто не защищается как следует, должен погибнуть», — сказал французский историк Жозеф Эрнест Ренан. И я с ним полностью согласен.

В.Т. Но вернемся к юным годам. Что было после окончания школы?

Б.П. Увидев в районной газете объявление о приеме в Ленинградский политехнический институт, сразу же решил поступать туда. Но пока собрал все докумен-

ты, уже опаздывал отвезти их в Ленинград, поэтому поступил в Воронежский инженерно-строительный институт. Учился очно, но очень скоро понял, что это не мое! Поэтому, сдав два экзамена, причем на «хорошо», забрал документы и вернулся домой в Колыбельку. Некоторое время работал монтером связи на местном радиоузле — тогда это был важнейший «стратегический» объект сразу нескольких сел: в дома колхозников, на площади возле правления транслировались радиопередачи из Москвы, передавались новости из области, района, даже радиогазеты о сельской жизни выпускались. Потом были два года службы в армии, в Хабаровске. Когда поздней осенью приехал домой, отец тяжело болел, матери одной было трудно, и я, узнав, что в Петровской школе, это от нас километров пятнадцать, есть вакансия преподавателя физкультуры, попросился в РОНО на эту должность. Помню, первый раз шел туда в мороз, пургу, пока дошел — обморозил лицо и меня тамошние учителя чем-то оттирали, согревали чаем...

В.Т. Дружили со спортом, коли взялись преподавать физкультуру?

Б.П. Практически с детства. Ведь раньше вообще сельская ребятня была в постоянном движении, не сидела, как нынче у телевизоров, компьютеров, планшетов, мобильных. Ничего этого не было, и сам уклад жизни способствовал физическому развитию: помощь родителям по хозяйству, подвижные игры — футбол, догонялки, прятки... Зимой — лыжи, коньки, летом — целыми днями на Дону! Я, когда поступил в строительный институт, по плаванию показал второй результат и получил третий спортивный разряд. Был еще перворазрядником по бегу, играл в волейбольной команде. Так что шел на эту работу вполне подготовленным в этом плане.

В.Т. Позволю себе комплимент по поводу и нынешней Вашей физической формы: подтянуты, для своего возраста легко поднимаетесь пешком на свой пятый этаж, хорошо плаваете...

Б.П. Спасибо. Вообще-то, существует такое правило: чем человек старше становится, тем больше он должен поддерживать свое физическое состояние. И если его соблюдать, будет и результат.

В.Т. Физкультуру в школе долго преподавали?

Б.П. Нет. Уже следующей осенью сдал документы и поступил в Воронежский политехнический институт на специальность «Автоматика — телемеханика». Как раз воронежец Константин Феоктистов слетал в космос, а он окончил вуз по этой специальности, и многих тогдашних юношей это увлекало. Тем более, что это было мое: я со школы увлекался физикой, математикой, вообще точными предметами. И стипендия была солидная — тридцать девять рублей! По тем временам хорошие деньги.

В.Т. Вы сказали, что Ваше — это физика, автоматика, механика... А как же получилось, что все переборола экономика, ставшая для Вас потом основой всей научной, да и вообще жизни?

Б.П. Думаю, что на этот выбор повлияли несколько обстоятельств. Во-первых, моя институтская общественная работа. С самого начала обучения участвовал в подготовке и проведении многих мероприятий, художественной самодеятельности. А на четвертом курсе, продолжая учиться, стал освобожденным секретарем комитета комсомола института, членом бюро Коминтерновского райкома комсомола, членом горкома ВЛКСМ. И после окончания института собирался идти по направлению на производство. Тогда был такой порядок. Но тут вызывают меня на Ученый совет и говорят: «Вы — секретарь комитета комсомола, общественник, закончили вуз с отличием, и мы хотели, чтобы Вы остались в институте. Поступите в аспирантуру, найдете себя в науке...»

В.Т. Угадали, выходит!

Б.П. Да-а-а... Хотя я доказывал им обратное: хочу начать с производства, а

потом уж подумаю о науке. Но старшие товарищи настояли на своем. А второе обстоятельство — в это время кафедра автоматики и телемеханики и ее заведующий профессор Синицын, а вместе с ними и аспирантура, переводятся в Киев, и мне предложили поступить в аспирантуру по экономике к доценту Туробцу. Но все равно моя кандидатская диссертация была связана с проблематикой экономической кибернетики, и я получил степень кандидата технических наук. А потом, уже в Ленинграде, я защитился и получил степень доктора экономических наук. С тех пор и занимаюсь экономикой. Кстати, в этом году исполняется пятьдесят лет со дня окончания института, и я хочу собрать своих сокурсников-студентов, чтобы отметить этот юбилей и вспомнить свои молодые годы...

В.Т. Студенчество 60-х, к которому Вы относитесь, и нынешнее — есть ли различие и в чем?

Б.П. Естественно, есть. Во-первых, изменилось вообще отношение к образованию со стороны государства, общества, а, значит, и самих студентов. К великому сожалению, не в лучшую сторону. Система образования советского периода, от начального обучения и до высшей школы, была признана одной из лучших в мире. Теперь ее разрушили, а взамен ничего хорошего и полезного не дали. Сегодня образование человека не ценится, оно практически не востребовано жизнью. Студенты объективно не заинтересованы в получении качественных знаний, специальности, потому что после окончания вуза не находят им применения. Гарантированного трудоустройства выпускников, обеспечения их жильем, как было в советское время, нет, вот и работают где и кем придется...

В.Т. А чем тогда объяснить, что, несмотря на все это, молодежь идет в вузы, да еще и конкурсы в них вон какие!?

Б.П. Сегодня даже на неквалифицированных должностях надо иметь высшее образование. Общество развивается, шагает вперед техника, в производство все больше внедряются автоматизированные процессы, роботизация... Естественно, каждому хочется соответствовать запросам дня или, как мы говорим, «получить вывеску». Но при этом нет качества знаний, особенно в так называемых частных вузах, где можно купить и зачеты, и экзамены, и диплом. Вот что страшно! У нас катастрофическая ситуация в здравоохранении, где не хватает хороших врачей, в авиации, космической отрасли, а отсюда и авиакатастрофы, падения спутников...

Немаловажные вопросы — укрепление материально-технической базы учебных заведений, достойная зарплата ученым, преподавателям. В стране официально объявлено о формировании и развитии инновационной экономики. Но это ведь, прежде всего, экономика знаний! Во всем мире вложения в науку, образование классифицируются как стратегические, а у нас они финансируются по остаточному принципу. Ученые страны попали из категории высокооплачиваемых работников в категорию чуть ли не нищих! Когда такое было, чтобы доктор наук, профессор получал меньше, чем, скажем, самый низкоразрядный клерк!? А если нет должной оплаты, человек вынужден изворачиваться, идти даже на нарушение закона...

В.Т. И что же ждет отечественную науку, образование в дальнейшем, на Ваш взгляд?

Б.П. Нужно отдать должное: в последнее время государство несколько меняет свое отношение к ним в лучшую сторону: повышается зарплата учителей, научных работников, профессорско-преподавательского состава, выделяются средства на ремонт, строительство образовательных учреждений. Будем жить надеждой на дальнейшие добрые изменения.

В.Т. Бывая у Вас на кафедре, в домашнем кабинете, постоянно вижу выпущенные Вами или с Вашим участием журналы, брошюры, методички... Много за эти годы издано научных трудов?

Б.П. Точную цифру назвать трудно, но, думаю, где-то около четырехсот. В их числе монографии, учебные пособия, статьи...

В.Т. Вы — трижды академик: Российской академии естественных наук, Международной академии наук о природе и обществе, академик и президент Воронежского регионального отделения Академии проблем качества. А как Вы стали почетным доктором Европейского университета, академиком МАНПО?

Б.П. Это произошло не по моему желанию или просьбе. Просто, видимо, оценили мой вклад в развитие экономической науки, научные труды. Это, конечно же, почетно, но и налагает дополнительную ответственность, прибавляет работы. Сотрудничаю с зарубежными вузами, издательствами, учеными-коллегами. Тем самым расширяется кругозор, появляется возможность обмениваться мнениями, решать возникающие проблемы. Мне это интересно...

В.Т. За рубежом часто приходится бывать?

Б.П. Можно и так сказать. Я и в советское время часто бывал за границей, хотя говорят, что какой-то там «железный занавес» был. Не знаю, но я бывал в Америке, Канаде, Великобритании, практически во всех европейских странах. И сейчас периодически участвую в работе международных симпозиумов по вопросам развития мировой экономики, выступаю с докладами, сообщениями. В основном в Европе, мне близка западная культура...

В.Т. Нынешние, мягко говоря, недружелюбные отношения между Россией и многими зарубежными государствами как-то влияют на взаимодействие ученых, нет ли и в этой области каких-либо «санкций»? И еще: как Вы относитесь к утверждению некоторых политиков-либералов, что дружбы народов никогда не было и быть не может априори?

Б.П. На уровне тех отношений, в которых состою, я не вижу какого-либо противостояния, тем паче — вражды. Да, бывают споры, несогласия с чем-то или кем-то, но на то и эти встречи, чтобы найти истину. А санкции... Какое-то влияние есть, но оно не существенно... Что же касается дружбы народов, то я не согласен с таким категорическим утверждением. Во-первых, в Советском Союзе, как многонациональном государстве, не было никаких ограничений в общении, профессиональной деятельности, независимо от проживания в той или иной республике. Не было нынешних границ, таможен, открытых враждебных высказываний, а то и действий со стороны вчерашних соотечественников. Во-вторых, существует такое понятие, как народная дипломатия. Это не что иное, как дружественные отношения между народами — не продиктованные какими-то приказами сверху, а именно душевные. Вспомните страшнейшие землетрясения в армянском Спитяке, в Ташкенте... В восстановлении разрушенных городов участвовали люди из всех союзных республик, многие ехали туда добровольно, по зову сердца! Это было естественное стремление помочь людям, попавшим в беду...

Согласен, что нельзя всех и вся называть друзьями. Есть просто коллеги, партнеры на данный момент времени. Но в любом случае: если между странами, народами существуют хорошие, взаимовыгодные отношения, нет угрозы национальной безопасности, меньшими будут затраты на вооружение, а, значит, больше средств пойдет на развитие экономики, повышение благосостояния людей. К этому, на мой взгляд, должны стремиться и политики, и народы.

В.Т. Известный ученый-экономист, председатель общественного Совета по экономическому развитию при правительстве Воронежской области, как Вы оцениваете нынешнее состояние отечественной экономики, нашего региона? Что надо, на Ваш взгляд, изменить, чтобы страна жила, прежде всего, надежным высокоразвитым производством, а не за счет сиюминутной выгоды от продажи газа, нефти и прочих сырьевых ресурсов?

Б.П. Я часто ссылаюсь на выводы и утверждения Джозефа Стиглица — американского ученого, профессора Калифорнийского университета, занимавшегося много лет экономической наукой, бывшего председателя Совета экономических консультантов при президенте США. Он стал лауреатом Нобелевской премии за то, что доказал несостоятельность теории рыночной экономики. И я всегда говорю студентам, что в чистом виде рыночная экономика не существует, что в мире ее нет и не может быть, тем более в России. Невозможно равенство между частным малым предприятием и гигантом-монополистом, который его просто задавит. А восстановление производства товаров и услуг, которое сейчас крайне необходимо, невозможно без предприятий малого и среднего бизнеса, которые, несмотря на все обещания правительства об их поддержке, все так же находятся в загоне.

Один из известных зарубежных ученых сформулировал фундаментальный закон рыночной экономики таким образом: «Экономическое развитие, независимость, благосостояние общества, конкурентоспособность страны определяется во многом способностью государства производить товары». И если в агропромышленном, оборонном комплексах какие-то достижения налицо, то, к сожалению, индустриальный, промышленный сектор экономики, в том числе и в нашей Воронежской области, очень слабы...

В.Т. Борис Георгиевич! А как напряженный труд ученого и достаточно активная общественная деятельность может сочетаться в одном человеке? Как Вас на все хватает? Вы ведь и по сию пору в общественном строю: возглавляете общественный Совет по вопросам социально-экономического развития при областной администрации, являетесь председателем государственной экзаменационной комиссии Воронежского государственного университета, членом диссертационных Советов при ВГУ и Юго-Западном университете в Курске, главным редактором журнала, входящего в перечень научных изданий Высшей аттестационной комиссии...

Б.П. Вообще-то я никогда об этом не задумывался. Может, потому, что это «совмещение» живет во мне с детства. Учась в школе, был председателем пионерской дружины, секретарем комсомольской организации, потом в институте, о чем я уже говорил, и дальше... Понимаете, если человек с юных лет живет общественными интересами, то вытравить эту его публичность уже невозможно. И дело тут не в какой-то выгоде, желании возвысить себя перед остальными, нет! Это становится жизненной потребностью! По крайней мере, так было у нашего с Вами поколения. К сожалению, сегодня наблюдаются несколько иные подходы. Человек идет во власть ли, на какую-то общественную работу, интересуясь прежде всего тем, что он от этого будет иметь. Жизнь поменяла приоритеты, ценности, а отсюда и коэффициент отдачи от такой «общественной» деятельности ничтожно мал. Очень точно сказал об этом бывший президент США Ричард Никсон в своих мемуарах: «Разница между мальчиками в политике и политическими мужами состоит в том, что мальчики стремятся стать чем-то, а мужи — занять пост, чтобы делать что-то».

А как все успеваю? (Улыбается). Много тружусь. Встаю пораньше, ложусь поздно. Зачастую забываешь про выходные. Ну и чтобы многое успеть, надо обязательно правильно организовать свой труд, систематизировать его. Стараюсь это делать сам и к этому же призываю своих студентов...

В.Т. А как же отдых? Духовные «отдушины». Неужто без них?

Б.П. Ну почему же? В этом и смысл организации любого труда, чтобы чередовать физические, умственные нагрузки с развлечениями, просто отдыхом. Нахожу время, чтобы поехать на дачу, побыть на природе, что-то там сделать своими руками в меру сил. Большое удовольствие доставляет езда на машине. Езжу не

много, но люблю быструю езду. Когда еду по федеральной трассе, испытываю самые приятные ощущения!

Но особенно люблю театр. Я ведь уже в школе участвовал в клубных театральных постановках, пел в художественной самодеятельности, со студенческих лет не пропускаю ни одного нового спектакля. Почти каждую субботу ходим так называемой «профессорской компанией» в филармонию слушать симфоническую музыку местных и приезжающих в город известных музыкантов. С удовольствием смотрю балет. Когда бываю в Москве или где-то за рубежом, непременно посещаю какой-либо театр, спектакли, концерты, выставки, слушаю органную музыку. Все это стало необходимой частицей моей жизни, без которой уже не могу обойтись!

В.Т. Может, вопрос прозвучит и банально, но не могу его не задать. Ваши любимые писатели, поэты?

Б.П. Очень люблю Чехова, Шолохова, Белова, Шукшина... Из поэтов — Сергей Есенин, Валерий Брюсов, Николай Гумилев, Расул Гамзатов, Игорь Северянин, Андрей Дементьев и, конечно же, наш земляк Егор Исаев... К каждому из них возвращаюсь под настроение, чтобы найти слова, очень нужные в определенные моменты жизни. Они могут успокоить, поднять настроение, заставить о чем-то задуматься...

В.Т. Многие отмечают Вашу редкостную интеллигентность, благородство, внутреннюю культуру, даже культуру речи... Откуда это?

Б.П. Всегда считал и считаю, что первооснова характера, поведения, привычек любого человека закладывается в семье. И эти семейные традиции надолго сохраняются. У нас в семье, например, никто никогда не курил, и я следую этому примеру всю жизнь. Отец, если выпьет раз-два в год на какой праздник — и все! Или мать: четверо детей, работа в школе, надо постирать, приготовить обед, убраться по дому... Но при всем этом в любую свободную минуту она читала художественную литературу. Или так: занимается чем-то, а меня просит почитать вслух какой-нибудь недочитанный роман, повесть. Наверное, от тех «громких читок» родилась и моя любовь к чтению. В доме никогда не звучало матерное слово. Может показаться неправдоподобным, но за всю свою жизнь я ни разу не матерился. Почему? Ведь если вдуматься, матерясь, человек оскорбляет святое для всех имя — мать. Зачем же так унижать и обижать того человека, который дал тебе жизнь? Неужели в таких случаях нельзя найти другие слова? Зачастую обычный серьезный разговор действует на человека сильнее любого мата! Знаю это из собственной практики...

Многое, конечно, зависит от окружающей действительности, морального состояния, культуры общества, от самого себя. Да, сегодня, когда все вокруг — Интернет, телевидение, СМИ — перенасыщены пошлостью, цинизмом, когда растрочены моральные, нравственные ценности, отсутствуют элементарные правила поведения в обществе, ответственность за их выполнение, трудно быть воспитанным человеком. Но надо стараться оставаться собою, не дать опустить себя на дно духовной пропасти. Мне очень нравятся слова одного из моих любимых поэтов, Андрея Дементьева, которые можно считать полезным рецептом для нынешней молодежи: «Оторвитесь на время, мой юные соотечественники, от Интернета и Блогов, твиттеров и вернитесь к Слову, которое завещано нам Пушкиным и Лермонтовым, Тютчевым и Блоком, Есениным и Ахматовой, Пастернаком и Твардовским и которое несет в себе главную информацию — информацию души и сердца, наполненных всеми болями и чаяниями нашего непростого века. Вечные ценности рождаются прежде всего в нас, а потом их уже переписывает Интернет... Но ему не хватает нашей с вами исторической памяти. Он всего лишь помощник, а не творец»...

В.Т. В родных с детства краях бываете? Остались ли там родственники, друзья?

Б.П. Часто не получается, однако периодически стараюсь вырваться на свою малую родину. В Колыбелке — могилка отца, родительский домик... Люблю бывать в Лисках, особенно на празднованиях Дня города: чудесная атмосфера, общение с земляками, радость за их успехи, достижения. Хотя чувствую себя виноватым и перед собой, и перед друзьями, что остались в Колыбелке, Петропавловке, в том, что за эти годы ни разу не был в Щучьем, где родился, в Петровском, где работал... Обязательно исправлюсь, хочется посмотреть, какими эти села теперь стали...

В.Т. Тем более что этом году наш с Вами родной Лискинский район отмечает свой 90-летний юбилей... Что бы Вы — его уроженец, Почетный гражданин, хотели пожелать землякам?

Б.П. Лискинцы заслуживают счастья, жизненного благополучия, как великие труженики, хранители и множители добрых традиций, люди с доброй душой и открытыми сердцами. Пусть будет меньше забот, тревог, волнений в этой далеко непростой жизни... На донских берегах с их необыкновенно чудесной природой рождаются и красивые, причем особенные во всех проявлениях, люди — умные, талантливые, увлекающиеся, симпатичные... Желаю, чтобы каждое грядущее поколение лискинцев приумножало все завоевания и достижения в экономической, социальной, культурной сфере. Одним словом — вперед, дорогие мои земляки!

Николай Краев

КАПИТАН ИКОРЕЦКОЙ ВЕРФИ

(Энтузиаст истории флота и местного краеведения
Юрий Лисовский)

Есть у России места, события, имена, святость которых не подвластна конъюнктуре времени. И есть у нее люди, имеющие честь причастностью своею к этой святости, напоминать нам о ней. Чтобы помнили мы о своей истории, достоинстве, о корнях наших могучих, но — увь! — увядающих.

Капитан 3-го ранга Юрий Лисовский из тех, для кого служение Отечеству и долгу не закончилось с уходом в запас. Может быть, еще и потому, что в его военно-морской биографии так неожиданно пересеклись и история малой родины, и новейшая история Черноморского флота, на котором он прослужил без малого 20 лет, и судьба большого десантного корабля с бортовым номером 148, ставшего его стараниями подшефным кораблем Лискинского района. Тогда, в начале 1990-х, когда бездумно заколачивались прорубленные нашими предками «окна» в моря и европы, рвались исторические связи и осмеивались традиции, морской офицер Лисовский не мог и предполагать, что именно ему уготовлено судьбой вновь открывать и восстанавливать все это для себя и для потомков.

...Год 1995-й. Крымская военно-морская база ВМФ России готовится к передаче военно-морским силам Украины. Бригада российских десантных кораблей, в составе которой находится и БДК-148, покидает родные бухты и гавани, передислоцируется в Севастополь. Гонимые не вражескими торпедами, а амбициозностью политиков, военные моряки особенно остро ощущали свою неприкаянность. В эти муторные дни командир БЧ связи Лисовский и предложил своему капитану обратиться к землякам-лискинцам с просьбой взять шефство над их десантным кораблем. (Прежние шефы из ростовского города Новочеркасска, захлебываясь в девятом вале ельцинских реформ, давно оставили свой подшефный корабль для самостоятельного выживания). На предложение своего офицера командир БДК-148 грустно заметил, что лискинцам в столь тяжелое время вряд ли нужна такая обуза, у них и своих проблем хватает. Но письмо-обращение к Лискинской администрации подписал и на три дня командировал Лисовского в родной город. Главу администрации В.В. Шевцова черноморский посланец в те дни не застал и оставил письмо без всякой надежды на положительный ответ. Каковы же были удивление и радость моряков, когда через неделю в штабе базы раздался звонок

Капитан Юрий Лисовский (слева) объединяет в Лисках флотские эпохи

из Лисок и опешившему командиру БДК-148 сообщили, что Лискинский район берет шефство над военным кораблем. А уже через месяц его экипаж принимал делегацию своих неожиданных шефов, которые привезли с собой не только слова поддержки, но и целый «КамАЗ» гостинцев.

— Честно говоря, — вспоминает Юрий Владимирович, — такой моментальной отзывчивости от моих земляков никто из черноморцев не ожидал. Они поддержали в нас веру, что мы нужны России. С тех пор БДК-148 стал первым и пока единственным кораблем Черноморского флота, над которым шефствует район Воронежской области. И служить на нем почитают за честь многие парни Лискинского района.

Шефские связи вывели капитана Лисовского и на проблему, которая станет сутью его дальнейшей, уже гражданской, жизни. Перед очередным отпуском командир корабля передал ему просьбу шефов выступить перед школьниками с рассказом о строительстве российского флота в Воронеже. Готовясь в Морской библиотеке Севастополя к предстоящему выступлению, он неожиданно наткнулся на старую карту с указанием мест постройки кораблей петровской флотилии. Одним из таких мест значилась... Икорецкая верфь. Находившаяся в устье реки Икорец в каких-то двух десятках верст от родных Лисок, эта верфь в отличие от Воронежской, Тавровской, Павловской и Новохоперской по каким-то причинам была обделена вниманием исследователей и историков. Вытащить память о ней из пучины небытия, рассказать о ней современникам и потомкам стало для капитана Лисовского делом чести. Скучные и разрозненные сведения собирал он по крупицам в Морской библиотеке и в музее Черноморского флота, в Санкт-Петербургском Военно-морском музее и в Воронежском областном краеведческом...

Это теперь, благодаря исканиям Лисовского и его единомышленников, стали известны и роль Икорецкой верфи в формировании первой Черноморской эскадры, и участие в ее работе будущего адмирала флота российского Федора Ушакова. Именно с Икорецкой верфи были сделаны им первые шаги к славе и бессмертию. Сюда, в устье Икорца, по распоряжению Адмиралтейств-коллегии прибыл в феврале 1769 года тогда еще молодой мичман Ушаков вместе с матросами Балтий-

ского флота достраивать и комплектовать командами 9 законсервированных прамов (плавающих артиллерийских батарей). Отсюда в качестве старшего офицера прамы № 5 Ушаков отправлялся к Азову. Командуя кораблем «Мадон», построенным на Икорецкой верфи, участвовал в отражении турецкого десанта под Балаклавой. «Мадон» стал и первым русским кораблем, зашедшим в Ахткарскую (Севастопольскую) бухту, где штурман Иван Батуриин сделал ее первую подробнейшую карту.

А в октябрьские дни очередной годовщины причисления Архиерейским Собором Русской Православной Церкви русского флотоводца Федора Ушакова к лику всероссийских святых Юрий Лисовский вместе с настоятелем Свято-Никольского храма отцом Дионисием провели у донских берегов молебен в память праведного воина. Сотни горожан, жители близлежащих сел, студенты, школьники, представители администрации и общественных организаций собрались тогда у подножия Лысой горы, у истоков российского кораблестроения. Тихие всплохи поминальных свечей в руках собравшихся. Андреевский флаг и гюйс, реющие над Доном. Торжественный блеск золотого шитья парадных морских кителей. И величавое песнопение церковного хора... Что более зримо может убедить восхищенных мальчишек в том, что вековое величие России начиналось и вот с этих присыпанных желтеющим листом берегов их маленькой родины?

Десять молодых дубков посадили на берегу моряки взамен дубовых кряжей, срубленных здесь двести с лишним лет назад для будущих кораблей флота российского. И кто знает, может быть, именно это причастие к негромкой славе своей малой родины подвигло икорецкого мальчишку Диму Шабурдеева выбрать для себя судьбу военного моряка и поступить в нахимовское училище?

— Лисовский — это всепробивающий таран во всем, что связано с флотом и Икорецкой верфью, — говорит старший научный сотрудник Лискинского историко-краеведческого музея Светлана Суздалева. — Без него у нас не было бы такого могучего всплеска краеведения по строительству флота.

Узнав однажды, что руководитель судомодельного кружка из Ростова-на-Дону Анатолий Шпилов изготовил уникальную модель Икорецкой верфи, Лисовский буквально абордажем берет и автора модели, и Лискинскую администрацию, угрожая выкупить ее для музея. В результате модель верфи, завоевавшая две бронзовые медали на чемпионате мира в Швейцарии, получает прописку в музее санатория Цюрупы под Икорцем.

А у неугомонного капитана Лисовского новые заботы. 24 февраля, на 260-летие со дня рождения Федора Ушакова, он мечтает собрать в устье Икорца всех военных моряков запаса и организовать грандиозное действо, чтобы помнили все, «откуда есть пошел флот российский». Вместе с отцом Дионисием решает вопрос о переносе частицы мощей всероссийского святого из Санаксарского храма Рождества Богородицы в Удмурдии в Свято-Никольский храм, который помнит мичмана Ушакова по Икорецкой верфи. А еще пишется книга о ней, стираются одно за другим белые пятна в ее истории.

...Из-за удаленности эпох не мог знать Федор Глинка капитана 3-го ранга Юрия Лисовского. Но наверняка такие, как он, подвигли великого композитора записать очень меткое наблюдение: «Что пылает, то, верно, светит; что живет, то, конечно, действует». А Юрий Лисовский из тех, кто и пылает, и светит, и действует.

*Стихи
лискинских
поэтов*

СВЕТЛЫЕ ДОЖДИ

Ида Плетенецкая
(1937–2002)

* * *

Не довелось мне здесь родиться,
Но тридцать лет тому назад
Моя судьба, моя жар-птица,
Перенесла навек сюда:

«Живи, люби донскую землю
И пой ей песни». С той поры
Я, словно музыку, приемлю
Ее прекрасные дары:

Ее зеленые дубравы,
Ее озера и поля,
И синий плес у переправы,
И золотые тополя,

И город Лиски. У причала
Стоят усталые суда,
И лодки на волне качает,
Как птиц, зеленая вода...

Мой город ночью зажигает
Свои веселые огни,
И стук колес напоминает,
Что вдаль уходят жизни дни.

Летит стремительное время,
И близится конечный путь.
Увидеть бы другое племя
И в будущее заглянуть!

г. Лиски

Николай Матвеев
(1950–2008)

У ВЫСОКИХ ДУБОВ

Это желуди падают
С высоких дубов...
Этот запах...
Сырой дубовой
Коры.
Это я
В одном из многих
Миров,
Как зерно,
Прорастаю в эти миры.

* * *

Хочется быть счастливым.
С радостью спать ложиться.
С радостью утром вставать.
Ты ходишь по улицам темным,
Странный и нелюдимый.
Падаешь, словно убитый,
За полночь на кровать.
Сны твои —
Фантастичны,
А пробужденье —
Внезапно,
Словно затвор
Винтовки
Щелкает...
Все,
Опять...
Дна не достать рукою —
Темного дна
Покоя.
Там хорошо лежать.
Только глаза закрою,
Вынырну в летнем зное —
Берег. Отец мой
И мать,
Слышу,
Зовут меня: — «Ко-оо-ля!» —
Дальше —
Не разобрать.

г. Лиски

Иван Мокроусов
(1930–2012)

МАТЕРИ

Потускнело без тебя житье —
Все вокруг покрыла тень печали.
Что ж ты рано, солнышко мое,
Отсияла светлыми лучами?

Не услышат больше говор твой
Стены тихой старой хаты нашей.
Ты хоть шепотом ветлы со мной
У крыльца теперь беседуй чаще.

И почаще в ранние часы
Ты росой являйся у порога,
И глазами чистыми росы
Провожай опять меня в дорогу.

Если вдруг ослабну я в пути,
Если к сердцу холод подберется,
Прикоснись к плечу тихонько ты
Благодатною ладонью солнца.

Возложил цветы на холмик твой.
Капли слез блестят на красных розах.
И стоит спокойно над тобой,
Как высокий обелиск, береза.

с. Аношкино

Алексей Евсеев
(1914–1983)

ЗАКАТЫ

Отражаясь в затоне,
Спит задумчивый сад.
На краю небосклона
Догорает закат.

Стихли ветры степные...
И, сморившись слегка,
Словно кони гнедые,
Смотрят в Дон облака.

В этот вкрадчивый вечер
На Дону — тишина.

Всплыли звездочки-свечи,
Не играет волна.

Ой, закаты, закаты,
Синь задумчивых вод.
Не спеша, перекатом,
Месяц скобкой плывет.

РОССИЯ

У ручья стоят осины,
Пахнет чабрецом,
Вот она, моя Россия,
За крутым крыльцом.

А кругом синее небо,
Ветер голосист,
Хлеб, не скошенный под гребень,
На корню душист.

В синей дымке вижу нивы,
Красота кругом,
И улыбкою счастливой
Полнится мой дом.

В вечность канули бы войны,
Каждого спроси:
Хорошо здесь и привольно,
На моей Руси.

Тени падают косые,
Тишь и благодать!
Я живу тобой, Россия.
Это — не отнять.

г. Лиски

Николай Кардашов

ПРИЗНАНИЕ В ЛЮБВИ

Одуванчик. Девочка — ромашка,
Дерзкий вызов вьюгам, февралю,
Машенька, Мария, просто Машка —
Женщина, которую люблю.

Имя, как чарующая сказка,
Хоть в стихи, хоть на борт кораблю,
Машенька, Мария, просто Машка —
Женщина, которую люблю.

Я волос ее волшебных сказку,
Глаз ее озерных глубину
Буду вспоминать хоть на Аляске,
Коль у Дона в них не утону.

Ну, а если в жизни станет тяжко,
Стоя на ее крутом краю,
Все ж утешусь: есть Мария, Машка —
Внученька, которую люблю.

г. Лиски

Валентина Акименко

ЖДИ

И переполнив тучу грозовую,
Вода не сдержит шепот свой слезливый,
И древних градов площадь мостовую
Отмоет дождь, хрустальный и счастливый.

А мы в провинции своим шедеврам рады:
Шурша по бывшим желтеньким пескам,
Идут дожди — небесные награды
Осиротевшим селам и лескам...

Для нас, уже и сырых и убогих,
Поют они псалом печальный «Жди» ...
Но, слава Богу, есть душе дороги...
И Светлых Далей — Светлые Дожди...

г. Лиски

Юрий Корчагин

ПЕСНЯ

Хочешь, я спою тебе песню,
Ту, что никогда не слыхала.
Просто посидим с тобой вместе,
Вместе мы бываем так мало.

Я спою, ты только послушай,
Руки положив на колени.
В этот миг сплетаются души,
В этот миг расходятся тени.

Где-то ходят темные тучи,
У кого-то боль от печали.

Мне с тобой становится лучше —
Жизнь как будто где-то в начале.

Хочешь, я спою тебе песню,
Ту, что никогда не слыхала.
Просто посидим с тобой вместе,
Вместе мы бываем так мало.

г. Лиски

Павел Ломанцов

* * *

В груди пылает сердце, бьется.
Дрожит, как глупый мотылек,
С твоим теплом соприкоснется —
И превратится в уголек.
Но вне огня быть не желая,
Средь холодов устало жить.
Уж лучше так, за миг сгорая,
В миг этот искренне любить.

г. Лиски

Марина Фёдорова

СОСЕДКА

Деревня, улица, калитка,
Со станции идет народ,
И тетка с палкой инвалидной
Кого-то у калитки ждет.

На вид как будто не старуха,
Примерно лет под шестьдесят,
В глазах потухших только мука,
От посторонних прячет взгляд.

Себя считает виноватой,
Что бестолковой вышла жизнь,
Что одиночество с болезнью
Надолго в доме прижились.

И внешность стала безобразной,
И десять лет в одном пальто,
А душу ведь не видно сразу,
В нее и не смотрел никто.

Сидит на старой табуретке,
Под табуреткой рыжий кот,
И говорит сосед соседке:
«Сегодня снова сына ждет».

И если кто-то все считает,
Что мир стоит на трех китах,
Они не правы. Я-то знаю —
Мир держится на матерях!

У ЗЕРКАЛА

Ох, не люблю я зеркала!
Я никогда их не любила:
В них тайны острая игла
И суеверий злая сила,
И вход в незримый коридор,
Не освещаемый лампадой.
Не зря под черною чадрой
В прощальный час скрывать их надо.
Они правдиво очень лгут,
Отображенья искажая.
Мое лицо, глаза — все тут.
Но кто ты? Я тебя не знаю.

пос. Давыдовка

Людмила Титова

* * *

Была бы спина,
Найдется вина.
А я не хочу быть с виною.
Еще раз прости
И дай мне уйти
С прямою и гордой спиною!

* * *

Суть искушения проста:
Хотя б на вечер
От персонального креста
Избавить плечи...

г. Лиски

Владимир Шишлов

* * *

Сижу один, философ, размышляю,
Пытаюсь необъятное объять.
Вот край стола, его я ощущаю.
Где жизни край, мне не дано понять.

На слух, на запах мир воспринимаю.
Могу картины мысленно писать.
Дороги край я тростью ощущаю,
Где жизни край, мне не дано понять.

Мой труден путь, но я не унываю.
Есть рядом те, кто может поддержать.
Всю боль утрат душою ощущаю,
Где жизни край, мне не дано понять.

Свою судьбу ни в чем не упрекаю
И на другую не хочу менять.
Край пропасти незримо ощущаю,
Где жизни край, мне не дано понять.

ПАХНЕТ ОСЕНЬ

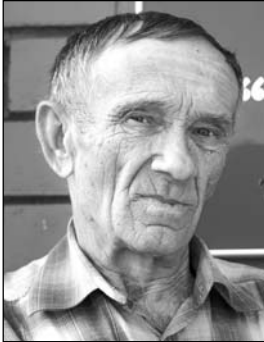
Пахнет осень огурцом соленным,
От костра березовым дымком,
Пахнет вкусно молоком топленным,
Свежим маринованным грибком.

Пахнет осень жареной картошкой,
Пахнет пирогами на меду,
Грушей пахнет лунная дорожка,
Расстелившись у плетня в саду.

Пахнет осень полуночным небом
И ленивой сонною рекой,
Пахнет деревенским черным хлебом,
Лишь в России сыщется такой.

Пахнет осень влажными полями,
Долгожданным тешится дождем.
Пахнет осень новыми стихами,
Родиной, в которой мы живем.

г. Лиски

Николай Алексеевич Кардашов родился в 1950 году в селе Репьёвка Воронежской области. Собственный корреспондент газет «Коммуна» и «Вперед». Окончил Воронежский педагогический институт. Служил в Советской Армии. Работал в сфере образования, занимался профсоюзной и партийной работой, служил в органах МВД. Печатался в журнале «Подъём», центральных и региональных изданиях. Награждён Почетной грамотой Министерства связи и массовых коммуникаций РФ, почетным знаком Союза журналистов России. Лауреат Книги Почета Лискинского района, литературной премии «Кольцовский край».

Николай Кардашов

СЛОВНО ЭХО ЛИХОЛЕТЬЯ

(75 лет назад фашистские захватчики
были изгнаны с Лискинской земли)

ИЗБА АКУЛИНЫ

Изда-хатенка постройки военной поры в селе Петровском Лискинского района — реальный памятник женской доле.

Война — дело не женское. Но не разминешься с нею, проклятую, когда ломится она к тебе — в твою страну, в село твое, в твой дом — грохочущими танковыми клиньями, сминая на своем пути все живое.

Танковые порядки немцев уперлись в Дон под Щучьим, подмяв соседнее Петровское, в июле 1942 года. И стало это село на целых полгода не просто прифронтовой полосой, а укрепленным районом немцев и мадьяр перед Щученским плацдармом. На блиндажи и накаты землянок оккупанты разоряли хуторские хаты. Петровцев, кого не успели принудительно отселить в острогожские концлагеря, выгоняли в погреба и в наспех вырытые в огородах и садах ямы-землянки. А из жителей-то — женщины с детшками да старики немощные, мужики все на фронте воюют.

Фронтом Акулины Шумаевой и ее односельчанок стало родное село и собственное подворье, некогда обустроенное и обжитое. Страшным был тот фронт, хоть и не обозначался на полевых картах ни синими, ни красными каранда-

пами. Да и как обозначишь на бумаге карт хуторские норы-ямы с гнилой соломенной подстилкой да инеем на стенах, где задыхались в тифозном бреду детишки малые, прячущиеся от оккупантов? Или фашистского солдата, который с хохотом, шутки ради, бросает через плетень в ту яму гранату на длинной рукоятке?

14 января 1943 года шквальным огнем со Щученского плацдарма началась Острогожско-Россошанская наступательная операция. Снаряды «катюш» и дальнобойной артиллерии вместе с комьями мерзлой земли и телами вражескими взметали в небо и их редуты, укрепленные бревнами сельских хатенок. Укатился фронт за Острогожск и дальше — к Курску и Харькову. И саперы наступавших частей наших, наспех сделали проходы в минных полях вокруг села. И по тем страшным ходам-коридорам потянулись из эвакуации к родным очагам селяне-беженцы. А села будто и не было: вместо хат вдоль улиц — лишь трубы печные, кресты журавлей колодезных да воронье на пепелищах. В несколько уцелевших хат набивались до полусотни человек — жить-то нужно где-то. И стали поднимать жизнь в Петровском всем бабьим миром.

По весне собирали окрест и закапывали в землю вытаявшие трупы солдат — своих и чужих. А из земли истерзанной, из дзотов, траншей и блиндажей уцелевших доставали бревна родимых хат, возвращая их с войны на расстрелянные пепелища. А сложить их в срубы — где гвозди взять? И стали бабы петровские собирать на плацдарме гильзы да пули, чтобы вместо гвоздей их вколачивать. Хлеба не было — желудями кормились. И в узелках несли к родным пепелищам вместе с желудями смертное железо войны, превращая его в железо созидательное. И вели ангелы Божьи тяжкую долю ту женскую меж проволок вражьих мин к воскресающей жизни.

Дошла очередь и Акулине избу ладить. Как могли, сколотили женщины хатенку на прежнем подворье. В цент-

ре избы печку неказистую сложили, чтоб все углы теплом питать могла. Глину с соломой ногами месили — стены мазать. А вместо гвоздей и дранки — гильзы латунные и пули в стены вколачивали, чтоб глину держали. Слово выбитые зубы войны, вросли они намертво в бревна хат сельских, жизнью смерть поправши. И мужиков, хозяев своих долгожданных, стали ожидать с войны те хаты вместе с женщинами-солдатками.

Только не всех мужиков дождалось — дозволились петровские хаты, бабьей долею горькою сложенные-вымученные. Многие из них, как и партизанивший муж Акулины Шумаевой, вечно смотрят теперь на очаги свои домашние, железом войны схваченные, глазами гранитных барельефов с памятника, что стоит через дорогу от хаты Акулины.

Временем заслонило от нас лихолетье военное. За эти годы потряхнулось, обновилось село Петровское. О жестокой войне только и напоминают теперь памятник односельчанам павшим да вот эта хромоногая, вросшая в землю, но все еще не упавшая от тяжести времени избушка Акулины, доковылявшая до нас из горького 1943-го. Давно нет уже ни самой Акулины, ни товаров-односельчанок ее, ставивших этот очаг жизни меж черных воронок войны. А неказистая хатенка стоит в центре села, аккурат через три дома от сельсовета и сельского клуба, принаряженного в современный сайдинг. Обвалилась со стен ее глина «военного» замеса, обнажив гильзы и пули, впившиеся в бревна-ребра. И словно стыдясь своей наготы и ветхости, прикрылась избенка крапивою да диким хмелем, будто нищенка, никому не нужная ныне.

Трогаю еще теплые стены-бока, и падает на ладонь пуля винтовочная, женскими руками повернутая от смерти к жизни. Успел ли достать кого этот жалающий свинец войны, подобранный на поле плацдарма, прежде чем упокоиться в бревнах избы Акулины? Впрочем, так ли важно теперь знать это? Может, важнее, как вот эти ребята, лискинские

тележурналисты, заснять эту избенку калечную, без единого гвоздя руками солдаток сложенную, чтобы фильмом своим о ней сказать: память наша — она не только в отблесках Вечного огня и в пронзающей сердце огранке гранитных обелисков. Поклонитесь, люди, этой избушке с пулями в стенах и горькой доле женщин, правивших свои очаги, поклонитесь! Ведь и не изба это вовсе, а памятник Жизни, победившей смерть. А пока же я бью поклон тебе, изба Акулины, своими словами благодарности:

Стена избы. В ней — пули с гильзами,
А по наличникам — резьба...
Не с баловством и не с капризами
Та Акулинина изба.
Она пришла из сорок третьего
Войны окопную родней,
И пусть поклонится ей трепетно
Меридианный шар земной.
За то, что та сумела выстоять
В огне, где плавилась броня,
За долю женскую, что истово
Тянулась к жизни из огня.
Те пули с гильзами немецкими
Из-за отсутствия гвоздей
Вбивались в избы деревенские
Заклятием будущих смертей.
И вот дошла она, калечная,
(Нам ей бы орден попросить!),
С свинцовой тяжестью извечною,
Как доля женщин на Руси.
Касаюсь сплава монолитного,
Впервые кланяясь свинцу.
...А, может, пуля, в стену вбитая,
И сохранила жизнь отцу?

ЧАСОВЫЕ ЛИСКИНСКОГО НЕБА

Память — она как свеча. Не успеешь вовремя к ее свету — погаснет, догорев, навсегда унося в лету бесценные свидетельства людей, причастных к событиям, судьбам, фактам истории.

Фронтовика Павла Филимонова, оборонявшего Лиски в годы Великой Отечественной войны, мне удалось отыскать в Москве. Крепкий памятью, он поделился тем, без чего история лискинского Придонья была бы точно неполной. Воспоминания лейтенанта-зенитчика не только оживляют драму военного

лихолетья, но и убедительно объясняют звание города воинской доблести, присвоенное Лискам за воинский подвиг.

— Обычно на дальних подступах к мосту через Дон и к станции Лиски «Юнкеры» летали на высоте 3–4 километра, — начинает неспешный рассказ Павел Яковлевич. — Но, приближаясь к объектам и опасаясь быть сбитыми, летчики увеличивали потолок до 5 километров. Подходили они всегда с запада, а уцелевшие туда же и улетали. В конце марта стало очевидно, что немцы и впредь будут наращивать мощь воздушных атак на мост и станцию. А для их отражения двух прожекторных рот было явно недостаточно. Поэтому в апреле в Лиски из 40-го зенитно-пулеметного полка была передана прожекторная рота под командованием младшего лейтенанта Козырева Василия Михайловича. Из трех прожекторных рот был сформирован 15-й отдельный зенитно-прожекторный батальон (в/ч-33939), командовать которым был назначен майор Михаил Иванович Загрядский. Заместителем комбата стал старший лейтенант Виталий Сергеевич Якимук, зам. по тылу — интендант Клейман, командир отделения связи — Попов. Начальником штаба вновь сформированного батальона назначили меня.

В первую очередь, мы сократили расстояние между прожекторными станциями до 3-х километров, увеличили глубину и ширину светового поля прожекторов, что позволило освещать и сопровождать до 15-ти немецких самолетов одновременно. Зенитчики, таким образом, получили дополнительное время готовности и возможность сбивать самолеты прямой наводкой. И уже редкие самолеты вырывались из цепких лучей прожекторов, меняя курс, высоту и резко ныряя в пике. Стали нередкими случаи, когда ослепленные нашими лучами немецкие летчики теряли ориентацию в пространстве, и самолеты врезались в землю. Все чаще летчики избавлялись от бомб еще на подлете к Лискам и, не выполнив задания, на большой скорости ударили на запад.

Любопытен и такой факт: к 1943 году немцы уже потеряли господство в воздухе на Воронежском фронте из-за значительных потерь. Ведь только за июль-декабрь 1942-го войсками Сталинградского корпусного района ПВО было сбито более 600 немецких самолетов. В связи с этим гитлеровцы стали призывать в «Люфтваффе» молодежь. При обороне моста и Лисок мы все чаще стали наблюдать, как молодые, видимо, немецкие летчики, увидев лучи прожекторов, сбрасывали бомбы в поле и резко ложились на обратный курс. Более опытные немецкие «асы» подходили к городу с выключенными бортовыми огнями и даже моторами, планировали, словно призрак, пытаясь парализовать действия наших прожектористов и зенитчиков. Но и такая хитрость немцев не прошла: через одну-две минуты поиска наши бойцы «захватывали» самолет прожекторными «клещами», и зенитчики расстреливали его прямой наводкой.

В мае весь месяц не хватало продуктов. Из крупы — одно пшено. Не было и соли. Женщины пережили это нормально, мужчины — не очень. Однажды позвонили из штаба дивизии и сообщили, что вверх по Дону от Лисок расположился только что прибывший полк наших ночных бомбардировщиков, и для координации совместных действий необходимо установить с ним связь. Поехал я. В небольшом аэродромном помещении застаю одних женщин-летчиц. Прошу провести меня к командиру полка. «Я командир», — отвечает одна из них. И представляется: «Марина Раскова». Так я познакомился, как потом оказалось, с женщиной-легендой. Летчицы ее полка летали на маленьких двукрылых самолетах ночью, сбрасывали бомбы низко над землей. Немецкие истребители даже не пытались их атаковать, так как на малых высотах сами боялись врезаться в землю. ...Вскоре женский бомбардировочный полк сменил место дислокации, и я до сих пор жалею, что моя встреча с этими замечательными женщинами была единственной.

Крепко запомнились мне день и ночь 16 июня. Утром позвонили из штаба дивизии и сообщили, что к нам выехал проверяющий, пожилой подполковник. Комбат поручил мне сопровождать его в расположение батальона. Проверяющий смотрел на все глазами армейских уставов внутренней и караульной службы, нудно делал замечания, записывая их в блокнот: винтовки не в пирамидах, противогазы в разных местах, в землянке связистов — неуставная кровать... На ночь подполковник-штабист остался в батальоне, желая посмотреть нашу работу в условиях боя. Фашисты же в эту короткую летнюю ночь, решив, видимо, взять реванш за предыдущие неудачи, бросили на мост и станцию целую армаду тяжелых бомбардировщиков. Волнообразно, эшелонами по 25–30 самолетов, с перерывами в 15–20 минут рвались они к цели, забрасывая нас бомбами. В этот жестокий по своей напряженности пятичасовой бой, показавшийся нам всем вечностью, я находился на КП батальона, руководил действиями прожектористов. Штаб наш, КП и наблюдательный пост, если ехать из Воронежа, находились правее станции Лиски, на возвышении. Воздух в ту жуткую ночь, как никогда, раздирали вой моторов и взрывы бомб. От мечущихся лучей прожекторов небо превратилось в сплошное полыхающее зарево. В конюшне недалеко от нашего КП находилось с полсотни лошадей: ох, как надрывно они ржали, пока не вырвались из разбитых ворот! А люди толпами, с криками бежали из города в безлюдный район, минуя станцию.

Во время налетов я находился в небольшом окопе, из которого был хороший обзор ночного неба над станцией и мостом. Лейтенант Попов организовал связь с ротными КП таким образом, что я мог говорить с одним ротным, а мог и так, что меня слушали одновременно все командиры рот. Такая связь обеспечивала оперативность управления боем. В перерыве между налетами забежал в землянку связистов. Увидев меня, девушка-телефонистка спросила: «Това-

риц старший лейтенант, где ваша звездочка?» Трогаю пилотку — а звездочки на ней нет. Чуть позже обнаружил ее в окопе рядом с острым, как бритва, осколком бомбы. От связистов же и узнал: во время боя подполковник-проверяющий забился под кровать, — ту самую, которая неуставная... А утром, уезжая, проронил мне, не поднимая глаз: «У вас все хорошо — я так и доложу...»

Во второй половине той ночи внезапно прервалась связь с КП рот на правом берегу Дона. Связист Гапешина добровольно вызвалась восстановить ее. Зажав концы телефонного провода зубами, под ливнем осколков и водяными столбами от разрывов бомб доползла по мосту до обрыва кабеля и восстановила связь. В том бою мы осветили прожекторами 38 немецких самолетов, многих сбили, некоторые ушли подбитыми из зоны обстрела, а 10 самолетов сбросили бомбы, не долетев до цели. К сожалению, 4 наших прожектора прекратили освещение раньше окончания боя — не хватило бензина. В донесении о налете я тогда написал: «Бензин для прожектористов так же необходим, как снаряды для артиллеристов».

После боя обошел все наши позиции. Прямых попаданий в прожекторные станции не было. Мост стоял без повреждений, но вокруг зияли воронки от больших бомб. Некоторые зенитные установки, что ближе к мосту, были до неузнаваемости искорежены. От девчонкок-пулеметчиц — лишь фрагменты тел, разбросанные взрывными волнами. За их мужество памятник бы им у того лискинского моста над Доном поставить...

После той ночи массированных налетов больше не было. Днем прилетали 1–2 разведчика, а за ними небольшие группы бомбардировщиков. Но однажды в сумерки пост воздушного наблюдения, оповещения и связи доложил с правого берега: «Слышен шум мотора, азимут 15, угол 0 (шум наземный. — Н.К.)». Минут через пять над рекой, едва не касаясь воды, возник бомбардировщик. Над мостом резко рванул вверх

и сбросил бомбу-«пятисотку», угодившую точно в мост. К счастью командира артполка и моему лично (я был ответственным дежурным), бомба не взорвалась, а своей тяжестью проломил мост и нарушила временные опоры. Немецкий летчик, оказалось, пошел на хитрость: севернее Лисок опустил вниз и летел незамеченным вровень с берегами Дона — потому пост и показал наземную цель...

Примерно через час на КП позвонили из Ставки. Выслушав доклад командира артполка, приказали: «Чтоб к утру переправа работала». Саперы приказ выполнили за ночь, соорудив из шпал временные опоры. Поезда пошли на тихом ходу. А у командира полка волосы за ту ночь седыми стали — ведь его и меня могли расстрелять как допустивших прорыв бомбардировщика к стратегически важному объекту. К такому приказу были готовы и два офицера «Смерш» при нашем полку. Вот и верь после этого, что Сталин руководил войсками по глобусу. Нет, в Ставке знали о каждом событии на всех фронтовых направлениях. А я за войну усвоил неписанный закон штабиста — вовремя и грамотно отписаться: ведь за датами донесений следили строже, чем за их содержанием.

...В мае 1943 года наш батальон передели из Воронежского фронта в состав Западного.

ЧЕРНЫЕ СЛЕЗЫ «АБРАМКИ»

«Абрамка» — так с давних времен называли старожилы села Лиски огромный лог со звонкоголосой криницей, подступавший к селу с поля.

Живность домашнюю сельяне здесь пасли, водою ключевою в пору знойную радовала лисян «Абрамка». В зарослях черемухи да терновника соловьи — птахи любви — молодую кровь тревожили. И не думал не гадал люд сельский, что в лето 1942 года не соловьиной трелью наполнится до самых краев «Абрамка», а пулеметными очередями, гарью поро-

Память об «Абрамке» длится в поколениях

ховой да предсмертными криками женщин, стариков и детишек, которые еще недавно радовались тут беспечному говорку ручейка, истекавшего из криницы...

...Июль 1942-го. Немецкие танки под гогот спешащей за ними пехоты, прорав оборону у Острогжска и Коротояка, уткнулись хищными стволами в правый берег Дона за окраинными улочками сел Лиски и Залужное. Не удалось фашистам с ходу взять непокорную станцию Лиски и город с говорящим именем Свобода при ней. И тогда объявили они села Лиски и Залужное прифронтальной зоной. Прифронтальная — значит безлюдная...

Из воспоминаний Алексея Синельникова — бывшего партизанского «орленка»-связного: «Двенадцать лет мне в то лето было. В конце июля вслед за немецкими мотоциклистами пошли по улицам их автоматчики. Из домов женщин с детками малыми да немощных стариков выгоняют, прикладами в колонну заталкивают. Погнали через Никольскую гору на дорогу, ведущую в Ковалево. По бокам — всадники на огромных лошадях. Плач над колонной

стоит, пыль и жара несусветные. Некоторые женщины кинулись из Никольского родника воды детишкам набрать, так изверги автоматными очередями их остановили. Воду по дороге пили из копытных следов, оставшихся на обочине. К сумеркам втянулась изможденная вереница в Ковалево. Согнали немцы нас в кучу на площади — здесь ночевать будете. Женщины, кто помоложе, засобирались в село наше вернуться, чтобы еды и одежду детям прихватить: к утру надеялись обернуться. Пошла с ними и наша соседка, тетя Маруся. Она уже на сносях была, вот-вот родить должна. Но никто из женщин так и не вернулся к утру. Прибежали плачущие детишки, рассказали, что всех их в «Абрамке» расстреляли немцы. И тетю Марусю тоже. А из ямы расстрельной крик ребенка родившегося они слышали...»

...Ольга Дмитриевна Тютюнникова, сидя на крыльце, вязала шерстяные варежки, когда услышала с улицы плач сыночка Василия. Рослый мадьяр, схватив ребенка, тащил его к «Абрамке», снимая с плеча винтовку. Бросившись на крик, женщина стала умолять изверга обменять сына на варежки. Так те

спасительные варежки и лишили «Абрамку» возможности пополниться еще одной невинной жертвой...

Учительница Лисянской СОШ Татьяна Закотельникова, которая вместе с мамой Верой Николаевной Стародубцевой занималась расследованием трагедий «Абрамки», рассказала и такие драматические эпизоды:

— Нашей землячке Марии Сергеевне Милькиной было в ту пору 16 лет, когда она вместе с мамой и другими женщинами и детьми вернулись в Лиски из Ковалево, чтобы взять провианта и одежду. Мадьяры всех арестовали и повели в «Абрамку», заставили копать яму. Сначала расстреляли женщин. Потом на край расстрельной ямы поставили и семерых детишек вместе с Машей. Но начался обстрел, и расстрелять детей из верги не успели. На ночь закрыли в хате, а утром выдали пропуска и заставили вернуться в Ковалево. Не успели детишки отбежать за околицу, как по ним открыли огонь из пулеметов. Слава Богу, никого не убили. А Маша Милькина, оставшись без мамы, одна воспитывала пятерых своих сестричек и братиков...

Другой землячке, Евдокии Жижелевой, 3 августа 1942-го было четыре годика. Мама пришла с ней в село и, оставив ребенка у железнодорожной насыпи, направилась в избу, чтобы взять картошки. Мадьяры схватили ее и тоже расстреляли в «Абрамке». Девочка росла одна, потом уехала на Украину. В прошлом году группа учителей Лискинской школы по приглашению земляка, владыки Арсения, гостила в Святогорске, посещала Святогорскую Свято-Успенскую Лавру. И неожиданно встретили там Евдокию Савичну Жижелеву, которая, невесть как узнав о приехавших сюда земляках, пришла встретиться с ними и передала им всю свою пенсию, чтобы в Лавре помянули ее расстрелянную в «Абрамке» маму и всех лисянских детей и женщин.

А недавно стараниями владыки Арсения расстрельное место в «Абрамке» превратилось в величественный мемориал памяти об убиенных земляках.

— Черный облицовочный мрамор, — рассказывает настоятель местного храма отец Андрей, — привозили из Украины. Селяне, узнав, что здесь возводится памятник расстрелянным жителям Лисок, сами приходили и предлагали свою помощь. Очень хорошо помогли техникой и материалами специалисты компании «ЭкоНива» при прокладке в «Абрамку» дороги и возведении каменной часовни, которую возводили рядом с родником мастера из Лавры.

Светит теперь мемориал в «Абрамке» ликами и именами расстрелянных. С черного мрамора скорби слезами черными стекают капли росы. К благородству душ наших и к совестливой памяти взывают лики и поименные строчки. Идут сюда люди, и добро с добром встречается в «Абрамке».

...Узнал о расстрельном яре столичный учитель с лискинскими родовыми корнями Виктор Кучерявенко. Вместе со своими московскими школьниками выковал из нержавеющей стали памятник-символ для похороненных в «Абрамке». «Древом жизни» его нарек. Девяносто листочков-свечек в его ветвях — пока столько имен убитых назвала «Абрамка». Но не всех еще назвала. И надломленная веточка с нераспустившимся бутонем на скорбном древе символизирует оборванную жизнь только что народившегося младенца. В корнях дерева корчится фашистская свастика — жизнь сильнее смерти оказалась...

ПОСЛЕДНЕЕ ЗАДАНИЕ

В Лискинскую администрацию из далекой Карачаево-Черкесии пришло совсем обычное письмо.

Руководитель поисково-исторического клуба «Курджиново» Евгений Деренский сообщил о том, что поисковики клуба готовят к печати каталог бронетанковой техники, установленной в качестве памятников на территории России, Украины, Беларуси, Польши. «За последние годы, — сообщил автор письма, — в разных издательствах

вышло из печати свыше 10 монографий, посвященных танку ИС-2. Но ни в одном из этих изданий не было фотографии танка-памятника ИС-2 в городе Лиски. Между тем, это редчайший образец. Танков такой модификации сохраняется в мире всего около 40 единиц (для сравнения: ИС-3 — около 150, Т-34 — свыше 400 единиц). Ваш уникальный танк-памятник неизвестно почему оказался в глубокой информационной тени, как будто его и не существует». В связи с этим руководитель поисковиков просил прислать для публикации в готовящемся каталоге фотографии танка-памятника ИС-2, установленного в Лисках.

Заинтересовавшись идеей карачаевчеркесских поисковиков, я решил узнать историю появления этого танка на постаменте рядом со зданием военкомата на улице Маршала Жукова. Откуда он? Как появился в Лисках? Какие события военного лихолетья увековечивает? Однако ни в историко-краеведческом музее, ни у местных краеведов, ни в самом горрайвоенкомате никаких сведений о танке-памятнике найти не удалось. Скромная табличка на постаменте, полуприкрытая букетом живых цветов, напоминала: «Воинам 18-го стрелкового корпуса, освобождавшим Лискинскую землю. 1941–1945 гг.». И все. Неожиданно направление поиска подсказал один из офицеров военкомата, посоветовав отыскать бывшего военкома, а ныне полковника в отставке Илью Мелашенко. Мол, его инициатива и старания.

История, рассказанная Ильей Яковлевичем, поразила своей необычностью.

— На втором году моего комиссариата, зимой 1987-го, мне позвонили из совхоза «Вторая Пятилетка». Звонивший, не представившись, с ходу огорошил: «Товарищ комиссар! Тут у нас железнодорожники двигатель с танка просят. Можно ли его им отдать?». — «Какой двигатель? С какого танка?» — не понимая, о чем речь, переспрашиваю у звонившего. «Так у нас тут, в совхозе, танк в сарае стоит: ИС-2». Опешив от

такого известия, прошу ничего не трогать и по «вертушке» связываюсь с облвоенкомом. Тот, не менее удивленный, приказывает узнать подробнее и доложить.

Через полчаса полковник Мелашенко с волнением открывал покосившуюся дверь старого, но еще крепкого сарая, приютившегося на задворках совхозного машинного двора. Мысленно он уже представлял себе груды проржавевшего железа, подобранного, вероятно, когда-то на полях войны, но так и не востребованного для нужд хозяйства. Какое же было его удивление, когда в тесноте сарая увидел он целехонькую громаду боевой машины, подпиравшую мощным пушечным стволом обветшалую крышу. Толстый слой пыли и разводы ржавчины на броне только усиливали впечатление величавой мощи. Казалось, танк только что выскочил из жестокого боя и затаился в укрытии на краю села, готовый вновь отразить любые атаки. ИС-2 («Иосиф Сталин») — самый мощный танк Второй мировой войны! 120-миллиметровая пушка с нарезным стволом, мощная лобовая и боковая броня делали 46-тонную громаду, развивающую скорость до 40 километров в час, практически неуязвимой не только в обороне, но и в наступательном бою. Это от него панически шарахались хваленые немецкие «тигры» и «пантеры», когда гитлеровские танкисты, увидев в бою силуэт ИСа, в ужасе орали в шлемофоны: «Achtung! Achtung! Stalin!..»

Внимательно осмотрев танк, военком поразился еще не раз. В комплекте боевой машины отсутствовали лишь четыре вещи: аккумулятор, оптика, зенитный пулемет и боекомплект. В остальном же, казалось, что танку лишь вчера заглушили двигатель: даже уровень масла в картере соответствовал норме. Ключ на стартер и — вперед! Но больше всего удивляло неведомое: как стоявший на вооружении танк (официально снят с вооружения лишь в 1992 году) оказался в полузабытом колхозном сарае? Из скупых воспоминаний старожил

лов и руководства совхоза удалось узнать не менее удивительную историю.

...В 1946-м послевоенном году тогдашний директор передового лискинского совхоза позволил себе отдохнуть по путевке в одной из южных здравниц страны. Соседом в санаторном номере оказался боевой генерал, командовавший одним из arsenалов Бронетанкового управления Министерства обороны СССР. За бокалом доброго грузинского вина хозяйственный директор посетовал на послевоенную разруху, на острую нехватку тягловой силы, ударную основу которой составлял десяток старых быков да два отживших свой век «Универсала». Поднимая бокал за нерушимое единство армии и народа, директор то ли в шутку, то ли всерьез попросил: дескать, подсобили б, товарищ генерал, тягловой силой — мы бы не только область, а всю страну трудовыми подвигами прославили.

Закончился курортный срок, и оба командира — военный и колхозный — разъехались каждый по своим службам. Так бы со временем и забыли о мимолетном знакомстве, если бы... Если бы через пару месяцев на стол совхозного руководителя не легло уведомление, согласно которому совхозу предписывалось в такие-то сроки раскредитовать и получить пришедший в его адрес груз, поименованный «танк ИС-2». Железнодорожная платформа с грузом стояла в тупике станции Бодеево. Схватив бумагу с гербами и печатями, ошалевший совхозный глава уже через десять минут недоверчиво гладил лоснящуюся броню танка в аккуратных заплатках и вмятинах на боках орудийной башни. Оказывается, его армейский сосед по санаторному номеру умел ценить не только доброе вино, но и твердое слово.

А дальше неизвестно: то ли в совхозе не нашлось знающих специалистов, то ли директор, сам недавний фронтовик, пожалел боевого «коня» и не стал унижать его хомутом нелегкой колхозной жизни. Да только простоял танк сорок один год целехоньким, заботливо спрятанный от непогоды и лишних глаз в

колхозном сарае-ангаре. Видно, ему, выжившему в жестоких боях великой войны, судьбой предназначено было стать ее памятником — символом нашей Победы.

...Возвращаясь в Лиски из совхоза, мудрый военком уже знал дальнейшую судьбу ИС-2. Приближалась годовщина освобождения района от немецко-фашистских захватчиков. Основной ударной силой на придонских плацдармах был 18-й стрелковый корпус, в составе которого таранили немецкую оборону и приданные ему ИС-2. Увековечить их подвиг на Дону — вот последнее боевое задание, которое должен выполнить этот танк.

— На следующий день, — продолжает рассказ Илья Яковлевич, — подобрали по картотеке всех состоявших в запасе механиков-водителей, служивших в армии именно на этих машинах, и вместе со старшим офицером доставили в совхоз. Специальные танковые аккумуляторы нигде достать не удалось. Попытались завести танк с буксира, но два мощных К-700 становились на дыбы и не смогли даже с места стронуть громадину. Тогда кто-то из механиков-запасников вспомнил, что двигатель такой модификации можно запускать сжатым воздухом. Привезли несколько баллонов, подсоединили к системе. Пуск — и двигатель, пыхнув соляровым дымом, загудел мощно и ровно. Встречать оживший танк я выехал за сельскую околицу. Что это было за зрелище! По снежному полю уверенно, как в бой, шла грозная боевая машина, взвихривая за собою снежную пыль. На стылой броне гроздьями висел смешанный десант чумазых и счастливых механиков и деревенских пацанов. Их протяжное ликующее «ура!» звенело сквозь шум танкового двигателя... Метрах в двухстах от военкомата танк замер — в баке закончилась солярка. Пока ее искали, окрестная детвора так объездила броню, что до блеска вытерла с нее всю ржавчину: крась — и на пьедестал. Тогдашний председатель райисполкома Виктор Петрович Матвеев идею танка на пьеде-

стале всецело поддержал. Варианты места его установки даже не предлагались: здесь, у военкомата, на улице Маршала Жукова и решено было оставить танк-памятник ИС-2. Так, выполняя свое последнее задание, и въехал он на постамент, чтобы стать вечной памятью о танкистах, сражавшихся за Лискинскую землю.

РУКОПИСЬ, ПРИШЕДШАЯ С ВОЙНЫ

У книг, будто у людей, свои судьбы. Одни, легко родившись, глянцево поблескивают на книжных развалах. Другие... Другие и рождаются трудно, и к читателям идут долгой дорогой. У рукописи, неожиданно попавшей ко мне, как и у ее автора, судьба вообще особенная.

Первые ее строчки появились 76 лет назад, когда лавина фронта прикатилась летом 42-го к донским лискинским берегам и накрыла собою старинное русское село Сторожевое. Подмяла, прошлась кованым немецким сапогом по детству и судьбе сторожевской девочки-семиклассницы Дуся Курьяновой и ее сверстников. Дуся не вела дневников. Но война выжгла строчки ее будущей книги по живому, без черновиков и оставила их до поры в прямо в сердце девочки.

Это уже потом, в начале 1980-х, учительница русского языка и литературы Дракинской средней школы Евдокия Ивановна Кондратьева напишет: «У меня возникло вдруг ощущение, что я обязательно должна рассказать людям о своих земляках, о своем родном селе, о его истории, порой драматической и даже трагической. В сердце и душе накопилось очень много...» Более 10 лет рождалась 500-страничная книга о Сторожевом и его людях. Увы! Автора уже нет в живых, но написанное Е. Кондратьевой дошло до нас как память, как документ, как завещание одного поколения другому.

После смерти Евдокии Ивановны в

1993 году рукопись хранилась в семье ее сына Анатолия, потом ее изданием занималась дочь Кондратьевой — Надежда Федоровна Сморгчова. Дело двигалось очень трудно и малоперспективно. К сожалению, в нынешнее время настоящие боль и кровь, как и пережитая, непридуманная история у нас мало востребованы — куда зрелищнее кровь буффорская, киношная — и стоит дешевле, и память не обременяет. Но вчитываясь в эти правдивые строки и понимаешь их великое значение. К примеру, о Сторожевском плацдарме и его роли в Острогожско-Россошанской операции написано уже немало. Но до сих пор никто еще так достоверно не смог рассказать о том, что творилось там, за этим придонским пятачком русской земли на стыке жизни и ада — в селе Сторожевом и дальше — под немцами, в оккупации. Это смогла сделать Е.И. Кондратьева. Это не повесть, не роман, не дневник и не мемуары. Это пронзительная исповедь детской памяти, израненной войной. И у нее, этой памяти, нет избирательности — она до невыносимого предела впитала в себя все то, что смогли увидеть глаза ужаснувшегося войной подростка-подранка. И сочтется эта боль, не заглушенная временем, по строчкам и страницам рукописи-памяти: «Когда разгорелись бои в Сторожевом, на крайней улице из окопа в саду со страхом и любопытством выглядывали четверо детей. Пробегавший мимо немец с тупым злорадством швырнул в окоп гранату. Взрыв заглушил крики ужаса...»

Ведет, ведет девочка-подросток читателя по страшным дорогам оккупации. Изо дня в день ведет. Ведет к своим униженным, но не вставшим на колени землякам-односельчанам. Смотри, читатель, запоминай: «Старая женщина в черном возится на своем подворье. Заметив ее, подошел пожилой венгр и поманил на соседнюю улицу. Там в одной из уцелевших хат прямо на земляном полу на большой грязной перине лежала чудовищно неухоженная, раненная в обе ноги шестилетняя девочка. По

телу ребенка ползали черви, они облепили грязные бинты на запущенных ранах... Федосья Васильевна Деева наклонилась к раненой. Изможденное личико заулыбалось, радостно засветились запавшие от худобы глаза. Девочка заговорила: «Тетя, возьми меня с собой...»

Ужас увиденного и рассказанного Дусей Курьяновой, как бикфордов шнур, тянется из наших дней в окаянные годы военного лихолетья. И бежит, бежит по этому шнуру огонек памяти. И взрывается не такое уж далекое прошлое страшной своей обнаженностью: «Когда оккупанты начали выгонять жителей из села, бедная мать не знала, что ей делать. Надо было выбирать: или раненная в ноги Настя одна погибнет здесь, или Калинины пропадут здесь все. Дождавшись, пока девочка уснула, женщина долго глядела на нее, потом поправила постель, поставила у изголовья кувшин с молоком и краюшку хлеба и, обливаясь слезами, поплелась на запад. На руках у нее свой грудной ребенок, рядом семенили двое малышей. Надо было спасать их...»

Но, несмотря на ужасы войны, от этих страниц все же веет добрым теплом и светом, любовью и состраданием. К своей семье, к односельчанам, к своей Родине, большой и малой. Наверное, это и есть тот самый негромкий патриотизм, которого всем нам сегодня так не хватает. «Жутко в опустевшем Сторожевом. Поля наши перепоясаны траншеями, проволочными заграждениями. Высытятся накаты блиндажей и дзотов. Высокой травой поросли дороги и тро-

пинки в селе. Пахнет дымом и гарью. В садах на обожженных деревьях дозревали яблоки, груши, темнели черносливы... На Сторожевском плацдарме сражались с гитлеровцами два наших земляка, два тезки, два Каширина Ивана Филипповича. Один из них пропал без вести. До родных дошло его последнее письмо: «Стрелял в родное село. Это очень больно...» Второй — разведчик Ванька, по уличному прозвищу Бодыль. В каждом освобожденном селе Иван спрашивал: «Нет ли здесь сторожевских людей?» Он искал своих родных: где-то затерялись мать и пять сестер. В хуторе Дракино Репьевского района Каширин нашел свою сестру — Екатерину Образцову. Она зимовала тут с маленькими детьми. Катя жадно смотрела в дорогое лицо рано поседевшего брата и плакала от радости... А в соседнем селе Верховье в это же время седая женщина спрашивала у майора: «Где-то здесь мой сынок воюет...» Майор, узнав фамилию сына, удивленно смеется: «Вот не думал, что у такого героя-богатыря мать — обыкновенная женщина среднего роста. Не плачьте, маманя, если в Синих Липягах боя не будет, вы увидите сына». Но в бою за одно из сел на подступах к Синим Липягам автоматная очередь из-за угла разорвала могучее тело Ивана. Таким и запомнился он землякам: молодым, красивым, но седым».

Словно солдат с фронта, шла к нам рукопись этой книги долго и трудно. Но дошла-таки. И всегда поминают светлой памятью односельчане свою Дусю Курьянову. У такой памяти особое долготеление.

Алексей Николаев

ЗЕМЛЯ — И НА НЕЙ ЧЕЛОВЕК

(Чем живет современное село)

АЛЕКСАНДР РЫБЕНКО:
«МНЕ НЕ СТЫДНО ПЕРЕД ЗЕМЛЯКАМИ»

Четыре года назад наша беседа с исполнительным директором ООО «ЭкоНиваАгро» Александром Рыбенко об истории появления компании в лискинском Придонье, о ее первых шагах в аграрном секторе началась с самых обыденных вопросов и ответов. Главное, предельно честный рассказ Александра Николаевича не заставлял сомневаться в его искренности.

— Это были сложные годы начала двухтысячных. Я тогда с противоречивыми чувствами только что принял колхоз «Тихий Дон» на моей малой родине, в Щучьем, на складах которого было меньше тонны зерна и 80 литров солярки. Чем пахать? Что сеять? Чтобы добыть денег на посевную, пришлось отдать в залог собственный автомобиль — люди добрые помогли в ту весну выйти из пиковой ситуации. Но нужно было решать вопрос кардинально. Выход был только один — искать солидного инвестора. Я его и искал, даже в Москву ездил. В хозяйства «Тихого Дона» предлагали себя и олигархи, отродясь не видевшие земли, и денежные бандиты. Но это все было не то: нашей земле и людям хотелось найти умного, состоятельного и рачительного хозяина, знающего цену крестьянским мозолям. И тут как раз к главе района Виктору Шевцову приехал представитель какой-то незнакомой мне компании «ЭкоНива». Мы встретились,

побеседовали. Он пригласил меня приехать в Москву на встречу с генеральным директором этой компании. В столице встретил меня молодой немец, представился Штефаном, рассказал о перспективах компании, показал видеоролик о ее деятельности в России. Для убедительности свозили меня в Курск, где уже работало отделение «ЭкоНивы». Все мне понравилось, все на высоком технологическом уровне. Смущало меня лишь одно — как воспримут мои земляки немца? Ведь тут же Щученский плацдарм, где в годы войны его соотечественники воевали. Но на общем собрании колхозников в 2002 году, где я представил Штефана Дюра, к моему удивлению, за него проголосовали даже пожилые люди, не понаслышке знавшие войну. Такое их отношение к немцу и развеяло мою настороженность.

Но и под крылом у «ЭкоНивы» дела у щученцев не сразу пошли в гору. Дело в том, что компания специализировалась на выращивании элитных семян, пивоваренного ячменя, и Штефан слушать не хотел о животноводческих фермах. Говорил так: пусть, мол, доярки дома сидят, а мы им будем зарплату платить — дешевле обойдется. В 2003 году даже хотели напрочь избавиться от животноводства, но Виктор Шевцов твердо настаивал на своем: фермы сохранить — иначе в Лискинском районе нам не работать.

Но вести дело по старинке было убыточно, а своего опыта в молочной отрасли у компании не было. Решили учиться у евро-

пейских коллег, стали ездить на выставки за границу, в фермерские хозяйства. А тут еще крайне сложно было сломать психологию наших специалистов, привыкших мыслить традиционными категориями. Ведь в зарубежной практике все — от содержания новорожденных телят до рационов кормления животных — противоречило канонам отечественного животноводства.

В Щучьем мы реконструировали старую ферму с местным скотом. Стали готовить современные высокоэнергетические корма для каждой физиологической группы коров. И каждая наша буренка вскоре стала давать больше 5 тысяч литров молока — такое нам и не снилось, когда только начинали. Постепенно привели в порядок и другие фермы. Потом решили построить современный молочный комплекс на 1200 голов. Открыли его в Щучьем в 2007 году с помощью средств господдержки. Теперь же у нас шесть таких современных комплексов с технологией беспривязного содержания. И сегодня, несмотря на собственный наработанный опыт, мы продолжаем учиться. Правда, производство наше достигло уже таких объемов, что европейский опыт стал нам тесен — ездим в Америку, где молочные хозяйства более крупные, чем в Европе.

Сейчас мы радуемся тому, что смогли убедить людей в своей состоятельности и ответственности. Даже в тех селах, где настроенно относились к компании «ЭкоНиваАгро», люди говорят нам спасибо. И когда я это слышу, понимаю, что моя совесть перед земляками-лискинцами чиста. Это, пожалуй, и есть мое главное завоевание за 12 последних лет.

Конечно, беседа тогда, четыре года назад, ни я, ни Рыбенко, несмотря на его крестьянскую прозорливость и сметку, не могли многое предвидеть — слишком быстро течет наше изменчивое время. А результаты крестьянского труда не всегда зависят лишь от профессионализма, упорства и трудолюбия людей — слишком велика зависимость от природных, экономических, политических и множества других факторов.

Тем не менее за эти четыре года «ЭкоНиваАгро» не только смогла укрепить свои позиции в Придонье, но и расшириться за границы Лискинского района, построив мощные

животноводческие комплексы в Бобровском и Каменском районах. Начал выпускать продукцию из собственного сырья местных ферм перерабатывающий завод в Щучьем. Умный бренд «Академии Молочных Наук» не только добавил имиджа компании, району и региону, но и все активнее ориентирует на себя вкусы жителей Воронежской области. Первая продукция компании приятно удивила качеством: сразу три «академических» продукта — цельное «Ученое молоко», творог 9 % и сметана 20 % — удостоились золотых медалей в нынешнем году на Всероссийской сельскохозяйственной выставке в Москве. За эти годы «ЭкоНиваАгро», преодолев возраст ученичества, стала лидером молочной отрасли в Воронежской области, производя в сутки 540 тонн молока.

Выросло и доверие власти и общества к компании и ее людям. Александру Рыбенко земляки доверили представлять их интересы в Воронежской областной Думе. А еще четыре работника компании избраны депутатами районного Совета народных депутатов. Губернатор отметил Александра Николаевича благодарностью «За значительный вклад в социально-экономическое развитие сельских территорий». А его заместителю Александру Нестеренко постановлением Минсельхоза России присвоено звание «Почетный работник агропромышленного комплекса России». Высокой областной наградой — знаком «Благодарность от земли Воронежской» отмечен и весь коллектив «ЭкоНиваАгро».

Сегодня наш разговор с Александром Рыбенко зашел и о новых проектах-планах, о социальной ответственности в сфере деятельности «ЭкоНиваАгро», о людях, чьим умом и трудом прирастает слава компании.

— Александр Николаевич, заглядывать далеко в будущее — занятие не слишком благодарное. Так что поделитесь, пожалуйста, тем, что будет в ближайшие два-три года.

— В растениеводстве земельными площадями в Лискинском районе мы точно прирастать больше не будем. Это полезно и для бизнеса, и для района. С этим согласны и Штефан Дюрр, и руководство района. Наши сегодняшние ориентиры — Бобровский и Каширский районы. «ЭкоНиваАгро», как вы знаете, всегда ответственно относится к со-

зданию новых рабочих мест для жителей тех районов, где она работает. Два года назад нами было заявлено, что компания больше не будет строить животноводческие комплексы в Лискинском районе. Но, учитывая дефицит молока в России и тот фактор, что государство приняло программу помощи производителям молока, мы пересмотрели свою стратегию. Побудила нас к этому и программа поддержки отрасли, принятая правительством Воронежской области и нацеленная на перспективу вплоть до 2020 года. И мы начали осваивать технологию строительства крупных комплексов на 2800 голов дойного стада. Один из таких проектов уже запущен в январе 2017 года в лискинском селе Высоком, другой — в Бобровском районе. Все объекты, кстати, строим исключительно хозяйственным способом. В наших планах строительство еще пяти таких животноводческих комплексов, три из которых будут размещены в Лискинском районе — в Бодеевке, Доброино и в Дивногорье. Однако по последнему есть вопросы, связанные с Дивногорским природным музеем-заповедником. В целях сохранения первозданности уникального исторического ландшафта, размещать здесь большой комплекс было бы нецелесообразно. К тому же, по этой проблеме есть свое мнение и у Министерства культуры, с которым мы плотно контактируем. Нам не нужен имидж загрязнителей природы, но и о рабочих местах для людей мы должны думать. Мы готовы здесь организовать биопроизводство — абсолютно экологически чистую ферму, опыт работы которой изучаем сейчас на Рязанщине.

— При всей масштабности ваших планов у вас хватает времени и средств заниматься благотворительностью и поддержкой социальной сферы тех сел, где работает ваша компания...

— Ежегодно от 2,5 до 3,5 миллионов рублей мы перечисляем только в помощь школам и детским садикам. На поддержку социалки «ЭкоНиваАгро» ежегодно направляет более 40 миллионов рублей. И при этом Штефан ни разу меня не попрекнул — значит, я на верном пути. Вот сейчас, после беседы с вами, поеду на сход граждан в село Переезжее. Там люди просят приобрести для клуба телевизор, шахматы, спортивный инвентарь... Я, конечно, все это приобрел и повезу. Но не

это нужно людям просить: там старая водонапорная башня, убитый асфальт... Мы и в этом поможем, как помогли там построить новый фельдшерско-акушерский пункт. Медработнику выплачиваем зарплату из кассы компании. Рассматриваем вариант строительства или покупки для нее добротного дома. Планируем построить вторую очередь детсада в Щучьем — прежний уже не помещает детей. Детей в Щученском и Колыбельском детсадах, а также в Петровской школе кормим бесплатными обедами. Помогаем строить собор Владимирской иконы Божией Матери в Лисках, а также храмы в Колыбельке, Верхнем и Среднем Икорце. На ремонт школы в Бобровском Коршево выделили 3 миллиона рублей. В селе Волчанское Каменского района Дом культуры отремонтировали, отделали зрительный зал под дуб и ясьень. Беженцам из Украины помогаем... Да всего и не перечислишь.

— Ваше депутатство в областной Думе не отвлекает от дел насущных?

— Мне не очень хотелось баллотироваться на выборах в областную Думу. Но меня попросили жители лискинских сел и поддержал Штефан. Он и сейчас живо интересуется моей депутатской работой, чему я очень рад. Но, если честно, я до сих пор не вижу разницы между моим депутатством и работой руководителя холдинга. Люди идут ко мне со своими насущными проблемами, и я не вправе от них отмахиваться, в какой бы ипостаси ни был. Работа в областной Думе дает возможность жить проблемами не только своего хозяйства, но и заботами страны и региона. Это для меня интересно и полезно.

— Пользу и успешность любого дела определяют люди...

— У нас в «ЭкоНиваАгро» замечательная команда — мне с нею легко работать. Это, прежде всего, мои заместители: по производству — Алексей Фомин, по социальным вопросам — Валентина Шевцова, по финансам — Роман Володин, он принял на себя всю нагрузку из Воронежского офиса компании. А еще — руководители хозяйств Роман Литвинов, Александр Нестеренко, Александр Кореньяев, шеф-монтажник Александр Бенц, начальник управления строительства Олег Печников. Все это люди, уважаемые и в коллективе, и населением.

МИХАЛЫЧ

Рассказать о нем хотелось уже давно — слишком незаурядным казался мне этот человек. Но всякий раз мои желания наталкивались на его стеснительную обезоруживающую улыбку: «Напишите лучше о наших людях, «тельмановцах», — они в большей степени, чем я, заслуживают того». И в этом весь он — Иван Михайлович Старых, председатель лискинского колхоза имени Тельмана, депутат районного Совета народных депутатов.

Поэтому к рассказу о нем я шел длинным окружным путем — через беседы со знающими его людьми, через цифры экономических показателей его хозяйства, через сравнительный анализ того, что было в Аношкино до и стало при Иване Старых. Свои рассказы о нем мои собеседники — коллеги-руководители, агрономы, специалисты сельхозуправления, главы сельских поселений и директора школ — словно сговорившись, заключали одной и той же фразой, звучавшей в разных вариациях, но всегда с уважительной уверенностью: «С ним и в разведке надежно...»

Надежность... Это редкое теперь человеческое качество, наверно, и стало одним из основных слагаемых «аношкинского феномена», когда почти до основания раздолбанное реформами хозяйство, приютившееся у донских плесов под боком у Нововоронежа, всего за четыре года работы в нем Ивана Старых из тыла отступающих, полуживых вдруг с отчаянной дерзостью устремилось вперед, к своему возрождению. Чтобы открыть хозяйству «второе дыхание» и вдохновить людей на прорыв, иному хозяйственнику-руководителю и десятилетки мало. Пересчитать хозяйства, бестолково загнанные «до мыла» собственниками-инвесторами за годы бесконечных реформ, в той же Воронежской области — пальцев на руках не хватит.

Ну, что значит за четыре года на песчаных аношкинских землях поднять валовой сбор зерна почти в пять раз — с 4515 центнеров до 20209?! Оценить это в полной мере, наверно, смогут только специалисты. Читателю же, не посвященному в премудрости хозяйственной экономики, гораздо понятнее будут такие цифры: за этот период «тельмановцы» практически с нуля достигли прибыли в 5 миллионов

890 тысяч рублей, а зарплата селян увеличилась в разы. А продвинулась из четвертой во вторую группу финансовой устойчивости предприятия? А надаивать от каждой фуражной коровы вместо «птичьих» 1985 кг молока по 5755 килограммов? А произвести его вместо жалких сотен килограммов до 2,5 тысяч тонн за год?

И этих удивленных и удивляющих «а» в экономических показателях хозяйства за последние годы — не счастье. А ведь за сучими, хотя и впечатляющими цифрами — труд руководителя и поверивших в него людей, которых нужно было убедить, вдохновить, повести за собою личным примером. А он, Иван Старых, и ведет их. Не кнутом окриков и понуканий, а вот такой же мягкой обезоруживающей улыбкой человека, знающего, куда и зачем он идет. Прежде всего, своей работой, жизнью своей.

С четырех утра — на фермы, в кормоцеха. От него, специалиста с двумя высшими сельхозобразованиями, не ускользает любая мелочь. Потому рацион для коров — только сбалансированный, с комбикормами, а не с соломой по старинке. Молоко переработчикам — только охлажденное, высшего качества, за которое не грех просить цену и подороже. Поле — только ухоженное, прикапанное. Его стыдливо-скромную председательскую «Ниву» (а ведь давно мог бы уже и на «Шевроле» пересесть) можно увидеть и у ферм, и на сенокосном лугу, и на стерне только что убранного поля. Сутки, что ли, у него особые, резиновые, — везде успевает.

«Не увидишь обстановку собственными глазами в разных уголках хозяйства — вычеркивай из жизни напрасно прожитый день», — улыбается Иван Михайлович. И в этих словах его нет ни красования, ни недоверчивой подозрительности к сельским специалистам, потому что говорит их не расчетливый прагматик, а жадный к работе хозяин, считающий себя лично ответственным за все, что творится в его хозяйстве. И вдруг начинаешь понимать: вычеркивай часто Иван Старых из своей жизни «напрасно прожитые дни» — не было бы у «тельмановцев» сегодня ни шансов выжить, ни обнадеживающей зарплаты, ни веры людей в завтрашний день.

«Он — хозяин что надо! — не нарадуются им ведущие специалисты райсельхозуправления. — Каждый дельный совет воспримет и выполнит аккуратно». Лучший агроном

района, лауреат премии «Золотой фонд Воронежской области», директор одного из лучших российских хозяйств СПК «Лискинский» Александр Аносов о своем коллеге отзывается с категоричной уверенностью:

— Это один из перспективнейших руководителей, если до таких впечатляющих результатов смог докарабкаться сам. Мне нравится его подход к людям и делу, за которое он взялся по-мужички крепко. В грудь себя не бьет и не стонет от тяжести — а дела сами за него говорят. Помню, только он принял хозяйство, сразу же приехал порасспросить, посоветоваться — не зазорно ему это. Ладит с людьми и со своими специалистами, потому в него верят и люди, и земля. Редко таких сейчас встретишь, но на них надежно можно положиться...»

Рассказывают, года два назад совсем уж «затухающие» соседи, у которых предшествующий хозяин-инвестор даже бороны ржавые распродал за долги, в самый канун предзимья обратились к Ивану Михайловичу: выручай, мол, председатель, «белые мухи» на подлете, а у нас на взмете зяби не то что трактора нет, но даже конь не валялся. Михалыч, как уважительно называют его меж собою даже пожилые аношкинцы, хотя и дома было еще полно работы, велел четыре мощных «Кировца» направить соседям на помощь. Запас солярки своей сжег на тяжких тех полях, но к снегу пашню подняли. Однако подвел его сосед-проситель: не только за солярку, с трактористами даже с нового урожая не рассчитался, пришлось Ивану Старых им из кассы своего хозяйства платить. Бывают такие люди: тонут — топор сулят, а вытащишь их — топорщица им жалко. Другой крепко поскандалил бы с необязательным и скупым коллегой. Иван Михайлович только рукой махнул: дескать, потом сочтемся. А, может, это свойство такое у той самой надежности, о которой говорил Аносов — великодушие? Нужно, — так Иван Старых снова свою ношу бросит, а другим плечо подставит. «Земля, — говорит он, — и люди на ней не должны быть заложниками человеческих слабостей и пороков». Видно, потому и верят «тельмановцы» своему председателю, что увидели в нем не очередного залетного временщика, а основательного хозяина, радеющего о будущем села. И то сказать: удержать людей при земле, под боком у благополучного Нововоронежа, — это тоже ведь дорогого стоит.

Как-то так нескладно последние десятилетия получается: вроде как безрукие и безголовые крестьяне наши. Только и слышно: инвестор надежный селу нужен. Это при воронежских-то плодоносных землях да при извечной способности селян вкалывать до седьмого пота?

«Да, — считает Иван Старых, — селу, земле нужны для подъема и деньги, и поддержка государства. Но главными инвесторами, которых ждет сегодня земля, должны стать не просчитанные толстосумы, а человеческая душа, деятельно болеющая за село, и ум неравнодушных к земле трудяг-специалистов». Потому-то и сам он не ограничивает свои заботы одними лишь фермами и полем.

— От него никогда не услышишь слова «нет», — рассказывают о Старых руководители окрестных школ. — Его слова и обещания всегда надежны, поэтому в нем, как в депутате нашем, мы точно не ошиблись. Школу в Почепском обеспечил туристическим инвентарем. Нашел деньги на оргтехнику для Бодеевской СОШ. Для аношкинских ребятишек выделяет продукты питания и транспорт для экскурсий и соревнований. Профинансировал поездку в Москву школьница Жени Новичихина из Дмитриевки на передачу «Умники и умницы». Поддержал средствами основательный ремонт сельского Дома культуры в Аношкино...

А глава Почепской сельской администрации Валентина Бокова за всех односельчан благодарит Ивана Михайловича за помощь в выведении из-под конкурсного управления и приватизации 26 домов селян. Ветераны войны и труда говорят ему спасибо за безвозмездную подписку на газеты.

За добрые дела орден не дают, потому как дела эти — суть человеческая: они или есть, либо их нет. А вот за экономические прорывы, подобные «тельмановским», четверть века назад — и знамя переходящее бы, и медалей звон. «Не до ордена — жила бы Родина» — это, может, и громко, но это тоже о нем — Иване Михайловиче Старых, председателе, так и не окрестившемся стыдливо в угоду времени от названия хозяйства с коммунистическим именем.

Идет по земле человек, знающий себе и своему делу цену. Красиво идет, уверенно и основательно. И рядом с ним надежно и людям, и земле. Потому что он идет побеждать.

Департамент культуры Воронежской области

**Государственное бюджетное учреждение культуры Воронежской области
«Журнал «Подъём»**

Директор-главный редактор Щёлоков И.А.

Редакция вступает в переписку только с авторами, материалы которых приняты к публикации. Рукописи не рецензируются и не возвращаются.

За достоверность фактов несут ответственность авторы статей. Их мнения могут не совпадать с точкой зрения редакции.

Авторы присылаемых материалов должны сообщить редакции: краткую биографическую справку; домашний адрес с почтовым индексом; день, месяц, год своего рождения; паспортные данные (серия, номер, кем и когда выдан, регистрация); ИНН и номер страхового свидетельства.

Редакция просит авторов присылать электронную версию своих произведений с обязательной распечаткой текста. Рукописи без распечатки не принимаются. Параметры набора: 14-й кегль через 1,5 интервала в формате Word.

Корректор Кобелева Л.В.

Компьютерная верстка Вовчаренко И.К.

Телефоны редакции: директор-главный редактор — 228-64-12 / 8-903-858-64-12, заместитель директора-главного редактора, ответственный секретарь, отдел поэзии — 228-64-15 / 8-903-858-64-15, отдел прозы, корректор, отдел верстки — 228-64-09 / 8-903-858-64-09, бухгалтерия — 228-64-13 / 8-903-858-64-13, производственный отдел — 228-64-16 / 8-903-858-64-16.

Электронный адрес журнала «Подъём»: podiem@mail.ru

Сайт журнала «Подъём»: <http://www.podiemvrn.ru>

Электронный архив журнала с №1, 2001 г. по №6, 2008 г.: <http://www.pereplet.ru/podiem>
ISSN 0130-8165.

Журнал «Подъём»

Главный редактор **И.А. Щёлоков**

№ 9. Подписано в печать 03.09.2018.

Дата выхода в свет: .

Индекс 73312.

Тираж 800 экз.

Формат 70x100 1/16. Бумага офсетная № 1. Гарнитура «School Book». Печать офсетная.

Усл. печ. л. 18,85 + 0,5 п.л. цв. вкл. Отпечатано с готового оригинал-макета ГБУК ВО журнал «Подъём». Заказ № . Цена свободная. 12+.

Адрес редакции: 394030, Воронежская область, г. Воронеж, ул. Кольцовская, 56а.

Адрес издателя ГБУК ВО «Журнал «Подъём»: 394030, Воронежская область, г. Воронеж, ул. Кольцовская, 56а.

Адрес типографии ООО «Фаворит»: 394036, г. Воронеж, ул. Трудовая, д. 50, к. 10.

Журнал «Подъём» зарегистрирован Министерством печати РФ. Свидетельство № 331 от 12.11.1990 г.

Учредитель (соучредители): Союз писателей Российской Федерации; Трудовой коллектив редакции журнала «Подъём».

*Рассылку журнала осуществляет цех экспедирования печати
Воронежского главпочтамта: 394068, г. Воронеж, ул. Лизюкова, 2, ЦЭП.*

*Во всех случаях полиграфического брака в журнале обращаться
в ООО «Фаворит».*